STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2022

№ 1 (51) || January

#1 (51) || Январь

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2022-51-1-1-240

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

доктор филол. наук, профессор, декан философского факультета университета

им. Палацкого г. Оломоуц Зденек Пехал (Чешская республика)

канд. филол. наук, редактор Е.В. Раздобурдина

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьефулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Антон Элиаш, канд. филол. наук, проф., *Университет им. Я.А. Коменского в Братиславе (Словакия)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2022. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2022 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Doctor of Philology Professor Zdeněk Pechal
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:
Anton Eliáš PhD, Prof., *Comenius University in Bratislava (Slovenská republika)*
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (Macedonia)
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishevska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

Выдающийся российский полонист Наталья Евгеньевна Ананьева.....	9
Избранная библиография печатных трудов профессора Н.Е. Ананьевой.....	11
Кульпина В.Г. (Москва, Россия) Польская фразеология в словарях: доминантные признаки макро- и микроструктур.....	25
Лифанов К.В. (Москва, Россия) История в языке «Левочских формул присяг» XVI–XIX вв.....	33
Изотов А.И. (Москва, Россия) Рефлексы супина в современном чешском письменном дискурсе: опыт корпусного анализа.....	42
Старикова Н.Н. (Москва, Россия) Сонет и эпос как образцы современной словенской поэзии.....	51
Якушкина Е.И. (Москва, Россия) Семантика подарка в сербском языке и народной культуре.....	61
Браксаторис М., Браксаторисова А. (Словацкая республика, Трнава) Деятельность Самуила Ферьенчика (1793–1855) в культурно-историческом контексте.....	67
Широкова А.А. (Москва, Россия) Заимствования из латинского во флоронимических системах польского, русского и украинского языков.....	80

Фундаментальные исследования

Ковтун Е.Н. (Москва, Россия) Социология фантастики: наблюдения в рамках фантастоведческих курсов в МГУ имени М.В. Ломоносова.....	95
А.А. Коростелева (Москва, Россия) Семантика кинемы ‘качать головой’ как единицы коммуникативной системы русского языка.....	120

Материалы и сообщения

Сергеева А.Б. (Москва, Россия) Словообразование в период пандемии 2020–2021 гг.: приоритеты и особенности (на материале французского языка).....	162
Соловьева Е.В. (Москва, Россия) Научно-методический вклад Ролана Барта в изучение мировой литературы.....	168
Махортова В.А. (Москва, Россия) Образ морской раковины (ракушки) в поэзии Софии де Мелло Брейнер Андресен.....	175
Сюй Инь (Пекин, Китай) Лингводидактический потенциал диахронных данных в преподавании русского языка как иностранного в китайских вузах.....	183
Дроздова П.Б. (Санкт-Петербург, Россия) О некоторых стилистических особенностях итальянской средневековой женской мистики.....	193

Программы

<i>Черепанов Д.Д. (Москва, Россия)</i> Программа учебной дисциплины «Библия и культура»	201
--	-----

События. Имена. Судьбы

<i>Шешкен А.Г. (Москва, Россия)</i> Выдающийся представитель македонской культуры Блаже Конеский (1921–1993): К столетию со дня рождения	215
<i>Мојсова-Чепишевска В. (Скопје, Северна Македонија)</i> Конески и светската славистика	220
<i>Верижникова Е.В. (Москва, Россия)</i> Русские в творчестве Блаже Конеского	226

Критика. Библиография

<i>Михайлова М.В. (Москва, Россия)</i> Душой дитя, судьбой – палач? (рецензия на премьерный спектакль «Рассказ о семи» по повести Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных»)	237
---	-----

Contents

Articles

Outstanding Russian Polonist Natalia Evgenievna Ananyeva.....	9
Selected Bibliography of the Works of Professor N.E. Ananieva	11
<i>Kulpina V.G. (Moscow, Russia)</i> Polish Phraseology in the Dictionaries: Dominant Features of Macro and Micro Structures	25
<i>Lifanov K.V. (Moscow, Russia)</i> History in the language of “Levoča Formulas of Oaths” from the 16 th –19 th centuries.....	33
<i>Izotov A.I. (Moscow, Russia)</i> Supine Remnants in Modern Czech Written Discourse: Corpus-based Study	42
<i>Starikova N.N. (Moscow, Russia)</i> Sonnet and Epic Poems as Forms of Contemporary Slovenian Poetry	51
<i>Yakushkina E.I. (Moscow, Russia)</i> The Semantics of Gift in the Serbian Language and Serbian Folk Culture	61
<i>Braxatoris M., Braxatorisová A. (Slovak Republic, Trnava)</i> Activity of Samuel Ferjenčík (1793–1855) in the Cultural-historic Context	67
<i>Shirokova A.A. (Moscow, Russia)</i> Borrowings from Latin in the Floronymic Systems of Polish, Russian and Ukrainian Languages	80

Fundamental Research

<i>Kovtun E.N. (Moscow, Russia)</i> The Sociology of Science Fiction and Fantasy: Monitoring Within Science Fiction and Fantasy Studies Classes at Lomonosov Moscow State University	95
<i>Korosteleva A.A. (Moscow, Russia)</i> Semantics of “Shaking One’s Head” Gesture as a Unit of Russian Communicative System.....	120

Communications and Materials

<i>Sergeeva A.B. (Moscow, Russia)</i> Word Formation during the Pandemic 2020–2021: Priorities and Features (based on the material of the French language).....	162
<i>Solovieva E.V. (Moscow, Russia)</i> Roland Barthes’s Scientific and Methodological Contribution to the Study of World Literature.....	168
<i>Makhortova V.A. (Moscow, Russia)</i> The Image of Sea-shell in the Poetry of Sophia de Mello Breiner Andresen	175
<i>Xu Yin (Beijing, China)</i> Linguodidactic Potential of Diachronic Data in Teaching Russian as a Foreign Language in Chinese Universities	183
<i>Drozdova P.B. (St. Petersburg, Russia)</i> On Some Stylistic Peculiarities in Medieval Mystic of Italian Female Writers	193

Programs

<i>Cherepanov D.D. (Moscow, Russia)</i> The Program of the Academic Discipline “Bible and Culture”	201
---	-----

Events. Names. Destiny

<i>Sheshken A.G. (Moscow, Russia)</i> Blaze Koneski (1921–1993 the Great Macedonian Culture Person: On the Centenary of His Birth	215
---	-----

<i>Mojsova Chepishavska V. (Skopje, Northern Macedonia)</i>	
Koneski and World Slavic Studies.....	221
<i>Verizhnikova E.V. (Moscow, Russia)</i> Russians in the Work	
of Blazhe Konesky.....	226

Critique. Bibliography

<i>Mikhailova M.V. (Moscow, Russia)</i> A Child in Soul, an Executioner by Fate?	
(review on the premiere performance of “The Story of the Seven”	
based on Leonid Andreev’s “The Story of the Seven Who were Hanged”).....	237

Статьи

Articles

**Выдающийся российский полонист
Наталия Евгеньевна Ананьева**

Outstanding Russian Polonist Natalia Evgenievna Ananyeva

Развитие полонистики в России на протяжении полувека неразрывно связано с именем Наталии Евгеньевны Ананьевой. Выдающийся российский лингвист, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, она в декабре 2021 года отметила свой 75-летний юбилей.

Воспитанница кафедры славянской филологии, Наталия Евгеньевна продолжает и развивает традиции лингвистической школы филологического факультета, своих учителей, в первую очередь известного слависта профессора С.Б. Бернштейна, под руководством которого она написала кандидатскую диссертацию «Альтернативы в парадигмике существительных польского говора деревни Гайде Игналинского района Литовской ССР» (1975). Значительным вкладом в науку стала докторская диссертация Наталии Евгеньевны – «Префиксальные глаголы в древнепольском языке (XIV–XV вв.) и современных польских диалектах. Опыт семантико-синтаксического анализа» (2001). Свыше 250 научных трудов, опубликованных в России и за рубежом, демонстрируют широкий круг научных интересов Наталии Евгеньевны, свидетельствуют о ее высокой творческой активности и самоотверженной преданности славистике и полонистике.

За почти полувековую преподавательскую деятельность на филологическом факультете она воспитала целый отряд полонистов и славистов: вела (и до сих пор продолжает вести) практические занятия по польскому языку, прививая любовь к нему студентов с первых их шагов в университете. Наталия Евгеньевна разработала и прочитала для студентов, магистрантов и аспирантов славянского отделения десятки теоретических и специальных курсов, в том числе «История и диалектология польского языка», «Польская диалектная стилизация», «Славянская ономастика», «Проблемы вида и способов глагольного действия в славянских языках», «Польская лингвистическая география», «Польская диалектная лексикография», «Функциональные стили польского языка», «Лингвистика и естественные науки», «Инославянские языковые элементы в гипертексте русской литературы XIX–XXI вв.», «Язык польской рекламы», «Язык польских СМИ» и др. Под ее руководством защищены многие дипломные работы, а также ряд магистерских и кандидатских диссертаций. Ее ученики продолжают традиции своего научного руководителя. Наталия Евгеньевна – автор востребованных в нашей стране учебников и учебных пособий по практическому польскому языку и по ключевым теоретическим проблемам полонистики.

Наталия Евгеньевна заслужила авторитет и признание в научной среде: она член Диалектологической комиссии при Международном комитете славистов, участвует в работе редколлегии международных научных журналов в Польше, Сербии, Белоруссии. Многие годы она заместитель председателя диссертационного совета филологического факультета по русскому и славянскому языкознанию, является членом Ученого совета Московского университета (с 2001 г.). Деятельность Наталии Евгеньевны в области популяризации польского языка и культуры получила высокую оценку в Польше. Она награждена целым рядом государственных наград Республики Польша: кавалерским крестом Ордена Заслуги Республики Польша (1999), медалью Комиссии национального образования (2003), медалью польского общества «Польша – Восток» (2012).

Целое десятилетие – с 2011 г. – Наталия Евгеньевна руководит кафедрой славянской филологии, сохраняя и приумножая славные традиции научного и педагогического коллектива. Сохранение и развитие отечественной славистики является одним из главных приоритетов научной, организационной и административной деятельности профессора Н.Е. Ананьевой.

Коллектив кафедры славянской филологии поздравляет Наталию Евгеньевну с юбилеем, желает ей доброго здоровья, талантливых учеников и последователей и новых научных свершений.

Кафедра славянской филологии

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

**Избранная библиография
печатных трудов профессора Н.Е. Ананьевой**

Selected Bibliography of the Works of Professor N.E. Ananieva

КНИГИ

Польский язык в школе. Познань, 1998. 144 с. (в соавт. с О.Н. Шапкиной, В.Я. Тихомировой).

Славянские языки для абитуриентов. Вып. 1. Болгарский язык. Польский язык / Н.Е. Ананьева, В.П. Гудков, О.А. Ржанникова, Е.В. Тимонина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.

Краткий очерк истории синтаксиса польского языка. М.: Книга и бизнес, 2008.

История и диалектология польского языка (программа курса История и диалектология польского языка для студентов славянского отделения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008 (в соавт. с А.С. Посвянской).

Польский язык. Самоучитель для начинающих. М.: АСТ-Пресс 2010 (в соавт. с Т.С. Тихомировой).

Studia Kresowe t.1 Język-Literatura-Historia. Zielona Góra / N. Ananiewa, W. Mańczak, K. Morita et al. Warszawa, 2010.

История и диалектология польского языка. 4-е изд., испр и доп. М.: URSS, 2013.

Jak zwracają się do siebie Europejczycy / Red. M. Marcjanik; N. Ananiewa, M. Łaziński, K. Sikora et al. Warszawa, 2013.

Studia Kresowe: Literatura. Język. Kulturologia / N. Ananiewa, K. Grabias-Banaszewska, R. Sztyber et al.; Zielonogórski Uniwersytet. Zielona Góra, 2018. 210 p.

* * *

Некоторые особенности польского говора села Майшегала Вильнюсского района Литовской ССР // Польские говоры в СССР. Ч. II. Минск: Наука и техника, 1973.

Морфонологические чередования в польском говоре деревни Гайде Игналинского района Литовской ССР (общие принципы) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1974. № 1.

Деклинационные типы субстантивов в одном периферийном польском говоре // Славянская филология: Сб. статей. Вып. X. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

Некоторые морфонологические модели отыменных прилагательных в периферийных польских говорах (прилагательные-деадъективы, образованные суффиксальным способом) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1977. М.: Наука, 1979.

Некоторые морфонологические модели десубстантивных прилагательных в периферийных польских говорах (прилагательные, образованные суффиксальным способом) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М.: Наука, 1981.

Об изучении юго-восточной разновидности периферийного польского диалекта в ПНР (работы 70-х годов) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1979. М.: Наука, 1981.

Чередования в парадигме настоящего времени глагола польского говора деревни Гайде Игналинского района Литовской ССР // *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. I. Ossolineum. Wrocław i in.: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1982.

К вопросу о диалектной принадлежности говора двух польских сел на территории Украинской ССР // *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. II. Ossolineum. Wrocław i in.: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1983.

Некоторые особенности фонетической интерференции у полилингвов одного польского говора // *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. II. Ossolineum. Wrocław i in.: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1983.

Об изменении k' g' в t' d' в польском говоре двух сел Хмельницкого района Хмельницкой области УССР // *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. III. Ossolineum. Wrocław i in.: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984.

Презентная парадигма глагола в польских периферийных говорах Казахстана // *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. III. Ossolineum. Wrocław i in.: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984.

Морфонологические типы субстантивных парадигм в современном чешском литературном языке // Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение. М.: Наука, 1987.

О некоторых типах ошибок у студентов-филологов, изучающих польский язык // Теория и практика изучения славянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

Вариантность и синонимия в названиях частей тела в польских говорах Казахстана // *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. V. Ossolineum. Wrocław i in.: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1989.

Новый труд украинских славистов // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 1989. № 3. С. 88–92 (в соавт. с К.В. Лифановым, Г.И. Замятиной).

Польские говоры на территории СССР (лексический и картографический аспекты) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1991. № 1.

К вопросу о префиксальных девербативных глаголах в «польщизне кресовой» // *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. VI. Ossolineum. Wrocław i in.: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1992.

О некоторых принципах описания префиксальных глаголов древнепольского языка // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Ч. II. Гродно: Изд-во Гродненского госуниверситета, 1992.

Префиксальные глаголы «деструктивной» семантики в древнепольском языке // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1993. №3.

Mowa młodszej generacji użytkowników polszczyzny kresowej odłamu południowo-wschodniego jako przykład gwary przejściowej // Gwary mieszane i przejściowe na terenach słowiańskich. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1993.

Mikrotoponimia w gwarach polskich pogranicza słowiańsko-bałtyckiego // Systemy onomastyczne w słowiańskich gwarach mieszanych i przejściowych. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1993.

Функционирование форм прошедшего времени в глаголах совершенного вида со значением повторяемости в польском языке (в сопоставлении с русским) // Исследования по глаголу в славянских языках. Типология и сопоставление. Варшава: Изд-во Варшавского университета, 1993.

Об одной функционально-семантической особенности польского глагола // Сборник от научни трудове, посветен на седемдесетгодишнината професор Мирослав Янакиев. София: Издательство Софийского университета, 1993.

О некоторых особенностях глагола в польских говорах окрестностей Видз // Dialektologia Slavica: Сб. к 85-летию С.Б. Бернштейна. Исследования по славянской диалектологии 4. М.: Индрик, 1995.

Fleksja czasownika w gwarze wsi Maćkowce i Szaróweczka na Podolu // Studia nad polszczyzną kresową. T. VIII. Warszawa: Semper, 1995.

О некоторых принципах описания префиксальных глаголов в польском языке // Славистички студии 6–7 / Универзитет «Св. Кирил и Методиј». Филолошки факултет. Скопје, 1995.

О функционировании претеритальных форм совершенного вида со значением повторяемости в польских идиалектах // Материалы и исследования 1989–1993. М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 1996.

O niektórych typach polskich gwar na Ukrainie i metodach ich badań oraz o przyszłym Atlasie polskich gwar kresowych // Język polski dawnych Kresów Wschodnich. T. 1. Studia i materiały. Warszawa: Semper, 1996.

Zoonimia w polskich gwarach pogranicza bałto-słowiańskiego // Rozprawy Slawistyczne 11. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1996.

Kilka uwag o czasowniku w polskich gwarach okolic Widz // Białostocki Przegląd Kresowy. T. IV. Słowiańszczyzna w badaniach filologicznych. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 1996.

Приставочные глаголы с префиксом до-/do- в современном польском и русском языках // Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики / Филологический факультет Московского государственного университета. М.: Филология, 1996.

O niektórych zasadach i metodach intensyfikacji nauczania języka polskiego jako obcego // Język polski w kraju i za granicą. T. II / Uniwersytet Warszawski. Warszawa: Dom Wydawniczy «ELIPSA», 1997.

Zjawisko interferencji w początkowym etapie nauczania języka polskiego w środowisku rosyjskojęzycznym // Nauczanie języka polskiego jako obcego: Materiały z konferencji Grupy «Bristol». Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997.

О роли фактора сочетаемости в сопоставлении славянских языков // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. М.: Диалог-МГУ, 1997.

О принципах описания древнепольского префиксального глагола // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998.

Проблемы сопоставительного анализа префиксальных глаголов в языках древнего периода (на материале префиксальных глаголов с до-|do- в древнепольском, древнечешском и древнерусском языках // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.

Некоторые итоги и перспективы изучения польского периферийного диалекта. Конфронтативная грамматика двух его разновидностей. Словарь. Атлас // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 3. К XIII Международному съезду славистов в Кракове 27 августа – 3 сентября 1998 г. М., 1998.

О проекте Атласа польских говоров Белоруссии, Литвы и Украины // Исследования по славянской диалектологии 5. Актуальные проблемы славянской лингвогеографии / Институт славяноведения РАН. М., 1998.

Miejsce i funkcje przezwisk w słowiańskich systemach onomastycznych (na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego) // Rozprawy Slawistyczne 14. Przewiska i przydomki w językach słowiańskich. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1998.

К вопросу о пространственных способах глагольного действия в славянских языках // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте: Сб. материалов международной российско-македонской научной конференции (Москва, 15–16 сентября 1998 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Префиксальные глаголы в художественном тексте (на примере произведений русской и польской литератур) // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы II Международной научной конференции, 7–9 апреля 1999 г. Минск: В 3 ч. Ч. 2. Минск: Изд-во Белорусского государственного университета, 1999.

Изменения в лексике современного польского языка (70–80-е годы) в лингвистическом аспекте // Соповещение-семинар преподавателей славянских языков: Информационные материалы и тезисы докладов (Москва, 19–20 октября 1999 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Jeszcze raz w sprawie «Atlasu kresowych gwar polskich (mapa ‘nietoperza’))» // Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim. Warszawa: Semper, 2000.

О функционировании претеритальных форм совершенного вида со значением повторяемости в польских диалектах (II часть) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1994–1998 / Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН. М., 2000.

Pojęcie compositum historycznego i synchronicznego w onomastyce oraz inne wielokładnikowe nazwy własne (na materiale języka polskiego i rosyjskiego) // Rozprawy Slawistyczne 16. Słowiańskie composita antroponimiczne. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2000.

O polszczyźnie Ukraińców okolic Dynowa w okresie międzywojennym // *Studia nad polszczyzną kresową*. T. IX. Warszawa: Semper, 2001.

Профессор С.Б. Бернштейн и польская славистика // *Филологический сборник памяти профессора Самуила Борисовича Бернштейна: к пятилетию со дня кончины*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.

Słownictwo gwar kresowych w ujęciu leksykograficznym // *Studia Slawistyczne* 3. Wielojęzyczność na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2002.

Dialektologia polska jako składnik kształcenia slawistycznego na Uniwersytecie Moskiewskim im. M. Łomonosowa // *Łódzkie Towarzystwo Naukowe. Prace Wydziału I. Językoznawstwo. Nauki o Literaturze i Filozofii*. № 101. Łódź: Wydawnictwa Łódzkiego Towarzystwa Naukowego, 2002.

Восточнославянские элементы в Атласе польских говоров Литвы, Белоруссии и Украины // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 8. М.: Индрик, 2002.

O zasadach opisu leksykograficznego gwar kresowych // *Gwary dziś* 2. Regionalne słowniki i atlasy gwarowe. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2003.

Роль данных глагольного словообразования в современных западнославянских диалектах для изучения исторических процессов славянской глагольной деривации // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов*. Любляна, 2003 г.: Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003.

О методах изучения и описания смешанных и переходных говоров (на примере польских говоров в зоне контакта с восточнославянскими и балтийскими языками) // *Proceedings of the third International Congress of Dialektologists and Geolinguists*. Lublin 2000. Vol. I. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2003.

Морфонологические типы субстантивных парадигм, функционирующие в подсистеме иноязычной лексики чешского языка и в его обиходно-разговорной разновидности // *Славянский вестник*. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Słownictwo fitonimiczne (nazwy roślin) w polskich gwarach kresowych // *Języki mniejszościowe i języki regionalne*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2003.

О польском языке в произведениях русской литературы XIX в. (на примере творчества В.Г. Короленко) // *Славянский вестник*. Вып. 2: К 70-летию В.П. Гудкова. М.: МАКС Пресс, 2004.

Оппозиция «душа – тело» в западнославянских языках // *Материалы научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ имени М.В. Ломоносова Р.Р. Кузнецовой и А.Г. Широковой*. М.: МАКС Пресс, 2004.

О современных методах изучения периферийных крестьянских польских говоров // *Исследования по славянской диалектологии* 9. Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. М.: Институт славяноведения РАН, 2004.

Дистрибутивный способ глагольного действия в древнепольском языке // *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*. Т. 4. М.: МАКС Пресс, 2004.

Глагол в польском говоре окрестностей Видз // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2001–2002 / Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН. М., 2004.

Некоторые особенности преподавания польского языка в русскоязычной аудитории // Методика преподавания славянских языков и литератур как иностранных с применением технологии диалога культур. Томск: Изд-во Томского госпедуниверситета, 2004.

О профессоре С.Б. Бернштейне и его мемуарах // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2004. № 2.

Польские языковые элементы в русской литературе XIX–XX вв. // Славянская филология и современность: Материалы Международной науч. конф. 3–4 июня 2004 г. Барнаул: Изд-во Барнаульского госпедуниверситета, 2004.

Древнепольские архаизмы в польских диалектах XX в. // Исследования по славянской диалектологии 6. Славянская диалектология и история языка. М.: Институт славяноведения РАН, 2005.

Концепт *желание* в польском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005.

Лексика польских говоров восточнославянского и балтийского пограничья в лексикографическом аспекте // Proceedings of the 4th International Congress of Dialectologists and Geolinguists. Материалы 4-го Международного конгресса диалектологов и геолингвистов. Рига, 28 июля – 2 августа 2003 / Latvian Language Institute, University of Latvia. Riga, 2006.

Przestrzeń onomastyczna współczesnych gwar kresowych odłamu północno-wschodniego i jej odbicie w utworach T. Konwickiego // Onimizacja i apelatywizacja. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006.

Zróżnicowanie pokoleniowe polskich gwar kresowych (wybrane zagadnienia) // Gwary dziś 3. Wewnętrzne zróżnicowanie języka wsi. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2006.

О функционировании претеритальных форм совершенного вида со значением повторяемости в польских диалектах (3 часть) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2003–2005 / Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН. М., 2006.

O Polonicum i polonikach słów kilka // Na chwałę i pożytek nasz wzajemny. Złoty jubileusz Polonicum. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2006.

Czy gramatyka historyczna języka polskiego może być dyscypliną ciekawą dla współczesnego studenta? // Rozprawy Komisji Językowej. T.LI. Diachronia w badaniach nad językiem i w dydaktyce szkoły wyższej. Część I. Łódź: Wydawnictwa Łódzkiego Towarzystwa Naukowego, 2006.

Древнепольские префиксальные глаголы с обобщенным лексическим значением «делать» // Славистички студии 12 / Универзитет «Св.Кирил и Методиј». Филолошки факултет. Скопје, 2006.

O polskich gwarach Syberii: projekt badawczy // Acta Baltico-Slavica XXXI. Tom dedykowany Pani Profesor I. Grek-Pabisowej. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2007.

Язык А. Мицкевича и польские периферийные говоры // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М.: Наука, 2007.

Prasa mniejszości narodowej polskiej (na przykładzie periodyków Południowej Ukrainy i Syberii) // Zeszyty łuzyckie. T. 41. Europejskie mniejszości etniczne. Łużyczanie jako mniejszość wzorcowa. Część I. Warszawa, 2007. P. 73–88.

Периферийные польские диалекты как результат взаимодействия с восточно-славянскими и балтийскими языками // Исследования по славянской диалектологии. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта в прошлом и настоящем / Институт славяноведения РАН. М., 2008. С. 72–79.

О функционировании претеритальных форм совершенного вида со значением повторяемости в польских диалектах (4 часть) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2006–2008 / Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН. М., 2008. С. 145–153.

Место междометий в преподавании инославянских языков в русскоязычной аудитории на материале польского языка (методическая разработка к учебнику польского языка для филологов) // Язык – образование – культура – общество: от идеи к реализации: Материалы 2-й Межвузовской научно-методической конференции. 24 апреля 2008 г. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2008.

К типологии славянских периферийных диалектов, межславянских и славяно-иноязычных контактов (на материале некоторых западнославянских и южнославянских языков) // Славянское языкознание. 14-й международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г.: Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 7–27.

Балтизмы в говорах балто-славянского пограничья // *Latgale kulturas pierobeža / Daugavpils universitates. Daugavpils: Saule, 2008. С. 354–361.*

Новая отонимическая лексика в современных славянских языках // II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Москва. МГУ имени М.В. Ломоносова. Филологический факультет. 24–26 марта 2009 г.: Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.

Понятие ‘страсть’ как компонент категории оптативности (на материале польского, русского и чешского языков) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / Редколл.: В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кульпина. Вып. 38. М.: Макс Пресс, 2009.

Морфологические последствия некоторых фонетических явлений в польских периферийных говорах // Исследования по славянской диалектологии. 14. Фонетический аспект изучения славянских диалектов / Институт славяноведения РАН. М., 2009.

К сопоставительному изучению лексики славянских языков: некоторые компоненты лексико-семантического поля желание в польском и русском языках // Методика преподавания славянских языков с использованием технологии диалога культур: Материалы III Международной научной конференции (16–18 октября 2008 г.) / Под ред. И.В. Никиенко и О.В. Орловой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009.

Западнославянские диалектизмы в этимологическом словаре славянских языков. Праславянский лексический фонд // Славянский вестник. Вып. 3. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 177–185.

XIV Международный съезд славистов // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2009. № 3. С. 158–165 (в соавт. с А.Г. Шешкен).

Relacja homonimia – apelatywizacja i zjawiska pokrewne na materiale języka polskiego i rosyjskiego // Słowiańskie homonimy apelatywno-onimiczne i onimiczno-onimiczne w diachronii i synchronii. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2009. P. 19–26.

О сопоставительном изучении морфонологических вариантов некоторых славянских предлогов // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы: Сб. научных статей. Волгоград, 2010. С. 36–46.

Новая отонимическая лексика в современных славянских языках // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / Под ред. Е.В. Петрухиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 301–316.

Концепт ‘начало’ в польском и русском языках // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2010 г.). Труды и материалы. М., 2010.

Концепт ‘начало’ в сопоставительном аспекте // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. № 910, частина 1. Мовознавство. Літературознавство. Харків, 2010. С. 84–90.

Wykrzykniki i wyrazy o charakterze wykrzyknikowym w nauczaniu polszczyzny w środowisku rosyjskojęzycznym // Polonistyka bez granic, t. 2. «Glottodydaktyka polonistyczna – współczesny język polski – językowy obraz świata». Vol. 2. Kraków: Universitas, 2010.

Польские языковые элементы в русской художественной литературе // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М.: Квадрига, 2011. С. 11–23.

О некоторых компонентах лексико-семантического поля ‘желание’ в русском и польском языках (русс. жажда, польск. pragnienie) // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. М.: Индрик, 2011. С. 11–26.

Некоторые лексические и другие особенности поэтического языка Юлиуша Словацкого // Юлиуш Словацкий и Россия. М.: Индрик, 2011. С. 182–192.

Мазуры // Большая Российская Энциклопедия. Т. 18. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2011. С. 452–453.

Фрагмент диалектной морфонологии польского говора дер. Вершина под Иркутском // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д. ф. н., проф. С.Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г. / Институт славяноведения РАН. М., 2011. С. 47–48.

С.Б. Бернштейн – профессор Московского университета // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося

отечественного слависта д.ф.н., проф. С.Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г. / Институт славяноведения РАН. М., 2011. С. 3–5.

Gwarowe postacie niektórych onimów w gwarach polskich (na przykładzie polszczyzny kresowej Dwińska i wsi okolicznych oraz polskiej gwary wyspowej na Syberii) // Z zagadnień językoznawstwa słowiańskiego. Tom dedykowany Profesorowi Stefanowi Warchołowi. Rozprawy Slawistyczne UMCS 23. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011.

Традиции романтизма, символизма и авангардизма в творчестве Эдварда Стахуры (1937–1979) на примере поэмы «Точка над ипсилоном» // Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда / Институт славяноведения РАН. М., 2012.

Полоноязычные печатные издания и рукописи из собрания Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова как источник сведений по истории польского языка // 2-й Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». М., 2012.

Польские мотивы и польско-украинские языковые элементы в творчестве Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь и славянские литературы. М., 2012. С. 108–125.

Полонистика в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова // Acta Baltico-Slavica. T. 36. Warszawa, 2012. С. 225–233.

Край, конец, берег, мета и др.: к истории слов со значением ‘конец’ в польском и русском языках // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: слово и текст. М., 2012.

Концепт ‘конец’ (на материале польского и русского языков) // Динамическая картина мира: Сб. научных статей участников круглого стола, посвященного памяти доктора филологических наук профессора С.М. Прохоровой. Минск: Издательство Белорусского государственного лингвистического университета, 2012.

Кашубщина: этнолект, диалект, литературный язык // Исследования по славянской диалектологии 15. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде / Институт славяноведения РАН. М., 2012.

Категория ‘начало’ в русском и других славянских языках // Славянский альманах / Институт славяноведения РАН. М., 2012. С. 468–479.

Zjawisko oboczności (wariantowości) jako charakterystyczna cecha współczesnych gwar słowiańskich // Gwary dziś. 6. Aktualne problemy dialektologii słowiańskiej. Prace Komisji Dialektologicznej przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów / Pod red. J. Sierociuka. Poznań, 2012.

Nomina personalia w polskiej gwarze wyspowej i na dawnych kresach wschodnich. próba konfrontacji // Język polski dawnych kresów wschodnich. T. 5. Polskie dziedzictwo językowe na dawnych kresach. Warszawa, 2012. S. 29–37.

Niektóre właściwości polskiej gwary wyspowej na Syberii // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. 58. Łódź, 2012. S. 5–13.

Antroponimy w inskrypcjach nagrobnych nekropolii syberyjskiej wsi Wierszyna na tle antroponimikonu cmentarza na Podolu // W komunikacyjnej przestrzeni nazw własnych i pospolitych. Księga Jubileuszowa dedykowana Prof. Robertowi Mrózkowi. Katowice, 2012. S. 43–59.

Пути-дороги, стёжки-дорожки (номинации дороги в польском и русском языках) // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии / МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет (26–28 ноября 2013 года). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 20–22.

Польские реалии в творчестве М.Ю. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян: Тезисы международной научной конференции. 5–6 ноября 2013 г. / Институт славяноведения РАН. М., 2013.

Оппозиция долгий, длинный, *długi* – короткий, краткий, *krótki* в русском и польском языках // Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: Сборнік навуковых артыкулаў. Віцебск, 2013. С. 3–5.

Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов, Минск. 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 467–478.

Полонизмы в произведениях Дины Рубиной // *Amicus Poloniae*: Памяти Виктора Хорева / Институт славяноведения РАН; Под ред. Н.Н. Стариковой. М.: Индрик, 2013. С. 31–46.

О графике и языковых особенностях польских учебников 1866 г. из собрания редких книг Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестник Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 94–104.

Морфология глагола в польском говоре с. Вершина в Иркутской области // Исследования по славянской диалектологии 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления / Институт славяноведения РАН. М., 2013. С. 203–210.

Teksty Polaków pisane grażdanką w syberyjskiej wsi Wierszyna // *Acta Baltico-Slavica*. Warszawa, 2013. S. 287–298.

O niektórych mikrotoponimach w wyspowej gwarze na Syberii // Nie jedno ma imię... *Prace onomastyczne i dialektologiczne dedykowane Profesor Ewie Wolnicz-Pawłowskiej*. *Prace Językoznawcze Instytutu Filologii Polskiej UKSW*. T. 4. Warszawa, 2013. S. 35–37.

Ода, выбранная из «Иова» М.В. Ломоносова, и русская религиозная гимнография XVIII века // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 7. К 300-летию М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 4–15.

Еще раз о тематическом словаре периферийных польских говоров // Славянская диалектная лексикография: Материалы конференции. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 11–12.

Полонизмы в творчестве Ф.В. Булгарина // *Studia polonoslavica*: К 90-летию со дня рождения Е.З. Цыбенко / Под ред. М.М. Громовой, О.В. Розинской и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 249–262.

Особенности функционирования этнонимов в польской фразеологии // Научное мнение. 2014. № 6. С. 11–15 (в соавт. с О.Н. Зубковой).

Некоторые итоги и перспективы славянской филологии в XXI в. // *Speculum Linguisticum* / Отв. ред. Jan Wawrzyńczyk; под ред. В.А. Татарина. Т. 2. Warszawa: BEL Studio, 2014. С. 9–21.

Кафедра славянской филологии в 2003–2013 гг // *Stephanos*. 2014. № 3(5). С. 80–89.

Полонизмы и польские реалии в военных стихах Давида Самойлова // Вторая мировая война в славянских литературах и языках: Тезисы докладов международной научной конференции. 10–11 ноября 2015 г. / Под ред. Н.Е. Ананьевой; Институт славяноведения РАН. М., 2015. С. 7–8.

Полонизмы в военной прозе Владимира Богомолова // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура / Ред.: Е.Н. Ковтун, С.С. Скорвид, Д.К. Поляков, К.Н. Цимбаев. М.: Полимедиа, 2015. С. 321–336.

Островной польский диалект // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Кн. II. / Фонд Развития фундаментальных лингвистических исследований. М., 2015. С. 9–18.

Некоторые итоги и перспективы славянской филологии в XXI в. // Славянский альманах / Институт славяноведения РАН. Вып. 1–2. М., 2015. С. 260–276.

Гибридные формы в польских диалектах как следствие их контактов с другими языками // Исследования по славянской диалектологии 17 / Институт славяноведения РАН. М., 2015. С. 460–467.

Germanizmy leksykalne w dwóch polskich gwarach wyspowych na Syberii // Gwary Dsiś, 7. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2015. S. 169–176.

О некоторых типах гибридных образований в славянских языках (на материале русского и польского языков) // III Международный научный симпозиум Славянские языки и культуры в современном мире. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.: Труды и материалы / Под ред. М.Л. Ремнёвой. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 197–199.

Польские реалии в творчестве М.Ю. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян / Институт славяноведения РАН. М., 2016. С. 158–165.

Полонизмы в повести И. Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» // Славянский вестник: история и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию сборника «Славянский вестник». Воронеж: Кварта, 2016. С. 65–70.

Лексика польских говоров Сибири (архаизмы и инновации) // Исследования по славянской диалектологии 18. Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов / Институт славяноведения РАН. М., 2016. С. 85–92.

Ars moriendi и ars vivendi в средневековых польских памятниках («Разговор магистра Поликарпа со смертью», «Жалобы умирающего», «Легенда о св. Алексее») // Седьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. М.: Индрик, 2017. С. 2–4.

Польский интертекст в русской литературе XIX–XXI вв // PAX LATINA & PAX ORTHODOXA: Славистические исследования: История, культура, литература: В честь 80-летия со дня рождения Александра Владимировича Липатова / Институт славяноведения РАН. М., 2017. С. 249–262.

Полонизмы в романе А.Я. Бруштейн «Дорога уходит в даль» // Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам первых Хоревских чтений). Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы / Институт славяноведения РАН. М., 2017. С. 313–326.

Сравнительное славянское словообразование: Теоретический и прагматический аспекты // Славяноведение. 2017. №3. С. 116–119.

O chlebie powszednim: nazwy c chleba i wyrobów piekarniczych w języku polskim i rosyjskim // Slavia Wratislaviensia CLXV. Vol. 165 of Acta Universitatis. №3792. Wrocław, 2017. S. 25–32.

Nazwy potraw w polskich gwarach na Litwie, Białorusi i Syberii wobec przemian cywilizacyjnych // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego, tom LXIV. Łódź, 2017. S. 5–12.

Dynamika rozwoju w polskich gwarach wyspowych na Syberii // Dynamika rozwoju gwar słowiańskich w XXI wieku. Vol. 2 of Dialektologia słowiańska / Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 2017. S. 11–17.

Традиции романтизма, символизма и авангардизма в творчестве Эдварда Стахуры (1937–1979) на примере поэмы «Точка над ипсилоном» // Сражения и связи в программах и практике славянского литературного авангарда. М., 2018. С. 289–308.

Производные континуанты от корней *mil-, *l'ub-, *lask- и *koх- в русском и польском языках // Studia Russica XXVI: Материалы Международной лингвистической конференции. Будапешт, 20–21 октября 2017 г. Budapest, 2018. С. 384–390.

Производные континуанты от корней *mil-, *l'ub-, *lask-, *koх- в русском и польском языках (субстантивы, обозначающие понятие 'любовь' // Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН. Вып. 18. Этимология. М., 2018. С. 11–22.

Полонизмы у И.С. Тургенева // Материалы по русско-славянскому языкознанию: к 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева и к 75-летию профессора Г.Ф. Ковалева. Т. 34. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2018. С. 3–8.

Полонизмы в рассказе Н.С. Лескова «Антука» // Русско-славянский диалог: язык, литература, культура: Сб. материалов Международной научной конференции (Москва, 8–9 ноября 2017 г.) / Под ред. А.В. Злочевской, Е.Н. Ковтун, Ф.И. Панкова. М., 2018. С. 111–119.

Островные польские говоры Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. №53. С. 5–14.

Островные западнославянские диалекты на территории России // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г.: Доклады российской делегации / Институт славяноведения РАН. М., 2018. С. 269–300 (в соавт. с С.С. Скорвидом).

Общее и различное в методологии описания польских островных диалектов Сибири и польских кресовых говоров // Исследования по славянской диалектологии. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. Вып. 19–20 / Институт славяноведения РАН. М., 2018. С. 14–23.

Образования с корнями шир-/szer- в русском и польском языках. Лексический комментарий к фамилии Широкова // Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы межд. научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова А.Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета / Под ред. Н.Е. Ананьевой, В.Ф. Васильевой, А.И. Изотова и др. М., 2018. С. 22–24.

О проекте тематического словаря польских периферийных говоров // Исследования по славянской диалектологии. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. Вып. 19–20 / Институт славяноведения РАН. М., 2018. С. 152–158.

Островные западнославянские диалекты на территории России // XVI меѓународни конгрес слависта (Београд 20–27. VIII 2018). Тезе и резимеи. Књижевност, култура, фолклор. Питања славистике. Т. 1. Београд: Чигоја, 2018. С. 158–159 (в соавт. с С.С. Скорвидом).

Некоторые названия внебрачного ребенка в русском языке // *Rozprawy Komisji Językowej / Łódzkie Towarzystwo Naukowe*. Т. 66. Łódź, 2018. S. 7–20.

O typologii błędów w języku polskim studentów rosyjskojęzycznych // *Polonistyka na początku XXI wieku. Diagnozy. Koncepcje. Perspektywy*. Т. III. Współczesne aspekty badań nad językiem polskim. Teoria i praktyka. Katowice, 2018. S. 265–276.

Система причастий в Пшемьском размышлении // Девятые Римские Кирилло-Методиевские чтения: Материалы конференции. М.: Индрик, 2019. С. 12–16.

Производные слова с корнями шир-/szer- в русском и польском языках // *Славянский сборник: язык, литература, культура*. М., 2019. С. 22–27.

Полонизмы в прозе В.П. Аксенова // *Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филол. ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы / Под общ. ред. М.Л. Ремнёвой и О.В. Кукушкиной*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 229.

Предисловие // *Славянский сборник: язык, литература, культура*. М., 2019. С. 6–9.

Полонизмы в русских историях жизни (на примере произведений О. Форш «Сумасшедший корабль» и В. Войновича «Автопортрет. Роман моей жизни») // ПАМЯТЬ vs ИСТОРИЯ. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений) / Под ред. Н.Н. Стариковой; Институт славяноведения РАН. М., 2019. С. 291–301.

Вторичные функции названий фруктов, овощей, ягод и грибов в польском и русском языках // *Славяноведение*. 2019. № 2. С. 69–76.

Польская лексика в русских говорах (на материале «Словаря русских народных говоров») // *Исследования по славянской диалектологии*. 21–22: Семантические аспекты изучения славянских диалектов. Славянские диалекты в условиях межнационального пограничья / Институт славяноведения РАН. М., 2020. С. 9–19.

Полонизмы и польские реалии в повести А. Бестужева-Марлинского «Наезды» // *Slavia Occidentalis. Linguistica*. Poznań, 2020. S. 11–32.

Писать о февраль навзрыд (зима и зимние месяцы в творчестве Б.Л. Пастернака) // *Kriopoetika Iva Andrića i ruskih nobelovaca / Die Kryopoetik von Ivo Andrić und den Nobelpreisträgern* / Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz – Narodna i univerzitetna biblioteka Republike Srpske Graz/Graz. Beograd; Banjaluka, 2020. С. 143–150.

Кулинарная лексика как компонент фразеологизмов (на материале польского языка на фоне русского) // *Славяноведение*. 2020. № 2. С. 110–118.

Nazwy owoców, jagód, grzybów i warzyw w języku rosyjskim i polskim: frazeologia, metaforyka // *Slavica Wratislaviensia*. 2020. Vol. 171. S. 67–76.

Leksykalno-semantyczne pole percepcji wzrokowej w języku polskim i rosyjskim // *Widzę, więc wiem*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2020. S. 33–41.

Język Adama Mickiewicza i północno-wschodnia polszczyzna kresowa // *Adam Mickiewicz i Rosjanie* / Red. M. Dąbrowska, P. Głuszkowski, Z. Kaźmierczyk. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2020. S. 170–177.

Похождения поручика Климова как образец мемуарной литературы XVIII века // *Десятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Slavica Christiana: язык, текст, образ*. М.: Индрик, 2020. С. 11–14.

Фитонимы и некоторые микротопонимы окрестностей Видз // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь / Институт славяноведения РАН. М., 2021. С. 115–120.

Полонизмы в романе В.В. Крестовского «Кровавый пух» // *Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований* / Институт славяноведения РАН. М., 2021. С. 187–210.

Полиэтничность и полилингвизм в русской прозе (на материале романов А.Ф. Вельтмана «Саломея» и В.П. Аксенова «Ожог») // *Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений)* / Отв. ред. И.Е. Адельгейм; Институт славяноведения РАН. М., 2021.

Нормативные грамматики польского языка Онуфрия Копчиньского // *Грамматика в обществе, общество в грамматике. Исследования по нормативной грамматике славянских языков* / Под ред. М. Номати, С. Киёсавы. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 127–139.

Słownictwo polskie w gwarach rosyjskich (na podstawie «Словаря русских народных говоров») // *Gwary dziś 14 Aktualne problemy dialektologii słowiańskiej. Prace Komisji Dialektologicznej przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów* / Pod red. J. Sierociuka. Poznań, 2021. S. 71–80.

Кафедра славянской филологии // *Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: Очерки истории. 1941–2021. 4-е изд., испр. и доп.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. С. 122–175 (в соавт.)

К вопросу о польских островных говорах // *Межкультурное и межкультурное взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С.Б. Бернштейна)*. М., 2021.

Составитель:

Ольга Олдржиховна Лешкова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga O. Leshkova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
olleshkova@gmail.com

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

В.Г. Кульпина (Москва, Россия)

Польская фразеология в словарях: доминантные признаки макро- и микроструктур¹

Аннотация: Статья посвящена фразеологическим словарям польского языка, рассматриваемым прежде всего с точки зрения специфики презентации фразеологизмов и критериев их отбора. Обсуждаются различия в подходах авторов и редакторов словарей к выделению фразеологизмов и их описанию. Подчеркивается аспект взаимодополняемости фразеологических словарей и общественная польза каждого из них. Обращается внимание на то, что различия в составе словаря и способах подачи материала в немалой степени зависят от взглядов авторов и редакторов словарей на фразеологию.

Ключевые слова: словари, фразеология, лексикография, польский язык, русский язык

V.G. Kulpina (Moscow, Russia)

Polish Phraseology in the Dictionaries: Dominant Features of Macro and Micro Structures

Abstract: The article is devoted to phraseological dictionaries of Polish language, which are considered first of all from the point of view of phraseology's presentation and criteria of its selection. The differences of authors and editors' approaches to phraseology apportionment and description are discussed. There is underlined the aspect of complementarity of phraseological dictionaries and its social utility. The attention is paid to the differences of composition and presentation's methods which mostly depend on the authors and editors lexicographical views.

Key words: dictionary, phraseology, lexicography, Polish language, Russian language

Статья посвящена современной польской фразеографии, представленной многообразными типами фразеологических словарей. Фразеография является высокоразвитой отраслью российского и польского языкознания, которая вызывает у

¹ Статья написана на основе доклада, представленного на конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов» (Томский государственный университет (ТГУ), 19–20 октября 2020 г.).

исследователей большой научный и научно-практический интерес, ориентированный в том числе на изучение опыта познания человеком окружающей его действительности, накопленного и сконцентрированного во фразеологизмах.

В процессе создания фразеологического словаря исследователем неизменно решается задача охвата фразеологических единиц, формирования критериев их отбора и включения в словарь, их классификации и презентации в словаре. Эти проблемы в свою очередь проецируются в проблему формирования фразеологического фонда языка как такового.

Одноязычные фразеологические словари польского языка, равно как двуязычные – польско-русские и русско-польские – с точки зрения их специфических особенностей могут быть рассмотрены в разных лексикографических ракурсах.

Проблема критериев отбора фразеологических единиц, как правило, широко освещается в обширных введениях к фразеологическим словарям польского языка. Можно констатировать, что развернутые введения являются характерной чертой современной фразеографии польского языка, наследующей традицию таких отдельных вводных произведений от словарей-предшественников.

Первым изданным в Польше словарем, посвященным исключительно фразеологии, был словарь Антония Красновольского [Krasnowolski 1899], который впоследствии дополнялся и расширялся Михалом Арцтом в очередных изданиях. В наши дни название «Фразеологический словарь польского языка» связывается прежде всего с именем Станислава Скорупки [SFJP: 1967–1968], известнейшего польского языковеда, лексиколога и лексикографа. Об общественных функциях фразеологического словаря и критериях отбора фразеологических единиц во *Введении* к своему «Фразеологическому словарю польского языка» Ст. Скорупка пишет следующее: «Этот словарь, согласно намерению его автора, не должен быть лишь сухим реестром устойчивых выражений и оборотов. Он должен быть инвентарем, показывающим, собственно говоря, способы выражения, а значит, содержащим и какие-то несколько более свободные, обычно переносные фразеологические и синтаксические конструкции. Так широко понимаемый фразеологический словарь должен также выполнять стилистические функции и помогать в формулировании мыслей и в разнообразном оформлении их в словесную оболочку» [Skorupka Wstęp: 5]. Таким образом, «Фразеологический словарь польского языка» Ст. Скорупки содержит широкий круг словосочетаний, отвечающих критерию связности и составляющих лексическую единицу; он призван быть помощником для его пользователя в подборе средств выразительности речи.

На основе воззрений на фразеологию отечественных и польских авторов вырисовывается следующий собирательный образ фразеологизмов в языке: «фразеологизмы понимаются как особые знаки языка, которым присущи **устойчивость, воспроизводимость, образность и экспрессивность**» [Ковшова 2012: 11]. Их различия задаются разной степенью переосмысления составляющих их сочетаний: «Степень переосмысления исходных сочетаний слов создает разные структурно-семантические свойства фразеологизмов и лежит в основе их распределения по **двум** типам. Полное переосмысление исходных лексических компонентов создает свойство идиоматичности, т. е. слитное значение, не выводимое из значений отдельных компонентов...» [Ковшова 2012: 12]. М.Л. Ковшова указывает, что «у второго типа фразеологизмов – **устойчивых сочетаний** – переосмысленными являются не все компоненты [...]». Особенность языковой знаковой функции фразеологизмов второго, аналитического типа, или фразеологических сочетаний – в

отсутствии самостоятельной знаковой функции у составляющих их слов» [Ковшова 2012: 12].

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский обращают внимание на то, что «в формальных подходах к изучению языковой системы преобладало представление о том, что значение фразеологизма практически тождественно значению слова» [Баранов, Добровольский 2008: 22]. При этом «фразеологизмы, хотя и сопоставимы со словом по лексической семантике, синтаксически ведут себя как словосочетания, при этом фразеологическая связанность этих сочетаний проявляется в разнообразных и труднопредсказуемых ограничениях на использование синтаксических трансформаций» [Баранов, Добровольский 2008: 22–23].

В подходе авторов и редакторов польских фразеологических словарей к описанию фразеологического материала и выделению фразеологических единиц, несмотря на общность основных представлений о фразеологической системе языка, наблюдаются значительные различия. При этом хотелось бы подчеркнуть полезность каждого фразеологического словаря с точки зрения способов презентации фразеологизмов и фиксации еще не отмеченных ранее фразеологических единиц. Различия в составе словаря и способах подачи материала в немалой степени зависят от взглядов авторов и редакторов словарей на фразеологию и выработанных установок.

Полагаю, что можно говорить о взаимодополняемости польских фразеологических словарей и их несводимости друг к другу вследствие специфики структуры макро каждого из словарей, сетки словарных статей и их микроструктуры. Сетка словарных статей отличается от словаря к словарю количественными параметрами, принципами выделения опорных слов и др. моментами и содержит, наряду с какой-то общей частью фразеологизмов (описываемых в разных лексикографических ключах), также и типологически иной фразеологический материал.

Так, грандиозный по всем меркам «Большой фразеологический словарь PWN с пословицами» [WSF] А. Клосиньской, Э. Соболя, А. Станкевича, представляет собой фразео-паремиологический словарь (сначала даются фразеологизм, затем пословицы). Опорными словами являются такие базовые концепты, как *dom* ‘дом’, *ojciec* ‘отец’, *matka* ‘мать’, *niebo* ‘небо’, *dobro* ‘добро’, *rozsądek* ‘разум’, *młodość* ‘молодость’, а также части тела – *ręka* ‘рука’, *oko* ‘глаз’, базовая бытовая лексика: *kura* ‘курица’, *mleko* ‘молоко’, и ряд частотных для фразеологизмов и пословиц глаголов: *mleć* ‘молоть’, *ożyć / ożywać* ‘ожить / оживать’, *otworzyć się* ‘открыться’, *obrócić się* ‘обернуться’ и др. Авторы декларируют, что основой включаемого в словарь материала является метафора. Фразеологизмы в этом словаре снабжены стилистическими пометами. Подчеркивается связь фразеологизмов с историей, цивилизацией, культурой польского народа.

«Настольный фразеологический словарь польского языка» С. Бомбы, Г. Дзямской и Я. Либерека [PSF] его авторы называют научно-популярным, а еще – типичным. Научный характер его, по всей вероятности, заключается в том, что употребление каждого фразеологизма иллюстрируется целым рядом примеров, формирующих, за счет полнокровности цитаций, убедительный образ функционирования фразеологизма в польском языке. Популярность и типичность связаны с отбором самых употребительных фразеологизмов, традиционно составляющих базу фразеологического фонда польского языка. Грамматическая и прагматическая информация в виде помет здесь не приводится, и не за таковой стоит обращаться к этому словарю. Так, например, из этого словаря можно узнать, в каких

конситуациях употребляется выражение *obiecować gruszki na wierzbie* 'обещать груши на иве', т. е. «делать нереальные обещания, обманывать» [PSF: 340]. Интересно, что в современной польской прессе это выражение частотно в ситуациях, связанных со спортом и выборами [PSF: 340–341].

Нашумевшим словарем, продемонстрировавшим разнообразие современного фразеологического материала, явился словарь А. Богуславского и Я. Вавжинчика «Польский язык, каким мы его знаем. Новое словарное зондирование» [NSS]. Основной его корпус состоит из фразеологизмов, нигде ранее не фиксировавшихся (никто словно и не замечал фразеологической закваски этих сочетаний). В то же время ряд лексем в сетке словарных статей в каких-то словарях уже присутствовал, однако в данном словаре их значения даны в развитии и детализации. Вот несколько примеров, которые говорят сами за себя: (1) *Poza protokółem* 'вне протокола': «оборот, внушающий мысль, чтобы адресат рассматривал содержание как маргинальное и необязательное для беседы» [NSS: 290]; (2) *Wiesz co?* 'Знаешь что?': «Некое твое высказывание заслуживает пренебрежения» [NSS: 411]. При данном примере фиксируется такой просодический аспект, как вопросительная интонация; (3) Особый тип редупликации: *Kwiat nie kwiat* 'Цветок не цветок'; *Nudne nie nudne, poczytamy* 'Скучно, не скучно, читаем'.

Разве приведенные выше фразеологизмы не есть устойчивые единицы нашей речи и мысли? К каждому примеру дается комментарий с применением разнообразных видов лексикографических новаций.

Аналогичного типа словарные изыскания были продолжены в словаре А. Богуславского и М. Данелевичевой «Неведомые польские слова: лексикографические исследования» [VPS]. Этот словарь, как и «Польский язык, каким мы его знаем...» [NSS] А. Богуславского и Я. Вавжинчика, содержит преимущественно такие языковые единицы, которые в других словарях не фигурировали или выступали в них в других значениях. Источником словаря является живая разговорная речь, реально существующие фразеологизмы (которые как-то не попадали в центр внимания фразеологии). К ним относятся такие, например, фразеологизмы, как *za całokształt* 'по совокупности' или *Ktoś nie jest bohaterem czyjegoś romansu* 'Кто-то не герой чьего-то романа'. В этот словарь включен ряд ранее выступавших в словарях лексических единиц, но с уточнениями их семантики, с указанием развившихся у них новых значений. Оригинальность словаря еще в том, что в нем применены разнообразные лексикографические новации; например, привычные знаки нередко употребляются в нестандартных функциях. Важно, что оба рассмотренных выше словаря могут служить путеводителем по современной польской разговорной речи; они настолько полнокровны и ярки, что словарь можно читать взахлеб.

В России и в Польше многие занимаются разработкой фразеологических сочетаний, но венцом этих занятий не всегда оказывается словарь. Тем не менее теоретические работы по фразеологии прокладывают словарям путь, формируют их облик. Из серии таких книг «Польско-русские переводные конфронтации» Халины Бартвицкой [Bartwicka 2006], представляющие собой большой вклад в разработку переводных фразеологических словарей.

Из словарей, посвященных какому-либо одному подклассу фразеологизмов, следует назвать Мирослава Банько «Словарь перифраз» [2003] – первый в Польше словарь перифраз. Основой словаря являются метафорические образования, являющиеся «не только поэтическим украшением, стилистической фигурой, но и инструментом познания и видения мира, мыслей о нем и деятельности в нем»

[SP: 9]. На основе этого небольшого по объему словаря можно написать целый трактат о пользе словарей. Увидев написанное с большой буквы слово *Wyspy* – букв. ‘острова’ – человеку извне польского культурного ареала вряд ли придет в голову, что это вторичная номинация Великобритании или Англии. Между тем это чистая правда, зафиксированная в словаре перифраз [SP: 268]. Словарь содержит массу полезных вещей. Так, за перифразой *Wielki Elektryk* [SB: 259] ‘Великий электрик’, совершенно понятной и прозрачной для любого поляка, стоит имя польского политика и бывшего президента Польши Леха Валенсы.

Чрезвычайно важным словарем, посвященным такому распространенному классу фразеологизмов, как сравнения, является «Словарь сравнений» этого же лексикографа М. Банько [SPBańko]. В его основном корпусе представлены самые типичные сравнения польского языка. К примеру, как именно человеку может быть тепло? С чем можно сравнить это ощущение? Словарь сообщает нам, что человеку, выросшему в польской лингвокультуре, может быть тепло *как летом, как в бане, как в улье, как в ухе, как под периной, как в пуху* (см.: [SPBańko: 34]). Словарь содержит и нетипичные, неологичные сравнения, закрепившиеся посредством литературных произведений, – к таковым относится, например, сравнение из стихотворения нобелевского лауреата Виславы Шимборской, *staroświecka jak przecinek* [SPBańko: 243] ‘старосветская как запятая’, и этими словами озаглавлен целый раздел, посвященный сравнениям из литературных произведений (начиная с XV в.). В словаре есть две сказки на основе сравнений (см. [SPBańko: 266]), которые сочинил сам автор словаря. Одна содержит традиционные сравнения: *oczy jak gwiazdy* ‘глаза как звезды’; *usta jak korale* ‘уста как кораллы’. Другая сказка строится на популярных сравнениях наших дней: *dziewczyna jak z okładki* ‘девушка как с обложки’; *włosy jak z reklamy szamponu L’Oréal* ‘волосы как из рекламы шампуня L’Oréal’. Большая благодарность профессору Мирославу Банько за его творческую инвенцию и чувство юмора, так пригождающиеся при транспозиции сравнений в студенческую аудиторию.

Польский славист Влодзимеж Высочаньски на протяжении целого ряда лет чрезвычайно успешно занимался сравнениями; итогом стадо издание книги «Языковая картина мира в лексикализованных сравнениях», написанная на материале польского, русского и сербского языков, – более 400 страниц большого формата, часть которых занимают словарные материалы сравнений (которые, конечно, стоило бы издать отдельно). Сравнительные конструкции анализируются автором в плане лингвокогнитивных понятий, в частности, через призму языковой картины мира. Сравнение рассматривается как элемент мыслительной деятельности, как базовая ментальная операция, как проявление ассоциативного мышления.

Из двуязычных словарей фундаментальным характером отличаются двухтомный «Польско-русский фразеологический словарь» Киры Алексеевны Гюлумянц, [Гюлумянц]. Ее кандидатская диссертация в свое время была посвящена одному из классов польских фразеологизмов – сравнениям (напр., *biały jak alabaster* ‘белый как гипс’). А после защиты диссертации в словарной разработке оказались и другие классы фразеологизмов, в том числе аналитические глаголы типа *dokonać skoku* ‘произвести прыжок’ – *skoczyć* ‘прыгнуть’ (что весьма немаловажно дидактически), в целом большое разнообразие других фразеоединиц, в том числе грамматического характера, например *o mało co* ‘чуть ли не’.

Фундаментальным двуязычным словарем является также «Большой фразеологический польско-русский русско-польский словарь» под редакцией Юрия

Люкшина и Ванды Змарзер, профессоров Варшавского университета. Материал словаря очень богатый, демонстрирующий блестящее знание авторами обоих базовых языков словаря. Так, о равнодушии к проблемам говорит фразеологизм «Гори все синим пламенем» [WSF RPPR: 54], а эмоции передаются фразеологизмом «Наша взяла!» [WSF RPPR: 63].

Оригинальностью подхода к выделению фразеологических единиц обращает на себя внимание словарь «Польско-русские идиомы» Войцеха Хлебды, Альбины Голубевой, Яна Вавжинчика, Томаша Вельга [IPR]. Это словарь точных эквивалентов самых расхожих выражений. Авторы сумели отыскать точные русско-польские соответствия в невероятно внушительных объемах. Словарь, по выражению авторов, относится к жанру малой идиоматики. И это не есть классические фразеологизмы, потому что они практически начисто лишены образности, метафоричности. В то же время эти словарные единицы представляют собой при переводе особую трудность, например, *maszyna do szycia* – это же по-русски не машина для шитья (если переводить буквально), а ‘швейная машина’. Собрание такой идиоматики, относящейся в большой степени к прецизионной лексике, – мечта и необходимый инструмент для тех, чья работа и жизнь связаны с обоими языками. При этом в одном языке данное семантическое целое может быть представлено словосочетанием, а его эквивалент в другом языке может быть сложным словом. Так, польскому сочетанию *suszona śliwka* (букв. ‘сушеная слива / сливка’) соответствует русское слово черносливина. В словаре дается масса номинальных и глагольных сочетаний, для которых порой трудно бывает сразу (или вообще) подобрать эквивалент, например: *postawa życiowa* – ‘подход к жизни’; *postawić na swoim* – ‘настоять на своем’; *postawić wniosek* – ‘выдвинуть предложение’; *poświęcać uwagę* ‘уделять внимание’. Конечно, такой словарь очень востребован у пользователей обеих лингвокультур.

В стиле малой лексикографии составлен словарь Петра Вежхоня, сверхпродуктивного польского языковеда, который называется «Kotus Verba polona abscondita (w fotodokumentacji) szkic chronologizacyjny» ‘Котик Польские неизвестные слова (в фотодокументации)’ [KVBA]. Это одноязычный словарь, отличительная черта которого – особый тип экзemplификации, основанный исключительно на фотопримерах, взятых из источников «вживую», а потому своим графическим обликом способных вызывать особый интерес и ощущение полной надежности.

Появляются все новые оригинальнейшие продукты современной фразеографии, устремленные в будущее уже в силу своего строения по принципу гармошки с раздвигающимися мехами, способными запустить в словарь очередную партию фразеоматериала, обогатившись новыми тематическими рубриками. Речь идет в том числе о «Настольном польско-русском идиоматиконе» под редакцией Войцеха Хлебды [Idiomatykon]. Это переводной тематический польско-русский словарь прикладного характера – пробная тетрадь, за которой последовали разделы уже совсем не пробные, а имеющие полновесный словарный статус. Его единицы – репродукты – должны обладать свойством воспроизводиться целиком. В «Идиоматиконе» представлены актуальные для пользователя разделы: «Продовольственные товары»; «Компьютер и его использование»; «Косметика»; «Меры и совокупности»; «Имена собственные. Антропонимы» (с подразделами); «Имена собственные. Топонимы» (с подразделами); «Организации, институты, учреждения, должности»; «Политика в СМИ»; «Перифразы, географические имена-прозвища»; «Крылатые слова»; «Телефон и его использование»; «Заглавия. Литера-

турные произведения». Этот тематический словарь был впоследствии преобразован в алфавитный и издан под названием «Словарь переводных пар».

Переводной характер присущ русско-польскому словарю коллокаций Эвы Бялек «Kolokacja w przekładzie. Słownik rosyjsko-polski. Коллокация в переводе. Русско-польский словарь» [Białek]. Он знаменует собой совершенно особое детализированное отношение к переводному материалу через систему символов, ориентированных на выявление подтипов эквивалентности.

Особая страница польско-русской фразеологии – учебная. Здесь обращает на себя внимание «Учебный русско-польский фразеологический словарь» [УРПФС] Александра Ивановича Молоткова – редактора и составителя «Фразеологического словаря русского языка» [ФСРЯ] и польского фразеографа – профессора из Кракова Веславы Цесьлинской. Этот словарь содержит переводные польские соответствия распространенных русских фразеологизмов. Он очень удобен и полезен в ходе учебного процесса для изучающих русский и польский языки.

Общий вывод – в языке крайне мало свободных сочетаний, и почти все фразеологизировано, покрыто сеткой идиом и устойчивых сочетаний. а свободные сочетания – это нечто почти мнимое.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

ПРФС – *Гюлумянц К.М.* Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. Минск: Экономпресс, 2004. 688 с. / *Gyulumyanc K.M.* (2004) Polish-Russian Phraseological Dictionary: In 2 vols. Minsk. Ekonompress Publ. 688 p.

УРПФ – Учебный русско-польский фразеологический словарь / А.И. Молотков, В. Цесьлинска. М.: Астрель; АСТ, 2001. 336 с. / Educational Russian-Polish Phraseological Dictionary / Eds.: A.I. Molotkov, V. Cieslinska. Moscow. Astrel; AST Publ. 2001. 336 p.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Воинова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. 3-е стереотип. изд. М.: Русский язык, 1978. 543 с. / Phraseological Dictionary of the Russian Language / Compil. by L.A. Voynova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov; ed. by A.I. Molotkov. 3rd ed., stereotyped. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1978. 543 p.

Bartwicka – Bartwicka H. (2006) Ze studiów konfrontatywno-przekładowych nad językiem polskim i rosyjskim / Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy. Warszawa. 125 s.

Białek – Białek E. (2011) Kolokacja w przekładzie. Słownik rosyjsko-polski. Коллокация в переводе. Русско-польский словарь. Lublin. Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 419 s.

Idiomykon – Podręczny idiomykon polsko-rosyjski / Pod red. Wojciecha Chlebdy. Z. 1. Opole. Uniwersytet Opolski. 2006 (and subsequent editions).

IPR – Chlebda W., Gołubiewa A., Wawrzyńczyk J., Wielg T. (2003) Idiomy polsko-rosyjskie. Польско-русские идиомы. Warszawa. Wydawnictwo Naukowe PWN. 272 s.

Krasnowolski A. (1899) Słowniczek frazeologiczny: poradnik dla piszących. Warszawa. Skład główny w księgarni E. Wendego. 288 s. (another ed.: Słowniczek frazeologiczny języka polskiego. Warszawa. Nakładem i drukiem M. Arzta. 1907. 458 s.).

KVPA – Wierzchoń P. (2008) Kotuś Verba polona abscondita (w fotodokumentacji) szkic chronologizacyjny. Centuria pierwsza. Poznań. Instytut Językoznawstwa Uniwersytetu Adama Mickiewicza. 137 s.

NSS – Bogusławski A., Wawrzyńczyk J. (1993) Polszczyzna, jaką znamy. Nowa sonda słownikowa. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Katedra lingwistyki formalnej. 488 s.

PSF – Bąba S., Dziamska G., Liberek J. (1995) Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa. Wydawnictwo Naukowe PWN. 776 s.

SFJP – Skorupka S. (1967–1968) Słownik frazeologiczny języka polskiego: W 2 t. Warszawa. Wiedza powszechna.

Skorupka Wstęp – Skorupka S. (1967) Wstęp. W: Słownik frazeologiczny języka polskiego: W 2 t. T. 1. Warszawa. Wiedza powszechna, ss. 5–11.

SP – Bańko M. (2003) Słownik peryfraz, czyli wyrażen omownych, Warszawa. Wydawnictwo Naukowe PWN. 344 s.

SPB – Bańko M. (2004) Słownik porównań. Warszawa. Wydawnictwo Naukowe PWN. 268 s.

VPS – Bogusławski A., Danielewiczowa M. (2005) Verba polona abscondita. Sonda słownikowa 3. Warszawa. Instytut lingwistki stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego. 358 s. (Semiosis Lexicographica. Vol. 24).

WSF – Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami / Opracowanie A. Kłosińska, E. Sobol. A. Stankiewicz. Warszawa. Wydawnictwo Naukowe PWN. 2005. 840 s.

WSF PRRP – Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski-rosyjsko-polski / Red. naukowy Jurij Lukszyn, zastępca red. naukowego Wanda Zmarzer. Warszawa. Harald G Dictionaries 1998. 1102 s.

Wysoczański – Wysoczański W. (2006) Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych na materiale wybranych języków. Wrocław. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. 402 s.

Сведения об авторе:

Валентина Григорьевна Кульпина,
доктор филол. наук
доцент
факультет иностранных языков
и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Valentina Kulpina,
Doctor of Philology
Associate Professor
Faculty of Foreign Languages
and Regional Studies
Lomonosov Moscow State University
vgrkulpina@mail.ru

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

К.В. Лифанов (Москва, Россия)

История в языке «Левочских формул присяг» XVI–XIX вв.

Аннотация: В статье рассматриваются обусловленные историческими событиями изменения в языке присяг, создававшихся в восточнословацком городе Левоча на протяжении нескольких веков. К числу этих событий относятся передача в залог Польскому королевству нескольких соседних городов, возрастание значения Западной Словакии после включения большей части Венгерского королевства в состав Османской империи, Реформация и рекатолизация населения. Вместе с тем язык памятника демонстрирует, что тенденции развития его языка, несмотря на отклонения, в целом совпадали с общесловацкими, ведущими к унификации письменного языка по югозападнословацкому образцу, хотя и с незначительными региональными отличиями.

Ключевые слова: формулы присяг, передача в залог, фонетические полонизмы, протестанты, типография, диалектные особенности, рекатолизация, общесловацкие тенденции

K. V. Lifanov (Moscow, Russia)

History in the language of “Levoča Formulas of Oaths” from the 16th–19th centuries

Abstract: The article examines the changes caused by historical events in the language of oaths created in the Eastern Slovak city of Levoča for several centuries. These events include the transfer of several neighboring cities as collateral to the Polish Kingdom, the increasing importance of Western Slovakia after the inclusion of most of the Hungarian Kingdom into the Ottoman Empire, the Reformation and recatolization of the population. At the same time, the language of the monument demonstrates that the trends in the development of its language, despite the deviations, generally coincided with the general Slovak ones, which led to the unification of the written language according to the Southwestern Slovak model, although with minor regional differences.

Key words: oath formulas, pledge, phonetic polonisms, Protestants, typography, dialect features, recatolization, general Slovak tendencies

В настоящее время Левоча представляет собой небольшой восточнословацкий городок с 15-тысячным населением, но с богатейшими историческими памятниками, включенными ЮНЕСКО в список всемирного наследия, среди которых назovem базилику св. Иакова с уникальным резным алтарем, изготовленным мастером Павлом, костел Девы Марии, средневековую ратушу, «клетку позора», в которой содержались преступники за не слишком тяжелые преступления, и многие другие. Такое количество исторических памятников свидетельствует о том, что в прошлом Левоча имела важное экономическое и культурное значение не только в регионе Спиша¹, но и в Восточной Словакии в целом; и была центром международной торговли прежде всего с Польшей, а также с Россией и Балканами. Уже во второй половине XIII в. Левоча получает статус свободного королевского города с соответствующими привилегиями. Значимость Левочи обусловила формирование собственной традиции вступления в некоторые должности (судей, свидетелей, палачей, стражей, лесников, мельников и т. д.), в результате чего создавались тексты присяг на немецком и словацком языках. Тексты присяг на словацком языке сохранились до наших дней и были опубликованы в 1951 г. [Štolc 1951]. Хотя данное собрание присяг и невелико по объему (оно состоит из 16 текстов общим объемом 7, 5 печатных страниц), оно безусловно представляет научный интерес, так как охватывает значительный временной диапазон (первый текст датирован 1552 г., а последний – серединой XIX в.). Иными словами, несколько текстов или даже один текст являются самостоятельными синхронными срезами, т. е. памятник представляет собой последовательно сменяющиеся синхронные срезы. А поскольку язык восточнословацких памятников в целом развивался в русле эволюции общесловацкой письменности (ср., например, [Lifanov 2017]), он отражал основные тенденции его развития. Многие же языковые особенности текстов были обусловлены историческими событиями, происходившими в стране в целом или в данном регионе. В этом смысле особенно показателен текст самой ранней присяги, датированный 1552 г.

Ein windischer aid der Dorffrichter

Ja N. priseham Panu Bohu i jeho svetemu slovu, že chcem veren a pošlišen byc panu richtarovi i radze tegoto miesta a ich česc i požitek šukac i dzelac i škody ich varovac a chcem každemu prava pomoc, ubogemu jak i bogatemu, cudzemu jako i domašnemu a nechce² tego ochabic dla prijazni, abo dla neprijazni, abo dla darov, ale každemu zpravedlivosci pomoc pres omieškania a vdovy i siroty bronic vedlug moje najvyše moci a žadne reči niezatajic, co by byla ku požitku abo škodze tegoto miesta, alie panu richtarovi i radze to oznamic. Tak mi Bug pomagaj i jeho svete slova. Amen.

Приведенный текст буквально перенасыщен полонизмами, среди которых следует различать прямые и опосредованные. Прямыми являются непосредственно элементы польского языка, представленные в тексте присяги. Прежде всего это взрывное *g* в лексемах и словоформах, в которых в восточнословацком диалекте³ оно невозможно, ср.: *chcem veren a pošlišen (!) byc panu richtarovi i radze tegoto miesta; chcem každemu prava pomoc, ubogemu jako i bogatemu; co by bylo ku po-*

¹ Восточная Словакия имеет четыре исторических региона: Спиш, Шариш, Абов и Земплин.

² При публикации присяг в данной форме было добавлено окончание *-m: nechse[m]*.

³ В словацком языке, включая восточнословацкий диалект, в некоторых лексемах, главным образом в сочетании *zg*, не произошло изменение исконно взрывного *g* в фарингальное *h*, а также в некоторых звукоподражательных словах, например: *mozgu* 'мозги', *miazga* 'сок дерева', *glg* 'плоток' и т. д. В статье же идет речь о тех словах, в которых в словацком языке произошло указанное изменение, но в текстах представлены лексемы со взрывным *g*.

žitku abo škodze *tegoto* miesta; vdovi i siroty bronіc *vedlug* moje najvyšе moci, Tak mi Bug pomagaj. Кроме того, в тексте фиксируется пример с рефлексом *trot* на месте праславянского сочетания **tort*, тогда как в восточнословацком диалекте, как и в словацком языке в целом, названное сочетание изменилось в *trat*¹: vdovi i siroty bronіc (слов. brániť 'защищать') *vedlug* moje najvyšе moci.

Не исключено, что и форма *nechse* отражает польскую огласовку (*nie chcę*), поскольку в польском языке к XVII в. на конце слова происходит деназализация *ę* [Ананьева 1994: 139].

Лексическим полонизмом является предлог *vedlug*: vdovi i siroty bronіc *vedlug* moje najvyšе moci (bronіć *według* mocy 'защищать изо всех сил' – слов. лит. brániť zo všetkých síl), а также слово *prijazň* (польск. przyjaźń 'дружба'), поскольку в словацком литературном языке в этимологически коррелирующем слове *priažeň* 'благосклонность, дружелюбие' представлена контракция, а в восточнословацком диалекте оно вообще не фиксируется: *nechse tego ochabіc dla prijazni, abo dla neprijazni*.

В тексте присяги представлена также группа явлений восточнословацкого диалекта, имеющая параллели в польском языке, что, возможно, способствовало их проникновению в текст. Это прежде всего результаты ассимиляции, т. е. изменения *t' > c* и *d' > dz*, а также наличие гласного *e* как рефлекса **ę* в позиции перед твердым согласным, например: *panu richtarovi i radze tegoto miesta; ich česc i požitek šukac i dzelac i škody ich varovac; žadne reči niezatajic; Ja N. priseham Panu Bohu i jeho svetemu slovu; Tak mi Bug pomagaj i jeho svete slova*.

Концентрация полонизмов в тексте данной присяги не случайна. Дело в том, что император Священной Римской империи и венгерский король Сигизмунд Люксембургский 8 ноября 1412 г. передал Польскому королевству 34 населенных пунктов Спиша в качестве залога за невыплаченный долг. Акт о передаче в настоящее время хранится в Библиотеке Чарторийских в Кракове [Vojtas 1968: 38]. Переданные территории представляли собой анклав вокруг Левочи, но сама Левоча в их число не входила. Спишские населенные пункты, переданные в залог Польше, формально оставались в составе сначала Венгерского королевства, а затем Австрийской империи, однако в них была польская администрация и не действовали некоторые венгерские и австрийские законы. Венгерское королевство, а затем Австрийская империя пытались вернуть эти территории, причем даже предлагали выплатить долг, однако это не находило понимания у польских правителей. Возвратить эти территории удалось только в 1772 г. императрице Марии Терезии вследствие первого раздела Польши [Suchý 1974: 71]. Кроме того, в середине XVI в. Левоча становится экономическим центром всего восточнословацкого региона, так как Кошице утратили лидирующие позиции, оказавшись на самой границе с Османской империей после захвата последней Среднедунайской низменности. Именно в Левоче была сосредоточена торговля с Польшей, в том числе и транзитная [Slovensko 1978: 339]. Столь тесные контакты Левочи с Польшей оказали самое существенное влияние на характер языка записи 1552 г.

Поскольку администрация в находящихся в залоге спишских городах была польская, можно с уверенностью предположить, что делопроизводство в них велось на польском языке. Косвенным доказательством этого является влияние польского языка на документы других населенных пунктов Спиша, не входивших в число городов в залоге, в том числе и Левочи [Lengová 2012: 9], о чем свидетель-

¹ В восточнословацком диалекте фиксируются отдельные лексемы с сочетанием *trot* типа *chlор* / *hlор*, но они рассматриваются как единичные заимствования из польского языка [Krajčovič 1974: 26].

ствуется наиболее ранняя запись «Левочских формул присяг». Однако уже последующие тексты отражают его существенное ослабление; ср.:

Конец XVI в.

Drabanten windischer Eid

Ja N. slibujem i prisaham Panu Bohu i jeho svetemu slovu, že chtem veren a poslušen byť panu richtarovi i radze tohoto miesta, verne a spravedlive na vartie, na brane, na mure služiti a gdzekolik me poslati budu, verno v tymto choditi. Takže mi Pan Buoh pomahaj i jeho svete slovo. Amen.

1609–1619

Ja N prisahám Panu Bohu i jeho svatemu slovu, že chcem veřný, poslušný, melč[en]livý a poddaný byti panu richtarovi i raddě tohoto mesta, jich poctivost a užitek podle meho uradu obraniti a všecko, co by bylo proti mestu z nej...(?) vernosti hnedky oznamiti pred mojimi pany a vždycky z gruntovnej pravdy pri[ji]ti a na žádné[h]o z nepravdy anebo z nenavisti u panov obžalovati. Věžnuv, kteri su do meho vezeni dani, verne zavarovati a jich tak opatřiti, jako mi od mych panu jest prikazano. A chcem se ve všeckych vecech verne spravovati a žádných daruv nepožadati. Takže mi Pan Buch pomahej i jeho svate slova.

1609–1619

Ja N. slibujem a prisaham Panu Bohu i svatemu evangelium, že najjasnejšimu krali Matiašovi, našemu najlaskavejšimu panu, jakšto pravemu dedičnemu panu, tež mudremu a opatrnemu panu richtarovi a poctivej raddy tohoto kralovskeho mesta Levoči, verny a poslušny byti a chcem jejich prava, rozkazy, zapovedi a poradne postaveni trimati, jejich dobre, čest a užitek fedrovati a od škody varovati a je odvratiti podle najlepšej možnosti mojej. A kdybych se nejakých veci dovedel, odkud by panu richtarovi, aneb poctivej raddy, aneb obecnemu mestu Levoči nešťesti aneb škoda nastati mohla, jim vedle належитости a povinnosti oznamiti. A chcem všecko naplniti, činiti a zanechati, co vernemu mešťianiovi proti verchnosti svojej z obyčeu a z prava dlužen jest, verne a bez falše. Tak mi Boh pomahaj i jeho svate slovo. Amen.

В приведенных текстах исчезают прямые заимствования из польского языка: не фиксируется взрывное *g*, за исключением тех случаев, когда оно представлено в словацком языке (например, в словах *gazdovstvo*, *magistrat*), отсутствует и группа *trot*, восходящая к праславянскому сочетанию **tort*: *jich poctivost a užitek podle uradu obraniti* (1609–1619); *tehoto kralovskeho mesta Levoči* (1609–1619); *od škody varovati a je odvratiti* (1609–1619); *vdovy a siroty vedle mej najvetšej možnosti braniti* (1675); *naležite veci a riady od škody braniti a chraniťi* (1675) и т. д. Данные тексты отражают все большую вовлеченность их языка в сферу общесловацкой письменности. Это объясняется тем, что после битвы у Мохача (1526 г.) до 1783 г. Пожонь (Пресбург, ныне Братислава) становится столицей Венгерского королевства, а Надьсомбат (ныне Трнава) до 1820 г. – резиденцией венгерского архиепископа. Все это способствовало тому, что письменная традиция, формировавшаяся в Юго-Западной Словакии, начала оказывать влияние на канцелярии, существовавшие на всей территории Словакии. И хотя перемещение центра политической и культурной жизни Венгерского королевства в Словакию произошло несколько раньше, еще до создания текста первой присяги, этот факт находит отражение только в текстах присяг конца XVI – начала XVII в. Указанное влияние проявляется в вытеснении польских и в некоторой степени местных диалектных

элементов. Другой не менее важной причиной вытеснения полонизмов являлось распространение Реформации в Словакии, которая приобрела особенно сильные позиции именно на востоке страны. Здесь, в Бардеёве, в 1581 г. выходит первое издание перевода «Катехизиса» М. Лютера, а в Левоче в 1624 г. была основана преимущественно протестантская типография Вавринца Бревера, которая функционировала до середины XVIII в., причем книги выходили на всех языках, распространенных в Венгерском королевстве. Примечательно, что ряды потенциальных авторов расширились за счет эмигрантов из Чехии [Žibritová 2008: 126]. Не удивительно, что в языке присяг усиливаются чешские особенности. К их числу отнесем йотацию губных перед *e* < **ě* в слове *miesto* (в словоформе *omieškania*, вероятнее всего, сочетание графем *ie* не отражает йотации, так как она здесь просто невозможна; очевидно, такое написание следует объяснять влиянием польской орфографии), а также общее для чешского и словацкого языков наличие фонемы *h* (*priseham*, *Bohu*, *jeho*). Кроме того, обнаруживается и стяженная, хотя и неверно образованная форма род. пад. ед. ч. прилагательного, ставшая к этому времени в памятниках словацкого происхождения очевидным архаизмом: *vedlug moje najvyšše mosi* (чешск. *podle mé nejvyšší mosi*, слов. *podľa mojej najvyššej mosi*). Показательны также сбои в отражении результатов ассимиляции, отсутствовавших как в чешской, так и в формирующейся югозападнословацкой письменности; ср.: *na vartie*, *na brane*, *na mure služiti a **gdzekolik** me poslati budu*; *verno v tymto choditi; chtem¹ veren a poslušen byť* panu richtarovi i **radze** tohoto miesta.

Начинается также процесс закрепления в системе языка «Левочских формул присяг» слоговых *г* и *л*, что обнаруживается уже в текстах начала XVII в.: *chcem veřný, poslušný, **melč[en]livý*** (совр. слов. лит. *mlčanlivý*) a *poddaný byti*; *co vernemu mešťaninovi proti **verchnosti*** (совр. слов. лит. *vrchnosť*) *svojej z obyčaju a z prava dlužen jest*; *mudremu a opatrnemu panu richtarovi*; *A chcem všecko naplniti* (1609–1619).

Весьма примечательным фактом является вытеснение гласного *e*, возникшего из **ę*, гласным *a* в позиции перед твердым согласным. Как уже отмечалось ранее, в тексте 1552 г. *e* фиксируется последовательно, однако в конце XVI в. словоформа *prisaham* записывается с гласным *a* (в более поздних текстах она также не встречается в первоначальной огласовке), тогда как в словоформах прилагательного *svety* – с гласным *e*. Начиная же с текста, датированного 1609–1619 гг., и во второй лексеме также находим лишь гласный *a*. Ср. примеры: *Ja N. slibujem i prisaham Panu Bohu i jeho svetemu slovu*; *Takže mi Pan Buoh pomahaj i jeho svete slovo* (конец XVI в.); *Ja N. prisaham Panu Bohu i jeho svatemu slovu*; *Takže mi Pan Buch pomahaj i jeho svate slova*; *Ja N. slibujem a prisaham Panu Bohu i svatemu evangelium*; *Tak mi Buch pomahaj i jeho svate slovo* (1609–1619). При этом воздействие письменного языка оказалось столь существенным, что книжная форма *svatý* вытеснила исконную даже из спишских говоров восточнословацкого диалекта [Atlas 1968: 84–95].

Как мы уже отмечали выше, позиции протестантов в Восточной Словакии были более сильными, чем во многих других районах Словакии. Не случайно, что именно здесь, в Прешове, в 1667 г. было основано высшее учебное заведение – коллегийум, – «которое стало достойным противовесом Трнавскому университету и иезуитской академии в Кошице» [Slovensko 1978: 378–379]. В связи с этим рекатолизация в Левоче несколько задерживается во времени и осуществляется только в конце XVII – начале XVIII в. [Slovensko 1994: 228]. Записи, сделанные в

¹ Форма *chtem* представляет особый интерес, поскольку отражает процесс реституции согласного *t* из **tj*, а не *ť*. Иными словами, аффриката *c* в данном слове отношения к ассимиляции не имеет.

евангелический период истории Левочи, однако, свидетельствуют о том, что языковое развитие в сфере деловой письменности в это время было общим как для католиков, так и для протестантов, поскольку обнаруживаются такие процессы, которые все более сближают язык Левочских формул присяг с общесловацкой письменной традицией, ориентированной на письменный язык Юго-Западной Словакии. В качестве примера приведем фрагмент присяги мельника, датированный 1675 г.

Mlynarska prisaha

Ja N. prisaham ku Panu Bohu, že v mojej tejto službe a mlynarskem urade, ku kteremu od vrchnosti mej a mesta rizeny, verne a pilne pokračovati, všudy a vždycky v povolani mem spravdlivea poslušne se zachovavati, od škody braniťi; kameňe v čas potrebný dostatečne klepati a potom po klepani otruby, aneb co inše na to suce podle obyčeje ku vyčistěni kameňe nasypati a dokud' se to nestaňe, žadne a ničije obili na škodu lidem nemľeti, ale o to se starati, aby jednemu každemu človeku, kteryžto by do mlyna budťo pekar, neb inši pospolity človek, bohaty, neb chudobny, mľeti prinesel, jeho zboži, budťo pšenica, žito, jarec, slad, pekňe zemleno bylo, takže by se žadnemu nič nestaňilo, nepřemeňilo, neodsypalo, neb nezanedbalo aňi skrze mňe, aňi skrze mej čeledi, ani inšeho kohokolvek; mechy ani ze zbožim, ani prazne nepřemieňiti, aňi inše žadne falešnosti nečiniťi, aňi to činiťi nedopustiťi...

На это в первую очередь указывают типичные западнословацкие формы частей на *-l* со вставным гласным *-e-* (*budto pekar, neb inši pospolity človek, bohaty, neb chudobny, mľeti prinesel*) и род. пад. мн. ч. мужского рода, а также омонимичные им формы вин. пад. мн. ч. одушевленных существительных с флексией *-uv*, характеризующие прежде всего язык западнословацкой письменности и употребляемые параллельно с соответствующими формами с флексией *-ov* (*podle ustanovenych artikuluv – a co by vyše 26 kablov se nalezlo*). О дальнейшем приближении языка рассматриваемого памятника к общесловацкой письменной традиции свидетельствует полное закрепление в его фонетической системе слоговых *r* и *l*: *mudremu, slovutnemu a opatrnemu panu richtarovi; chcem poslušne, verne a bez všeli-keho falše plniti; od vrchnosti mej a mesta tohto; aňi skrze mňe, aňi skrze mej čeladi; kuprotivenstvi, ne[b] k škode zadržavati; pretržky zapravovati*.

Подобным примером из области морфологии является вытеснение восточнословацких форм предл. пад. ед. ч. адъективалий мужского рода с флексией *-im* общесловацкими (в языке письменности) формами с флексией *-ém*. Ср. примеры: *verno v tymto choditi* (конец XVI в.); *v mojej tejto službe a mlynarskem urade; človeka toho, na kterem by poradek byl mľeti; na mňe ustanovenem platu; Tak si mi v tem (!) Pan Buch pomahaj; budto byla v rade, an[e]b v inšem v jakemkolvek stave* (1675). Среди приведенных примеров особенно примечательны формы *tem* и *inšem*, показывающие, что данное явление имеет словацкую природу, поскольку форма указательного местоимения здесь образована по аналогии с прилагательными, а форма *inšem* с функционально мягким согласным в конце основы – по аналогии с твердой разновидностью. Знаменательно, что последний способ образования грамматической формы типичен для западнословацкого диалекта.

В текстах XVIII в. язык присяг в некоторой степени меняется. Как уже было отмечено выше, в это время в Левоче произошла рекатолизация населения. Католическая церковь начала использовать методы протестантов, допуская и даже поощряя создание текстов на народном языке. Вследствие этого сразу после рекатолизации в тексты присяг стали проникать такие диалектные элементы, которые в более ранних текстах (уже) не употреблялись. Ср. следующий текст:

XVIII век

Juramentum Sylvanorum

Ja N. N. prisaham Bohu Otcí všemochucimu, Bochu Synu, Bochu Duchu svatemu, blachoslavenej Pany Marii i všem božim svatym, že ja lesy tohoto slavného mesta kralovského verne podle povinnosti a možnosti mojej pilnovac budem strany jich z nikym žadnu nespravedlivu spravu, anebo nejake tajemne neslobodne znajomstvi a porozumene trimati ale tych, ktere neslobodne lesy a dreva bez dopusteni hubic budu, vedle možnosti zaberem, ale i tych, ktere by se nedali zabirac, ich milosti panu richtarovi oznamim a bez vedomosti, aneb dopusteni pana richtara, anebo lesneho pana nikomu žadne dreva nedam, nepredam, aneb darujem, a pre moje vlastne gazdovstvo bez dozvoleni lesneho pana doma nezustanem. Jednym slovem mesticke lesy vedle možnosti mojej, ktera mne prislucha, zavarujem a prikaz, aneb naučeni od slavného magistrata, aneb pana richtara, aneb lesnych panoch zachovavat budem a vyplnim. Tak mi Pan Buch pomachaj i blahoslavena Panna Maria a všetke svati.

Наиболее отчетливо это проявляется в фиксации восточнословацкого изменения $ch > h$, которое в тексте присяги отражается в виде факультативной обратной замены; ср.: Ja N.N. prisaham Bohu Otcí *všemochucimu*, *Bochu* Synu, *Bochu* Duchu svatemu, *blachoslavenej* Pany Marii i všem božim svatym; na lesy, pole, zbože, *zachradu*, luku, prílohy¹. Специфицированное отражение находит и ассимиляция, выступающая лишь как показатель инфинитива: verne podle povinnosti a možnosti mojej *pilnovac* budem; tych, ktere neslobodne lesy a dreva bez dopusteni *hubic* budu; ale i tych, ktere by se nedali *zabirac* budu². Вновь появляются лексемы без слогового³. Под влиянием восточнословацкого диалекта появляются формы им.пад. мн.ч. местоимений, связанные с одушевленными существительными, но не отражающие категорию одушевленности-неодушевленности: tych, *ktere* neslobodne lesy a dreva bez dopusteni hubic budu; Tak mi Pan Buch pomachaj i blahoslavena Panna Maria a *všetke* svati. Вероятно, влиянием восточнословацкого диалекта можно объяснить и употребление флексии *-och* в форме род.пад. мн.ч. существительного: naučeni od slavného magistrata, aneb pana richtara, aneb lesnych *panoch* zachovavat budem a vyplnim.

Процесс включения языка формул присяг в общесловацкий процесс тем не менее интенсивно продолжался в более позднее время. Приведем два заключительных текста, относящихся к середине XIX в.:

Polovica XIX. storočia

Formula Juramenti Molitorum

Prisaham Bohu všemohucimu, Otcu, Synu a Duchu svatemu, blahoslavenej P. Marii, všec-kym svatym a vyvolenym božim, že v mojím mlyne podle uridzeni slavného magistratu a p[ana] arendatora povinnosti moje mlynarske podle možnosti mojej pilne a verne vyplniť chcem. Budinky ku mlynu prináležiace nezanedbam, ani kaziti nebudem, ale od škody chrániť a v dobrem stave držať budem. Panu arendatorovi poslušnosť a uctivosť sľubujem, obz[v]laštne ale jemu prináležiace myto od jedného každého odbírať budem, nikomu neodpustím a od nikoho viacej, jak prináleži, nevezmem. Odnaté myto hneď do kasty ku tej potrebe pritomnej vsypem, nič neodložím a pre seba nezadržím. Bez cedulky p. Arendatora žadne zrno do mlyna nevezmem a jestli by niekto privezol, alebo priniesol, pokud mi cedulku, aneb

¹ В другом тексте, также датированном XVIII в., находим прямое отражение рассматриваемого изменения: Tutečnej *verhnosti* povinovatú poslušnosť a cti vždy preukážem; aneb *verhnosti* oznamim.

² Впрочем, данное явление реализуется не последовательно: nejake tajemne neslobodne znajomstvi a porozumene *trimati*; aneb lesnych panoch *zachovavat* budem.

³ См. сноску 6.

dovoleni p[ana] arendatora nepreukaže, na mleni nasypat nedopustim. Jestli by sem zbadal, že nekdo znamenite vicej zrna do mlyna dava, jako na cedulki vyložene jest, alebo ustne oznamuje, techdy takovu vec p. arendatorovi oznamim a pokud on nedovoli, zrno takove nasypat a zemlet nedam. Kdyby se mezi p[anom] arendatorom a nekterymi jinymi straniva miery aneb myta roztržitost stala, v takej prihode len podle uridzeni p[ana] arendatora tak dluho pokračovat budem, pokud slavný magistrat inač neuridi. Pri mleni taki poradek zachovavat budem, aby chudobny tak jako možny zrno sve zemlet mohel, jako ja sam pri mleni nakeho neukrivdim tak, aby zkrz mojich domácich, aneb zkrz moju čeladku, aneb zkrz jiných nikdo ukrivdeny nebol a do škody nepřišel, jak vedne tak v noci starost mati budem. Jednym slovem, povinnosti moje mlynarske tak zachovavat a vyplniti se usilovat chcem a budem, jak je dobry křesťan a statečný majster a měšťan podle svedomi plniti povinen jest. Nech mi tak Boh pomaha a jeho svate slovo.

Ja N.N. prisaham Bohu všemohucimu, Bohu Otcu, Bohu Synu, Bohu Duchu svatemu, blahoslavenej Panny Marii, šeckým svatým a vyvoleným božím, že ja na šetke otasky, ktere mi predložene budu, čistu pravdu verne vypoviem. Ništ ani z pritelstva, ani z nepřitelstva nepřiložim, ani nezatajim, ale šetko tak, jako mi v svedomim (!) mojem znamo jest, spravedlive vyjevím. Nech mi tak boch pomaha a jeho svate slovo.

Оба приведенных текста зафиксировали, по сути, общесловацкий идиом, формировавшийся в Юго-Западной Словакии с центром в г. Надьсомбат (современное название – Трнава), но представленный в его региональном варианте, так как в нем нашли отражение некоторые региональные особенности: форма причастия на *-l* мужского рода со вставным гласным *-o-* при наличии и типичной западно-словацкой формы со вставным *-e-* (a jestli by nekdo privezol, alebo *prinesol*, pokud mi cedulku; aby chudobny tak jako možny zrno sve zemlet *mohel*), единичное употребление слова с дифтонгом, в югозападнословацких текстах, как правило, не обнаруживаемым (straniva *miery* aneb myta roztržitost stala), типичная восточно-словацкая форма предл. пад. ед. ч. мужского и среднего рода прилагательных и местоимений-прилагательных, совпадающая с соответствующей формой твор. пад. при наличии формы, обычной для словацкой письменности с флексией *-ém* (v *mojim* mlyne podle uridzeni slavneho magistratu a p[ana] arendatora povinnosti moje mlynarske podle možnosti mojej pilne a verne vyplniti chcem; od škody chrániti a v *dobrem* stave držati budem). Таким образом, язык «Левочских формул присяг» в полной мере отражает специфику докодификационного периода словацкого литературного языка, когда его классический вариант представлен в текстах югозападнословацкого происхождения, тогда как тексты, созданные в других регионах Словакии, отличались значительной мерой вариативности, либо полностью в языковом отношении совпадая с югозападнословацкими, либо отличаясь от них разной степенью насыщенности региональными элементами, но при этом элементы, характерные для югозападнословацкой письменности полностью никогда не вытеснялись диалектными [Lifanov 2002]. Именно этот идиом, причем в его региональной северносреднесловацкой форме, и стал основой кодификации словацкого литературного языка, осуществленной А. Бернолаком.

Итак, язык «Левочских формул присяг», отражая наиболее важные исторические события в жизни страны и города, тем не менее находился в полном соответствии с общими тенденциями развития языка словацкой письменности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка. М., 1994. 301 с. / Ananieva N.E. (1994). History and Dialectology of Polish Language. Moscow. 301 p.
- Atlas slovenského jazyka. I. Vokalizmus a konsonantizmus. Časť prvá – mapy. Bratislava. 1968. 303 s.
- Krajčovič R. (1974) Slovenčina a slovanské jazyky. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava. Slovenské pedagogické nakladateľstvo. 328 s.
- Lengová M. Trading activities in the Zips region (15. – 17. century). *Individual and Society*. 2012. Vol. 15. No 2, pp. 9–25.
- Lifanov K. Hierarchia kultúrnych jazykov v slovenských písomnostiach predkodifikačného obdobia. *Slovenská reč*. 2002. R. 67, Č. 1, ss. 19–29.
- Lifanov K. Spätost' jazyka východoslovenských katolíckych tlačí 18. storočia s celoslovenskou písomnou tradíciou. *Slavica Slovaca* 2017. R. 52. Č. 1, ss. 35–43.
- Slovensko. Dejiny. Bratislava. 1978. 1036 s.
- Slovensko. Prechádzky storočiami miest a mestečiek. Bratislava. 1994. 288 s.
- Suchý M. Spišské mestá v poľskom zálohu. In: Marsina R. (Ed.). *Spišské mestá v stredoveku*. Košice. Východoslovenské vydavateľstvo. 1974, ss. 55–71.
- Štolc J. Jazyk levočských slovenských prisah zo XVI. – XIX. Storočia. In: *Jazykovedný sborník*. 5. Bratislava. 1951, ss. 197–247.
- Vojtas J. Spišská Nová Ves 360 rokov v zálohu poľských kráľov. In: Kuruc J. (ed.). *Spišská Nová Ves. Zborník príspevkov k dejinám a výstavbe mesta*. Sv. 1. Spišská Nová Ves. 1968, ss. 67–151.
- Žibritová G. Slovenské tlače 17. storočia a Cithara sanctorum. In: *Cithara sanctorum 1636–2006: zborník prác z vedeckej konferencie, ktorá sa konala pri príležitosti 370. výročia 1. vydania kancionála v dňoch 22. a 23. novembra 2006 v Liptovskom Mikuláši a Liptovskom Jáne. Martin*. Slovenská národná knižnica v Martine. 2008, ss. 125–129.

Сведения об авторе:

Константин Васильевич Лифанов,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Konstantin V. Lifanov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lifanov@hotmail.com

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

А.И. Изотов (Москва, Россия)

Рефлексы супина в современном чешском письменном дискурсе: опыт корпусного анализа

Аннотация: В предлагаемой статье на материале входящей в состав Чешского национального корпуса серии современных чешских письменных текстов SYN verze 8 (4,5 миллиардов токенов без учета знаков пунктуации) рассматривается функционирование в современном чешском письменном дискурсе рефлексов др.-чешского супина, формы которого, как принято считать, были вытеснены формами инфинитива еще до эпохи барокко. Анализ контекстов употребления 111 односложных чешских инфинитивов, теоретически способных, исходя из системы чешского языка более раннего периода, иметь не совпадающие с инфинитивом супиновые соответствия, показал, что супин как грамматическая категория в современном чешском литературном языке отсутствует и что единственным его рефлексом является сочетание глагола *jít* ‘идти’ с формой *spat* ‘спать’, отличающейся от формы инфинитива *spát* количеством гласного.

Ключевые слова: супин, инфинитив, корпусные исследования, письменный дискурс, чешский язык, Чешский национальный корпус

A.I. Izotov (Moscow, Russia)

Supine Remnants in Modern Czech Written Discourse: Corpus-based Study

Abstract: In the article, based on the material of the Czech National Corpus, namely corpora series “SYN version 8” (4.5 billion tokens large), the functioning of the remnants of the old Czech supine in the modern Czech discourse is considered. The forms of the old Czech supine, as is commonly believed, were supplanted even before the Baroque era by infinitive forms. An analysis showed that supine as a grammatical category is absent in the modern Czech and that its only representation reveals in the combination of the verb *jít* ‘to go’ with the form *spat* ‘to sleep’, which differs from the form of the infinitive *spát* by the brevity of the vowel sound.

Key words: supine; infinitive; corpus based studies; written discourse; Czech language; Czech National Corpus

1. Учебник по истории и диалектологии польского языка [Ананьева 1994] является блестящим примером информативно насыщенного учебного текста, в котором присутствуют не только некие общепринятые в научном сообществе факты и утверждения, но и положения, по поводу которых консенсус мнений еще не сложился, а также изрядное количество сопутствующей собственно языковым фактам информации. Подобный способ изложения, безусловно, предъявляет повышенные требования к тому, кто данным учебником пользуется, но зато с лихвой окупает себя, когда речь идет о действительно фундаментальной подготовке. История языка предстает не широкой и ясной «дорогой прямоезжей», а сложным комплексом дорог и тропинок, некоторые из которых в итоге заканчиваются тупиком. Или же тупиком мнимым, имеющим через какой-то интервал продолжение. В качестве одной из таких тропок с мнимым (?) тупиком можно рассматривать, как нам кажется, и историю чешского супина.

2. Унаследованные из праславянского языка формы супина в древнейших чешских памятниках первоначально заметно отличались от форм инфинитива.

Во-первых, после произошедшей еще в дописьменную эпоху утраты конечного слабого «ера» формы др.-чешского супина стали оканчиваться на твердый -t (у большинства глаголов) или на -с (у глаголов с праславянской инфинитивной основой на -k/-g-), тогда как формы др.-чешского инфинитива оканчивались на -ti или на -ci соответственно, ср. формы супина *nest*, *nosit*, *spat*, *vlec* и соотносимые с ними формы инфинитива *něsti*, *nositi*, *spáti*, *vléci* (примеры из [Gebauer 1958: 79]), ср. также приводимые Фр. Травничеком формы супина *pec*, *tec*, *střic* [Trávníček 1935: 384].

Во-вторых, поскольку перед названным твердым [t] окончания / формообразовательного суффикса супина, в отличие от положения перед мягким [tʲ] окончания / формообразовательного суффикса инфинитива (получившимся из полумягкого [t̪]) еще в дописьменную эпоху не было основания для перегласовки [ʼa] / [ʼä] > [ie], в др.-чешских текстах мы находим фонетически закономерные формы супина *žat*, *le-žat*, *večeřat*, *zabíjat* в соответствии с инфинитивными формами тех же глаголов *žieti*, *ležěti*, *večeřeti*, *zabíjěti* (примеры из [Gebauer 1958: 80]).

В-третьих, в связи с действием закона Фортунатова – де Соссюра произошло продление корневого гласного перед окончанием / формообразующим суффиксом инфинитива (но не супина!) в ряде др.-чешских двусложных инфинитивов, которое затем распространилось по аналогии на все др.-чешские двусложные инфинитивы, за исключением форм *moci*, *vrci*, *jeti*, *pěti*, *spěti*, см. [Dostál 1967: 57]. В результате долгий гласный в корне оказался почти у всех инфинитивов с односложной основой, тогда как у форм супина с односложной основой долгий гласный мог появиться лишь в результате стяжения, например, **lajatz* > *lát*, **stojatz* > *stát*, ср. [Gebauer 1958: 80]. У большинства же форм супина с односложной основой гласный был кратким (в отличие от соотносимых с ними инфинитивными формами), ср. приводившиеся выше формы *nest* – *něsti*, *spat* – *spáti*, *vlec* – *vléci*.

3. Вскоре, однако, граница между чешским супином и инфинитивом начинает размываться, причем размываться с обеих сторон.

Достаточно рано начинают фиксироваться формы инфинитива, оканчивающиеся на -t (как у форм супина). И если в текстах XIV в. примеры подобной огласовки инфинитива (*ale hybiet bude člověku* HusPost) единичны, то к концу XVI в. они уже весьма распространены [Gebauer 1958: 71].

Критерий «долгота-кратность гласного в односложной основе», уже нарушенный наличием упоминаемых выше инфинитивных форм *moci*, *vrci*, *jeti*, *pěti*, *spěti*,

еще более расшатывается появлением вариантов данных инфинитивных форм с долгим или кратким гласным, ср.: *hřmíti – hřměti, chvíti sě – chvěti sě, lpíti – lpěti, míti – měti, pníti – pněti, smieti – směti* (примеры из [Dostál 1967: 58]).

Появляются фонетически незакономерные формы супина, возникшие под влиянием форм инфинитивных, ср. *povede (vola svého) napagiet; (Zuzana) chodila do sadu procházet sě; Sába přijide pokuffet jeho; nepuojde t' Lazar macžet prstu u vodě* (примеры из [Gebauer 1958: 80]).

4. В результате всего сказанного «в XV–XVI вв. супин был полностью поглощен инфинитивом» [Широкова 1961: 247].

И действительно, хотя в опубликованной в 1672 г. грамматике чешского языка Росы супин упоминается, причем называются два типа супина, а именно *Supinum in um* (восходящий к винительному падежу соответствующего индоевропейского отглагольного существительного) и *Supinum in u* (восходящий к его отложительному падежу), речь там идет не о чешском супине, а о чешских функциональных соответствиях латинским конструкциям с латинским же супином (*eo lusum, dormitum; pugnatum est, dormitum est, cessatum est; actum est; eo â lusu; mirabile visu, auditu, difficile creditu, miserabile visu*), в качестве которых приводятся чешские конструкции с инфинитивом (*jdu hráti / spáti; divno viděti / slyšeti / těžko věřiti / litostiwo patřiti*), с отглагольным существительным (*jdu k hrání / spání; jdu od hrání; divno k vidění, k slyšení; těžko k věření / litostivo patření*), с причастием (*bylo bojováno*), с возвратным пассивом (*bojoválo se / spalo se / přestalo se*), ср. транслитерированный в современный Times New Roman соответствующий фрагмент грамматики (выделение готическим шрифтом было нами заменено выделением шрифтом полужирным):

Supinum in um.

1. *Supina exprimuntur apud Boëmos per participiale cum præpositione k vel per infinitivum ut eo lufum, dormitum gdu hráti / spáti vel gdu k hránj / spánj.*

2. *Supina quæ construuntur cum verbo sum, exprimimus per participium passivum in genere neutro, vel per præteritum neutro-passivum, ut pugnatum est, dormitum est, cessatum est. Bylo bogowáno / vel Bogowálo fe / spalo fe / přestalo fe / sic actum est, italo fe, &c.*

Supinum in u.

1. *Exprimuntur per participiale, od ud eo â lufu, gdu od hránj, &c.*

2. *Supina in u, quæ Latini construunt cum Adjectivis, ut mirabile visu, auditu, difficile creditu, miserabile visu, &c. exprimimus per participialia cum præpositione k ut diwno k widěnj, k flyffenj, &c. těžko k věřenj / litoftiwo patřenj &c. vel per infinitivum cum casu verbi, ut diwno widěti / flyffeti / těžko věřiti / litoftiwo patřiti [Rosa 1672: 178–179].*

5. В чешской словесности нового времени предпринимались попытки возродить супин, благо в XIX в. чешское образованное общество с латинским языком было знакомо весьма неплохо, ср. приводимые в [Gebauer 1958: 81] примеры с возрожденным супином: *vydal se vyzkoumat světa; šli podat svědectví; pan Kostka pravil, že nepřišel soudit se s nimi, ale ukázat svědectví; knížata nechvátali odkrývat oumyslů svých; jdou zabit markýze; přicházeli zabit markýze* (соответствующие формы инфинитива тогда должны были бы выглядеть как *vyzkoumati; podati; souditi se; ukázati; odkrývati; zabiti* соответственно).

Произошедшее в XX в. утверждение оканчивающейся на -t огласовки инфинитива в качестве огласовки основной, судя по всему, окончательно добило чешский супин, так как все приводимые в предыдущем параграфе формы супина (*vyzkoumat; podat; soudit se; ukázat; odkrývat; zabit*) стали восприниматься как обычные инфинитивные.

6. В грамматических описаниях современного состояния чешского языка супин, как правило, даже не упоминается, ср. до сих пор переиздаваемую классическую грамматику для гимназий [Havránek, Jedlička 1981], великолепную «Настольную грамматику чешского языка» брненских авторов [Příruční... 1996], подготовленные на корпусном материале новую академическую грамматику чешского языка [Akademická... 2013] и грамматику современного чешского языка, изданную в Карловом университете [Mluvnice ... 2010]. В крайнем случае речь может идти о примечаниях петитом типа следующего: «**Примечание:** После глаголов движения наряду с инфинитивом ранее использовался супин. В современном чешском языке отсутствует. Оставил след в виде квантитативно отличного варианта инфинитива глагола *spát* в составе фразеологизированного сочетания *jdu spat*» [Mluvnice ... 1986: 419].

Об этой же словоформе (*spat* ‘спать’ с кратким *a* после формы глагола *jít* ‘идти’) как о единственно возможном современном напоминании о бывшем супине мы читаем и в [Широкова 1961: 247], и в [Bauernöppel... 1970: 100], и в [Gebauer 1958: 81].

7. Мы решили попытаться найти формы супина / их рефлексy в текстах Чешского национального корпуса, а именно в серии современных чешских письменных текстов SYN verze 8 (4,5 миллиардов токенов без учета знаков пунктуации).

Поскольку супин как грамматическая категория в современном чешском языке не значится, то и поиск его формы с помощью соответствующей грамматической матрицы (что было бы проще всего) в Чешском национальном корпусе не предусмотрен.

7.1. Поэтому мы решили для начала определить инвентарь глаголов, которые теоретически могли бы иметь в современном чешском дискурсе, наряду с формой инфинитива, не совпадающую с ней форму супина. В принципе этот инвентарь можно было бы определить с помощью достаточно крупного словаря, однако мы захотели опереться на современный эмпирический материал непосредственно, а не на чьи-то результаты обработки этого (или какого-то еще) материала.

Поскольку речь могла идти только об односложных формах, мы задали поиск форм глагола, состоящих из трех или четырех букв и оканчивающихся на букву *t* и получили 14 243 992 примера (9 520 744 трехбуквенных и 4 723 248 четырехбуквенных). Пропустив полученный массив через убирающий дубликаты фильтр и вручную удалив то, что не могло быть образующим пару с несовпадающей формой супина односложной инфинитивной формой, мы получили список из следующих 111 форм (на данном этапе поиска мы игнорировали наличие / отсутствие у глагола возвратной частицы): *být; mít; dát; jít; žít; bát; pít; dít; bít; mýt; šít; sít; tát; vát; sát; lít; kát; výt; rýt; vít; lát; týt; čít; hrát; stát; znát; věst; brát; psát; číst; spát; jíst; zdát; ptát; přát; nést; dbát; prát; lhát; krýt; rvát; snít; zvát; lézt; ctít; hnát; dřít; řvát; vžit; cpát; hřát; přít; sžít; žrát; vézt; bdít; pást; zrát; zbýt; vřít; smýt; mást; zbít; hnít; vlát; mlít; třít; tkát; drát; plít; vlít; vrýt; klít; čnít; srát; zdít; lkát; zrýt; plát; slít; dlít; zřít; měst; tlít; zpít; blít; všít; rdít; mřít; mžit; dout; vpít; zlít; ržát; svát; vsát; nýst; sbít; clít; ztát; ssát; ždát; zvít; dnít; tmít; vbít; vsít; čtát; znýt; vjit; vít.*

7.2. Для поиска в серии SYN verze 8 корпуса сочетаний форм глагола *jít* ‘идти’ с данными инфинитивами, а также с потенциально соответствующими этим инфинитивам формами супина использовались поисковые запросы типа ([lemma=»jít«]) [word=»spát«]) и типа ([lemma=»jít«])[word=»spat«]), в результате чего ненулевые результаты сложились в следующую таблицу:

инфинитив	число контекстов с глаголом jít	потенциальный супин	число контекстов с глаголом jít
být	339	byt	18
mít	336	mit	0
dát	1446	dat	2
jít	303	jít	1
žít	410	žit	0
bát	11	bat	0
pít	219	pit	1
dít	1	dit	0
bít	53	bit	1
mýt	86	myt	0
šít	18	šit	0
sít	5	sit	0
sát	1	sat	0
lít	1	lit	0
kát	2	kat	9
rýt	6	ryt	0
hrát	8837	hrat	1
stát	177	stat	1
znát	138	znat	0
vést	91	vest	1
brát	383	brat	0
psát	295	psat	0
číst	216	čist	0
spát	13173	spat	168
jíst	243	jist	0
ptát	82	ptat	0
přát	54	přat	0
nést	2	nest	0
prát	116	prat	0
lhát	11	lhat	0
krýt	13	kryt	3
rvát	52	rvat	0
snít	11	snit	0
zvát	11	zvat	0
lézt	58	lezt	0
hnát	6	hnat	0
dřít	15	dřit	0
řvát	10	řvat	0
vžít	1	vžit	0
cpát	3	cpat	0
hřát	2	hřat	0
sžít	1	sžit	0
žrát	11	žrat	0
vézt	1	vezt	0
pást	135	past	0
smýt	113	smyt	0
zbít	19	zbit	0
mlít	3	mlit	0

инфинитив	число контекстов с глаголом jít	потенциальный супин	число контекстов с глаголом jít
drát	3	drat	1
plít	7	plit	0
klít	9	klit	9
srát	4	srat	1
zdit	1	zdit	0
zrýt	2	zryt	0
slít	1	slit	0
zpít	2	zpit	0
blít	2	blit	0
mřít	4	mřit	0
zlít	1	zlit	0

Как видно из таблицы, число контекстов с формой *spat* превышает общее число претендующих на статус супиновых форм других глаголов в несколько раз. Обратившись к найденным контекстам, мы увидим еще более показательную картину: о формах *spat* речь идет не в абсолютном большинстве, но **почти во всех случаях**, так как почти во всех контекстах, кроме контекстов с формой *spat*, краткость соответствующего гласного вызвана иными обстоятельствами:

(1) Это может быть высказывание на одном из моравско-словацких диалектов с иным, чем в литературном языке, распределением долгих и кратких гласных или же на одном из силезских диалектов, где долгие гласные вообще отсутствуют, ср.:

Každý večer sa mu hrabete po kapsách a hlédáte ho jak psa . Stejnako dyž bude chít , převezete vás a < půjde pit > .

Odbory by štrajkovaly , že prvoligisti hrajú tak rýchlo za sebu , zatímco my museli opustiť manželky , milenky a kto vi , kto koho ešte a < jít hrat > fotbal .

(2) Речь может идти об омографах, о случайных совпадениях наборов букв, ср. пример с причастием, выглядящим как потенциальный супин того же глагола, и пример с существительным:

Ale < šel kryt > v keřích a střílet se dobře nedalo .

Je často nesprávně označován jako japonský Phillips , ale není navržen na to , aby < šel bit > snadno vytáhnout ven , navíc můžete drážku křížovým šroubovákem Phillips zničit .

(3) Наконец, речь может идти просто об ошибках распознавания, ср:

Před revolucí se nazýval prezidentským (Consiliul < de stat >) a byl reprezentativním sídlem despotické Ceaușescovy vlády .

Более того, те единственные два представленные в нашем материале случая, когда иная форма, нежели *spat*, может претендовать на роль супина, вполне могут быть результатом обычной типографской ошибки (не проставленная долгота), ср.:

Cyklista souhlasil s naměřenou hodnotou a policistům uvedl , že před nehodou vypil jedno pivo a po nehodě si < šel dat > do bistra několik piv a odlivek alkoholu na oslavu , že přežil , „ řekla mluvčí bruntálských policistů Pavla Tušková .

Michal Kesudis: Tak jsem někde četl , že se osamocenému afghánskému vlastíkovi na jízdním kole podařilo odvařit naše čtyři žoldáky . Přijel k nim jen co ho spatřil , < šli srat > . Totálně na odpis .

В пользу последней интерпретации говорит, в частности, то, что представленное в последнем примере скандальное высказывание М. Кесудиса цитируется не

только в ежедневнике Právo (приведенный контекст), но и еще в двух входящих в SYN verze 8 изданиях (Týden + Deníky Moravia), причем там данная форма приведена с долготой – как обычная инфинитивная.

Итак, единственная форма, которая могла бы рассматриваться в качестве формы супина в современном чешском языке и которая достаточно регулярно встречается в самых разных типах текстах, – это форма *spat*, однако и она употребляется в современном чешском письменном дискурсе в тех же контекстах на два порядка реже, чем соответствующая ей инфинитивная форма *spát* (168 × 13 173).

7.3. Что же касается рассмотренных инфинитивных форм прочих чешских глаголов, то они господствуют в современном чешском письменном дискурсе в «изначально супиновых» контекстах абсолютно, ср., например:

Hektor posílá posla k Řekům se vzkazem , ať se < jde bít > ten , komu záleží na cti řeckých dívek .

... maminka dá dobrou noc a < jde brát > prášky a Růženka sbírá večeři

Rychle najdu Clarka a pak si < půjdu číst > .

< Jdu dát > těm bestiím na dvoře jed , než nás spolykají .

Až si řekl dost a před týdnem < šel drát > ven . . .

Klasický matriarchát , rodinu vedla babička , děda < šel dřít > do dolů do Ameriky .

Měli bychom < jít hrát > . . .

Děti , < pojd'te jíst > !

Tak jestli ještě nechceš jít domů , < nepůjdeš jít > se mnou ?

... příběh o bosém Jindřichu IV . , jenž se < jde kát > k papeži do Canossy .

Víťa Baránek vyběhl , tak jsem < šel krýt > bránu .

Druhý den ráno < šli lézt > do skal .

... no jo , tak zase nám < jdete lhát >

Léky v Mostě rozemleli , říkali tomu , že < jdou mlít > kafe ,

dokud stát neuzná za dobré , že vojáci , než < jdou mřít > do bitvy , nepotřebují na to požehnání boží

Ona se smála a < šla mýt > nádobí a já jsem měl vzteka , že bude škola

Propánakrále , Kája < jde pást > . A tak brzo . Co to ?

Zase < jde pít > , pomyslela si , zase se opije .

Ale přece jen se přemůže a < jde plít > len .

Když jej Zápotočný vyzýval k bitce , měl se < jít prát > jako chlap ,

Myslím , že < půjdu psát > .

Vy mě se < jdete ptát > !

... trenér mě držel i pod krkem , ať se < nejdu rvát > .

A ostatní zareagovali , ať < jdu řvát > dom .

Copak < jdeš rýt > zahradu ?

Tak dneska vařím já . A ty si < jdi šít > .

Dánové mimochodem – ovšem jenom muži – můžou v téhle situaci zcela nepřímoušsky říct , že < jdou slít > vodu z brambor

Jako syn zrádce musíš < jít smýt > vinu do továrny ,

Slunce už za hory kráčí / dělný lid znaven < jde snít > / avšak my trempové radši / kol ohně budeme bdít .

... plna hrdla smát vzorným , kteří hned na apríla < šli stát > frontu u pneuservisu .

8. Суммируя изложенное, следует констатировать, что супин в современном чешском языке отсутствует, будучи полностью поглощенным инфинитивом. Что же касается сочетаний глагола *jít* ‘идти’ с формой *spat* (с кратким гласным), то в современном чешском письменном дискурсе это единственный рефлекс исчезнувшей грамматической категории, активно вытесняемый грамматически правильными, с точки зрения современной системы чешского языка, сочетаниями глагола *jít* ‘идти’ с формой *spát* (с долгим гласным).

ЛИТЕРАТУРА

Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 301 с.

Широкова А.Г. Чешский язык. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961. 352 с.

Akademická gramatika spisovné češtiny / Fr. Štícha et al. Praha: Academia, 2013. 976 s.

Bauernöppel J., Fritsch H., Bielefeld B. Kurze tschechische Sprachlehre. Berlin: Volk and Wissen Volkseigener Verlag, 1970. 184 s.

Dostál A. Historická mluvnice česká. II. Tvarosloví. 2. Část. Časování. Praha: SPN, 1967. 228 s.

Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. II. Časování. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1958. 556 s.

Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha: SPN, 1981. 592 s.

Mluvnice češtiny. [2] Tvarosloví. Praha: Academia, 1986. 536 s.

Mluvnice současné češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček et al. Praha: Karolinum, 2010. 354 s.

Příruční mluvnice češtiny / Eds.: P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. Praha: NLN, 1996. 800 s.

Rosa W.J. Czechořecnost seu Grammatica Linguae Bohemicae Quatuor Partibus. Praga: Typis Joannis Arnolti a Dobroslawina, 1672. 520 s.

Trávníček Fr. Historická mluvnice československá. Praha: Melantrich, 1935. 446 s.

REFERENCES

Ananyeva N.E. (1994) History and Dialectology of the Polish Language. Moscow. 301 p. (In Rus)

Shirokova A.G. (1961) The Czech Language. Moscow. 352 p. (In Rus)

Štícha Fr. et al. (2013) Academic Grammar of Standard Czech. Prague. 976 p. (In Czech)

Bauernöppel J. et al. (1970) Short Czech Grammar. Berlin. 184 p. (In Germ)

Dostál A. (1967) Historical Grammar of the Czech Language. II. Morphology. 2. Part. Verbs. Prague. 228 s. (In Czech)

Gebauer J. (1958) Historical Grammar of the Czech language. Part III. Morphology. II. Verbs. Prague. 556 p. (In Czech)

Havránek B., Jedlička A. (1981) The Czech Grammar. Prague. 592 s. (In Czech)

Czech Grammar. [2] Morphology. Prague. 536 p. (In Czech)

Cvrček V. et al. (2010) The Grammar of Contemporary Czech 1. How to Spell and How to Speak. Prague. 354 p. (In Czech)

Karlík P., Nekula M., Rusínová Z. (1996) Portable Czech Grammar. Praha. 800 p. (In Czech)

Rosa W.J. (1672) Czechspeaking or the Grammar of the Bohemian Language in four parts. Prague. 520 p. (In Latin)

Trávníček Fr. (1935) Historical Grammar of the Czechoslovak Language. Prague. 446 p. (In Czech)

Сведения об авторе:

Андрей Иванович Изотов,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrey I. Izotov,
DSc in Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a.i.izotov@mail.ru

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

Н.Н. Старикова (Москва, Россия)

Сонет и эпос как образцы современной словенской поэзии

Пишущий стихи пишет их не «о» и не «что», даже не «во имя». Он пишет их по внутренней необходимости, из-за некоего вербального гула внутри, который одновременно и психологический, и философический, и нравственный, и самоотрицающий.

И. Бродский

Аннотация: В статье на примере творчества выдающихся поэтов Милана Есиха и Бориса А. Новака рассматриваются актуальные тенденции и художественные явления современного словенского стихосложения. Оба автора сохраняют верность традиционным жанровым типам и формам классической поэтической парадигмы – сонету и эпосу. Сонет является визитной карточкой Есиха (сборники «Сонеты», 1989, и «Сонеты вторые», 1993); с эпосом с недавнего времени ассоциируется творчество Новака (трилогия «Врата безвозвратности: эпос», 2015–2017). Словенских поэтов отличает не только приверженность каноническим образцам мировой литературы, но и новаторское отношение к ним, стремление к их трансформации и обновлению, а также активное продвижение такого подхода.

Ключевые слова: современная словенская поэзия, сонет, эпос, новаторский подход

N.N. Starikova (Moscow, Russia)

Sonnet and Epic Poems as Forms of Contemporary Slovenian Poetry

Absrtact: In the article on the example of the works by outstanding poets Milan Jesih and Boris A. Novak, are considered the current trends and artistic phenomena of contemporary Slovenian versification. Both authors remain faithful to the traditional genre types and forms of the classical poetic paradigm are the sonnet and the epic poems. The sonnet is Jesih's calling card (the collections "Soneti", 1989, and "Soneti drugi", 1993); Novak's work has recently been associated with the epic (the trilogy "Vrata nepovrata: epos", 2015–2017). Slovenian poets are distinguished not only by their adherence to the canonical examples of world literature, but also by their innovative attitude towards them, the desire for their transformation and renewal, as well as the active promotion of this approach.

Key words: contemporary Slovenian poetry, sonnet, epic poems, innovative approach

Словенское национальное самосознание было сформировано в условиях инокультурного влияния, в постоянной борьбе за язык, школу, книгу. Это привело к тому, что поэтическое слово получило у словенцев особую модальность, на протяжении XIX–XX вв. складывался стереотип восприятия их как «нации поэтов». До сих пор поэзия служит своего рода барометром культурного самочувствия и умонастроений определенных слоев словенского общества. Однако, несмотря на все «измы» (от футуризма до о'харизма¹), которые словенские стихотворцы отважно штурмовали в XX в., для некоторых из них классические образцы мировой поэтической парадигмы все еще являются эстетическими ориентирами. Об этом свидетельствует уникальный опыт двух «атлантов» современной словенской поэзии, единомышленников в творчестве и друзей в жизни, Милана Есиха и Бориса А. Новака. Сонет стал визитной карточкой первого, с эпосом с недавнего времени ассоциируется творчество второго. Причем оба поэта не просто обращаются к этим каноническим формам, но новаторски их преобразуют и активно пропагандируют такой подход. Родившиеся в начале 1950-х гг. (Есих в 1951 г., Новак в 1953 г.), они принадлежат к тому поколению, которое оказалось в самом эпицентре вольнодумия и бунтарства югославской молодежи, взрослевшей на рубеже «вольных шестидесятых» и «свинцовых семидесятых». Анализируя поэтическую обстановку в Словении в этот период, важно обратить внимание на три принципиальных для сценария ее дальнейшего развития подробности: во-первых, именно в это время была восстановлена прерванная на заре социалистического строительства связь с национальной поэтической традицией первой половины XX в., давшей Словении своих выдающихся поэтов-авангардистов. Во-вторых, именно в годы «оттепели» творческая интеллигенция начала активно обмениваться опытом с коллегами из западных стран, и, наконец, в-третьих, впервые после войны было достигнуто равноправное сосуществование разных идейных, семантических и художественных принципов и созданы предпосылки для развития эстетического плюрализма, равных условий для представителей разных литературных направлений, концепций и художественных взглядов.

Милан Есих

Среди многочисленных поэтических изданий М. Есиха есть два «культовых» сборника: «Сонеты» (1989) и «Вторые сонеты» (1993), – отвечающих «литературоведческим критериям постмодернизма»² и определивших «качественный переход национального стихосложения от традиции к современности»³. Это первое за всю историю словенского сонета столь значительное по объему его воплощение: восемьдесят восемь стихотворений составили первый, сто шесть – второй сборник.

Сонет – один из жанров, создавших словенскую поэзию и – шире – литературу; в Словении эту аристократическую форму изящной словесности Возрождения на волне европейского романтизма по достоинству оценил и приспособил к специфическому строю родного языка поэт-романтик Ф. Прешерн. Он

¹ Термин восходит к имени американского поэта, принадлежавшего к нью-йоркской поэтической школе, Фрэнка О'Хара (1926–1966).

² Кос М. Литература 1990-х годов. Поэзия // Словенская литература XX века. М., 2014. С. 275.

³ Bandelj D. Skrivnost subjekta // Jesih Milan. Zbrane zbirke. Ljubljana, 2012. S. 816.

создал основополагающий канонический образец национального сонета, который до сих пор не могут совершенно игнорировать даже те дерзкие смельчаки, кто пытается от него отступить. В XIX–XXI вв. к сонету обращались избранные: Й. Стритар, Д. Кетте, А. Градник, Ф. Балантич, Б. Водушек, Ц. Злобец, Я. Менарт, В. Тауфер, Н. Графенауэр, А. Дебеляк, К. Кович, М. Комель, М. Деклева, и каждый пытался наполнить традиционную форму индивидуальным содержанием.

Успех сонетных сборников Есиха связан с удачным апгрейдом сонетной формы: поэт приблизил поэтику, в которой «звучание значит, а значение звучит»¹, к современному читателю, демократизировал строгую форму, предназначенную для возвышенных тем, введя в нее разные пласты языка, мелодии и ритмы повседневности, фрагменты личных воспоминаний и переживаний. Для этого ритм пятистопного ямба и эфонические правила рифмовки были им модернизированы, приспособлены к современному произношению. Тяготая к акустической рифмовке, Есих широко использует «неправильные» разговорные окончания слов, приближая классическую форму к живой речи, в традиционные мотивы сонетной лирики – одиночества, смерти, любви, неудовлетворенности собой и миром – привносит двусмысленность, парадоксальность, эксцентризму. Ирония по отношению ко всему индивидуальному и абсолютному и авторская самоирония – важнейшие компоненты его поэтики:

Теплом с юго-востока повеваает;
даль в маслянисто-сизой дымке тонет,
и благодать ко сну меня склоняет:
«Приляг, ни тучки нет на небосклоне!

А если какнет птичка – не плюясь
слизни, причмокни и еще поспи.
Я знаю, что тебе по вкусу грязь –
какой ты только гадости не пил!»

Но отвечаю я, соблазн отринув:
«Ты, Благодать, стараешься впустую:
возлечь с тобой – ну что за доблесть в том?

Мне подавай Суровую годину,
Глухую Ночь, минуту Роковую
иль Смертную – уж если доживем!»²

Оба сборника в силу своей двуадресности: обращенности как к высокоинтеллектуальной публике, так и к массовой аудитории – пережили невиданный читательский успех. Эффект был достигнут, главным образом, благодаря разноразмерной, гибридной организации текстов, в которых рядом с «высоким» литературным языком на паритетных началах сосуществуют «низкие» разговорные обертоны, вульгаризмы, жаргон и просторечие. Поэт играет со всем арсеналом художественных средств и ритмических структур, со всем богатством национальной и мировой поэтической традиции, парафразирует и пародирует стиль, язык, ритмику, сюжеты, темы национальных и мировых классиков. Фирменным знаком, «фишкой» Есиха является, по наблюдениям И. Новак-Попов, часто присутствующий в последнем терцете смысловой акцент с элементами парадокса или афоризма, неожиданной реплики или оригинального оксюморона, «приземляющий серьезную интонацию предыдущих строф»³, благодаря чему происходит переход от высокого пафосного к тривиальному бытовому.

¹ *Novak Boris. A. Salto immortale. Študije o prevajanju poezije. Prva knjiga. Ljubljana, 2011. S. 52.*

² *Ecux M. Стихи / Пер. Ж.В. Перковская. Ljubljana, 2009. С. 71.*

³ *Novak Popov I. Sprehodi po slovenski poeziji. Maribor 2003. S. 511.*

Весь день проездив, к вечеру домой
 добрался я усталый: всю дорогу
 казалось мне – отец сидит со мной...
 Он, как живой, меня за локоть трогал,
 болтал и ждал моих ответных слов,
 шутил смеялся, я ж в ответ – ни слова,
 смотрел вперед, серьезен и суров,
 кичась блестящим ситроеном новым.

Смеркается. Галдят шальные птицы,
 сдуваемые ветром на зимовье.
 Есть у меня в записке сливовица –
 пусть я один не пью, но долг сыновний
 мне за тебя, отец, велит испить
 хоть чарку – и немедля повторить!¹

Культурная память – важная составляющая поэтики Есиха, но не менее принципиальны для него личные впечатления, представления и фантазии, благодаря которым и создается то удивительное ощущение одновременно кайроса и хроноса – чудесной драгоценности каждого мгновения на фоне неумолимой вечности, которая «пролетает мимо», воплощенное, как пишет Борис А. Новак, в «вечном сейчас поэтического языка»²:

Вечереет. На вершинах горных
 печально догорает медь заката,
 подобно окровавленной короне.
 Она и он – вкушаем, как когда-то
 под шелест зеленеющих ветвей
 любовь – десерт без времени и места.
 Он – я – сажусь поближе – к Ней –
 глядим глаза в глаза, без слов, без жеста...

Есть в этом сласть, и боль, и шарм – все вместе,
 и ветер, отдохнув, спешит скорей
 сквозь сад, и влажным шлейфом нам по лицам
 проводит ненароком, и ресницы
 смежив на миг, все упускаем мы;
 вокруг – ночная власть великой тьмы³.

Полет духа сочетается у Есиха с обаянием материального, спонтанная раскованность с творческой волей, юмор и ирония с эмоциональной глубиной. Его поэтические описания обретают свое неповторимое звучание благодаря тому, что авторская фантазия взаимодействует с национальным и мировым литературным контекстом, что его «лира», подчеркивает Б. Патерну, «открыта для завоеваний прошлого, для родной поэтической традиции в ее лучших классических образах... и эта внутренняя связь, обогащенная современным опытом, дает толчок к рождению новой художественной субстанции»⁴. Когда-то Ю. Тынянов заметил об Александре Блоке: «... почти всегда за его поэзией невольно подставляют человеческое лицо – и все по-

¹ Есих М. Стихи. С. 51.

² Новак Борис А. Портрет Милана Есиха, или Если бы Пьер Безухов писал сонеты... // Есих М. Стихи / Пер. Ж.В. Перковская. Ljubljana, 2009. С. 109.

³ Есих М. Стихи. С. 27.

⁴ Paternu B. Jesih v klasiki: Od ekspresionizma do postmoderne. Ljubljana, 1999. S. 204.

любили лицо, а не искусство»¹. Отраженное в сонетах «лицо» Милана Есиха жизнерадостно и витально, меланхолично и (само)иронично, в нем ощущается и дух времени, и универсальность мирового поэтического сознания.

Всестороннее знание эволюции стихосложения и антропологии стиха позволило Борису А. Новаку создать первую в истории словенской литературы поэтическую эпопею «Врата безвозвратности: эпос» (2015–2017), включающую три тома: «Атласы ностальгии», «Время отцов» и «Обиталища душ», – общим объемом более 40 тысяч стихов. Связующим звеном повествовательной структуры всех книг является мотив странствия, который реализуется на трех уровнях: времени, места и памяти. Текст представляет собой мозаичное соединение фрагментов микросюжетов, усложненное темпоральными перебивками. Это филигранно выстроенное сооружение реконструирует реальные эпизоды жизни поэта, членов его семьи, страны, даже Европы в контексте минувшей и еще длящейся эпохи. Следуя за Н.А. Бердяевым, полагавшим, что память представляет собой не просто пассивное воспроизведение прошлого, но что это род творческой «духовной активности, направленной не только на понимание прошлого, но и на его преображение»², поэт реконструирует и верифицирует прошлое, воплощая его в поэтических образах.

Борис А. Новак

Представленный событийный ряд связан с функционированием воспоминаний: лирический герой Новака путешествует по лабиринтам как услышанного, так и лично пережитого – и «из груды осколков» рождается «великая неслыханная история»³, создается портрет Времени. Поэт трактует эпос значительно шире устоявшихся канонических представлений о нем, в частности бахтинских: из трех конститутивных черт, сформулированных М.М. Бахтиным (предмет изображения – национальное

эпическое «абсолютное» прошлое; источник – национальное предание, а не личный опыт и вырастающий на его основе свободный вымысел; наличие дистанции, отделяющей эпический мир от современности), в чистом виде не сохраняется ни одной. Неизменной для Новака остается лишь «авторская установка... человека, говорящего о недостижимом для него прошлом, благоговейная установка потомка»⁴.

Первый том открывает «Обращение» – своеобразное введение, в котором нарратор определяет свою эпическую задачу: подобно Гомеру, отречься от субъективной формы легализации авторского сознания в пользу «я» объективного летописца: «Быть хронистом – значит забыть о своем малом “я”, // покориться Великой Полиархии Истории»⁵. За ним следуют разделы «Атлас покинутых мест» и «Музей кочевых средств передвижения», в которых автор раскрывает тайные смыслы и символику тех уголков земли, общественных мест и предметов повседневности, которые

¹ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 76.

² Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 17.

³ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. Novo mesto, 2015. S. 54. Здесь и далее, если переводчик не указан в тексте статьи, перевод сделан Н.Н. Стариковой.

⁴ Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Эпос и роман. СПб., 2000. С. 197–199.

⁵ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos: Zemljevidi domotožja. S. 51.

в разные периоды времени оставили в его сознании значимый след, сыграли роль в его личностном и творческом формировании. В первой песне действие переносится в Австралию, континент «без прошлого», «пэтчворк всех красок, зеркало ветров»¹, где лирический герой встречается с душами ушедших: Данте, отцом, прадедом – и где окончательно принимает решение «*начать свое сказание*»². «Дорожную карту» второй части можно отчасти назвать топографической, песни в ней представляют как отдельные места на карте мира (реки, озера, моря, острова, горы, города, деревни, улицы, здания и т. д.), так и жизненные пространства (дома, кухни, спальни, детские, танцплощадки, редакции, театральные сцены, казармы, тюрьмы, больницы, могилы и т. д.), где автор имел счастье или несчастье побывать.

Есть города, несущие заряд энергии, который ощущаешь,
когда читаешь маленькие буквы их названий на
карте мира. Я в их плену навечно.

<...>

Париж, Мадрид, Валенсия, Толедо, Компостела, Барселона,
Венеция, Болонья, Рим, Триест, Флоренция, Феррара,
Кёльн, Аахен, Мюнхен, Дрезден, Франкфурт и Берлин,
Москва и Петербург, Стокгольм и Копенгаген,
Гент и Брюссель, Антверпен, Амстердам, Варшава,
Краков...³

Вторая книга – «Время отцов» – обращена непосредственно к семейной истории. В название всех разделов и песней вынесено слово «Время»: «Время поэтов», «Время матерей», «Время детей», «Время дедов» и т. д. Эта часть трилогии – своеобразный Реквием по ушедшим близким, который начинается с песни «Время Данте, время Анте», где лирический герой мысленно беседует с двумя главными наставниками своей жизни: своим отцом, героем-партизаном Анте Новаком и автором «Божественной комедии» Данте Алигьери. Сюжетную канву второй книги «держит» тема Второй мировой войны, которая объединяет многочисленные личные истории персонажей в одну семейную и общечеловеческую трагедию. События 1941–1945 гг. разделили словенское общество, Новак рассказывает о том, как это происходило в его семье. Как молодой *белогардист* Лойзе влюбился в красавицу Аницу, будущую мать поэта? и предупредил ее, сестру партизана, о готовящемся аресте. Как дядя поэта Рудольф, кадровый военный, оказался в 1941 г. в Загребе, был мобилизован в армию НГХ, отправлен на восточный фронт, сдался вместе с полком под Сталинградом и сгинул где-то в Сибири. Как 31 октября 1941 г. бабушке поэта Леопольдине офицер мариборского гестапо принес зеленую консервную банку с пеплом ее сына-подпольщика Лео и вручил со словами: «Мы, немцы, люди чести. // Я дал слово, что верну вам сына, – вот возвращаю!»⁴

Отдавая себе отчет в том, что последствия раскола общества во время фашистской оккупации и национально-освободительной борьбы распространяются и на потомков «красных» и «белых», что это одна из самых трагических страниц в словенской истории XX в., поэт с одинаковым сочувствием говорит о жертвах с обеих сторон, ибо «мертвые сраму не имут». И, уважая память всех погибших в те страшные годы, он готов предать земле останки всех до сих пор не погребенных: «Если б я смог, сумел совершить чудо, // всех бы похоронил под солнечными лучами»⁵.

¹ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. S. 13.

² Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. S. 25.

³ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. S. 142.

⁴ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Čas očetov. Novo mesto, 2015. S. 453.

⁵ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Čas očetov. S. 679.

Заключительный том трилогии «Обиталища душ» отличается от первых двух не только объемом, но и ярко выраженным философским дискурсом; стереоскопическое осмысление Прошлого с помощью индивидуального опыта множества персонажей, по мысли автора, – главный способ поэтизации Истории. Метафорой этого процесса служит плавание на Корабле, на котором лирический герой совершает путешествие вглубь своей и коллективной памяти, чтобы увековечить Время и Образы («души») ушедших, создать с помощью поэтического слова символический «грандиозный кенотаф». Попадая в «Подпалубье», лирический герой совершает погружение в «архив мира», посещает Музей тикающих часов всех диктатур, Музей неосужденных монархов. Панораму этого экскурса открывают герои древних мифов, а завершают современные беженцы, Троянская война здесь плавно перетекает во Вторую мировую, а затем и в конфликт на Балканах. Одним из действующих лиц третьей книги выступает сама *Ars poetica* – мировая поэтическая традиция, представленная именами тех, кто оказал и продолжает оказывать влияние на автора. Помимо «недостигаемого» Данте, это «учителя» – С. Малларме, П. Верлен, А. Рембо, Ф.Прешерн, Ч. Милош, «старшие братья» – Д. Зайц, Т. Шаламун, «ровесники» – Ю. Детела, М. Есих, А. Дебеляк. Завершают эту часть четыре оды: каракулям, косноязычию, терпению и «мастерству» – остроумный, ироничный и самоироничный рецепт от мании величия для всех тех, кто, как и автор, имеет в анамнезе болезнь рифм. В диалог с ушедшими естественно вплетается голос самой Поэзии, творчество трактуется как главное прибежище души поэта – этого Одиссея современности. Итакой для него был и остается пастернаковский «образ мира, в слове явленный», создание которого всегда обусловлено нравственным выбором. Об этом песнь «От/решения»:

1

Любое решение
есть отрешение:
больно.

2

Между землей и небом
выбери горизонт.
Между лесом и полем
выбери перелесье.
Между проселком и домом
выбери дом, и проселок,
и сад.
И сад.

3

Между луной и солнцем
выбери месяц:
только он, и больше никто
раз в четыре недели
наведывается
в край – краешек – своего
детства.

<...>

6

Ежели ты философ,
меж буквой и духом выбери дух:
истинность духа букву направит.
Ежели ты поэт,
меж буквой и духом выбери букву:
правильность буквы направит к истине дух.
Ежели ты священник,
меж буквой и духом выбери сердце.

7

Из двух друзей выбирай
того, кто немногословнее.
Из двух соперников выбери более сильного:
слабый соперник опасен –
в бою он способен на всё.

<...>

Из двух зверушек
выбери ту, что не выживет без тебя.

Из двух детей
выбирай обоих.

Из неравных двух зол
не выбирай ни единого.

Между чаяньем и отчаяньем
выбери чаянье –
его тяжелей нести¹.

(пер. Ж. Перковской)

Одним из способов преодоления жестокой данности существования является для автора эпоса необходимость действовать, совершать поступки, не случайно одна из тетрадей имеет название «Душа – это глагол». На формальном уровне это находит выражение в энергичной, «действенной» ритмической организации текста: поэт прибегает к широкому регистру версификации, использует чередование различных по этимологии и частоте употребления стиховых единиц и метрики. Классический ямбический одиннадцатисложник претерпел в эпосе существенные трансформации, строгие рифмы часто заменяются ассонансами, формы сонета, венка сонетов, мадригала, виланеллы заметно адаптированы, верлибризованы, автор использует хайку, приемы визуальной поэзии (игра с размером и шрифтом буквы, слова, словосочетания, с графическим и геометрическим расположением строк на странице). В наиболее драматических эпизодах справа от основного стихотворного ряда располагаются дополнительные строки, которые своим значением и звучанием оттеняют его содержание: авторский голос, откликаясь на изображаемое, заостряет конфликт эпического и лирического.

Борис А. Новак в своем *Opus magnum*, безусловно, следует главному художественному принципу традиционного эпоса, направленному на поэтизацию действительности в ее героическом (исторические потрясения) и романтическом (проза жизни) выражении. В целом ему удается сохранить баланс, характерный для эпической поэзии, всегда стремившейся синтезировать эти два начала, чтобы создать целостное представление об изображаемом. «Врата безвозвратности» от-

¹ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Bivališča duš. Novo mesto. S. 981, 984

ражают ряд тенденций, характерных для развития стихосложения XXI в., среди которых тяготение к гетероморфности стиха с ее комбинацией разных размеров и рифм, соединением силлабо-тоники и верлибра, прозаизация поэтического языка, обращение к опыту национального авангарда и его методу визуализации и графической семантики текста, использование принципа калейдоскопичности как инструмента поэтической оптики.

Путь, который выбрали для себя поэты Милан Есих и Борис А. Новак, основан, с одной стороны, на знании классики и канона и уважении к ним, ко всем этим «оковам» рифмы, ритма, аллитерации, с другой – базируется на обновлении классического «дантовского» нарратива. Их творческий диалог с мировой и национальной поэтической традицией ведет к обогащению поэтического сознания, к продолжению поэзии «культурно-созидательной» (О. Мандельштам¹), релевантной ожиданиям читателей XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Bandelj D.* Skrivnost subjekta // Jesih M. Zbrane zbirke. Ljubljana, 2012. S. 800–826.
- Novak Boris A.* Salto immortale. Študije o prevajanju poezije. Prva knjiga. Ljubljana, 2011. 307 s.
- Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. Novo mesto, 2015, 475 s.
- Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Čas očetov. Novo mesto, 2015. 723 s.
- Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Bivališča duš. Novo mesto, 2017. 1111 s.
- Novak Popov I.* Sprehodi po slovenski poeziji. Maribor, 2003. 548 s.
- Paternu B.* Jesih v klasiki // Od ekspresionizma do postmoderne. Ljubljana, 1999. S. 204–216.
- Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Эпос и роман. СПб., 2000. С. 194–232.
- Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990, 176 с.
- Есих М.* Стихи / Пер. Ж.В. Перковская. Ljubljana, 2009. 116 с.
- Кос М.* Литература 1990-х годов. Поэзия // Словенская литература XX века. М., 2014. С. 271–282.
- Мандельштам О.Э.* О поэзии // Мандельштам О.Э. Слово и культура. М., 1987. С. 37–106.
- Новак Борис А.* Портрет Милана Есиха, или Если бы Пьер Безухов писал сонеты... // Есих М. Стихи / Пер. Ж.В. Перковская. Ljubljana, 2009. С. 101–110.
- Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. 322 с.

REFERENCES

- Bandelj D.* Skrivnost subjekta. V: Jesih M. Zbrane zbirke. Ljubljana. 2012, pp. 800–826.
- Bakhtin M.M.* Epic and Novel (About the methodology of the novel study). In: Epic and Novel. St. Petersburg. 2000, pp. 194–232.
- Berdyaev N.A.* (1990) The Meaning of History. Moscow. 176 p.
- Jesih M.* (2009) Poems / Transl. by Zh.V. Perkovskaya. Ljubljana. 116 p.
- Kos M.* Literature of the 1990s. Poetry. In: Slovenian Literature of the 20th Century. Moscow. 2014, pp. 271–282.

¹ *Мандельштам О.Э.* О поэзии // Мандельштам О.Э. Слово и культура. М., 1987. С. 41.

Mandelstam O.E. About Poetry. In: Mandelstam O.E. Word and Culture. Moscow. 1987, pp. 37–106.

Novak Boris A. Portrait of Milan Jesih, or if Pierre Bezukhov wrote sonnets.... In: Jesih M. Poems / Transl. by Zh.V. Perkovskaya. Ljubljana. 2009, pp. 101–110.

Novak Boris A. (2011) Salto immortale. Študije o prevajanju poezije. Prva knjiga. Ljubljana. 307 s.

Novak Boris A. (2015) Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. Novo mesto. 475 s.

Novak Boris A. (2015) Vrata nepovrata: epos. Čas očetov. Novo mesto. 723 s.

Novak Boris A. (2017) Vrata nepovrata: epos. Bivališča duš. Novo mesto. 1111 s.

Novak Popov I. (2003) Sprehodi po slovenski poeziji. Maribor. 548 s.

Paternu B. Jesih v klasiki. W: Od ekspresionizma do postmoderne. Ljubljana. 1999, ss. 204–216.

Tynyanov Yu.N. (1977) Poetics. History of Literature. Cinema. Moscow. 322 p.

Сведения об авторе:

Надежда Николаевна Старикова,
доктор филол. наук
зав. отделом современных литератур
Центральной и Юго-Восточной Европы

Институт славяноведения РАН

Nadezhda N. Starikova,
Doctor of Philology
Head of the Department for Contemporary
Literatures of Central
and South-Eastern Europe

Institute of Slavic Studies, RAS

nstarikova@mail.ru

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

Е.И. Якушкина (Москва, Россия)

Семантика подарка в сербском языке и народной культуре

Аннотация: В статье рассматривается лексическое выражение семантики подарка в сербских народных говорах. Праславянское и общеславянское слово ‘дар’ в сербской традиции связано прежде всего со свадьбой и рождением ребенка, дарение, приуроченное к этим событиям обозначается глаголом ‘даривати’. В отличие от этого действия, сербская семантическая инновация ‘поклон’ в народных говорах обозначает отданную безвозмездно вещь вне связи с какими бы то ни было праздниками. По всей видимости, это свидетельствует о том, что общеславянское ‘дар’ изначально имело сакральную семантику и не могло употребляться в светских контекстах. Третий вид подарка, обозначаемый словом ‘милошта’, связан с не имеющими большой ценности приношениями гостей.

Ключевые слова: славянская этнолингвистика, славянская лексикология, сербский язык, сербские народные говоры, культурная семантика

E.I. Yakushkina (Moscow, Russia)

The Semantics of Gift in the Serbian Language and Serbian Folk Culture

Abstract: The paper studies the lexical expression of semantics of gift in Serbian dialects and the corresponding cultural tradition. The proto-Slavic and common Slavic word “dar” in the Serbian tradition is primarily associated with a wedding and the child birth. In contrast to this action, the Serbian semantic innovation “poklon” in dialects denotes a thing given away without any connection with any holidays. Apparently, this indicates that the common Slavic word “dar” originally had a sacred semantics and could not be used in secular contexts. The third type of gift, designated by the word “milošta”, is associated with the presents that do not have much value.

Key words: Slavic ethnolinguistics, Slavic lexicology, Serbian language, cultural semantics

Предметом внимания в настоящей статье является концепт подарка, каким он отражен в сербском народном языке и, следовательно, как он воспринимается носителем сербской народной культуры. Денотативное поле названий подарка, как и

многих других элементов народной духовной, а иногда и материальной, культуры не имеет фиксированной структуры, которая была бы универсальна для разных языков. Каждый язык, даже в пределах славянского мира, неизбежно вносит в эту структуру свои особенности, отражающие своеобразие народных обычаев в данной среде. В народном сербском языке с семантикой подарка соотносятся три основные ситуации, которые лексикализованы в трех словах: *дар*, *поклон* и *милостия*. Данная статья посвящена описанию этих трех ситуаций.

Исконное славянское слово **darъ*, сохранившееся во всех славянских языках, является древним образованием, имеет индоевропейское происхождение и соотносится с другими индоевропейскими обозначениями дара и соответственно с **dō-* ‘давать’ [ЭССЯ, 4: 192]. По всей видимости, словом **darъ* обозначалась «*притуализованная* передача предмета от одного лица к другому» [Агапкина 1999: 16]. На сакральность действия, обозначаемого словом **darъ*, в том числе указывает то, что в современных славянских языках этой лексемой обозначается дарение, имеющее особый, обрядовый или возвышенный смысл (ср. русск. *Божий дар*, *дар* как талант), а для обозначения повседневного дарения у славян сформировалось другое слово. В сербском языке таким словом является продолжение праслав. **poklonъ*, в котором у южных славян произошел семантический сдвиг от поклона как знака уважения к подарку (ср. также в словен., болг. SSKJ, РБЕ), и реже другие слова, пережившие тот же семантический переход (например, *част* – исходно ‘честь’, вторично – ‘угощение’ и ‘подарок’ (РСЈ), *поздрав* исходно ‘привет’, вторично ‘подарок’: *Ево сам ти донијела поздрав* «Вот я принесла тебе подарок» [Петровић, Ћелић, Капустина 2013: 297]¹. Разным существительным соответствуют и разные глаголы, описывающие дарение, ср. серб. из псл. *даривати*, *даровати* ‘одаривать’ и *поклонити* ‘подарить’. Еще одним существительным, реализующим семантику подарка в сербском языке, является продолжение праслав. **milostъ*.

Слово *дар* на сербской языковой территории почти повсеместно является свадебным термином и обозначает подарки, которые невеста дарит членам своей новой семьи ([РСАНУ, 4: 56; Букумурић 2012: 120; РСГВ, 1: 346]; экспедиционные записи из Боснии, окрестностей Байина Башта и Приеполе). Это явление свойственно также и болгарскому языку (РБЕ). В обоих языках это слово в качестве свадебного термина может употребляться во множественном числе, серб. *дарови*, и обозначать не собственно подарки, а *девојачку спрему*, т. е. приданое [Стојановић 2010: 159; Јовановић 2004: 65; РБЕ]. Слово *дар* может приобретать и другие значения в рамках свадебного обряда: *дар* ‘помолвка’ [РСГВ, 1: 346], *бити под даром* (об обрученной девушке), *вратити дар* ‘расторгнуть помолвку’, в которых *дар* выступает как гарант договора между семьями (ср. серб. *вера* в этом же значении, *кад девојку л’јепо даровао, с тастом својим вјеру уговара* «когда девушку, как положено, одарил, с тестем стал договариваться о помолвке», РСЈ). *Млада дарује, млада се дарује парама* «Дарит невеста, невесту одаривают деньгами» (экспедиционные записи из Миоска, Приеполе). Помимо свадьбы, *даривањем* называется дарение подарков и в других обрядовых ситуациях, прежде всего при рождении ребенка. *Дарује се дијете на бешику* «Одаривают ребенка при рождении» (экспедиционные записи из Камена Гора, Приеполе). *Дете дарујеш кад се роди* «ребенка одариваешь, когда родится» (экспедиционные записи из Миоска). В северной Метохии говорили, *дароват полазника* [Букумурић 2021: 120], а в

¹ Из вторичных названий подарка ср. также *колач* ‘хлеб’ и ‘подарок, милостыня’ [Петровић, Ћелић, Капустина 2013: 185].

Шумадии – *даривати бадњак перед рубкой* [Петровић, Капустина 2011.: 76]. *За славу се исто носи дар* «На славу тоже приносят дар» (экспедиционные записи из Камена Гора, Приеполе).

В некоторых сербских говорах *дар* употребляется шире, чем только обрядовый термин и может обозначать подарки, которые дарят по разным поводам [РСГВ, 1: 346; Петровић, Ћелић, Капустина 2013: 95; Ћупић 1997: 73], ср. *бака је опет донијела дарове* «бабушка опять принесла подарки» [Петровић, Ћелић, Капустина 2013: 95]. Широко формулируется семантика слова *дар* и в словаре РСАНУ [РСАНУ, 4: 56]: *дар* ‘то, что человек в разных ситуациях добровольно отдает другому, подарок’. Также словом *дар* как дары от Бога могут называться плоды и фрукты [РСЈ; РСГВ, 1: 346].

На то, что подарок в традиционной культуре – явление обрядовое или ритуализованное, указывает развитие терминов для называния подарков в конкретной обрядовой ситуации. Ср. *повојница* ‘подарок к рождению’ [РСЈ], *праћенија* ‘подарок, который посылают, передают с кем-то: яблоко, цветы’ (иллюстрация к этому слову указывает на то, что участниками данной ситуации являются парень и девушка: *Милан добио праћенију од девојку, пратила му китку сумбул* «Милан получил подарок од девушки, она послала ему букетик гиацинта» [Марковић 1986: 411]; такого рода подарок имеет символическое значение, в данном случае его цель, скорее всего, сообщить о готовности на брак, в других случаях девушка и молодой человек подарками не обменивались.

По сравнению с древним семантическим состоянием в развитии концепта подарка в сербских говорах на протяжении их истории можно предположить процесс десакрализации этого концепта. Это выражается в развитии дополнительных лексем, которые обозначают не столь ценностно окрашенный концепт, как слово *дар*. Так, для призренско-тимокских говоров характерно развитие деминутива от слова *дар*: *дарч’к* и *дарч’к*: *Тој ми-е дарч’к од етрву* «Это подарок от ятровки» [Стојановић 2010: 159], *дар’к*, *дарч’к*: *и ја сам добио неки дар’к* «И я получил небольшой подарок» [Јовановић 200: 377].

Центральное место в ряду обозначений подарка в сербском языке заняла лексема *поклон*. На вопрос о разнице между словами *дар* и *поклон* носители сербских народных говоров обычно отвечают, что *дарују* только на свадьбу и при рождении ребенка, а в остальных случаях дарение подарка обозначается словом *поклон*. Однако в разных областях сербской языковой территории с этим словом могут связываться разные ситуации: от любого подарка до особо значительного.

Во-первых, слово *поклон* может обозначать повседневное приношение гостя: *треба донети неки поклон, макар неку шољу или нешто* «нужно принести какой-то подарок, хотя бы чашку или еще что-то» [РСГВ, 3: 288]. *Поклон – кад се поклони нешто за кућу* «когда подарят что-то для дома» (экспедиционные записи из Камена Гора, Приеполе). Как типичные *поклони* называют также: *шоља, чаша, кафа, шећер то се тад носило тако* «чашка, стакан, кофе, сахар – раньше это приносили» (экспедиционные записи из Рогачице, Байина Башта).

Во-вторых, устойчивым денотатом слова *поклон*, по всей видимости, было дарение имущества. *Могао је отац за свог живота поклонити сину земље да се одели и заснује своје домаћинство, поклонити и нешто од стоке. Могао је отац, мада је то ређе, поклонити и ћерки живу земље, или нешто од стоке. Уопште, било је мање поклона него дарова* «Отец мог при жизни подарить сыну землю, чтобы он отделился и основал свое хозяйство, мог подарить и скотину. Отец мог, хотя это случалось реже, и дочери подарить участок земли или скотину. Но подар-

ков (*поклона*) было меньше, чем даров (*дарова*)» (сообщение проф. С. Танасича об обычаях в Подновле, Босния). В селе Кола в окрестностях Баня-Луки словом *поклон* также называют очень значительный подарок, простое приношение гостя этим словом в говоре данной местности назвать нельзя, для них существует другой термин, о котором см. ниже (экспедиционные записи автора). Ситуация, характерная для культурного диалекта в Подновле, подразумевает, что *поклон* – это безвозмездная передача в собственность, именно так значение слова *поклон* эксплицирует словарь [РСЈ 2007]: *поклон оно што се даје бесплатно* «подарок – это, что отдается бесплатно». Ср. следующие объяснения, записанные в окрестностях Приепоя: *поклон је поклон, а дар кад идеш у неку свечаност. Кад се поклања земља, дар кад је свадба, слава, комшија донесе на славу дар «поклон это поклон, а дар – это когда идешь на какое-то торжество. Поклон – когда дарят землю, дар – когда свадьба, слава, сосед приносит на славу дар»* (экспедиционные записи из Камена гора), *поклон кад је џабе, а дар – дарује се «поклон – [отдают] даром, а дар – даруют», кад даш некоме џабе то је поклон «когда отдашь кому-нибудь безвозмездно – это поклон»* (экспедиционные записи из Миоска).

Словом *поклон* могут называться подарки, которые гости приносят на свадьбу, причем обнаруженные нами примеры показывают, что такое употребление характерно для призренско-тимокских говоров. *На свадбе и испратнице смо носили обично питу и кокошку на поклон* «На свадьбы и проводы мы обычно приносили питу и курицу в подарок» [Букумирић 2012: 446], *да купиш убав поклон, на грудачки да идеш на свадбу, да се не срмујеш* «Купи хороший подарок и смело иди на свадьбу, не позорясь» [Жугић 2005: 65], *ушућил се на свадбу бес поклон* «пошел на свадьбу без подарка» [Јовановић 2004: 352], *младеневеста дарује свекра и свекру а они њо даду поклони* «невеста одаривает свекра и свекровь, а они ей дают подарки» [Марковић 1986: 406].

Для обозначения подарка в сербских говорах также используются слова *милост* и его варианты *милошта*, *милоште* и слово *част*. В словаре сербских говоров Воеводины *милост*, *милошта* толкуются с отсылкой к *поклон* [РСГВ, 2: 494, 495], словом *милоште* обозначается «уздарје», т. е. то, что дарят гостю, а именно что-то из еды [РСГВ, 2: 495], а словом *част* – свадебный подарок: *кума на свадбу доноси и част* «кума на свадьбу приносит и подарок» [РСГВ, 5: 395], в говоре Загараца *милос* обозначает подарки, которые вышедшая замуж девушка, дарит своей родне [Ћупић 1997: 228]. В словарях призренско-тимокских говоров слова *милост*, *милошта* в значении подарка не встречаются. Обозначение словом *милошта* небольших подарков, приношений гостей, фруктов, или других продуктов питания распространено в Боснии. Такое употребление встречается в окрестностях Баня-Луки (село Кола) и в Подновле. *Милошта / милоште се доноси кад се иде ближој родбини и кумовима, код пријатеља – невестиних родитеља и браће и обратно – зетових родитеља и браће у госте, за славу, преславу, на криштење. Може бити и посета мимо ових важних дана, опет се носи милошта. То су ипак ситнији поклони. Могла се понети и јабука, дуња, суве шљиве, “права” кафа (тј. не замена за кафу) и шећер у коцки, кутија цигара за пушача, флаша ракије. Могла се и ту ставити и марама за женско челаде и пешкир или чарапе, шарени пригавци за мушко челаде. Што идемо даље у старо време, више милошта је било из куће, мање из продавнице, разумљиво – јабука, пешкир (он се ткао), чарапе, пригавци. Милоште могу бити веће и мање: за сваког члана породице, за свако челаде, или нешто мање не намењујући сваком челадету нешто «Милошту*

или *милоште* приносят, когда идут навестить близких родственников и кумовьев, родителей и братьев жены и наоборот – родителей и братьев мужа, на славу, вторую славу, на крещение. Бывают визиты и помимо этих важных событий, тогда тоже приносят *милошту*. Это маленькие подарки. Могли принести яблоко, айву, чернослив, настоящий кофе (не заменитель) и кусковой сахар, пачку сигарет для курящих, бутылку ракии. Можно было к этому приложить и платок для женщины и полотенце или носки, пестрые носки-следки для мужчин. В старое время *милоште*, в основном, были домашнего производства, реже покупные – яблоко, тканое полотенце, носки, следки. *Милоште* могут быть большими и маленькими: для каждого члена семьи, для каждого домочадца, или что-то поскромнее, не каждому в отдельности» (сообщение проф. С. Танасича, Подновле, Босния). Также такая номинация нами зафиксирована в Камена Гора, в окрестностях Приеполья: *Милости кад је неке нешто дао ко ви мени. Ово су милости* (экспедиционные записи). Отметим, что приношения являются обязательным элементом гощения, приход в дом без подарка оценивается отрицательно (ср. *голорук, празнорук* ‘с пустыми руками’).

На основании собранного материала представляется возможным следующим образом реконструировать традиционную ситуацию дарения в сербской культуре. Традиционные концепты, которые соотносятся с современным понятием подарка, складываются из обрядовых приношений, безвозмездной передачи в собственность и угощения хозяина (проявление внимания к нему).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Агапкина Т.А. Дар // Славянские древности. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 1999. С. 16–21. / Agapkina T.A. Gift. In: Slavic Antiquities: Encyclopedic Dictionary. Moscow. 1999, pp. 16–21.

Букумирић М. (2012) Речник говора северне Метохије. Београд. 704 с.

Жугић Р. Речник говора јабланичког краја. Ин: Српски дијалектолошки зборник LII. Београд. 2005.

Јовановић В. Речник села Каменице код Ниша. Ин: Српски дијалектолошки зборник LI. Београд. 2004.

Марковић М. Речник народног говора у Црној Реци, књ. I. Ин: Српски дијалектолошки зборник XXXII. Београд. 1986, сс. 243–500.

Петровић Д., Капустина Ј. Из лексики Качера. Ин: Српски дијалектолошки зборник LVIII. Београд. 2011, сс. 1–336.

Петровић Д., Телић И., Капустина Ј. Речник Куча. Ин: Српски дијалектолошки зборник LX. Београд. 2013.

Стојановић Р. Црнотравски речник. Ин: Српски дијалектолошки зборник LVII. Београд. 2010.

Тупић Д., Тупић Ж. Речник говора Загараца. Ин: Српски дијалектолошки зборник XLIV. Београд. 1997.

РБЕ – Речник на българския език: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg>

РСЈ – Речник српског језика: <http://www.srpskijezik.com>.

РСЈ 2007 – Речник српскога језика. Београд. 2007.

РСАНУ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1–. Београд, 1959–.

РСГВ – Речник српских говора Војводине. Нови Сад, 2019. Књ. 1–4.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1–. М., 1974–. / Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund / Ed. by O.N. Trubachev. Issue 1–. Moscow. 1974–.

SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika: <https://fran.si/iskanje?View=1&Query=dar>

Сведения об авторе:

Екатерина Ивановна Якушкина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina I. Yakushkina,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
jkatia@yandex.ru

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

М. Браксаторис, А. Браксаторисова (Словацкая республика, Трнава)

Деятельность Самуила Ферьенчика (1793–1855) в культурно-историческом контексте

Аннотация: Авторы анализируют жизнь, деятельность и взгляды несправедливо забытой личности словацкой культурной истории – Самуила Ферьенчика, священника, писателя, публициста, метеоролога, помолога, друга Я. Коллара и знакомого И.В. Гете. В статье рассматривается его личность в аспекте тогдашнего культурного контекста. Внимание авторов концентрируется также на спорных аспектах его жизни, а именно на его участии в споре о шутовском варианте литературного словацкого языка, на его выступлении против манифеста Й.М. Гурбана «Братья словаки» и на его деятельности во время Словацкого национального восстания 1848–1849 гг. Авторы стремятся к справедливой оценке его взглядов, учитывая ценностное разнообразие современной культурной элиты и поколенческую специфику.

Ключевые слова: Самуил Ферьенчик, Ян Коллар, Иоганн Вольфганг Гете, Людовит Штур, Йозеф Милослав Гурбан

M. Braxatoris, A. Braxatorisová (Slovak Republic, Trnava)

Activity of Samuel Ferjenčík (1793–1855) in the Cultural-historic Context

Abstract: The authors analyze the life, activities and views of an unfairly forgotten person in Slovak cultural history: Samuel Ferjenčík, priest, writer, publicist, meteorologist, pomologist, friend of J. Kollar and acquaintance of I.V. Goethe. The article examines his personality in the aspect of the contemporary cultural context. The authors' attention is also focused on the controversial aspects of his life, namely on his participation in the dispute about the Štúr's variant of the literary Slovak language, on his speech against the manifesto of J.M. Hurban "Brothers Slovaks" and on his activities during the Slovak National Uprising of 1848–1849. The authors strive for a fair assessment of his views, taking into account the value diversity of the contemporary cultural elite and generational specifics.

Key words: Samuel Ferienčík, Ján Kollár, Johann Wolfgang Goethe, Ludovít Štúr, Jozef Miloslav Hurban

Самуил Ферьенчик (1793–1855) был словацким евангелическим священником, писателем, публицистом, метеорологом, помологом и пропагандистом просвещения. Богословское образование он получил в Братиславе, с 1816 по 1818 г. продолжал изучать теологию в Йенском университете, где посещал лекции Лоренца Окена по естественной философии, лекции Генриха Людена по философии, политической теории и естественному праву, а также лекции по естественным наукам, особенно по минералогии и астрономии. В Йене он получил диплом внешнего действительного члена Общества по всей минералогии и его секретаря от венгерского народа. В 1818 г. он был рукоположен в священники, затем служил капелланом и пастором. С 1827 г. он жил в Елшаве, где проработал до самой смерти. С 1836 г. служил в качестве гемерского консеньора, а с 1853 г. – в качестве сеньора. В 1842 г. он был участником делегации, которая представила австрийскому императору «Словацкий престольный просбопис» – петицию за изменение национальных условий в Венгрии. В качестве посланника Евангелической церкви Потисского дистрикта он присутствовал на общих собраниях Общества Густава Адольфа в 1851 г. в Мамбурге и в 1852 г. в Висбадене. Его вдова Луиза Ферьенчик в 1864 г. основала и продолжала руководить Елшавским гуманитарным женским обществом, которое, вероятно, было первым женским обществом в Словакии («Живена» была основана только в 1869 г.). Ферьенчик в более широких кругах был известен как «елшавский пророк погоды»; в связи с этим он появляется также в стихотворении известного венгерского поэта Яноша Араньи «Népnevelés» («Воспитание народа») 1855 г.¹

ДРУЖБА С ЯНОМ КОЛЛАРОМ

После окончания учебы в Братиславе Ферьенчик дополнил свои богословские знания в известном университете в Йене, где в то самое время учились Павел Йозеф Шафарик, Ян Коллар и Ян Халупка. По его собственным словам, 3 октября 1816 г. приехал в Йенский университет, где среди других соотечественников «также нашел наших дорогих земляков, Шафарика и Халупку»². В связи со встречами в Йене с И.В. Гете Ферьенчик упоминает своего «верного друга Коллара»³. При этом он ссылается на слова Коллара в толковании «Дочери Славы», согласно которым Коллар обязан Ферьенчику знакомством с Гете⁴. Эти слова представляют собой толкование стихов, в которых Коллар помещает Ферьенчика в «Лете», – славянское небо:

Hleděla i na Seberiniho,
Palackého, Koiše, Pačiče,
Ferjenčjka jsem a Suchaniho:
Wšecky matka třjma za swé děti,
Wšak co slastj gich se dotýče,
To zde nechci swětu wyzwáněti⁵.

¹ Arany J. Arany János elbeszélő költeményei. Első kötet. Toldi. Budapest, 1883. O. 301–303.

² Ferjenčík S. Zlomka z Meteorologie. // Domová pokladnica kalendár na rok prjestupní 1848. Vidáva Daniel Lichard. Ročník druhý. Skalica, [1848]. S. 54.

³ Ferjenčík S. Zlomka z Meteorologie. S. 55.

⁴ Kollár J. Výklad čili Přjmetky a wyswětliwky ku Sláwy dceře. W Pešti, 1832. S. 351–352.

⁵ Kollár J. Sláwy dcera. W Pešti : tiskem Trattnera a Károliho, 1832, sonet 462, s.p.; Kollár J. Díla básnická Jana Kollára we dwau djlch. W Budíně, 1845, sonet 466, s.p.; Kollár J. Dielo I.. Bratislava, 2001, znelka 479, s. 282.

Упомянутые обстоятельства описывает в связи со знакомством с патриархом немецкой литературы также биограф Коллара Вацлав Зеленый, называющий Ферьенчика другом Коллара¹.

Ферьенчик подписался на несколько произведений Яна Коллара, в том числе на сборник «*Národné spievanky*» («Национальные песни»), и даже собирал для него народные песни и отправлял их ему². Их взаимная связь также очевидна из позиции Ферьенчика в полемике о литературном языке и из переписки Коллара в связи со «Словацким престольным просбописом» (обе см. ниже).

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

Ферьенчик очертил свое знакомство с немецким писателем И.В. Гете в календаре «*Domová pokladnica*» («Домашняя казна») за 1848 г., где он описал встречу с Гете в доме барона Кнебеля, сближение через пение и игру на гитаре, разговор о минералогии и получение диплома минералогического общества³. Позже он упоминает прощальный подарок Гете (книга «Герман и Доротея» с его собственным посвящением) и разговор о приближающейся грозе, который стал толчком для его последующего интереса к метеорологии⁴. Упомянутые события указаны также в более поздних биографических источниках⁵; Ферьенчик детально передал слова Гете в судьбоносном разговоре о предсказании грозы в «Орле Татранском» в 1847 г.⁶

«СЛОВАЦКИЙ ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРОСБОПИС»

Ферьенчик вошел в историю словацкого национального движения как подписант и участник делегации «Словацкого престольного просбописа» – выступления словацкой (церковной и светской) интеллигенции против мадьяризации, адресованного австрийскому императору Фердинанду I⁷. Петицию подписали суперинтенданты Павел Йозеффи и Ян Себерини, профессор Юрай Палкович, пасторы Ян Халупка, Самуил Ферьенчик и Михал Годжа, а также 200 других пасторов, профессоров и школьных учителей. Суперинтенданта Йозеффи убедил принять участие в руководстве делегацией Людовита Штура, который также выбрал других ее членов: Яна Халупку, Самуила Ферьенчика и Михала М. Годжу⁸, и они в июне 1842 г. под руководством Йозеффи приняли участие в послании в Вене. Й.М. Гурбан объясняет участие Ферьенчика следующим образом: «Ферьенчик был фигурой, созданной для репрезентации, превосходным оратором, он всегда ходил в рясе, нося образ священника истинной “*militantis ecclesiae*” (борющейся церкви; примеч. авторов. – М.Б., А.Б.), высокая фигура, закаленная в постоянной

¹ *Zelený V.* Jan Kollár. Máj: almanah na rok 1862. Praha: I.L. Kober, 1862. S. 17

² *Demmel J.* Rok 1848 a Slováci. // *Rozštiepená minulosť. Kapitoly z histórie Slovákov a Maďarov.* Budapest, 2008. S. 78; 86, pozn. 9 и указанные там источники.

³ *Ferjenčík S.* Zlomka z Meteorologie. S. 55.

⁴ *Ferjenčík S.* Zlomka z Meteorologie. S. 56.

⁵ См., напр.: *Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich.* Vierter Theil. Wien, 1858. S. 186–187; *Szinnyei J.* Magyar írók élete és munkái a Magyar Tudományos Akadémia megbízásából 3. köt. Fa-Gwóth. Budapest, 1894. Col. 424; *Schröer K.J.* Goethe und ein Candidat der Theologie aus Ungarn // *Chronik des Wiener Goethe-Vereins.* 1889. №2. S. 7–11 (Шреер опубликовал также факсимиле и транскрипции ряда документов, в том числе посвящения «Германа и Доротеи» и диплома Ферьенчика, члена и секретаря Минералогического общества, подписанного И.В. Гете, и др.).

⁶ *Orol Tatranský.* T. 2. 1846–1847. №52. S. 414. К.Ю. Шреер воспроизводит этот разговор с некоторыми отличиями; см. *Schröer K.J.* Goethe und ein Candidat der Theologie aus Ungarn. S. 285–286.

⁷ См.: *Rapant D.* Slovenský prestolný prosbopis z roku 1842. 2. diel. Dokumenty. Liptovský Sv. Mikuláš 1943. S. 337–347.

⁸ *Botto J.* Michal M. Hodža. Životopisný nákr. Turčiansky Sv. Martin, 1911. S. 21; *Botto J.* Slováci: vývin ich národného povedomia: dejepisný nákr. Turčiansky Sv. Martin, 1906. S. 55.

борьбе с гемерскими мадяронами»¹. Сам Людовит Штур характеризует суперинтендентов Йозеффи и Себерини, Яна Халупку, Михала Годжу, Самуила Ферьенчика, Яна Чапловича и других как «лучших мужей протестантизма»². С периода подготовки и самого послания сохранилось множество упоминаний о Ферьенчике во взаимной переписке Йозеффи и Яна Коллара³, а также других важных исторических документов⁴.

СПОР О ШТУРОВСКОМ ВАРИАНТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА

Своим вкладом в сборник Коллара «Голоса о необходимости единства литературного языка для чехов, моравян и словаков» Ферьенчик попытался вмешаться в языковые споры о штуровском варианте словацкого литературного языка⁵. Он хвалил именно содержание и цели «Словацкой национальной газеты» Штура, однако выразил обеспокоенность тем, что ее цель разрушит «диалект самогонщиков», на котором она написана⁶. В связи с этим он подробно излагает свои возражения против «штуровщины», звучащие в духе критики Колларом данного варианта литературного языка⁷. Однако в то же время, когда Ферьенчик выступал против литературного словацкого языка, он начал писать в «Словацкую национальную газету» Штура статьи на штуровском варианте литературного языка. На этом варианте литературного языка Ферьенчик опубликовал статьи в «Словацкой национальной газете» (т. I.–III, 1845–1847), «Орле татранском» (т. I, 1845–1846, № 16, 18, 27, 33; т. II, 1846–1847, № 36, 44, 52, 60, 61; т. III, 1847–1848, № 68) и «Домашней казне» (т. II, 1848 и др.). Кажется, что национальные вопросы, занимавшие важное место в его рейтинге приоритетов, тем не менее уступали место другим (просветительским, церковным и т. д.) интересам. Выступление Ферьенчика против новой формы литературного языка не повлияло на отношение к нему Людовита Штура⁸, который почтительно его поприветствовал в сноске, когда была опубликована его первая статья в «Словацкой национальной газете»⁹.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Литературное творчество Ферьенчика еще не получило должной оценки и исследования, несмотря на его неоспоримые литературно-эстетические и интеллектуальные качества и авторскую литературную (особенно гомилетическую) продуктивность. Он был автором нескольких печатных проповедей по поводу пожара в Елшаве; конвента гемерской церкви, начала работы Сама Томашика приходским священником в Хижнянах, основания церковной башни в Елшаве, освящения еван-

¹ *Hurban J.M.* Eudovít Štúr. (Pokračovanie.) // Slovenské Pohľady. 1882. № 3. S. 263.

² *Hurban J.M.* Eudovít Štúr. (Pokračovanie.) S. 145.

³ *Rapant D.* Slovenský prestolný prosbopis z roku 1842. 2. diel. S. 335; *Hurban J.M.* Eudovít Štúr. (Pokračovanie.) // Slovenské Pohľady. 1882. № 3. S. 267–268; *Chlebuš P.* Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ // Vlastivedné štúdie Gemera č. 4. Martin, 1986. S. 133–134.

⁴ *Rapant D.* Slovenský prestolný prosbopis z roku 1842. 2. diel. S. 443–445; 467–468 и др.

⁵ *Ferjenčík S.* XXVIII. Slovo lásky ku Břetislavským Nowinám // Hlasové o potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky. W Praze, 1846. S. 214–216.

⁶ *Ferjenčík S.* XXVIII. Slovo lásky ku Břetislavským Nowinám. S. 214.

⁷ Ср., напр.: *Kollár J. B.* Odpověď Jana Kollára na psaní Ludewita Štúra ode dne 7 Unora 1846 // Hlasové o potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky. W Praze, 1846. S. 140; 147–148; 166–167.

⁸ Ср. *Chlebuš P.* Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ. S. 136

⁹ «S úctou vítame tohoto visokocťeného nášho pána dopisovateľa na poli našich Národných Novín, i prosíme ho srd'ečne, aby i na ďalej v drahocenných dopisoch svojich pokračovať ráčiu» (Slovenskje národňje novini. 1845. № 41. S. 162).

гелической церкви в Ратковой, годовщины освящения елшавского костела, освящения костела в Каменях и погребения Штефана Клементиса (общественного деятеля, покровителя и сторонника национального движения)¹.

Ферьенчик публиковал новостные статьи в «Словацкой национальной газете» (т. I.–III, 1845–1847), а в «Орле татранском» и в зарубежных газетах – тексты, связанные с его профессиональными интересами (метеорология или помология), а также с положением протестантов в Венгрии. В «Новостях Рожнявы» («Rozsnyói Hiradó») также разместил свой небольшой доклад об истории Муранского замка.

В 50-х гг. XIX в. его деятельность была сосредоточена на правовом статусе протестантов в Венгрии. Этот интерес был связан с временным постановлением от 10 февраля 1850 г. для венгерских протестантских церквей, которое лишило их автономии в церковных и образовательных вопросах (свободный выбор церковных и светских настоятелей, разрешение генерального конвента, равноправие неорганизованных и реорганизованных школ и признание государством их аттестатов)². По случаю визита императора Франтишека Юзефа в Венгрию в 1852 г. Ферьенчик планировал подать ему письменное обращение с просьбой о возвращении надзирателей и генеральных конвентов и о венгерской школьной системе, подготовленную адвокатом г. Левочи Фабрици и подписанную им от имени всего дистрикта, однако священство воспротивилось такому шагу³. В 1855 г. Ферьенчик опубликовал статью о социальном положении вдов евангелических священников и о возможностях помощи их семьям в «Protestantische Jahrbücher für Oesterreich»⁴. К его самым известным работам относится «Ideen für die künftige Gesetzgebung, die Wünsche und gerechten Ansprüche der ungarischen Protestanten betreffend» («Идеи для будущего законодательства, касающиеся желаний и законных требований венгерских протестантов»)⁵, который в свое время был предметом неоднократных дискуссий⁶. В этой работе, в которой Павел Хлебуш находит связь с требованиями «Словацкого престольного просбописа» в церковной сфере⁷, Ферьенчик занимается истоками, ситуацией и возможными решениями неблагоприятного правового положения протестантов в Венгрии. Однако он рассматривает проблему с точки зрения не национальных, а церковных прав: автономии Евангелической церкви, ее финансирования, положения ее школ, финансирования учителей, свободного посещения немецких протестантских университетов, равенства религий, лояльности церкви государству и т. д. Национальный вопрос он затрагивает только в одном месте работы, где, однако, отражается негативное восприятие «ультраславян, сердцам которых ближе славянство, нежели протестантизм»⁸. Выбор немецкого языка в качестве языка публикации соотносится с тактикой автора, направленной на получение поддержки немецкоязычной общественности⁹. С другой стороны, рукописная записная книжка Ферьенчика, которая была обнаружена историками

¹ См.: *Rizner V.* Bibliografia písomníctva slovenského na spôsob slovníka: od najstarších čias do konca r. 1900. Diel prvý, A–F. Turčiansky Sv. Martin, 1929. S. 392.

² *Rapant D.* Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel štvrtý: Letná výprava. IV. 1. Bratislava, 1963. S. 618.

³ *Rapant D.* Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel štvrtý: Letná výprava. IV. 1. S. 618, прим. 1165.

⁴ *Ferientsik S.* Sexty und Blaho // *Protestantische Jahrbücher Oesterreich*. 1855. I Hälfte. Pest, 1855. S. 29–32.

⁵ [*Ferientsik S.*]. Ideen für die künftige Gesetzgebung, die Wünsche und gerechten Ansprüche der ungarischen Protestanten betreffend. Eine Denkschrift von F. und F. Wien: Verlagshandlung von Leopold Sommer, 1850.

⁶ *Biographisches Lexikon des Kaisertums Oesterreich*. Vierter Teil. S. 187

⁷ *Chlebuš P.* Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ. S. 138; 144.

⁸ [*Ferientsik S.*]. Ideen für die künftige Gesetzgebung. S. 24.

⁹ *Chlebuš P.* Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ. S. 144.

литературы совсем недавно, свидетельствует о том, что автор также использовал немецкий язык в частных заметках и размышлениях, связанных с философскими, теологическими и другими вопросами.

Рукописная записная книжка представляет собой аутентичный материал, связанный с рядом культурных, литературных, религиозных и философских явлений своего времени. Она была обнаружена в приходе Евангелической церкви Аугсбургского вероисповедания в Елшаве (администратор прихода магистр Иван Бойна). Заметки Ферьенчика имеют разное содержание и представляют собой размышления о социальных, теологических, философских, исторических, культурных, национальных и других проблемах.

НАУЧНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Другие опубликованные работы Ферьенчика связаны с его научными и образовательными интересами в сфере метрологии и помологии. В современных словацких, немецких и венгерских периодических изданиях он публиковал не только обычные новостные и публицистические тексты, но также прогнозы погоды, характеристики погоды и метеорологические статьи («Орол Татранский»; т. I, 1845–1846, № 16, 18, 27; т. II, 1846–1847, № 36, 44, 52, 60, 61; т. III, 1847–1848, № 68); «Magyar Hirlap» / «Венгерская новостная газета», т. 4, 1852, № 679, 680; «Budapesti Hirlap» / «Будапештская новостная газета», т. 1, 1853, № 185–188; «Домашняя казна», т. II, 1848 и др.; «Gemeinnützige Blätter zur Belehrung und Unterhaltung» / «Общественно полезная образовательная и развлекательная газета», т. 28, 1844 и сл.) и работы по помологии («Magyar Gazda» / «Венгерский хозяин», 1842, № 87; «Gazdasági Lapok» / «Экономическая газета», 1853)¹. Ферьенчик проводил и инструментальные наблюдения за погодой². Помимо метеорологии он также преуспел в области помологии. В 1841–1847 гг. он был директором Черешневого товарищества в Елшаве, чей большой фруктовый сад характеризовался по всей стране как образцовый с точки зрения порядка и разнообразия; он занимался не только выращиванием деревьев, но и различной переработкой и продажей фруктов³. В 50-х годах XIX в. он опубликовал в журнале «Gazdasági Lapok» ассортимент из своего сада.

Ферьенчик был активным также в области продвижения и распространения словацких книг и других изданий (включая «Словацкую национальную газету» и «Орла Татранского»)⁴. Он был одним из первых акционеров «Словацкой национальной газеты»⁵. Из произведений авторов старшего поколения он распространял работы Яна Голлого⁶.

¹ Данные работ по помологии указаны по изданию *Rizner V. Bibliografia písomníctva slovenského na spôsob slovníka. Diel prvý, A–F*. S. 392.

² Неизвестно, какие именно метеорологические элементы он измерял и были ли его измерения систематическими, но определенно в 1846 г. он наблюдал температуру воздуха и, вероятно, осадки. *Petráš, M. Z dejín meteorológie na Slovensku do roku 1918 // Z dejín vied a techniky na Slovensku VII*. Bratislava, 1974. S. 189. В 1852 г. Центральный метеорологический институт в Вене прислал ему метеорологические приборы; см. *Biografický lexikón Slovenska II (C–F)*. Martin 2004. S. 549; *Krška K. – Šamaj F. Dějiny meteorologie v českých zemích a na Slovensku*. Praha, 2001. S. 158.

³ *Szinnyei J. Magyar írók élete és munkái a Magyar Tudományos Akadémia megbízásából 3. köt. Fa-Gwóth*. Col. 424.

⁴ См., напр.: *Chlebuš P. Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ*. S. 129; *Podol'ský [Paullny-Tóth V.] Samuel Ferjenčík // Sokol: časopis pre zábavu a poučenie*. 1864. № 10. S. 185.

⁵ *C.Z. Michal Mil. Hodža : farár cirkve evang. A.V. Vrbicko-St. Mikulášskej v Liptove, rytier rádu Františka Josefa, a Vikár požonskej Superintendencie. (Pokračovanie a dokončenie) // Sokol. Časopis pre zábavu a poučenie*. 1863. № 20. S. 461.

⁶ *Gál V. Samuel Ferienčík // Evanjelický posol spod Tatier*. 1980. № 6. S. 187.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ЦЕРКВИ

Вилиам Паулины-Тот указывает, что Ферьенчик работал «с максимальным усердием в своем священническом служении и выступал за благоустройство церкви и школ, которые находились под его присмотром»¹. О том, что он способствовал развитию образования в месте, где работал, свидетельствует высокий уровень елшавской школы². В 50-х гг. XIX в. деятельность Ферьенчика была сосредоточена на правовом статусе протестантов в Венгрии, о чем свидетельствует его неудавшаяся инициатива подать императору петицию о возвращении надзирателей и генеральных конвентов, а также о венгерской школьной системе. В связи с этим особо важна работа «*Ideen für die künftige Gesetzgebung, die Wünsche und gerechten Ansprüche der ungarischen Protestanten betreffend*». В 1855 г. Ферьенчик опубликовал статью о социальном положении вдов евангелических священников и о возможностях помощи их семьям в «*Protestantische Jahrbücher für Oesterreich*»³. Ферьенчик, как посланник Потисского дистрикта Евангелической церкви, присутствовал на общих собраниях Общества Густава Адольфа в 1851 г. в Мамбурге и в 1852 г. в Висбадене, чтобы потребовать поддержки церкви и церковным школам; по этому вопросу он трижды ездил в Вену к императорскому трону⁴. В этой связи он также упоминается как покровитель Прешовского коллегиума⁵, для которого в 1852 г. в Висбадене он обеспечил финансовую поддержку, в 1853–1855 гг. он в письменной форме сообщил, что ему удалось получить финансовую поддержку из Лейпцига (Германия) и что его письма нашли благоприятный отклик в Нидерландах и Англии⁶. На общее собрание Общества Густава Адольфа в Мамбурге направило Ферьенчика собрание дистрикта от 24–25 апреля 1851 г. в Прешове, чтобы он получил поддержку для бедных евангелических церквей⁷. В следующем году Ферьенчик предпринял успешную поездку в Берлин; от короля Пруссии он получил 1000 талеров, а от принца – 50 дукатов; полученные деньги в основном он передал школе в Прешове⁸. Среди его заслуг в развитии церкви стоит отдельно упомянуть ремонт елшавской церкви и строительство церковной башни (1833 г.) после пожара в Елшаве (1828 г.).

ПЕТИЦИЯ ПРОТИВ МАНИФЕСТА Й.М. ГУРБАНА И СЛОВАЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1848–1849 гг.

Личность Самуила Ферьенчика показывает, что исторические фигуры нельзя воспринимать в черно-белых тонах и что историческая реальность пластична и многомерна. Это становится очевидным, если взглянуть на противоречи-

¹ *Podol'ský [Paullny-Tóth V.] Samuel Ferjenčík*. S. 184

² *Chlebuš P.* Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ. S. 138.

³ *Ferientsik S.* Sexty und Blaho. S. 29–32.

⁴ *Podol'ský [Paullny-Tóth, V.] Samuel Ferjenčík*. S. 184; *Szinnyei J.* Magyar írók élete és munkái a Magyar Tudományos Akadémia megbízásából 3. köt. Fa-Gwóth. Col. 424.

⁵ *Biografický lexikón Slovenska II.* Martin 2004. S. 549; *Hleba E.* K slovenským problémom kolégia v prvej polovici 19. storočia. // *Prešovské kolégium v slovenských dejinách*. Košice: Východoslovenské vydavateľ'stvo, 1967. S. 112–113.

⁶ *Hleba E.* K slovenským problémom kolégia v prvej polovici 19. storočia. S. 112.

⁷ В связи с этим Дэниел Рапант отмечает отсутствие дальнейших отчетов о результатах посольства. Ферьенчику был выдан паспорт без возражений с согласия комитатского начальника, со справкой о том, что он никоим образом не участвовал в революции и не делал после ее поражения ничего, что могло бы поставить под сомнение его лояльность (*Rapant D.* Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel štvrtý: Letná výprava. IV. 1. S. 622, прим. 1181).

⁸ *Rapant D.* Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel štvrtý: Letná výprava. IV. 1. S. 622, прим. 1182.

вые аспекты его деятельности, которые включают, помимо его участия в споре о характере литературного языка, его участие в выступлении против манифеста Й.М. Гурбана «Brat'ja Slováci» («Братья словаки») от 1848 г., а также и против словацкого восстания в 1848–1849 гг. Эти взгляды и деятельность Ферьенчика находят противоречивые оценки: от предположений Павела Хлебуша о том, что он был вынужден сделать это под давлением обстоятельств и целенаправленного воздействия венгерской церкви и комитатской верхушки¹ до предположений Йозефа Деммеля о том, что речь шла об активном выражении индивидуальных политико-патриотических и в то же время антинациональных взглядов Ферьенчика². В первом случае речь идет о елшавском заявлении приходских священников и школьных учителей гемерского сеньората: 18 мая 1848 г. они, «как венгерские граждане, а также церковные чиновники», ссылаясь на свои обязательства перед «дорогой страной», для которой они хотели быть «благодарными сыновьями», высказались за мир и взаимопонимание между различными венгерскими национальностями и дистанцировались от заявления Гурбана, якобы нарушающего его и поддерживающего тенденции, ведущие к ненависти, неприязни и распаду³. Участие Ферьенчика в заявлении следует рассматривать в более широком контексте. Его подписали известные культурные деятели Йонатан Доброслав Чипка, Павол Добшинский, Самуил Ройсс, Людовит Ройсс или Само Томашик⁴. Ситуацию можно охарактеризовать таким образом: в словацком движении кристаллизовалось несколько течений, в том числе умеренная часть, целью которой было частичное признание национальных прав в рамках венгерского монизма (представители старшего поколения, за исключением Коллара, Кузмани, Халупковцев, Фейерпатаки), и радикальная часть, которая стремилась достичь большей независимости и ориентировалась при этом на Австрию; Ферьенчик проявил себя как сторонник первой группы⁵. К важным контекстуальным факторам относятся патриотические взгляды комитатских деятелей; они, вероятно, в значительной степени способствовали формированию взглядов, которые были публично представлены разоблаченными служителями гемерской церкви (Ферьенчик в то время выступал как ее консенсер), а также представителями городской интеллигенции⁶.

Среди других спорных моментов в жизни Ферьенчика – его участие во время в восстании 1848–1849 гг., в частности то, что весной 1849 г. он выступил против словацких добровольцев. Оценки его действий противоречивы, как и его выступления против манифеста Гурбана. В то время как Йозеф Деммель считает в этой связи, что «мадьяронство» было «политической позицией, личной национальной стратегией», благодаря которой «он был полностью исключен из шутовского национального движения»⁷, Павел Хлебуш заявляет, что Ферьенчик был вынужден поступать таким образом⁸. Что, по его мнению, «не делали комитатские господа, то рьяно выполняли местные деятели, прежде всего бурмистр Елшавы Ян Малле-

¹ Chlebuš P. Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ. S. 141.

² Demmel J. Rok 1848 a Slováci. S. 79; 84

³ Steier L. A tót nemzetiségi kérdés 1848–49-ben. II. Okmánytár. Budapest, 1937. O. 54–55.

⁴ Steier L. A tót nemzetiségi kérdés 1848–49-ben. II. Okmánytár. Budapest, 1937. O. 55.

⁵ Chlebuš P. Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ. S. 140–141; RAPANT: Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel prvý: Slovenská jar 1848. I. 1. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1937. S. 310; porov. tiež RAPANT: Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel druhý: Povstanie septembrové. II. 2. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1948. S. 611.

⁶ Cp. Chlebuš P. Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ. S. 140.

⁷ Demmel J. Rok 1848 a Slováci. S. 79; 84.

⁸ Chlebuš P. Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ. S. 142–143.

тер»; «не выбирая способа и недостойно для человека его позиции вынудили бегать по Мурани с флагом Кошута и кричать, чтобы Божье благословение не сошло на тех, кто не встал на сторону Кошута»¹. По данным Даниэля Рапанта, это заявление было сделано на комитатском заседании и звучало оно так: «*Aki Kossuthal nem tart, arra Isten áldása na száljon*» («Кто не с Кошуттом, пусть не получит Божьего благословения»)². Предположения Хлебуша материально не обоснованы, и их трудно принять. Однако позиция местной елшавской элиты, несомненно, также способствовала формированию позиции Ферьенчика. Карол Борик, который расследовал жалобы на предполагаемые бесчинства словацких добровольцев в Елшаве, утверждает в своих мемуарах, что «Елшава была известна как полностью кушуттовски настроенная и мятежная»³. Он описывает ход собрания городского совета, на котором присутствовал и С. Ферьенчик, но якобы «не присутствовал ни один словацкий патриот»⁴. Ферьенчик «встал <...> и сказал, что он решительно не принимает и отвергает выражение нелояльности города Елшава (императору; примечание авторов. – М.Б., А.Б.)», на что якобы Борик «напомнил о его героизме у Мурана, где под красным флагом и он, как борец с императорским (!), доказал свою лояльность, сказав подопечным, что, если у Елшавы не будет более убедительного защитника ее лояльности, чем пастор Ферьенчик, в таком случае мне очень жаль город»⁵.

Еще один важный фактор, который следует учитывать при поиске детерминантов поведения Ферьенчика, – это его интересы в церковной сфере и позиция церковной власти, особенно суперинтенданта Потиского района Михала Пака (1795–1859)⁶. Согласно заявлению приходского священника в Сучанах Андрея Годжи (примерно середина июня 1849 г.), «особенно мятежный фанатизм Пака граничит с безумием. Таким образом, повстанческое поведение Ферьенчика, или священнослужителя в гемерской Елшаве, которому предстояло повести фанатичную толпу людей против фельдмаршала Фогеля⁷ под красным флагом»⁸. Революционные события 1848–1849 гг. противоречили и собственным интересам Ферьенчика в церковной сфере. Венгерский протестантизм воспринимался как источник вечного противостояния в Венгрии, а также как причина восстания в 1848–1849 гг.⁹ Хотя чуть позже Ферьенчик и пытался исправить этот образ, о чем свидетельствует ряд отрывков в работе «*Ideen für die künftige Gesetzgebung, die Wünsche und gerechten Ansprüche der ungarischen Protestanten betreffend*».

И последнее, но не менее важное: участие Ферьенчика в восстании следует рассматривать в контексте взглядов старых словацких писателей, которые – в целом – поддерживали венгерский монизм. Даниэл Рапант указывает, что «помимо

¹ *Chlebuš P.* Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ. S. 142.

² *Rapant D.* Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel piaty: Doplnky. Opravy. Súhrny. Mená a veci. V. 1. Bratislava, 1967. S. 146–147.

³ *Rapant D.* Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel štvrtý. Letná výprava. IV. 2. Bratislava, 1961. S. 506.

⁴ *Rapant D.* Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel štvrtý. IV. 2. S. 507.

⁵ *Rapant D.* Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel štvrtý. IV. 2. S. 507. После городского совета и последующих обысков в домах Борик задержал Маллетера за хранение военного снаряжения для отрядов Кошута и отправил его в наручниках в штаб повстанцев в город Римавска-Собота (см. там же: С. 507–508).

⁶ Кстати, сын Пака был личным другом Шандора Петефи.

⁷ Anton Vogel.

⁸ *Rapant D.* Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel tretí. Zimná výprava. III. 3. Bratislava, 1958. S. 489.

⁹ *Rapant D.* Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel štvrtý. IV. 1. S. 619.

сторонников нового общественного мнения еще долго появляются приверженцы старого политико-национального дуализма, не говоря уже о последователях венгерского патриотического монизма, представленных (за некоторыми исключениями, такими, как Коллар, Кузmani, Халупковци, Фейерпатаки) в основном так называемыми старословаками (Себерини, С. Ферьенчик и др.), и даже (исключительно в венгерском понимании) очевидными отступниками»¹. Более подробную оценку в таком же духе сформулировал уже Й.М. Гурбан в «Коледе, Календаре на обычный 1851 год», писавший о том, что старшая литературная школа за исключением Коллара, Халупки, Кузmani и т. д. стала словацкой школой Кошута; в качестве примера он называет Себерини, Ферьенчика и др.²

В связи с выступлением в 1848 г. на стороне коштутовцев Ферьенчик оказался под следствием. Судебное расследование его деятельности началось в январе 1852 г., причем говорилось о двух правонарушениях: «предполагаемом несогласии с временным патентом, выданным императором, и выражением согласия с Кошутом в “муранском” выступлении Ферьенчика»³. Однако расследование в отношении Ферьенчика было прекращено.

Рассматривая публичную деятельность Ферьенчика, можно отметить изменение его позиции во второй половине 40-х гг. XIX в. Это касается главным образом его стратегии участия в национальных вопросах. Ферьенчик не упускал из виду национальный интерес, но он не был на первом месте в рейтинге его приоритетов. В связи с этим можно сослаться на оценку его усилий повлиять на кадровые вопросы в Прешовском коллегиуме в 50-х гг. XIX в.: «Позиция Ферьенчика здесь оказалась довольно осторожной, и кажется, что даже в вопросах словацкой ориентации он уже не был явно на стороне прогрессивных концепций в то время. Из его заявления об отдельных кандидатах следует, <...> что он предпочел профессиональное рвение и баланс характера как основные условия будущей успешной пастырской деятельности всему остальному и, следовательно, возможно, также сознательному словацкому сознанию»⁴. В пояснении Яна Владимира Ормиса в биографии Людовита Штура (произведение Гурбана) говорится, что Ферьенчик «после революции значительно охладил к национальным вопросам»⁵. В результате возникли определенные противоречия, которые повлияли на восприятие личности Ферьенчика в национальном движении, хотя в целом оценка его деятельности остается положительной. Например, Вилиам Паулины-Тот подчеркивает важность «Словацкого престольного просбописа», который был «после тысячелетнего сна первым признаком жизни словацкого народа, и с этой искры шесть лет спустя разгорелся огонь словацкого восстания как яркий протест нации против суверенитета одной и нескольких наций над другими, но в условиях 1848 года как живой протест Словакии против господства Венгрии»⁶. Он утверждает, что Ферьенчик был «всесторонне образованным человеком, отличающимся

¹ *Rapant D. Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel prvý: Slovenská jar 1848. I. 1. Turčiansky sv. Martin, 1937. S. 310.*

² Ян Клсак, Эмануэль Вилем Шимко, Кароль Адамиш, Ондрей Горислав Ланштяк, Штефан Лаунер, Лукаш Мачай, Фердинанд Пеликан, Ондрей Костелный; *Rapant D. Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel druhý: Povstanie septembrové. II. 2. Turčiansky sv. Martin, 1948. S. 611.*

³ *Chlebuš P. Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ. S. 145.*

⁴ См.: *Hleba E. K slovenským problémom kolégia v prvej polovici 19. storočia. S. 112–113; ср. также Rapant D. Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel štvrtý. IV. 1. S. 622; прим. 1182 и указанные там источники.*

⁵ *Hurban J.M. Eudovít Štúr – Rozpomienky. Bratislava, 1959. S. 874; пояснения к стр. 262.*

⁶ *Podol'ský [Paullny-Tóth V.] Samuel Ferjenčík. S. 184–185.*

специальными знаниями даже в естественных науках; при этом он был человеком благородного характера и верным сыном словацкого народа»¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самуил Ферьенчик относится к несправедливо забытым личностям словацкой культурной истории. При объективной оценке нельзя отрицать его значимость не только в словацком, но также в венгерском и австрийском контекстах. Своей деятельностью он внес значительный вклад в повышение культурного, образовательного, духовного и социального уровня словацкого населения Венгерского Королевства. Ферьенчик принадлежал к личностям, которые его современники не могли игнорировать, хотя они не разделяли всех его взглядов. То, что после смерти он не стал непререкаемым авторитетом в словацкой культурной истории, обусловлено его отношением к вопросам литературного языка, манифесту Й.М. Гурбана и, главным образом, его поведением во время Словацкого национального восстания 1848–1949 гг. Адекватная интерпретация его позиции должна учитывать ценностное разнообразие современной культурной элиты (в которой национальный фактор прежде не был доминирующим) и поколенческую специфику, в контексте которой его действия и взгляды кажутся закономерными².

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Arany J. Arany János elbeszélő költeményei. Első kötet. Toldi. Budapest: Kiadja Ráth Mór, 1883. 654 o.

Biografický lexikón Slovenska II (C–F). Martin: Slovenská národná knižnica, 2004. 696 s.

Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Vierter Theil. Wien: Drund und Verlag der typogr.-literar.-artist. Anstalt (L.C. Zamarski, C. Dittmarsch & Comp.), 1858. 415 s.

Botto J. Michal M. Hodža. Životopisný nákres. Turčiansky Sv. Martin: Kníhtlačiarsky účasťinársky spolok, 1911. 66 s.

Botto J. Slováci: vývin ich národného povedomia: dejepisný nákres. Turčiansky Sv. Martin: Vydanie Kníhkupecko-nakladateľského spolku, 1906. 263 s.

C.Z. Michal Mil. Hodža : farár cirkve evang. A.V. Vrbicko-St. Mikulášskej v Liptove, rytier rádu Františka Josefa, a Vikár požonskej Superintendencie. (Pokračovanie a dokončenie) // Sokol. Časopis pre zábavu a poučenie. 1863. №20. S. 485–463.

Chlebuš P. Samuel Ferienčík známy slovenský národný činiteľ // Vlastivedné štúdie Gemera č. 4. Martin: Osveta, 1986. S. 128–148.

Demmel J. Rok 1848 a Slováci // Rozštiepená minulosť. Kapitoly z histórie Slovákov a Maďarov. Budapest: Nadácia Terra Cognita, 2008. S. 77–86.

[*Ferientsik S.*] Ideen für die künftige Gesetzgebung, die Wünsche und gerechten Ansprüche der ungarischen Protestanten betreffend. Eine Denkschrift von F. und F. Wien: Verlagshandlung von Leopold Sommer, 1850. 46 s.

Ferientsik S. Sexty und Blaho // Protestantische Jahrbücher Oesterreich. Unter Mitwirkung mehrerer protest. Theologen und Schulmänner herausgegeben von Victor Hornyánsky. 1855. I Hälfte. Pest: Bei Gustav Heckenast, 1855. S. 29–32.

¹ *Podol'ský [Paullny-Tóth V.]* Samuel Ferjenčík. S. 185. Кстати, влиянию Ферьенчика приписывается и пробуждение национальных чувств его племянника, известного словацкого журналиста и писателя Микулаша Штефана Ферьенчика; см.: *Škultéty J.* Mikuláš Št. Ferienčík // Slovenské Pohľady. 1881. №3. S. 234.

² Статья подготовлена в рамках проекта VEGA № 2/0136/21 « Literárnohistorické, kultúrohistorické a edičné spracovanie rukopisnej poznámkovej knihy Samuela Ferjenčíka».

Ferjenčík S. XXVIII. Slovo lásky ku Břetislavským Nowinám // Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky. W Praze: W kommissi u Kronbergra i Řiwnáče, 1846. S. 214–216.

Ferjenčík S. Zlomka z Meteorologie // Domová pokladnica kalendár na rok prjestupní 1848. Vidáva Daniel Lichard. Ročník druhý. Skalica: písmom a tlačivom Fraňa Xav. Škarnicla a Si-nou, [1848]. S. 52–57.

Gál V. Samuel Ferienčík // Evanjelický posol spod Tatier. 1980. № 16. S. 187.

Hleba E. K slovenským problémom kolégia v prvej polovici 19. storočia. // Prešovské kolégium v slovenských dejinách. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1967. S. 110–114.

Hurban J.M. Ľudovít Štúr – Rozpomienky. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1959. 961 s.

Hurban J.M. Ľudovít Štúr. (Pokračovanie) // Slovenské Pohľady. 1882. № 3. S. 34–52, 127–151, 242–270, 338–362, 439–452, 533–562.

Kollár J. Odpoveď Jana Kollára na psaní Ludewíta Štúra ode dne 7 Unora 1846 // Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky. W Praze: W kommissi u Kronbergra i Řiwnáče, 1846. S. 127–168.

Kollár J. Dielo I. Bratislava: Slovenský TATRAN, 2001. 470 s.

Kollár J. Díla básnická Jana Kollára we dwau dljch. W Budíně: Wytishtëna literami Gyuriána a Bágo, 1845. [335], 58, [2] s.

Kollár J. Sláwy dcera. W Pešti: tiskem Trattnera a Károliho, 1832. [323] s.

Kollár J. Výklad čili Přjmetky a wyswětliwky ku Sláwy dceře. W Pešti: tiskem Trattnera a Károliho, 1832. 528 s.

Krška K. – *Šamaj F.* Dějiny meteorologie v českých zemích a na Slovensku. Praha: Univerzita Karlova v Praze – Nakladatelství Karolinum, 2001. 565 s.

Orol Tatranský, t. 2, 1846–1847. № 52.

Petráš M. Z dejín meteorológie na Slovensku do roku 1918 // Z dejín vied a techniky na Slovensku VII. Bratislava: VEDA, Vydavateľstvo SAV, 1974. S. 169–204.

Podol'ský [Paullny-Tóth V.] Samuel Ferjenčík // Sokol: časopis pre zábavu a poučenie. 1864. № 10. S. 183–185.

Rapant D. Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel piaty: Doplnky. Opravy. Súhrny. Mená a veci. V. 1. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1967. 443 s.

Rapant D. Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel prvý: Slovenská jar 1848. I. 1. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1937. 404 s.

Rapant D. Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel druhý: Povstanie septembrové. II. 2. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1948. 748 s.

Rapant D. Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel štvrtý: Letná výprava. IV. 1. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1963. 779 s.

Rapant D. Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel štvrtý. Letná výprava. IV.2. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1961. 543 s.

Rapant D. Slovenské povstanie roku 1848–49. Dejiny a dokumenty. Diel tretí. Zimná výprava. III. 3. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1958. 686 s.

Rapant D. Slovenský prestolný prosbopis z roku 1842. 2. diel. Dokumenty. Liptovský Sv. Mikuláš: Tranoscus, 1943. 630 s.

Rizner V. Bibliografia písomníctva slovenského na spôsob slovníka: od najstarších čias do konca r. 1900. Diel prvý, A–F. Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1929. 416 s.

Schröer K.J. Goethe und ein Candidat der Theologie aus Ungarn // Chronik des Wiener Goethe-Vereins. 1889. № 2. S. 7–11

Škultéty J. Mikuláš Št. Ferienčík // Slovenské Pohľady. 1881. № 3. S. 233–238.

Slovenskje národnje novini. 1845. № 1.

Steier L. A tót nemzetiségi kérdés 1848–49-ben. II. Okmánytár. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1937. 787 o.

Szinnyei J. Magyar írók élete és munkái a Magyar Tudományos Akadémia megbízásából 3. köt. Fa-Gwóth. Budapest: Hornyánszky, 1894. 1582 col.

Zelený V. Jan Kollár. Máj: almanah na rok 1862. Praha: I.L. Kober, 1862. S. 1–32.

Сведения об авторах:

Мартин Браксаторис,
доктор философии
научный сотрудник
Институт словацкой литературы,
Словацкая академия наук

Martin Braxatoris,
Doctor of Philosophy
Researcher
Institute of Slovak Literature,
Slovak Academy of Sciences

martin.braxatoris@gmail.com

Анита Браксаторисова,
доктор философии
ст. преподаватель
философский факультет
Университет свв. Кирилла и Мефодия
в Трнаве

Anita Braxatorisová,
Doctor of Philosophy
Assistant Professor
Faculty of Arts
University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava

braxatoris@mail.ru

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

А.А. Широкова (Москва, Россия)

Заимствования из латинского во флоронимических системах польского, русского и украинского языков

Аннотация: В статье представлен анализ зафиксированных в современных польском, русском, украинском языках наименований цветущих растений, заимствованных из латинского языка. Приводится статистика, иллюстрирующая высокую представленность исследуемых единиц в лексико-семантических группах «Цветы» в трех славянских языках, а также значительное количество зафиксированных среди них межъязыковых эквивалентов и соответствий. Описаны особенности передачи латинских наименований в языках-реципиентах (отсутствие стабильности в некоторых наименованиях, отражение графических особенностей, грамматические трансформации, изменения в основах). Особое внимание уделено гибридным наименованиям, представленным как на словообразовательном уровне, так и на уровне неоднословных наименований; наименованиям, являющимся примерами глубокой степени адаптации заимствования; случаям заимствования латинских наименований, возникших в результате проникновения в ботаническую номенклатуру иноязычных онимов.

Ключевые слова: флороним, фитоним, заимствование, межъязыковой эквивалент

A.A. Shirokova (Moscow, Russia)

Borrowings from Latin in the Floronymic Systems of Polish, Russian and Ukrainian Languages

Abstract: The article presents an analysis of the names of flowers in modern Polish, Russian, and Ukrainian languages, borrowed from Latin. Statistics illustrate the high representation of the studied nouns in the lexico-semantic groups “Names of flowers” in the all these three Slavic languages, as well as the significant number of interlanguage equivalents and correspondences recorded among them. The author described the features of the transfer of Latin names in recipient languages (such as lack of stability in some names, reflection of graphic features, grammatical transformations, changes in the word basics). Particular attention is paid to hybrid names presented both at the word-formation level and at the level of composite names; to names, which represent examples of a deep degree of adaptation of borrowing; to cases of borrowing Latin names that arose as a result of penetration into the botanical nomenclature of foreign-language names.

Key words: floronym, phytonym, borrowing, interlanguage equivalent

Представленный ниже анализ наименований цветов (флоронимов) был проведен в рамках более крупного исследования, посвященного этимологическим и словообразовательным особенностям единиц, относящихся к лексико-семантической группе «Цветы» в польском языке, на фоне флоронимических систем, представленных в восточнославянских языках.

Среди наименований, бывших объектом исследования польской, русской и украинской флоронимических систем (всего около 1115 единиц), на флоронимы, являющиеся результатом заимствований из других языков, приходится около 480 единиц (120 польских, около 190 русских и около 170 украинских) – примерно столько же, сколько и на флоронимы исконного происхождения. Это распределение свидетельствует о безусловной важности заимствований в формировании и функционировании лексико-семантических групп «Цветы» во всех трех исследуемых языках.

В свою очередь, большую долю заимствованной флоронимической лексики в исследуемых языках составляют именно заимствования из латыни (402 наименования: 96 польских, 163 русских и 143 украинских). На долю заимствований из немецкого, французского, тюркских и других языков приходится менее 1/5 наименований. Ниже будут представлены характерные особенности и закономерности, выявленные при анализе польских, русских и украинских флоронимов, относящихся к заимствованиям из латыни.

1. ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

При сравнении польских, русских и украинских флоронимов данной группы привлекает внимание существование в ней рядов межъязыковых эквивалентов – слов разных языков, обозначающих одно и то же явление (т.е. функционально тождественных, имеющих общий денотат) и мало отличающихся друг от друга с формальной точки зрения (различия обусловлены особенностями фонетических систем и графических традиций в этих языках). Помимо строгих эквивалентов, среди флоронимов присутствуют и синонимичные наименования, в целом схожие, но наделенные некоторыми различиями; такие наименования мы называем *соответствиями*, в отличие от *эквивалентов* – межъязыковых синонимов, тождественных и на формальном уровне.

Больше половины выявленных заимствований (240 наименований) образуют триады эквивалентов (например, *galtonia*, *гальтония*, *гальтонія*; лат. *Galtonia*) и соответствий (*narczyz*, *нарцисс*, *нарцис*; лат. *Narcissus*).

Среди пар эквивалентов преобладают русско-украинские (53 пары; например, *аконит* и *аконіт*; лат. *Aconitum*), гораздо реже встречаются польско-русские эквиваленты (6 пар; например, *bergenia* и *бергенія*, лат. *Bergenia*). Интересно, что во всем материале зафиксирована только 1 пара польско-украинских эквивалентов (*konwalia* и *конвалія*; лат. *Convallaria*) и 2 пары соответствий (*krokosz* и *крокіс*, лат. *Crocus*, *rutian* и *роман*) при отсутствии русского эквивалента или соответствия (в первом случае русский синонимичный флороним – *ландыш*, во втором – *сафлор*).

К одиночным флоронимам, заимствованным из латыни, относятся 5 польских (*centuria*, *dalia*, *gencjana*, *jasieniec*, *jaśmin*), 21 русское (например, *анхуза*, *гладиолус*) и 5 украинских (*віскарія*, *калістегія*, *сапонарія*, *фітеума*, *хаменерій*) флоронимов – в общей сложности 31 наименование. Таким образом, в данной группе заимствований преобладают флоронимы, образующие пары и триады соответствий, одиночные флоронимы составляют лишь около 8 % от общего числа. Данное

соотношение свидетельствует о значительном влиянии латинской ботанической номенклатуры на флоронимическую систему всех трех исследуемых языков. Также следует отметить, что частотность случаев соответствия можно объяснить тем фактом, что заимствования из научной латинской номенклатуры можно отнести к интернационализмам, присутствующим во многих европейских и мировых языках.

2. ГРАФИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Заимствования, включенные в данную группу, были освоены в славянских языках различными способами и в различной степени. Следует отметить, что процесс заимствования в русском и украинском языках сопровождается транслитерацией (т. е. «побуквенной передачей... слов... средствами другой графической системы»¹, в данном случае – средствами национальных вариантов кириллицы).

1) Отсутствие стабильности. Для некоторых характерно отсутствие стабильности на графическом и грамматическом уровне, характерное для начальной стадии процесса заимствования (т. н. стадии проникновения²). К таким относятся русско-украинские пары эквивалентов:

р. *астильба* и *астильбе*, укр. *астільба* и *астільбе*. Здесь представлена конкуренция двух вариантов – несклоняемого, полностью соответствующего латинской номинации *Astilbe* и более адаптированного, склоняемого по женскому роду;

р. и укр. *космея*, *космос* (лат. *Cosmos*). В обоих языках конкурируют два варианта: полностью совпадающий с латинским и более адаптированный, с изменением в основе и окончанием I склонения. Вероятно, использование варианта *космея* связано с наличием у слова *космос* широко употребляемого нефлоронимического значения;

р. *спацифиллум*, *спацифиллюм*, *спатифиллум*, *спатифиллюм*, укр. *спатіфіллум*, *спатифіллум* (лат. *Spathiphyllum*). В русских вариантах имеет место колебание в способе передачи латинского *s* (2 варианта с *ц*, 2 варианта с *т*), а также в трактовке *l* как твердого или смягченного (также по 2 варианта). В украинских вариантах представлено 2 подхода к передаче удвоенного *ll* – сохранение удвоенного или упрощение, а также 2 подхода к передаче латинского *i* – буквой *і* (со смягчением предшествующих согласных) или *и* (без смягчения).

А также одиночные варианты:

п. *amarylis*, *amaryllis* (лат. *Amaryllis*). Варианты отличаются упрощением / сохранением латинского удвоенного *l*. При этом в русском эквиваленте *амариллис* удвоение сохраняется, в украинском *амариліс* – утрачивается;

р. *сизиринхий*, *сисюринхий* (лат. *Sisyrinchium*). Варианты различаются сохранением / озвончением латинского *s*, а также прочтением латинского *y* как *и* или как *у* (в графике *ю*). В украинском эквиваленте представлен вариант с озвончением и с огубленным гласным непереднего ряда (*сизюринхій*);

р. *форзиция*, *форсиция* (лат. *Forsythia*). В одном варианте латинский согласный *s* сохраняется, в другом представлено озвончение. Интересно, что *s* также сохраняется в польском эквиваленте *forsycja*, а озвончение представлено в украинском эквиваленте *форзиція*;

р. *цинния*, *циния* (лат. *Zinnia*). Варианты отличаются сохранением / утратой латинского удвоенного *n*. В польском и украинском эквивалентах удвоение не сохраняется (*сунія*, *цинія*).

укр. *кала*, *калла* (лат. *Calla*). Варианты отличаются сохранением / упрощением латинского удвоенного *l*. В русском эквиваленте *калла* удвоение сохраняется.

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 518.

² Кудряшова С.В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. №4(36). С. 70.

Грамматическая нестабильность иного рода представлена в русско-украинской паре эквивалентов:

флоксы и *флокс*; *флокси* и *флокс*. Как показывают данные корпусов, и русское, и украинское наименование *флокс* употребляется значительно реже и, как правило, в научных или научно-популярных текстах (например: «Среди травянистых растений от мучнистой росы больше всего страдают *флокс*, дельфиниум, мак, клематис, люпин»; «Квітучі багаторічники, які зимують із зеленим листям – *флокс* шилоподібний, бадан, деякі примули»). В ненаучных текстах преобладают формы множественного числа (например: «В палисаднике перед окнами нашей комнаты мы сажали цветы — ирисы, пионы, *флоксы*, мальву и астры»). Таким образом, в данном случае проявляется тенденция тяготения флоронима к *pluralia tantum*, свойственная и для исконных наименований (ср., например, р. *бархатцы*, укр. *волошки*), что свидетельствует скорее о высокой степени его освоения языком. Польский эквивалент *floks*, зафиксированный в словаре в форме единственного числа¹, в корпусе представлен только в формах множественного числа (например: «W pogodny wrzesień pszczola przylatuje do *floksów*»).

Однако в большинстве случаев заимствование существует только в одном варианте, в котором по сравнению с латинским флоронимом могут произойти определённые графические и/или грамматические изменения.

2) Передача отдельных букв и буквосочетаний. Латинские финалы *-cia*, *-tia* (*-thia*) в польском языке заменяется на *cja*, В русском и украинском этим буквосочетаниям соответствует *-ция*, также отражающие возникновение йотации: например, лат. *Tradescantia* – *tradeskancja*, *традесканция*, *традесканція*; лат. *Forsythia* – *forsycja*, *форзиция*, *форзиція*; лат. *Justicia* – р. *юстиция*, укр. *юстиція*.

Финаль *-sia*, как правило, передается с озвончением согласного (лат. *Celosia* – *celozja*, *целозия*, *целозія*). Озвончение отсутствует в заимствованиях из лат. *Fuchsia*, в котором согласному *s* предшествует глухой согласный (*fuksja*, *фуксия*, *фуксія*).

В соответствии с правилами чтения латинских названий, с также передается как *c/ц* в сочетаниях с *e* (лат. *Phacelia* – *facelia*, *фацелия*, *фацелія*) и в сочетаниях с *i* (лат. *Glicinia* – *glicynia*, *глициния*, *гліцинія*) и *y* (лат. *Cyclamen* – *cyklamen*, *цикламен*, *цикламен*). Сочетания латинского *c* с другими буквами в соответствии с правилами чтения передаются сочетаниями с *k/к* (ср. передачу второго *c* в *Cyclamen*).

Начальный латинский *h* в польском языке передается без изменений, в русском и украинском заменяется на *г* (например, лат. *Heliotropium* – *heliotrop*, *гелиотрон*, *геліотрон*). Сочетание *ph* в соответствии с правилами чтения последовательно передается как *f/ф* (например, лат. *Nemophila* – *nemofila*, *немофила*, *немофіла*, ср. также *Phlox*). Сочетание *th* последовательно передается как *t/м* (лат. *Amaranthus* – п. *amarant*, р. и укр. *амарант*).

Буква *x*, обозначающая сочетание согласных звуков, может передаваться как *ks/кс* (лат. *Ixia* – *iksja*, *иксия*, *іксія*, ср. также *Phlox*) или же с озвончением (лат. *Exochorda* – *egzochorda*, *экзохорда*, *екзохорда*).

Буква *v*, присутствующая в латинских флоронимах, заменяется на *w*, так как использование *v* для современного польского языка нехарактерно (например, лат. *Verbena* – п. *werbena*).

Следует отметить, что в русском языке в большинстве случаев удвоенный согласный на письме сохраняется (*алиссум*, *антирринум*, *геллеробус*, *гиппеаструм*, *калла*, *каллистефус*, *линнея*, *ллойдия*, *маттиола*, *нарцисс*, *пассифлора*, *сальпиглоссис*, *эшишольция*); утрата удвоения наблюдается только во флорониме *камелия* (лат. *Camellia*, нет удвоения и в польском и украинском эквивалентах – *kamelia*,

¹ [Электронный ресурс] URL: <https://sjp.pwn.pl/sjp/floks;2459549.html> (дата обращения: 20.01.2022).

камелья). В украинских заимствованиях удвоение сохраняется реже (*алиссум*, *ліннея*), в большинстве случаев оно утрачивается (*амариліс*, *конвалія*, *матіола*, *нарцис*, *нацифлора*, *сальнігловіс*); аналогичный процесс происходит в польском (*narcyz*, *konwalia*). Только в одной триаде эквивалентов удвоение сохраняется во всех трех наименованиях: п. *kanna*, р. и укр. *канна*. Можно сделать вывод, что сохранение на письме удвоенных согласных русскому языку присуще в большей степени. Интересно, что единственное из зафиксированных латинское наименование с удвоенным гласным (*Freesia*) во всех трех языках представлено без удвоения (*frezja*, *фрезія*, *фрезия*).

3) Отпадение латинского окончания. В процессе адаптации латинского заимствования часто наблюдается отпадение латинского окончания (*-us*, *-e-*, *-a*, *-um*). Такие изменения представлены, например, в триадах эквивалентов:

amarant, р. и укр. *amarant* (лат. *Amaranthus*);

heliotrop, *геліотрон*, *геліотрон* (лат. *Heliotropium*);

hiacynth, *гיאцинт*, *гіацинт* (лат. *Hyacinthus*);

в русско-украинских парах эквивалентов:

aconit, *аконіт* (лат. *Aconitum*);

sisyrinchii, *сизюринхії* (лат. *Sisyrinchium*).

В некоторых рядах соответствий отпадение окончания наблюдается только во флорониме одного языка, например:

укр. *гібіск* – п. *hibiskus*, р. *гибискус* (лат. *Hibiscus*);

укр. *дельфіній* – р. *дельфиниум* (лат. *Delphinium*);

укр. *еритроній* – р. *эритрониум* (лат. *Erythronium*).

В некоторых случаях отпадение латинского окончания приводит к изменению грамматического рода, например, в рядах эквивалентов:

pelargonia, *пеларгонія*, *пеларгонія*. Латинское наименование *Pelargonium* – мужского рода;

п. *chryzantema*, р. и укр. *хризантема*. Латинское наименование *Chrysanthemum* – мужского рода; во всех трех флоронимах добавлено окончание *-a*, что привело к склонению флоронима по женскому роду.

р. и укр. *портулак*. Латинское *Portulaca* – женского рода; род сохраняется в польском соответствии *portulaka*;

р. и укр. *герань*. Латинское *Geranium* – мужского рода; флоронимы не приобретают иного окончания и входят в группу существительных женского рода с окончанием на согласный;

п. *anemone*. Латинское наименование *Anemone* – женского рода; в русском и украинском соответствиях *анемона* род сохраняется за счет добавления окончания *-a*. Предполагается также влияние французского флоронима женского рода^{1,2}.

3) Усечение основы. Помимо отпадения окончания, в заимствованиях может происходить усечение основы. Примерами могут служить:

польско-украинские эквиваленты: *konwalia*, *конвалія* (лат. *Convallaria*);

русско-украинские эквиваленты: *лаванда*, *лаванда* (лат. *Lavandula*). Польское соответствие *lawenda* характеризует также изменение гласного в основе.

¹ [Электронный ресурс] URL: <https://gallicismes.academic.ru/2732> (дата обращения: 20.01.2022).

² Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1982. С. 73.

4) Иные изменения. Также в заимствованиях из латинского зафиксированы иные изменения:

п. *azalia*, р. *азалия*, укр. *азалія* (лат. *Azalea*). Во флоронимах всех трех языков произошла замена гласного *e* на *i*;

п. *piwonіa*, р. *пион*, укр. *півонія* (лат. *Paeonia*). Дифтонг *ae* [aj] во всех трех флоронимах был изменен на гласный *i/u*, в польском и украинском между ним и следующим гласным произошло развитие протетического согласного. В русском флорониме произошло отпадение окончания, что привело к изменению рода на мужской;

п. *szalwіa*, укр. *шавлія* (лат. *Salvia*). Во флоронимах обоих языков произошло изменение начального согласного. В украинском представлена метатеза согласных. В польском флорониме латинский *l* передан исторически твердым *ł* (в современном польском языке твердый зубной *ł* вытеснен полугласным *u*), а не мягким *l*, как во многих других случаях (*azalia*, *cyklamen* и др.). При этом в украинском соответствии, так же как и в не затронутом сильными изменениями русском синонимичном флорониме *сальвия*, передается мягкость *l*;

п. *centuria* (лат. *Centaurium*). Помимо отпадения окончания и добавления окончания *-а*, что привело к изменению грамматического рода, диграф *ai* был заменен на гласный *и*;

п. *lubin* (лат. *Lupinus*). Произошло озвончение согласного *p*; интересно также, что латинский *l* передан твердым *ł*, а не мягким *l* (ср. *szalwіa*, см. выше). При этом в русском и украинском соответствиях *люпин*, *люпін* не представлено ни озвончения, ни отвердения;

п. *narcyż* (лат. *Narcissus*). Помимо отпадения окончания и упрощения группы удвоенных *s*, произошло озвончение финального согласного в основе. При этом в русском и украинском соответствиях (*нарцисс*, *нарціс*) представлен глухой *c*.

Следует отметить, что латинские флоронимы, формально являющиеся прилагательными с окончанием *-is* (например, *Mirabilis*, *Eranthis*, *Stephanotis*), в языках-реципиентах воспринимаются как существительные мужского рода и приобретают соответствующую парадигму.

Латинское наименование *Crocus*, судя по всему, польским языком заимствовалось дважды. Ранее заимствование *krokosz* подверглось фонетическому изменению (отраженному графически: изменение гласного и согласного на конце слова) и в итоге было закреплено за другим растением (*сафлор*). Вероятно, под воздействием польского произошла аналогичная смена денотата в украинском языке, где флороним *крокіс* употребляется как синоним наименования *сафлор*. Позднее заимствование *krokus*, совпадающее по звучанию с латинским наименованием, тождественно ему и по значению.

3. ПРИСУТСТВИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ЛАТИНСКИХ НАИМЕНОВАНИЯХ

Следует отметить, что во многих случаях латинские наименования связаны с иноязычными именами собственными. Так, наименования *Andromeda* (п. *andromeda*, р. и укр. *андромеда*), *Adonis* (р. *адонис*), *Narcissus* (*narcyż*, *нарцисс*, *нарціс*) связаны с соответствующими мифонимами; данная смысловая связь реализуется и в языках-реципиентах. Совпадающие с личными именами флоронимы *вероника* и *вероніка*, *wiktoria*, *викторія* и *вікторія* восходят к латинским *Veronica* (от имени святой) и *Victoria* (растение, открытое в XIX в., названо в честь британской королевы).

Часто латинские наименования даются в честь известных ботаников. Таким образом, в номенклатуру проникают антропонимы (фамилии) из разных языков,

например: из шведского (*Calmia* от *Kalm*, *Dahlia* от *Dahl*, *Thunbergia* от *Thunberg*), английского (*Camellia* от *Kamel*, *Clarkia* от *Clark*, *Forsythia* от *Forsyth*), немецкого (*Eschscholzia* от *Eschscholtz*), французского (*Gaillardia* от *Gaillard*, *Aubrieta* от *Aubriet*, *Saintpaulia* от *Saint-Paul*), итальянского (*Lloydia* от *Lloyd*, *Lhuyd*) и др. В отдельных случаях это влияет на развитие вариантов заимствования в языках-реципиентах. Так, в русском языке наравне с вариантами *форсиция*, *форзиция* используется вариант *форсайтия*, связанный с особенностями английского прочтения фамилии. Русский флороним, соответствующий латинскому *Aubrieta*, существует в двух вариантах: *аубриета* (соответствует побуквенному прочтению) и *обриета* (соотносится с правилами чтения французского языка); в польском и украинском соответствиях представлены только варианты с *o*: *obrecja*, *обрієта*. В русском и украинском языках конкурируют варианты *гайл(л)ардия* и *гайярдия*, *гайлардія* и *гайярдія*: варианты с опущением *л* и развитием йотации связаны с особенностями французского произношения.

4. ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЛАТЫНИ В СОСТАВЕ НЕОДНОСЛОВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

Фитонимы – заимствования из латинского могут входить в состав наименований-словосочетаний, которые в таком случае являются гибридными образованиями, состоящими из заимствованного и исконного (или заимствованного из другого языка) элемента. В области семантики в таких конструкциях также происходят изменения: составное наименование называет не отдельный подвид растения, названного используемым однословным фитонимом, а другое растение, – возможно, схожее или иначе соотносящееся с упоминаемым. Таким образом, можно говорить об определенной фразеологизации значения данных гибридных сочетаний.

К описываемым флоронимам-словосочетания относятся русско-украинские эквиваленты:

мышинный гиацинт, *мишачий гіацинт*. Компоненты-прилагательные образованы от исконных зоонимов *мышь*, *миш*.

А также одиночные флоронимы:

п. *azalia letnia*. Компонент-прилагательное образован от исконного *lato* ‘лето’.

укр. *капська конвалія*. Компонент-прилагательное образован от иноязычного топонима.

К сложносоставным гибридам, в которых заимствованный фитоним соединен с исконным определением, также могут быть отнесены польский и русский синонимичные флоронимы *kaktus Bożego Narodzenia* и *рождественский кактус*. Фитонимы *kaktus*, *кактус* (не входящие в круг обычных флоронимов) восходят к латинскому наименованию *Cactus*, компонент-прилагательное в русском флорониме образован от геортонима *Рождество*, синонимичного польскому компоненту *Boże Narodzenie*.

Заимствование из латинского также лежит в основе флоронима-словосочетания *вука ptasia*: компонент-существительное восходит к латинскому фитониму (но не флорониму) *Vica* ‘горошек’.

5. ГЛУБОКО УКОРЕНЕННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

В исследуемую группу мы также включаем флоронимы, которых отличает глубокий уровень адаптации заимствованного наименования и его сближение с исконной лексикой. В основах таких наименований произошли значительные фонетические изменения и уподобления, описываемые заимствования стали центром

словообразовательных гнезд и слабо осознаются носителями языка как «неродные». «Взаимодействие с элементами заимствующего языка» и «словообразовательная активность... ведущая к образованию новых лексем» свидетельствуют об укоренении заимствованного элемента в системе языка-реципиента¹. Если принять в качестве критериев наличие дериватов и/или взаимодействие с исконными основами (уподобление им, объединение в составе сложных слов) и аффиксами, то к глубоко адаптированным заимствованиям следует отнести

ТРИАДЫ ЭКВИВАЛЕНТОВ И СООТВЕТСТВИЙ:

1. *ruta*, р. и укр. *рута*, лат. *Ruta*. В польском и украинском языке они стали основами для двух других флоронимов, называющих одно и то же растение: *rutewka*, *рутьвиця*;

2. *lilia*, *лилия*, *лілія*, лат. *Lilium*. Вероятно, через немецкое *Lilie*; для русского и украинского флоронима возможно польское посредство^{2,3}. Данные флоронимы стали основой для триады дериватов-соответствий *liliowiec*, *лилейник*, *лілійник*, триады неодносложных наименований *lilia złotogłów*, *лилия кудреватая*, *лілія лісова* (в данных наименованиях совпадает только одна основа, поэтому данная триада может быть отнесена только к неполным соответствиям), а также в парах соответствий п. *lilijka*, укр. *лілійка*; п. *lilia wodna*, р. *водяная лилия*;

3. п. *róża*, р. и укр. *роза*, лат. *Rose*. Польский флороним отличается от более схожих с латинской основой русского и украинского названий: в нем представлено изменение согласного и гласного. Для данных флоронимов предполагается немецкое⁴, французское или английское⁵ посредство. В словаре Брюкнера польский флороним считается заимствованием напрямую из латыни. Интересно, что в украинском языке наименование *роза* для данного растения не является единственным: основным является *троянда* (заимствование из греческого). Также в украинском языке употребляется флороним *рожа*, возникший под влиянием польского⁶ и называющий иное растение (*мальва*). Польский и русский флоронимы стали основой для других наименований: это пара соответствий *róża chińska* и *китайская роза*, одиночные наименования *różanecznik*, *dzika róża*. Упомянутые флоронимы можно считать словообразовательной основой для цветообозначений (*różowy*, *розовый*, *рожевий* соответственно);

4. п. *rumianek*, р. и укр. *ромашка*. Флоронимы восходят к латинскому наименованию *anthemis romana*, возможно также влияние немецкого⁷. Во всех трех флоронимах присутствуют исконные суффиксы (*-ek*, *-к*), а также представлены изменения в основе. Вероятно, изменение первого гласного и смягчение следующего за ним согласного в польском флорониме произошло вследствие сближения с исконной основой прилагательного *rumianu*. В русском и украинском флоронимах произошло чередование в основе, в результате которого на месте согласного *-н* возник согласный *-ш* (ср. *Иван* – *Ивашка*, *деревянный* – *деревяшка* и т. д.). Украинский флороним может трактоваться как заимствование из русского. Сближение с исконной основой *rumianu* имело место также в польском флорониме *rumian*, чего нельзя сказать и его украинском соответствии *роман* (*ромен*). Этой польско-украинской паре соответствий соответствует латинское родовое наименование *Anthemis*, однако для них также предполагается взаимодействие с латинским наименованием *Anthemis romana*⁸.

¹ Кудряшова С.В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта. С. 70.

² [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BB/%D0%BB%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 3. Київ: Наукова думка, 1989. С. 261.

⁴ [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%80/%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0> (дата обращения: 20.01.2022).

⁵ Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 5. Київ: Наукова думка, 2006. С. 104.

⁶ Там же. С. 135.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 5. Київ: Наукова думка, 2006. С. 104.

Также к глубоко укоренившимся заимствованиям следует отнести пару соответствий:

п. *ubiorek*, рус. *иберийка*, лат. *Iberis*. В процессе адаптации помимо добавления деминутивного суффикса, судя по всему, произошло сближение с исконным *ubiór* ‘одежда, наряд’, в результате чего флороним выглядит как деминутивный дериват от исконной основы: *ubiorek*. Его русское соответствие *иберийка* тоже «снабжено» исконным уменьшительным суффиксом (а также окончанием женского рода *-а*) Данные флоронимы по своему морфемному составу могут быть отнесены к гибридным образованиям – «словам, частично состоящим из иноязычных элементов»¹. В русском языке также употребляется синонимичный флороним *иберис*, совпадающий с латинским наименованием; в украинском представлен его эквивалент *іберис*.

К одиночным польским глубоко адаптированным заимствованиям относятся флоронимы:

1. *jaśmin*, лат. *Jasminum* (возможно, под влиянием нем. *Jasmin* (ср. р. устар. *ясмин*²). Наименование стало словообразовательной основой для флоронима *jaśminowiec*. В русском языке не сохранился флороним *ясмин*, однако функционирует флороним, генетически являющийся дериватом от данного наименования: *ясменник*;

2. *jasieniec*. Вероятно, результат освоения латинского *Jasione* и сближения его с исконным фитонимом *jasień*; к заимствованной основе был добавлен исконный суффикс *-ec*, что дает основание считать данный флороним гибридным образованием;

3. *prymulka*, лат. *Primula*. В процессе адаптации был добавлен исконный суффикс *-k*. В русском и украинском наименованиях-эквивалентах *примула* уменьшительный суффикс отсутствует; параллельно употребляются составные наименования из двух исконных основ (р. *первоцвет*, укр. *первоцвіт*), – возможно, закрепившиеся под семантическим влиянием номенклатурного наименования (от лат. *primus* ‘первый’);

4. сложный польский флороним *starzec jakubek* лишь отчасти соответствует латинскому *Jacobaea*. Первая основа указывает на сходство с иным растением (флороним *starzec*; вероятно, калька с лат. *Senecio* от *senex* ‘старый, лысый’); вторая – гипокористика от имени *Jakub*, возникшая в наименовании вследствие адаптации латинского названия, действительно производного от имени, к которому восходит польский антропоним.

Таким образом, нами было рассмотрено более 400 польских, русских, украинских наименований цветов, являющихся заимствованиями из латыни, прежде всего из латинской ботанической номенклатуры. Привлекает внимание их относительно неравномерное распределение по языкам: 163 русских, 143 украинских и только 96 польских (хотя тесная связь польского языка с латиноязычной культурой общеизвестна). Следует также отметить высокую частотность зафиксированных пар и триад межъязыковых соответствий, которая, с одной стороны, может быть объяснена интернациональным характером латиноязычной лексики, а с другой – свидетельствовать о тесных взаимосвязях между лексико-семантическими группами «Цветы» в исследуемых языках.

Исследованные заимствования отличаются по степени адаптации в языках-реципиентах. Некоторые из них находятся на начальной стадии адаптации, их отличает отсутствие графической и/или грамматической стабильности. По мере повышения степени адаптации флоронимы получают завершённый графический вид (при этом иногда отличаясь друг от друга способом передачи тех или иных латинских букв и буквосочетаний), претерпевают определённые изменения (отпадение латинского окончания, изменение грамматического рода, усечение основы

¹ Кудряшова С.В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта. С. 69.

² [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%8F/%D1%8F%D1%81%D0%BC%D0%B8%D0%BD> (дата обращения: 20.01.2022).

и др.), включаются в гибридные неоднословные номинации. Глубокую степень адаптации демонстрируют флоронимы, присоединяющие исконные аффиксы, отражающие уподобление исконным корням, ставшие основами для следующих дериватов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудряшова С.В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 4(36). С. 66–75.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
3. Етимологічний словник української мови: В 7 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. Київ: Наукова думка, 1982–.

REFERENCES

1. Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols. / Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. A.A. Potebnia Institute of Linguistics. Kyiv. Naukova dumka. 1982–.
2. Kudryashova S.V. The Process of Borrowing as a Kind of Language Contact. *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2015. No 4(36), pp. 66–75.
3. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow. Sovetskaya Encyclopedia Publ. 1990. 688 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЛАТИНСКОГО (ОДНООСНОВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ)

польское название	русское	украинское	латинское
эквиваленты / соответствия в 3 языках			
1) amarant	амарант	амарант	Amaranthus
2) amaryllis, amaryllis	амариллис	амариліс	Amaryllis
3) andromeda	андромеда	андромеда	Andromeda
4) anemon	анемона	анемона	Anemone
5) azalia	азалия	азалія	Azalea
6) godecja	годеция	годеція	Godetia
7) begonia	бегония	бегонія	Begonia
8) boltonia	болтония	болтонія	Boltonia
9) celozja	целозия	целозія	Celosia
10) chryzantema	хризантема	хризантема	Chrysanthemum
11) cyklamen	цикламен	цикламен	Cyclamen
12) cynia	цинния, циния	цинія	Zinnia
13) dimorfoteka	диморфотека	діморфотека	Dimorphotheca
14) egzochorda	экзохорда	екзохорда	Exochorda
15) eszolcja	эшшольция	ешольція	Eschscholzia
16) facelia	фацелия	фацелія	Phacelia
17) floks	флокс (флоксы)	флокс (флоксы)	Phlox
18) forsyca	форзиция, форсиция	форзиція	Forsythia
19) frezja	фрезия	фрезія	Freesia
20) fuksja	фуксия	фуксія	Fuchsia
21) gailardia	гайлардия, гайярдия, гайллардия	гайярдія, гайлардія	Gaillardia

22) galtonia	гальтонія	гальтонія	Galtonia
23) gardenia	гардения	гарденія	Gardenia
24) gazania	газання	газанія	Gazania
25) gerbera	гербера	гербера	Gerbera
26) glicynia	глицинія	гліцинія	Glicinia, Wisteria
27) gomfrena	гомфрена	гомфрена	Gomphrena
28) heliotrop	гелиотроп	геліотроп	Heliotropium
29) hiacynt	гиацинт	гіацинт	Hyacinthus
30) hibiskus	гібискус	гібіск	Hibiscus
31) hortensja	гортензия	гортензія	Hortensia
32) iksja	иксия	іксія	Ixia
33) jakobinia	якобиния	якобінія	Jacobinia
34) kamelia	камелия	камелія	Camellia
39) kampanula	кампанула	кампанула	Campanula
40) kanna	канна	канна	Canna
41) klarkia	кларкия	кларкія	Clarkia
42) kosmos	космея, космос	космея, космос	Cosmos
43) lantana	лантана	лантана	Lantana
45) lawenda	лаванда	лаванда	Lavandula
46) lilia	лилия	лілія	Lilia
47) lobelia	лобелия	лобелія	Lobelia
48) lobularia	лобулярия	лобулярія	Lobularia
49) łubin	люпин	люпин	Lupinus
50) magnolia	магнолия	магнолія	Magnolia
51) mimoza	мимоза	мімоза	Mimosa
52) narcyz	нарцисс	нарцис	Narcissus
53) nemezja	немезия	немезія	Nemesia
54) nemofila	немофила	немофіла	Nemophila
55) obrecja	обриета, аубриета	обрієта	Aubrieta
56) oleander	олеандр	олеандр	Oleander (Nerium Oleander)
57) orchidea	орхидея	орхідея	Orchis
58) pelargonia	пеларгония	пеларгонія	Pelargonium
59) penstemon	пенстемон	пенстемон	Penstemon
60) petunia	петуния	петунія	Petunia
61) piwonia	пион	півонія	Paeonia
62) portulaka	портулак	портулак	Portulaca
63) prymulka	примула	примула	Primula
64) rezeda	резеда	резеда	Reseda
65) rododendron	рододендрон	рододендрон	Rhododendron
66) róża	роза	роза	Rose
67) rudbekia	рудбекия	рудбекія	Rudbeckia
68) rumianek	ромашка	ромашка	Anthemis romana
69) ruta	рута	рута	Ruta
70) sępolia	сенполия	сенполія	Saintpaulia
71) stefanotis	стефанотис	стефанотіс	Stephanotis
72) szalwia	сальвия	шавлія	Salvia
73) szlumbergera	шлюмбергера	шлюмбергера	Schlumbergera
74) tradescancja	традесканция	традесканція	Tradescantia
75) tuberoza	тубероза	тубероза	Tuberosa

76) tunbergia	тунбергия	тунбергія	Thunbergia
77) ubiorek	иберийка, иберис	іберис	Iberis
78) werbena	вербена	вербена	Verbena
79) wiktoria	виктория	вікторія	Victoria
польско-украинские соответствия			
konwalia	—	конвалія	Convallaria
krokosz	—	крокіс	Crocus
rumian	—	роман (ромен)	Anthemis
польско-русские соответствия			
1) bergenia	бергения	—	Bergenia
2) irys	ирис	—	Iris
3) kalmia	кальмия	—	Kalmia
4) karagana	карагана	—	Caragana
5) krokus	крокус	—	Crocus
6) plektrantus	плектрантус	—	Plectranthus
русско-украинские соответствия			
1) —	агератум	агератум	Ageratum
2) —	аденофора	аденофора	Adenophora
3) —	акалифа	акаліфа	Acalypha
4) —	аконит	аконіт	Aconitum
5) —	алисум	алисум	Alyssum
6) —	арабис	арабіс	Arabis
7) —	астильба, астильбе	астільба, астильбе	Astilbe
8) —	астранция	астранція	Astrantia
9) —	берула	беруля	Berula
10) —	вероника	вероніка	Veronica
11) —	гелениум	геленіум	Helenium
12) —	герань	герань	Geranium
13) —	гиппеаструм	гіпеаструм	Hippeastrum
14) —	гипсофила	гіпсофіла	Gypsophila
15) —	глобулярия	глобулярія	Globularia
16) —	дельфиниум	дельфіній	Delphinium
17) —	дигиталис	дигіталіс	Digitalis
18) —	дицентра	діцентра	Dicentra
19) —	дороникум	доронікум	Doronicum
20) —	дриада	дріада	Dryas
21) —	иберис, иберийка	іберис	Iberis
22) —	ипомея	іпомея	Ipomoea
23) —	календула	календула	Calendula
24) —	калла	кал(л)а	Calla
25) —	кальцеолярия	кальцеолярія	Calceolaria calceolatus
26) —	лаватера	лаватера	Lavatera
27) —	линнея	ліннея	Linnaea
28) —	лихнис	ліхніс	Lychnis
29) —	лloydия	лойдія	Lloydia
30) —	мальва	мальва	Malva
31) —	маттиола	матіола	Matthiola
32) —	мирабилис	мірабіліс	Mirabilis
33) —	мускари	мускарі	Muscari

34) —	пассифлора	пасифлора	Passiflora
35) —	платикодон	платикодон	Platycodon
36) —	протея	протея	Protea
37) —	радиола	радіола	Radiola
38) —	сальпиглоссис	сальпіглосіс	Salpiglossis
39) —	сизиринхий, сисюринхий	сизюринхій	Sisyrinchium
40) —	скабиоза	скабіоза	Scabiosa
41) —	спацифиллум (спацифиллум), спатифиллум (спатифиллум)	спатіфіллум, спатифілум	Spathiphyllum
42) —	спирея	спірея	Spiraea
43) —	тигрия	тигрія	Tigridia
44) —	трициртис	трициртіс	Tricyrtis
45) —	физостегия	фізостегія	Physostegia
46) —	энотера	энотера	Oenothera
47) —	эрантис	эрантіс	Eranthis
48) —	эрика	еріка	Erica
49) —	эрингиум	ерінгіум	Eryngium
50) —	эритрониум	еритроній	Erythronium
51) —	эхинацея	ехінацея	Echinacea
52) —	юстиция	юстиція	Justicia
53) —	якобея	якобея	Jacobaea
одинокные польские			
1) centuria	—	—	Centaurium
2) dalia	—	—	Dahlia
3) gencjana	—	—	Gentiana
4) jasieniec	—	—	Jasione
5) jaśmin	—	—	Jasminum
одинокные русские			
1) —	адонис	—	Adonis
2) —	аквилегия	—	Aquilegia
3) —	антемис	—	Anthemis
4) —	антирринум	—	Antirrhinum
5) —	анхуза	—	Anchusa
6) —	арункус	—	Aruncus
7) —	ацинос	—	Acinos
8) —	бораго	—	Borago
9) —	галега	—	Galega
10) —	геллеборус	—	Helleborus
11) —	гелихризум	—	Helichrysum
12) —	гладиолус	—	Gladiolus
13) —	дактилориза	—	Dactylorhiza
14) —	каллистефус	—	Callistephus
15) —	клематис	—	Clematis
16) —	колхикум	—	Colchicum
17) —	нимфейник	—	Nymphoides
18) —	полиантес	—	Polianthes
19) —	сенецио	—	Senecio
20) —	тимьян	—	Thymus

21) —	эуфорбия	—	Euphorbia
одиначные украинские			
1) —	—	віскарія	Viscaria
2) —	—	калістегія	Calystegia
3) —	—	сапонарія	Saponaria
4) —	—	фітеума	Phyteuma
5) —	—	хаменерій	Chamaenerion

Сведения об авторе:

Александра Александровна Широкова,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Aleksandra A. Shirokova,
PhD Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
szuroczka.szyrokowa@gmail.com

Фундаментальные
исследования

Fundamental
Research

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

Е.Н. Ковтун (Москва, Россия)

**Социология фантастики: наблюдения
в рамках фантастоведческих курсов
в МГУ имени М.В. Ломоносова**

Аннотация: Данная публикация является завершающей частью исследования, посвященного анализу результатов письменных работ слушателей межфакультетских курсов фантастоведческой проблематики, прочитанных нами в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2013–2020 гг. В ранее опубликованных статьях мы привели статистические данные о составе слушателей этих МФК, обобщили сведения о любимых слушателями писателях-фантастах и фантастических произведениях, о предпочитаемых типах фантастики; суммировали высказывания студентов о том, при каких обстоятельствах сформировалось их увлечение фантастической литературой. В данной публикации мы представим суждения студентов о будущем, а также расскажем о том, какие фантастические книги слушатели планируют в дальнейшем, возможно, самостоятельно написать.

Ключевые слова: литературная фантастика, фантастоведение, межфакультетские курсы МГУ имени М.В. Ломоносова

E.N. Kovtun (Moscow, Russia)

**The Sociology of Science Fiction and Fantasy:
Monitoring Within Science Fiction and Fantasy Studies Classes
at Lomonosov Moscow State University**

Abstract: The publication is the final part of the research dedicated to the analysis of the results of written works made by the students of inter-faculty courses of science fiction and fantasy studies undertaken at Lomonosov Moscow State University during 2013–2020. In the previous articles we provided statistical data on the students' composition, summarized information about their favorite writers and books of science fiction and fantasy as well as about preferred types of such a literature; summarized students' remarks about under what circumstances their interest to science fiction and fantasy has been emerged. In this publication we introduce the students' considerations on future and also on books of science fiction and fantasy the students are planning, may be, to write themselves.

Key words: literary science fiction and fantasy, science fiction and fantasy studies, inter-faculty classes of Lomonosov Moscow State University

ЧАСТЬ 4

Помимо вопросов фантастоведческого характера, ответы на которые рассматривались нами в предыдущих частях данной публикации¹, в рамках чтения МФК – и особенно в ходе бесед со слушателями о творчестве крупнейших мастеров фантастики, подобных К. Чапеку, С. Лему или А. и Б. Стругацким, – обсуждался также ряд тем философского и этического характера, раскрываемых этими писателями. Часть подобных тем студентам было предложено прокомментировать в письменных заданиях. Их результаты мы приводим ниже.

МЫСЛИ О БУДУЩЕМ

Одной из самых интересных для слушателей МФК оказалась тема будущего – точнее, представление фантастами социального устройства и образа жизни наших далеких потомков. Рассматривая предлагаемые писателями футуристические модели, студенты принимали или критиковали отдельные их аспекты, а также дополняли прочитанное собственными суждениями. Совокупный «облик грядущего», суммированный на основе студенческих работ 2013 г. и обобщенный нами по нескольким глобальным параметрам (научный и технический прогресс, экология, экономика, социальное устройство, духовная эволюция человечества) мы уже анализировали в одной из наших публикаций².

В МФК-2015 данное письменное задание было несколько изменено. Слушателям на основе прочитанных фантастических текстов и собственных размышлений предлагалось высказать суждение по трем вопросам: *какое научное открытие станет определяющим для человечества в будущем, как изменится в будущем структура социума и какова наибольшая опасность, могущая ожидать человечество*. Всего на данную тему было получено 172 письменных работы. При обобщении их результатов в скобках мы, как и ранее, указываем количество повторяющихся ответов – если подобные повторы имелись³.

В числе судьбоносных изобретений (вопрос № 1) на первом месте предсказуемо оказались открытия в области информационных технологий: «искусственный интеллект» (28), «выход в Интернет без помощи устройств» (по-видимому, путем выполнения компьютером мысленных приказов), «интеграция сознания и виртуальной реальности», «внедрение чипов памяти в мозг человека», «овладение способностью читать мысли» и т. п.

От информационных технологий ненамного отстали обобщенные «открытия в космической области» (15), – видимо, как позволяющие достичь космических глубин, так и сделанные непосредственно на далеких планетах и звездах («обнаружение новой жизни на другой планете», «колонизация планет», «добыча ресурсов за пределами Земли»). Если же конкретика применительно к дальним путешествиям все же появлялась, то реализовывалась в следующих уточнениях: «телепорта-

¹ См.: Stephanos. 2019. № 1, 4; 2020. № 1.

² Ковтун Е.Н. Фантастика в зеркале читательских ожиданий (из опыта чтения межфакультетского курса «Кросс-культурные коды фантастики» в МГУ имени М.В. Ломоносова) // Studia polonoslavica: К 90-летию со дня рождения Е.З. Цыбенко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 379–403.

³ Количество приводимых нами ответов меньше, чем общее число работ, так как мы не приводим и не обсуждаем малоинформативные формулировки вроде: «открытия в сфере химии, биологии», «новое общественное устройство», «изменение форм государств», «рост в области медицины», «новые материалы» и т. п.

ция» (10), «сверхсветовые скорости» (7), «преодоление гравитации» (2), «термоядерный двигатель» (вариант не без иронии – «вечный двигатель») и, конечно же, «машина времени» (13).

Из других важнейших изобретений внимания удостоились «нанотехнологии» (4), «генная инженерия» (3), «квантовый компьютер». Перспективными открытиями были сочтены также «новые теории о соотношении пространства и времени», «холодный ядерный синтез» и вообще «принципиально иное понимание физики».

Целая группа ответов оказалась посвящена энергетике будущего: «появление альтернативных неиссякаемых источников энергии» (4), «способность создавать материю из энергии и наоборот», «более дешевый способ добычи нефти» (альтернативная версия – «отказ от нефти») и даже «повышение КПД электростанций».

Особую позицию на верхушке рейтинга заняла медицина: от «эликсира бессмертия» (14), «молекулярно-генетических открытий», «клонирования живых организмов», «лекарства от всех болезней» (8) и «долголетия» (2) до более локальных прогнозов – «изобретение средства от рака», «препараты, развивающие умственные способности». Сюда же, к теме потенциального бессмертия, по-видимому, следует отнести и высказывание о «возможности сохранять интеллект других людей (даже после их смерти? – Е.К.)».

Медицину и информатику объединили формулировки следующих открытий: «возможность моделировать характер человека еще до его рождения», «внедрение в человека генов, которые позволят обходиться без использования денег (т. е. бумажных банкнот. – Е.К.), телефонов и т. п.», «управление человеческим мозгом» (хотя, как тут же критически заметил автор ответа, это и «может привести к катастрофе»).

Наконец, к глобальным переменам в области науки грядущего студенты отнесли «открытие новых форм жизни» (вероятно, в космосе. – Е.К.) и «создание новых форм жизни на Земле», а также «открытия, связанные с пониманием сложности мирового устройства и назначения человека», – и несколько загадочную новацию, заключающуюся в «прекращении обрабатывать информацию самостоятельно» (то ли в положительном смысле – всю «черновую» аналитическую работу возьмет на себя компьютер, то ли в плане негативном: человечество превратится в безмозглого паразита при информационных системах. – Е.К.).

Социум будущего (по ответам на вопрос «*Что изменится в будущем в социальном плане?*») предстает во мнении слушателей МФК как «информационное общество» (12), характеризующееся следующими основными параметрами: «отсутствие живого общения между людьми» (19), «социальная изоляция» (15), «увеличение роли виртуальной реальности» (12), «автоматизация» (5).

Студенты полагают, что закономерным следствием цифровизации («люди станут цифровыми») будет «коренное изменение организации общества» (2). Однако конкретные прогнозы разнятся: кто-то говорит о «равном распределении благ», «исчезновении социальных слоев» (6), «росте глобализации» (2), «смешении рас и национальностей» и «объединении всех стран в одну» (5), т. е. о том, что с «развитием информационных технологий мир в целом будет более един». Другие, напротив, предвидят «распределение людей по кастам» (10), «порабощение людей “высшим” классом», усилившееся «социальное расслоение» (5; вариант – «расслоение общества по классам»). Интересен вывод одного из отвечавших о том, что «главным критерием принадлежности к определенному социальному классу станет уровень владения информацией».

Различным образом представляются студентам и психологические последствия прогресса информационных технологий, их влияние на внутренний облик человека и взаимоотношения между людьми. Встречаются прогнозы полного исчезновения «института семьи» (4), «института брака» (3), «религий» (3). Но с ними соседствуют противоположные гипотезы – об усилении в будущем религиозных и учащении межнациональных конфликтов. Возможно, первая группа ответов подсознательно ассоциируется у слушателей МФК с «дальним» (и очень непохожим на настоящее) будущим, вторая же с ближайшей перспективой («затрагиваемым днем»), непосредственно вытекающей из привычной им реальности.

Сказывается на ответах, вероятно, и общий эмоциональный настрой отдельных респондентов. Пессимисты предсказывают «уменьшение количества населения в силу нехватки ресурсов», «торжество индивидуализма» (3), «перенасыщение информацией», «утрату интереса к познанию» и «падение нравственности» (по-видимому, тотальное). Оптимисты же уверяют, что «люди станут менее эгоистичными» (3), «исчезнут неполноценные семьи», «человек перестанет осуждать другого из-за его непохожести», «расизм и другие виды дискриминации сойдут на нет» (2), «когнитивистика, новые ориентиры мышления приведут к совершенствованию системы социальных отношений». Человечество, по мнению оптимистов, ждет «повышение уровня жизни», «улучшение здоровья» (та же мысль в иной формулировке – «врачи перестанут быть востребованы»), «возрастание роли сферы услуг», «улучшение доступа к информации».

Не менее прихотлив и всеер политических прогнозов: от утверждений, что «общество станет более либеральным» и «люди перестанут быть зависимыми от СМИ» – до «построения коммунизма» и «подчинения людей власти политики и СМИ». Крайне негативными, по-видимому, следует считать высказывания о том, что «история человечества будет переписана; акценты расставлены на открытиях в области техники» и что население планеты ждет «война, в ходе которой (вероятно, имелось в виду, по итогам. – Е.К.) всё (вероятно, развитие цивилизации. – Е.К.) начнется сначала».

С мрачными прогнозами пессимистов о состоянии грядущего социума солидарны авторы ответов на третий вопрос: *какова наибольшая опасность для человечества в будущем?* Иерархия мнений здесь выглядит так: «перенаселение» (22), «исчерпание ресурсов» (17), «экологические катастрофы» (10), «исчезновение пресной воды» (3), «загрязнение окружающей среды» (2), «техногенные катаклизмы» (4) и «выход техники из-под контроля» (6). Среди внешних причин катастроф преобладают: «нашествие инопланетной расы» (3), «войны с другими цивилизациями» (3), «столкновение с космическим объектом».

Из более редких вариантов негатива симптоматичны: «соцсети (доминирование виртуального)», «неизлечимый вирус» и «медицина, нарушившая естественный отбор», «противостояние богатых и бедных», «религиозные и расовые конфликты», «возрождение фашизма».

Не меньшее количество угроз заключено в самих людях: «деградация сознания, интеллекта» (23), «превращение людей в “овощей”» (2), «моральный упадок» (7), «утрата человечности» (6), «обесценивание культурного наследия» (5) и – не в последнюю очередь – «отсутствие физического труда» (4). В качестве последствий всего этого прогнозируется «воцарение общества потребления» и «мещанства в понимании Стругацких», «разобщенность человечества» (3), «избыток неживого общения» (2), «отсутствие восприятия себя как личности», «потеря смысла жиз-

ни» (2), «страх смерти» и, наконец, «неконтролируемая агрессия» (2). Далее неизбежным видятся: «новое ядерное оружие» (14), «неконтролируемое развитие военной промышленности», «Третья мировая война» (5), «атомная война» (3), «война с использованием новейшего вооружения» (2) и финальное «самоуничтожение человечества» (2) или же его «возвращение к аналогу каменного века» (2).

Обобщая, можно отметить, что палитра высказываний слушателей МФК о будущем вполне соответствует проработанности данной темы в отечественной и зарубежной фантастике XX–XXI вв. и отражает как основные позитивные трактовки грядущего (утопическая традиция), так и базовые негативные варианты, воспроизводимые писателями в антиутопиях и романах катастроф. Нас же особенно порадовали высказанные целым рядом слушателей мысли о том, что «угрозу социуму несет слишком стремительное техническое развитие», «неконтролируемый технический прогресс ведет к деградации человека». Именно данные представления в течение двух столетий старалась внушить своим читателям социальная фантастика, от Г. Уэллса, О. Степлдона и К. Чапека до И. Ефремова, А. и Б. Стругацких и многих современных фантастов (П. Уоттс, А. Рубанов, А. Старобинец).

ВОСПИТАНИЕ «НОВОГО» ЧЕЛОВЕКА

Рассуждения об опасностях, ожидающих человечество в будущем, естественным образом вызвали продолжение дискуссии о том, как можно избежать потенциальных угроз. С данной точки зрения интересен состоявшийся в рамках МФК-2019 разговор о воспитании человека будущего и гражданина «идеального» социума. Дискуссия, продолжением которой стали письменные работы слушателей, развернулась после лекции о творчестве А. и Б. Стругацких, в рамках которой рассматривалась предложенная писателями концепция Мира Полудня (позитивная модель общественного развития). В открывающей цикл произведений об этом мире повести «Полдень, XXII век» (1967) Стругацкие изложили, в частности, собственную концепцию коллективного воспитания детей в грядущем коммунистическом обществе. Все без исключения дети и подростки определенного возраста совместно учатся и живут в специализированных интернатах, расположенных в различных климатических поясах Земли. Во многом аналогичную концепцию коллективного воспитания предложил примерно в то же время и другой выдающийся представитель послевоенной отечественной фантастики И.А. Ефремов в романах «Туманность Андромеды» (1957) и «Час быка» (1969).

По итогам лекции слушатели МФК получили задание написать о том, какими им видятся система образования будущего и методы нравственного воспитания наших потомков.

Всего было получено 175 работ. Большая группа ответов оказалась посвящена *модернизации учебного процесса*. Парадоксальным образом в этих ответах оказалось много очевидного, вполне возможного – и даже широко доступного – непосредственно сейчас: «мобильная и быстро реагирующая на изменения образовательная система», «онлайн-лекции и семинары», «мультимедийные учебные пособия», «электронные книги», «дистанционное обучение», «проектная деятельность», «интерактивные мероприятия» и т. п.

Экстраполяция в будущее данных новаций позволила спрогнозировать и более существенные перемены: «автоматизация многих процессов, удаленное обучение, большая самостоятельность учеников», «преподаватели не могут быть заменены роботами, но процессы проверки знаний, тесты будут автоматизированы».

Однако при этом, как подчеркнул автор последнего высказывания, «должен быть оставлен простор для творчества». Аналогичным образом другой респондент настаивал: «компьютеризация обучения только для учеников старших классов, иначе дети станут похожи на роботов – а школа должна быть местом, куда захочется возвращаться».

Однако эти опасения отнюдь не остановили поклонников технического прогресса, которые смело утверждали: «станут неактуальными все профессии, кроме программистов; всех нужно обучать программированию», «здание школы должно быть самым технологичным зданием города», «практические лаборатории, техника, онлайн-уроки; голографический Есенин, декламирующий свои стихи на уроке литературы, – вот образование будущего».

Следующий качественный скачок – реформирование фундаментальных основ образовательного процесса: «школы и вузы в привычном понимании исчезнут», «необходимо отменить домашние задания, но сделать больше уроков, добавить обсуждения с учителями нового материала; ввести специализацию классов на основе предпочтений к будущей профессии», «в школе будущего должны обучать не только привычным нам предметам, но и искусству, музыке, танцам; с определенного возраста ученик выбирает понравившиеся предметы, необходимые для его специализации», «каждый должен образовываться во всем, специализируясь на чем-то одном», «нужно учить не только предметам, но и грамотно выражать свои мысли, логически рассуждать, уметь обосновать свою позицию», «основная задача школы – формирование у детей навыков коммуникации в обществе; для продвинутых учеников должны быть предусмотрены особые лекции и долгие разговоры с преподавателями», «уроки не должны ограничиваться предметами, а совмещать в себе все области сразу – ведь все взаимосвязано, а мы искусственно делим живой естественный процесс», «будет введено разделение детей по разным специализированным школам в 12–14 лет в зависимости от их предпочтений, обязательное проживание хотя бы 1 год в совсем другой семье, мультикультурализм в обучении».

Другая часть слушателей МФК сосредоточилась не столько на образовании, сколько на воспитании нового гражданина: «необходимо развивать личностные качества», «большой акцент в образовании делать на духовном, а не на техническом», «идеальная школа – советская, плановое 10-летнее обучение, просветительская работа с нравственными идеалами, формирование разносторонне развитого человека». «Вне зависимости от системы образования главное – те ценности, которые прививают человеку. Личность должна развиваться гармонично и воспитываться в разных сферах». «Необходимо создавать школы, способные сохранить все разнообразие человеческого опыта». «Упор должен быть сделан на воспитание в человеке человека, думающего, рассуждающего, имеющего собственное мнение. Школа должна закладывать нравственность, воспитывать в человеке личность, а не подавлять индивидуальность».

Ради улучшения нравственности сторонники реформ готовы на самые решительные меры. «Главная цель воспитания – создание условий, в которых нормы морали превалировали бы над природными инстинктами, а разум победил естественные желания. Возможно, для этого следует изолировать детей от взрослых (кроме воспитателей) на несколько поколений». «Обучение будет производиться либо людьми при помощи искусственного интеллекта, либо только искусственным интеллектом». «Необходимо обучать умению передавать знания, четко и честно высказываться, сдерживать раздражение – все общество должно быть учи-

телем!» И в качестве неожиданного категорического вывода: «Меня устраивает современный человек, но ему следует стать более ответственным по отношению к обществу и к окружающему миру».

По вопросу о предпочтении коллективного обучения (интернатов) традиционному семейному воспитанию разгорелись яростные дебаты. Сторонники традиций заостряли достоинства *индивидуального подхода* к ребенку, возможного, с их точки зрения, лишь в семье и школе привычного типа. «Необходима индивидуальная система воспитания, прямой контакт наставника и ученика. Нельзя отказываться от преподавателей и переходить к полностью виртуальной системе». «Для школы будущего характерны индивидуальный подход, индивидуальные менторы, выявление и развитие талантов, упор на творчество, развитие сильных сторон личности». «Я против интернатов, лучше индивидуальное обучение, хотя это сложно, потому что дети сами не знают, чего хотят». «Необходим индивидуальный подход: в раннем возрасте – базовые предметы, анализ способностей ребенка, и в дальнейшем нужно фокусироваться на той области, к которой конкретный человек имеет склонность».

К плюсам семейного воспитания слушатели отнесли «воспитание в любви – и разнообразие, а это ключ к выживанию». «В школе ребенок учится существовать в социуме, но семья должна быть на первом месте, и в школе должно быть больше пропаганды семейных ценностей, чем карьерного роста». «Ребенок должен воспитываться в узком кругу, в любви и заботе, коллективное воспитание уменьшает личностный подход и делает детей одинаковыми, штампованными». «Если воспитывать детей отдельно от семей, то это поможет детям из неблагополучных семей. Но не будут ли такие дети слишком одинаковы, смогут ли смотреть на жизнь с разных сторон?» «Люди, воспитанные обществом, может, и будут правильными, совершенными, но глубоко несчастными, потому что любому человеку необходимо иметь что-то свое, личное, принадлежащее лишь ему – семью, близких людей». «Идея обобществления (т. е. коллективного воспитания. – Е.К.) детей грозит обеднением культуры, поведенческих стратегий, ведь каждая семья несет свои традиции, ценности, воспитывает ребенка в уникальной атмосфере. Неравенство воспитания – залог разнообразия в обществе».

Впрочем, и респонденты-«традиционалисты» отнюдь не идеализировали семейное обучение: и заявляя о необходимости введения «профессионального родительства» («родители сами должны быть хорошо воспитаны», «должен оставаться институт семьи, но родители должны доказать обществу право на то, чтобы иметь ребенка, – тогда не будет плохих родителей и ненужных детей»¹), и ратуя «за воспитание в семье, но чтобы с раннего детства дети ходили на кружки и т. д., на что сами захотят». Наконец, трезвомыслящие «консерваторы» призывали социум равно заботиться об обеих категориях участников образовательного процесса. «Общество не должно снимать с родителей ответственность за воспитание ребенка, но оно должно предоставить им условия и инфраструктуру, в которых возможно благоприятное воспитание».

Сторонники же *коллективного обучения* подчеркивали, что «интернаты обеспечивают более высокое качество образования». «Семейные узы в будущем будут менее значимы. Необходимо преодолеть индивидуализм и сепаратизм, исходящий от родителей». «Родители воспитывают ребенка для себя, а не для его будущего». «Интернатная модель “Мира Полудня” хоть и не идеальна, но, возможно,

¹ И даже еще более определенно: «надо дать человеку право самому выбирать семью».

помогла бы человечеству стать лучше, частично отринув оковы наследственности». «Я – за отделение детей от родителей. Воспитание ребенка в окружении взрослых прививает консерватизм мышления, в то время как цель хорошего воспитания – формирование у нового поколения идей о том, как улучшить существующий мир». «Только при коллективном воспитании человек будет сформирован таким, каким он нужен социуму, без влияния на него представлений о жизни его родителей». «Интернаты – хорошая школа жизни. Они дают независимость, самостоятельность. Институт семьи устарел». «Есть неблагополучные семьи, поэтому коллективная модель воспитания для меня выглядит привлекательнее».

И лишь некоторые респонденты сочли возможным смягчить категоричность суждений. «Сейчас я за семейное воспитание, но в будущем, когда общество дойдет до определенной ступени развития, коллективная модель кажется мне более заманчивой». «Я за интернаты, но они должны быть высокоразвитыми, предлагать интеллектуальные игры и развлечения, высокие технологии». «Мне чужда концепция, где детей забирают от родителей в интернаты, хотя сама идея интернатов с возможностью раскрытия талантов каждого ребенка кажется мне осуществимой. Также возможно создание центров увлечений, где можно позаниматься разными видами деятельности, обязательных для посещения, например, четыре раза в год». «Мне нравится идея интернатов, но детей не стоит забирать в них так рано, только лет с 11–13, ну и если родители будут навещать. Однако мало верится, что родители из разных слоев общества не будут влиять на то, с кем именно будут общаться их дети и кто их будет учить».

Наконец, немалое количество отвечавших попыталось снять противоречие между индивидуальным (семейным) и коллективным воспитанием за счет объединения лучших черт обеих моделей. «Современный ребенок и так воспитывается различными коллективами, поэтому концепции семейного и коллективного воспитания не являются взаимоисключающими. Но в будущем возрастет регулирующая роль общества в вопросе воспитания». «У детей должен быть выбор, поэтому надо оставить обе концепции обучения, но общество должно стимулировать людей учиться в интернатах». «Школа будущего должна создать примерно одинаковые условия для всех, но без полной изоляции от семьи». «Необходимо оставлять детям выбор, сочетать концепции: например, день в школе, а вечер и ночь – дома, или – по желанию – тоже в школе». «Ребенок в определенном возрасте сам выбирает, остаться ли в семье или учиться в специальном учреждении».

«Чтобы вырастить благородного, честного и смелого человека, его с детства нужно воспитывать в коллективе. Но в уже сложившемся обществе “Мира Полудня” родители могут и сами воспитать ребенка, подобного себе». «Я за модель “Мира Полудня”, но предпочтительны не огромные интернаты, а небольшие образовательные ячейки». «Дети могут жить отдельно от семьи, но контакт с ней должен сохраняться. Если им тяжело (существовать в коллективе. – *Е.К.*), пусть живут в семье». «Учителя плюс родители – вот наиболее полное образование, способствующее развитию личности». «Возможен компромисс: введение экзаменов для родителей (как в “Возвращении со звезд”¹); если они могут и хотят много дать ребенку, то воспитывают его сами, в противном случае он забирается в интернат». «Предпочтительно семейное воспитание, но возможен специальный отбор в специальные школы, которые дают каждому человеку навыки и знания, необходимые именно ему». «Предлагаю промежуточный вариант – путем тести-

¹ Имеется в виду роман С. Лема, написанный в 1961 г.

рования выбирается лучшая для конкретного человека стратегия воспитания, и в зависимости от нее оно может проходить как в коллективе, так и индивидуально. Это приведет к максимальной реализации потенциала человека, хотя и потребует огромных затрат».

Интересно, что группа респондентов отметила отсутствие непроходимой границы между образовательной моделью грядущего – и существующей ныне. «Меня привлекает нынешняя система образования, в которой применяются некоторые идеи Стругацких: на одного учителя – немного учеников. Учителя, умеющие заинтересовать, разбирающиеся в предмете, побуждающие задавать вопросы». «Сейчас не хватает хороших педагогов, некоторых предметов, но система в целом хорошая».

Особой темой обсуждения, опять-таки подсказанной художественными моделями грядущего в книгах И. Ефремова и братьев Стругацких, стала *личность и роль учителя в обществе будущего*. Большинство слушателей МФК горячо поддержало этих фантастов, создающих образы учителей-подвижников, всецело преданных профессии. «Я думаю, победит концепция воспитания детей людьми с призванием, специально подготовленными учителями (“Мир Полудня”, “Туманность Андромеды”))». «Чтобы создать новое общество, его нужно строить с нуля, собрать лучших людей планеты и им доверить воспитание нового поколения людей». «Абсолютно необходима передача процесса обучения в руки специалистов». «Категорически необходим отбор учителей, на самом деле достойных учить детей». «Воспитание детей лучшими Учителями разовьет их способности, что благоприятно скажется на обществе. Наиболее правильна система с Учителями в интернатах, такое воспитание является целостным и конкретным. Учителя – профессионалы, они умеют преподавать, не будут выделять любимчиков». «Вдохновленных, образованных, любящих свое дело ученых нужно отправлять во все уголки страны, чтобы не было захолустных школ, чтобы дети могли больше общаться с “примерами” (вероятно, имелись в виду известные личности, выступающие как образцы для подражания. – Е.К.)». «Главный вопрос – не где проходит обучение, а кто обучает человека, именно от этого зависит будущее».

Наиболее интересными, на наш взгляд, оказались ответы слушателей, осознавших сложность поставленных вопросов – и настаивающих на *комплексном характере обучения и воспитания*. «Кажется, что в обществе (т.е. при коллективном обучении в интернатах. – Е.К.) мы все были бы воспитаны благополучно (в то время как из семьи мы приносим страхи, комплексы), но вместе с тем исчезла бы индивидуальность, порождающая сложность и прелесть человеческих отношений. Сила – в многообразии. Неподобие определяет устойчивость к трудностям». «Нужно воспитывать детей в любви, заботе, безопасности, но давать им свободу. Всем детям 3–5 лет должны быть доступны учебно-развлекательные центры, где развивали бы их творческие способности, знакомили с природой, учили заботиться о себе и других». «В школах будущего, как мне видится, классы формируются по способностям детей. В 1–3 классах определяются их основные предпочтения. Гуманитарии, технари, мастера учатся отдельно. Но на встречах клубов чтения, спортивных мероприятиях все собираются вместе».

«В школе много часов должно быть уделено изучению литературы, истории и языков, потому что они развивают духовный мир человека. Также необходима сильная физико-математическая база. Большое внимание должно уделяться внеклассной активности – чтению, кружкам, спорту, – в которых человек может быть самым собой, а не частью толпы». «Воспитание должно быть всесторонним.

Воспитывать ребенка должны родители, а углубленные знания, связанные с профессией, он должен получать во взаимодействии с другими людьми. Духовное воспитание ребенка создается всеми, с кем он имеет контакт».

«Обязательной будет свобода выбора занятий (если ребенок сможет аргументированно объяснить специальной комиссии, почему какой-либо аспект его базового воспитания должен быть изменен, то его изменят). У всех должна быть возможность попробовать всё. Воспитание не только в каком-то ограниченном обществе, но общение со всем городом. Необходимо и пребывание на природе, постоянная смена обстановки».

Сторонники комплексной модели нередко подчеркивали важность *последовательной смены разных стратегий обучения и воспитания*. «Родители => школа (акцент на развитие талантов каждого ребенка) => коллектив (место работы). Роль родителей в воспитании должна постепенно уменьшаться вплоть до нуля». «Детей дошкольного возраста должны воспитывать семья и учителя вместе. Последующее воспитание следует производить коллективно, готовя детей к будущей жизни в обществе. Это поможет наладить коммуникацию людей, которые в будущем займут совершенно различные социальные ниши». «Мне видится так: первоначальное обучение в семье до 10–12 лет, затем тестирования, оценка успеваемости и анализ желаний ребенка – а дальше его помещение в учреждение интернатного типа со специализацией». «До 8 лет ребенка должна воспитывать семья, потом – интернат (но общение с родителями разрешено). В 18 лет обучение заканчивается, и человек сам решает, как ему быть». «Семейное воспитание до 10 лет, далее интернаты. Дети могут возвращаться домой на выходные. Дальше колледжи и университеты, по желанию». «Сначала воспитывает семья, потом школа (где необходимо поднять престиж профессии преподавателя), а с 14–16 лет образование может даваться в формате интернатов, где будет большее погружение в процесс обучения».

Большинство отвечавших отстаивало право ребенка на *самостоятельный выбор форм и стратегий обучения*. «Больше возможностей для самостоятельной работы школьников!» «Нужно воспитывать детей, не ограничивая их. Пусть мальчики занимаются танцами или рукоделием, если хотят. Когда ограничиваешь в чем-то запретном, ребенок часто назло делает наоборот». «Ребенку в будущем предоставят широкий спектр наук, чтобы он определился, что у него лучше получается – и в соответствии с его выбором развиваются его сильные стороны». «Школа в определенный момент должна давать выбор, какие предметы изучать на базовом уровне, а какие на профильном».

«В первую очередь должно учитываться желание детей. В школах в старших классах следует ввести возможность пробовать разные профессии и делать самостоятельный выбор. Нельзя ограничивать круг общения детей только людьми их специальности, нужно, чтобы в образовании присутствовали самые разные дисциплины». «Дети в раннем возрасте пробуют себя в разных областях и развиваются соответственно. Большая свобода выбора и свобода творчества». «Обучение для тех, кто хочет, тому, чего они хотят». «Нужно отпускать человека в свободное плавание на поиск себя». «Ключевой момент – желание человека, его стремление к развитию. Задача воспитания – привить его, но, если не получилось, не надо заставлять человека развиваться против его воли». «Человек должен пробовать себя в разных областях и занятиях, охватывающих все многообразие человеческой деятельности».

И – крик чей-то измученной души: «Не должно быть ЕГЭ!»

Нашлись, однако, и сторонники противоположного подхода, предполагающего решение судеб молодого поколения другими людьми – взрослыми, социумом, государством. «Я – за главенство государства и социума в воспитании. Это исключает появление образованных людей, которые принимают решения на основе иррациональных традиций или устаревших ценностей. Только специально разработанный план воспитания может сделать из каждого ребенка достойного члена общества будущего».

Подобная точка зрения закономерно приводит к *стандартизации обучения*. «Образование будет более стандартизированное, меньше места воображению (я к этому отношусь нейтрально, это не плохо и не хорошо)». Другой вариант – четко планируемая государством дифференциация. «Обучение должно быть дифференцируемо и адаптивно к способностям учеников. Много образованных людей быть не должно, массовая часть должна быть пролетарской, трудовой. Само образование должно выделять элиту в обществе». «Каждому с рождения должна приписываться специальность и закрепляться должность». Оправдывая подобную жесткость, слушатели апеллируют в том числе к психологии. «Я согласен с устройством мира в произведении “Белый ферзь”. Люди трудно переобучаемы, и если они относятся к Аду, то они и будут создавать Ад»¹.

Сторонникам стандартизации горячо возражают защитники *социальной справедливости*. «Каждому ребенку необходимо давать возможность выбора своего жизненного пути, деление на классы несправедливо». «Необходимо, чтобы первоначально не было конкретного деления на классы, нужна возможность каждому выбрать свой жизненный путь и попытаться пройти его вне зависимости от социального класса».

В более мягком звучании принцип «внешнего» определения судьбы ребенка выражается, например, так: «Было бы интересно, если бы человечество изобрело аппарат, который мог бы определять, какие способности заложены в человеке. Например, рождается ребенок. Специалисты просканировали его и увидели на экране всего одно слово (математика, искусство, кулинария). Это могло бы помочь как можно раньше определить главное дело своей жизни. И заниматься по-настоящему любимым делом».

Отдельную группу составили мнения скептиков и анархистов, отрицающих саму постановку вопроса о возможности планомерного создания личности нового типа. «Система воспитания в будущем не будет сильно отличаться от нынешней. Всегда будет разделение по знаниям и предпочтениям, потому что не могут все люди быть гениальны во всем и будут развивать только определенные знания». «Из человека не стоит пытаться сделать идеал. Воспитание есть форма насилия. Насилие полностью исключить невозможно. Но можно попытаться его не порождать еще больше. А потому школ быть не должно». «Хороша та система, где не нужно быть похожим на родителя или учителя, а нужно быть похожим на себя». «Воспитание, школы, образование не нужны, поскольку человечество как обузу акселерационных потоков капитала ожидает полная аннигиляция, а киборгической сборке, которая придет ему на смену, не будет требоваться обучение в классическом понимании этого процесса». «Для создания общества будущего

¹ Слушатель ссылается на так и не написанный А. и Б. Стругацкими роман, в котором предполагалось изобразить «идеальное» государство, построенное по территориально-сословному принципу. Подр. см.: *Стругацкий Б.* Комментарии к пройденному. СПб.: Амфора, 2003.

необходимо генетически изменить человека. Текущая психика человека приспособлена к обществу первобытных времен (охотники / собиратели)».

В завершение же обзора приведем наиболее резонный, все и всех примиряющий ответ: «идеальной концепции воспитания не существует, потому что мир постоянно меняется, и система воспитания должна меняться вместе с ним».

ПИШЕМ ФАНТАСТИКУ САМИ

Логичным завершением дискуссий о будущем и творчестве любимых фантастов стало письменное задание-рассуждение о том, какое фантастическое произведение хотел бы (или даже всерьез собирается) когда-нибудь написать каждый из слушателей. В 2020 г. на данный вопрос было получено 186 развернутых ответов. По понятным причинам мы не сможем привести их все и полностью, но обратим внимание на наиболее интересные типологические схождения и тематические особенности высказанных мнений; процитируем же лишь самые яркие и типичные из них.

Прежде всего при опросе выяснилось, что целый ряд слушателей МФК уже пробует свои силы в фантастике¹. «Ну... Что-то я уже пишу (далее приведена ссылка на интернет-публикации. – Е.К.). «Фантастику я писала и пишу, нравится». «Я сейчас работаю над фантастическим произведением». «В настоящее время я работаю над романом в жанре фэнтези».

Другие студенты планируют писать фантастику в дальнейшем – или ищут путь в литературу через смежные области искусства. «Задумывалась, имею несколько идей». «Написать свою фантастическую историю – у кого не возникало такой мысли? У меня тоже возникала». «Чуть больше полугода я веду текстовую ролевою игру по своему [вымышленному] миру».

Третьи уже успели разочароваться в сочинительстве после одной или нескольких неудачных попыток. «Когда-то я даже пытался написать свою небольшую повесть, но закончилось все это не совсем удачно». «Писать фантастику пытался и много задумывал фантастических сюжетов. Пока до финала ни один еще не доведен». «Я несколько раз приступал к написанию фантастического произведения. Каждый раз все задумывалось как банальное фэнтези, которое в будущем сделает меня богатым и знаменитым. Однако в итоге все превращалось в нечитабельную философскую фантастику, порой иронически анализирующую остросоциальные проблемы».

Наконец, четвертая группа отвечавших резонно отметила, что только лишь мечтать о чем-то подобном попросту глупо. «Вообще, если бы я теоретически мог что-то написать, я уже написал бы». «Если бы такая идея пришла мне в голову, то, скорее всего, я бы уже начал писать научную фантастику». «Вот такой роман я бы написал, да не напишу никогда».

Среди же тех, кто, получив задание, впервые всерьез задумался о создании фантастического текста, заочная полемика разгорелась по сразу нескольким важным темам. Прежде всего – по вопросу о том, с какой целью должно осуществляться подобное творчество. К чести слушателей, лишь немногие из них признались, что творили бы только из желания развлечься самим и развлечь (отвлечь от реальных проблем) предполагаемых читателей. «Свою книгу я бы хотела сделать такой, чтобы читатель на протяжении всего повествования находился в расслаб-

¹ И не только в фантастике. Вот пример других литературных опытов. «Лет до 16 я делала попытки написать роман. В результате этого родилась парочка неплохих рассказов и приличное количество стихов, а я приобрела привычку вести заметки со своими мыслями, кажется, на всю жизнь».

ленном состоянии». «Мое гипотетическое фантастическое произведение... несло бы в себе минимум морали и предназначалось бы просто для погружения в фантастический мир книги и наблюдения за жизнью персонажа». «Я бы описывала путешествие... это мог бы быть путь без какой-то цели или конца, либо путь был бы целью сам по себе». «Произведение было бы о поиске того – не знаю чего и там – не знаю где, т. е. все максимально отдаленно от конкретики и конечной цели, а внимание заострено непосредственно на процессе... с обильным описанием мелких деталей». «Я не сказал бы, что у меня есть какая-то идея, которую я хочу передать или распространить... просто я обожаю придумывать персонажей, места, культуры, разные мелочи, которых... в нашем мире нет».

А некоторые отвечавшие попросту усомнились в собственных способностях создать нечто имеющее интересный многим смысл. «Я думаю, сюжет моего произведения был бы чем-то очень тривиальным: какой-нибудь юноша с характерными проблемами подросткового возраста сталкивается с новым волшебным миром, в котором раскрывает свой скрытый потенциал и становится лучшей версией себя. Это наверняка звучит максимально вторично, но я и не претендую на оригинальность».

Однако большинство опрошенных сошлись на том, что в их текстах должна быть раскрыта серьезная и значимая для читателей проблематика. «А в конце должна быть мораль, не знаю какая, но обязательно важная и не банальная». «Книга была бы посвящена космическим путешествиям, разным планетам, фантазиям на тему колонизации других миров и моральным дилеммам на тему: мы или они». «Мое фантастическое произведение было бы о планете... на пороге апокалипсиса... Роман должен ответить на вопрос о том, на что может пойти человек ради собственного выживания». «Душа героя в каком-либо мире подселается в тело случайного младенца, и герой вместе с ним проживает жизнь... Полученная мудрость дает ему возможность... трезво взглянуть на мир вокруг, сделать некий моральный выбор». «Одна из целей фантастики для меня – показать безграничность человеческой мысли и доказать, что знание сухих наук и законов – не обязательно показатель интеллекта». «Мне интересно найти ответы на вопросы: что должно произойти, чтобы родные сестры стали кровными врагами? Какую цену человек готов заплатить, чтобы вернуть самое дорогое, что было утеряно? Почему мы вдруг отвергаем то, во что верили всю жизнь?» «Этот приключенческий роман должен... ставить много психологических вопросов о том, как относиться к окружающему миру и людям, кому верить, стоит ли доверять самому себе и как не потерять себя в поиске других». «Я хотел бы рассмотреть вопрос о границе между чувством безопасности и чувством личной свободы». «Есть две основные мысли, которые можно было бы вложить в мое произведение: 1) правильный выбор, если он есть, всегда будет вознагражден, хоть и не обязательно сразу; 2) правильного выбора не существует, есть выбор и его последствия, с которыми тебе дальше жить». «Главная цель – дать понять читателю, что мир должен существовать в балансе. Невозможно жить в идеальном мире, нужно уметь находить хорошее и в плохом». «Я бы написала небольшое произведение, рассказ или повесть, о судьбе и свободе».

В цитируемых ответах не случайно присутствует уточнение жанра предполагаемого фантастического текста: его определение входило в полученное слушателями задание. Как мы и ожидали, большинство студентов осталось в плену доминирующих в современной издательской практике (и не только на рынке фантастики) установок на эпичность и серийность, а потому они сделали выбор в пользу

крупных жанровых форм. «Если бы я решил написать фантастическое произведение, это, скорее всего, был бы роман». «Формат – роман или, возможно, повесть». «Вот такой роман я бы написал». «Если бы я задумала написать фантастическое произведение – это был бы роман, и он бы объединял в себе два разных мира».

Впрочем, и роман отнюдь не предел творческих стремлений. «Книгу я бы написала в жанре приключенческого романа, который, возможно, в дальнейшем стал бы циклом романов». «Мое фантастическое произведение по жанру было бы циклом романов». «Я планирую написать цикл романов». «Если бы я задумала написать фантастическое произведение, то главным героем моего романа (а возможно, и цикла романов) был бы переводчик с фантастического языка». «Некоторые люди могут перевоплощаться в драконообразных существ. Они живут, скрываясь от общества, и защищают свой мир от враждебных параллельных миров.... Скорее всего, при должной доработке это могло бы перерасти в цикл романов». «Выбирая жанр, я бы остановилась на цикле романов, так как это позволяет как можно подробнее описать каждого героя». «Это был бы цикл романов, что позволило бы рассказать о мире с разных сторон». «Цикл романов о четырех “попаданцах”... У каждого будет своя история, определяющая его судьбу». «Это был бы цикл романов про путешествия в космосе». «Если бы я задумала написать свое фантастическое произведение, то героем этого произведения был бы обычный человек из нашего мира... И однажды он попадает в совершенно другой мир... разделенный на локации и агломерации... Это был бы цикл романов».

Если же слушатели и не планируют не поддающийся количественной конкретизации романый «цикл», то задумываются хотя бы о «серии». «Мое фантастическое произведение будет про королевство, в котором проживали существа разных рас... Данное произведение является серией романов». «Планируется, что история (ранее было пояснено, что она «о мире с ангелами, демонами, Богом, Смертью и прочей нечистью». – *Е.К.*) будет представлена в трех частях, т.е. это серия романов». «Мое фантастическое произведение будет про королевство, в котором проживали существа разных рас... Данное произведение является серией романов». «Я с самого детства мечтала написать свою серию романов».

Лишь немногие студенты скромно признались, что планируют начать с текстов относительно небольшого объема – или хотя бы вовремя остановиться в развитии сюжета. «Если бы я задумал написать фантастическое произведение, то это был бы небольшой рассказ». «Считаю, что начинать нужно с малого, особенно людям неопытным, вроде меня, поэтому первые свои работы я планировал как рассказы или повести». «Я бы для начала (будучи совсем новичком в написании произведений) обратилась к небольшим рассказам». «Если бы я задумал написать фантастическое произведение, то это была бы новелла». «Когда я думаю о том, какое фантастическое произведение мог бы придумать, мне представляется повесть, посвященная миру будущего». «Думаю, что мой вклад в копилку фантастических произведений был бы повестью в жанре социально-философской фантастики». «Я бы написала в стиле фэнтези, приключений, где главные герои расследуют что-то странное и ищут объяснения необъяснимому. Конечно, такой текст можно растянуть на несколько романов, но я бы написала всего один роман, чтобы оставить некоторые вопросы неразрешенными».

Впрочем, и рассказ, по мнению ряда отвечавших, способен стать лишь первым шагом к крупной форме. «Я мечтаю написать фантастическое произведение в жанре рассказа или циклов рассказов». «Сборник небольших рассказов, объе-

диненных одной идеей, – подходящий формат». «Жанром, наверное, был бы цикл рассказов. То есть сцепленные друг с другом, но вполне самостоятельные истории». «Если бы я задумал написать фантастическое произведение, это была бы серия рассказов». «Если бы мне довелось заняться написанием фантастического произведения, то это скорее всего были бы сборники рассказов, каждый из которых должен был бы нетривиально раскрывать свою основную фабулу». «Это был бы роман, состоящий из цикла рассказов, в каждом из которых своя история, но их совокупность позволяет двигать и раскрывать основной, общий сюжет». «Сюжет уложился бы в цикл романов. Или мог бы существовать в более простой форме (ряд новелл)». «Повесть или рассказ, можно растянуть на роман».

Часть отвечавших интерпретировала понятие «жанр» расширительно, как обозначение общей проблематики, пафоса, особенностей эстетической концепции и повествовательной структуры предполагаемого фантастического текста. «Повесть либо фэнтези, либо абсурдистская (или хотя бы с элементами, как “Фурурологический конгресс”¹), желателен черный юмор». «Это был бы приключенческий роман». «Данное произведение было бы в форме романа, я бы включила в него элементы драмы, приключения, фэнтези».

Многие слушатели сочли необходимым также конкретизировать тип фантастики, в рамках которого они намерены творить. «Я полагаю, что лучше всего у меня получилось бы написать цикл романов в научно-фантастическом стиле». «Скорее всего, это было бы произведение в жанре именно фантастики социальной и научной». «Это был бы роман (фэнтези) о “попаданце”, который внезапно оказывается в незнакомом месте и незнакомом теле». «Если бы хватило сил и терпения, то я бы написал фэнтези-роман про героические сражения и захватывающие дух приключения». «Жанр – фэнтези, более подробно не продумывала еще».

Основное внимание большинство слушателей уделило, конечно же, собственной фантастической посылке – идее или гипотезе, которую они положили бы в основу сюжета. В количественном отношении в ответах доминирует *научная фантастика*. Наиболее популярными посылками в ней ожидаемо оказались: путешествия во времени, «постапокалиптика» (тоталитарный мир после катастрофы или информационная цивилизация, зашедшая в эволюционный тупик), бесконтрольный технологический прогресс и связанные с ним угрозы, приключения в космосе, варианты биологической эволюции разумных существ, новые способы перемещения в пространстве, передача мыслей на расстоянии и т. п.

Вот типичные примеры. «Я бы хотел в фантастическом произведении как-то реализовать возможность останавливать время». «Мое фантастическое произведение было бы о путешествиях во времени или существовании параллельных (альтернативных) миров». «Интересно было бы написать о путешествиях во времени, я бы постарался приплести под это общую теорию относительности (когда-то у меня были попытки разобраться в ней)». «Интересно было бы поразмышлять на листке [бумаги] о других формах жизни». «Если бы я писал фантастическое произведение, то сосредоточился бы на быте и интригах персонажей различных рас... Мне было бы интересно показать быт, мышление и мораль существ, отличающихся от человека». «Мое фантастическое произведение будет романом о пришельцах, которые жили на Земле; они попали туда давным-давно и интегрировались в современное общество». «Сюжет был бы завязан на раскрытии секретов древней цивилизации, оставившей современным людям некие технологии».

¹ Имеется в виду роман С. Лема.

«[Я бы описал] недалекое будущее, [когда] была открыта и запущена в массовое использование система “кротовых нор”, благодаря которым человечество начало колонизировать другие планеты».

Или вот такие еще более детальные планы. «Существование множества параллельных миров, между которыми можно путешествовать. Или существование аномального [мира] и организации (организаций, разных и конкурирующих), которая этим аномальным [миром] ведает. Существование телепатии и всяких таких псионических сил (и возможности, например, внушать людям мысли). Космические перелеты тоже круто!» «Ученый создает клон человека втайне от всех и всего научного сообщества... на протяжении многих лет он наблюдает за ним... пытается ответить на вопрос: что больше всего влияет на личность человека, внешние обстоятельства или генетика». «Многие века мир управлялся не человеком, а машиной. Героям предстоит убедить разумный искусственный интеллект в бессмысленности его власти, как сущности, не имеющей чувств и творческого потенциала и потому несравнимой с человеком». «Однажды в Антарктике [из-под] земли неожиданно появилась высокая облачная башня... Эта башня является тестом, который высшая цивилизация вселенной подарила Земле, обнаружив, что цивилизация Земли достигла уровня апгрейда... [В итоге] цивилизация Земли стала одной из высших цивилизаций и получила подарки от других высших цивилизаций». «Повесть о четырех планетах в одной звездной системе, каждая пара которых должна, столкнувшись, поглотить одна другую. На каждой планете живут люди разных гильдий... Планеты заключают союзы, межпланетные соглашения, но сами их и нарушают». И так далее.

Позабавили промелькнувшие в ряде ответов близкие слушателям реалии сегодняшнего дня. «Действие разворачивается вокруг одного из московских университетов, где увлеченные студенты технической специальности работают над искусственным интеллектом и робототехникой и параллельно пытаются разобраться в своих чувствах друг к другу». «[Я раскрыл бы] апокалиптический мотив про уничтожение мира коронавирусом». «Постапокалипсис. Россия 3020. Ковид-19 не побежден... мир 1000 лет на карантине, за это время вирус мутировал и 75 % населения планеты тоже: они выглядят как люди, но остались только животные инстинкты, они очень агрессивные, они нападают, убивают. Оставшиеся люди (25 %) собрались в колонии... Они живут в огороженных общинах».

Некоторые замыслы вызвали невольное сочувствие. «Мой рассказ был бы фантастикой в перемещении во времени по теме “возьми лучшее”. Для современной молодежи скоро станет фантастикой, что в прошлом мы имели бесплатное образование, бесплатную медицину, могли на работе получить по очереди бесплатную квартиру, имели полные зрители кинотеатры, танцплощадки (где яблоку упасть негде) и комсомольские стройки века. [Я хочу] показать, что значит забота, доверие, уважение и любовь, взаимовыручка. Мир, где деньги не являются идолом поклонения. Также [хотелось бы] перенестись в далекое будущее, где ясно, к чему привел общество прогресс. Как смогли распорядиться потомки новыми цифровыми технологиями, общением в космосе и т. д. Показать, по какому пути (добро или зло) двинулись земляне и к чему это привело. Дать возможность подойти к оценке всех событий с реальной ответственностью и исправить все возможные перекосы политиков, взять в будущее все лучшее. Думаю, такая фантастика заставит хоть немного задуматься: “Что мы делаем!”»

Предложенные слушателями *фэнтезийные сюжеты*, как и научно-фантастические, вполне традиционны. В тренде – встречи с чудесным, романтические ландшафты, прекрасные девы, небывалые звери, головокружительные приключения и битвы.

Вот, по-видимому, фантазии женской части аудитории. «Моим произведением стал бы роман о девушке, обладающей магическим даром и живущей в каком-то другом мире, где обязательно обитают какие-то необычные существа». «[Мой рассказ был бы] о маленькой девочке, которая в минуты печали нашла озеро чудес. Это был бы портал в маленькое, но в то же время прекрасное и таинственное местечко, где обитало не менее таинственное, очень древнее и мудрое существо». «История о мальчике-альбиносе Валериане, рожденном в обычной человеческой семье, но способном видеть духов природы и замечать движения... маленьких лесных друидов, ночных жителей – вурдалаков, русалок – в протекающей рядом речке». «[Это был бы рассказ] о жизни девушки со сверхспособностями. Ей бы пришлось скрывать свой дар, но об этом бы все равно узнали».

А здесь явно ощутим мужской подход. «[Это были бы] необычные детально прописанные миры (не обязательно с магией) и путешествия по ним героя, вмешательство героя в политику фэнтезийных миров». «Изначально ничего не было, кроме двух чудищ-демиургов... Они сражались, но ни одно не могло победить... им одновременно... пришла в голову идея придумать Великий Закон Подлости, направленный против другого... Лейтмотив в том, что противостояние равносильных величин суть естественный ход вещей... за счет чего и достигается равновесие». Или самокритично: «[Это была бы] избитая история про войну между королевствами, пророчество и квест».

Потенциальные авторы не обделяют вниманием и «*смежные*» с *фантастикой жанры*. Вот, например, замысел, демонстрирующий отчетливые черты притчи, развернутого метафорического иносказания. «Я уже писала фантастический рассказ про человека, ищущего свой жизненный путь. Человек-путник всю жизнь идет по одной и той же скучной дороге и вдруг решает свернуть. С ним начинают происходить необычные события, ему очень непривычно идти по новой дороге. Фантастичность рассказа заключается в перевоплощениях героя, в том, что горы, мешающие ему пройти свою дорогу, внезапно ожили и убежали, открыв перед ним путь, и т. д.».

Или вот такие, тоже скорее метафорические, нежели научно-фантастические, посылки. «Люди придумали процедуру... чтобы человек смог узнать свою прошлую жизнь... Люди пытаются найти своих родственников из прошлой жизни, свою жену или мужа». «Суть [моего замысла] в том, что любовь, чувства – это ресурс, который можно передавать [друг другу]. Существуют доноры любви (как доноры крови), это люди, которые легко влюбляются или состоят в продолжительных счастливых отношениях; у них нет недостатка в этом ресурсе». «Если бы я задумала написать фантастическое произведение, это была бы... история о принятии себя. Герой бы подвергся сверхъестественным метаморфозам... Например, появление у него третьего глаза или способность видеть запахи вместо привычного нам света... Герой встанет перед выбором: принять себя и попробовать прижиться в старом обществе, найти новое общество или же непоправимо изменить себя еще сильнее».

А вот явный задел для мифологических эпосов. «Это был бы мифологический цикл, возможно, [по мотивам] скандинавской мифологии, который повествовал бы о сотворении мира... о богах, героях, о том, как интерпретируются различные природные явления». «Моим желанием... было бы создавать полноценную...

Вселенную, не уступающую миру Арды профессора Толкиена или Планетосу Дж. Мартина. Она бы строилась на понятии относительности добра и зла, смерти и жизни, хаоса и порядка: в ней бы не было классического разделения на плохих и хороших героев, постоянного противоборства между двумя крайностями. Это был бы мир, в котором главными ценностями являлись бы не Спасение во имя Добра и не Власть ради Благополучия, но познание самого себя».

Есть и наброски антиутопий. «Сложно точно сформулировать конфликт самого произведения, но парадокс квантовой телепортации в том, что человек, заходя в телепортационную машину, расщепляется на атомы, то есть умирает; плюс... парадокс Тесея, только не с кораблем, а с человеком: тот же это будет человек или уже другой? и что такое “тот же самый”? Возможно, [мой текст будет] в жанре антиутопии, где такая телепортация может быть принудительной, и найдется человек, который будет против».

И, наконец, уклон в фантазмагорию и абсурд. «В мире этого произведения персонажи, предметы, их взаимодействия и взаимосвязи были бы перепутаны между собой, смешаны, были бы одновременно и собой, и чем-то другим... Например, правая рука отца главного героя могла бы одновременно быть и сомом, увиденным героем в юности, и картиной, описанной за несколько страниц до этого, и кровью, струящейся в жилах читателя в момент прочтения им этого отрывка. Но при этом рука остается рукой. Нелепые и нелогичные сопоставления, перевоплощения и гротескные взаимосвязи должны составить сложную структуру, открывающую в своих конкретных проявлениях невероятную природу всего материального мира с его законами и ограничениями».

Ряд потенциальных авторов решается на *совмещение научно-фантастического и волшебного миров*. «В рамках такой истории было бы три книги: в первой все описывалось бы в рамках фэнтези со свойственным ей загадочностью; во второй... фэнтези плавно исчезает, уступая место научной фантастике и превращая историю из приключения в социальный роман; в третьей книге действие перешло бы в космос, полностью приняв облик НФ».

Или вот такой масштабный замысел. «Если бы я задумала написать фантастическое произведение – это был бы роман, и он бы объединял в себе два разных мира, к которым я всегда питала слабость во время чтения книг или просмотра фильмов. В первом из миров было бы будущее в районе от 2070-х до 2090-х годов. Это был бы мир киберпанка, в котором люди не просто использовали высокие технологии, но уже сделали их неотъемлемой своей частью, вживляя в себя имплантаты и тем самым улучшая возможности своего тела, в корне меняя естественную природу человека. С помощью таких имплантатов можно было бы зайти так далеко, что от прежнего человека оставалась бы только душа, но внешне никогда было бы нельзя определить, кто находится перед тобой. В другом мире все было бы совсем иначе. Это – прошлое, в промежутке 11–13 веков. Здесь властвует магия, живут необычные создания от добрых до самых пугающе свирепых. Такой мир все еще находится во власти природы, и лишь изредка можно наткнуться на небольшие поселения или, еще реже, на крупные города... И эти города настолько красивые, что их сложно вообразить: маленькие уютные домики в объятиях огромных замков, верхушки которых уходят высоко в небо. Они выглядят так, словно их архитектура была взята из книги со сказками или сами эльфы строили их. Между этими двумя мирами был бы секретный проход, о котором знали и [которые] умели пользоваться лишь немногие».

И в сатирическом ключе: «Это был бы цикл романов, в котором главный герой, ученный, находится в поисках лекарства, излечивающего любые болезни, и на пути его встает много преград, от ведьм до бюрократов».

Другие слушатели не менее отважно вознамерились соединить фантастику и реальность. «[Я написал бы] рассказ или цикл рассказов о столкновении реального мира и сверхъестественного. Может быть, какие-то аномалии или проявление необычных способностей у людей или предметов. Каждая история [состоит из] описания жизни до появления сверхъестественного, самого фантастического сюжета и жизни персонажа (персонажей) после него, когда эта аномалия или способность уничтожена или исчезла; как он(и) воспринимают теперь обыкновенный мир после вот такого столкновения». «Роман о магии... по типу Гарри Поттера, где в современном мире присутствуют элементы магии, только в другом формате, она не скрыта, а просто есть люди, которые владеют магией. Возможно, сюжет разворачивался бы в будущем, где подавляющее большинство имеет магию, и главный герой был бы без этого таланта или, наоборот, со способностью “отключать” магию». «Посыл книги заключался бы в том, что попасть в фантастический мир способны все живущие в реальном мире, однако не все морально готовы к этому и не все хотят замечать сигналы волшебного мира, которые иногда проникают в жизнь обычных людей».

«Совмещение миров», как похожих на наш, так и максимально отличных от него, вообще стало в ответах слушателей одним из лейтмотивов. «Главный герой живет в нескольких мирах одновременно. Засыпая в одном, он просыпается в другом (и таким образом никогда не спит)... Сны на самом деле – другие миры, и люди не помнят их, потому что иначе они сошли бы с ума, не понимая, вчера они дрались с драконом, строили Вавилонскую башню или смотрели комедию, лежа на диване»¹.

И, конечно, – любовь, любовь! «Если бы я писала фантастическое произведение, то несомненно написала бы про взаимную любовь». «Я хочу написать историю любви. История произошла в колледже. Когда мальчики и девочки впервые встретились в первый день в школе, они влюбились друг в друга с первого взгляда». «Была одна девушка, которая смогла из своего родного прошлого попасть в далекое будущее. И там она повстречала мужчину, левая рука которого полностью была из металла, и он был совсем не похож на людей, которых она когда-либо знала. Но, несмотря на это, они влюбились друг в друга так сильно и так самозабвенно, что никакие преграды не смогли бы их разлучить».

Немалая часть предложенных студентами сюжетов подразумевала раскрытие некой *обобщенной социально-критической или философской проблематики* – и порой фантастической в строгом смысле слова гипотезы даже не требовала. «Темой моего предполагаемого произведения я бы сделал человеческую психологию, адаптивность человеческого сознания к новым условиям». «Это была бы проза о взаимодействии человека и искусственного интеллекта (можно такое написать и о современности. – Е.К.)». «Скорее всего... это будет развиваться как борьба за свободу, которая в конечном счете приведет к революции». «Главный герой (одиноким художник, артист, философ) путешествует с места на место и дивится на происходящие вокруг него глупости, пытаясь по мере сил сохранять дистанцию и нейтралитет. Но, конечно, в какой-то момент эта стратегия перестает работать:

¹ Идея занятная, но, увы, давно использованная в фантастике. Например, в цикле «Лабиринты Эхо» Макса Фрая.

он кого-нибудь встречает, и дальше они страдают уже вдвоем». «Основной посыл, который я пытался формировать в своих работах... что главный и основной порок технологичного общества – это эгоизм и эгоцентризм в сознании людей. А как мы знаем, любой эгоизм – это ограниченность мышления, откуда и возникает регресс».

Некоторые будущие авторы и сами понимали, что для всего перечисленного нет необходимости писать непременно и именно фантастику. «Хотелось бы порассуждать о том, что социальное развитие человечества виляет на технологическое... Фантастическая посылка в данном случае не так уж и важна, она скорее помогает гиперболизировать ситуацию, чтобы было легче развить основные мысли произведения».

Любопытной, на наш взгляд, стала возникшая в ряде ответов перекличка мнений о *вторичности (заимствовании) предлагаемых студентами посылок и сюжетно-композиционных схем*. Некоторые слушатели открыто заявили о намерении идти по уже проторенным дорогам и заранее признались в том, что испытали (или испытывают при создании собственных текстов) влияние признанных мастеров фантастики. «Меня вдохновляли такие писатели, как Толкиен, Льюис, Желязны, Мартин». «[Хотела бы написать] короткий рассказ в стиле Шекли или Борхеса». «Думаю, что, если бы я начал писать фантастическое произведение, у меня получилось бы что-то вроде “1984” Оруэлла». «В сюжете своего фантастического литературного произведения я бы хотел продолжить магическую линию, созданную Дж. Роулинг». «Мне было бы интересно написать цикл романов, как это делал Стивен Кинг. Каждый роман был бы отдельной историей, герои которой сталкиваются с чем-то мистическим или... ужасающим». «Это были бы рассказы, идеальными примерами [для которых я] считаю [произведения] Шекли, Гаррисона, Брэбери, Геймана, Стругацких».

Иногда количество образцов для подражания попросту зашкаливает. «Мое гипотетическое фантастическое произведение совместило бы в себе классический сеттинг фэнтези (по типу Толкиена) и морскую тематику (с пиратами, кракеноподобными чудовищами, открытием неизведанного), возможно, добавил бы нечто лавкрафтовское и т. п.». «Думаю, я написала бы рассказ, который напоминал бы смесь из “Страны слепых” Уэллса, “Соляриса” Лема, платоновского мифа о пещере, “Бракосочетания Рая и Ада” Уильяма Блейка, [а также включал бы] результаты эксперимента Мишеля Сифра “Вне времени”¹».

В других же случаях наблюдалась прямо противоположная картина. Не следуя никаким авторитетам и, скорее всего, по незнанию – если только не с тайной иронией – слушатели выдавали за свои собственные давно уже высказанные идеи и реализованные фантастами сюжеты. По-видимому, никогда не слышал о романе К. Чапека «Война с саламандрами» студент, описавший замысел своего предполагаемого творения следующим образом: «Люди стремятся найти другие расы, доказать, что мы не одиноки в космосе. А если такая раса уже живет на нашей планете, и они древнее нас и лучше развиты (и пускай их предки – рептилии)?» И каким-то чудом так и не познакомился с «Хоббитом» Д.Р. Толкиена слушатель, поведавший: «Если бы я задумал написать фантастическое произведение, это была бы серия рассказов, повествующих об образе жизни и приключениях придуманных мною фантастических существ. Это покрытые шерстью обладающие человеческим интеллектом полузверьки, ведущие размеренную жизнь в пределах родных селений».

¹ Мишель Сифр – французский ученый, геолог, спелеолог. Известность получил благодаря серии хронобиологических экспериментов «Вне времени», в ходе которых надолго оставался один без часов в пещере, изучая субъективное ощущение течения времени.

Скорее всего, не прочел «Аэлисту» А.Н. Толстого некто мечтающий описать в собственном сочинении «историю любви мужчины с Земли и женщины-марсианки». Не видел даже экранизации романа А. Беляева «Человек-амфибия» тот, кто заявил: «я хочу написать научную фантастику, [в которой] главный герой наполовину человек и наполовину рыба». И не знает о «путешествии в описываемое будущее» в романе А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» слушатель, рассуждающий: «Я бы написал цикл романов... со следующей завязкой сюжета: непризнанный ученый хочет изобрести устройство, позволяющее открывать порталы в миры уже написанных ранее литературных произведений».

По-видимому, даже не подозревает о пьесе К. Чапека «R.U.R» или, скажем, о романе М. и С. Дяченко «Пандем» и автор вот такого замысла. «Произведение было бы об утопическом мире, где... людям больше не нужно работать и они могут полностью отдаться своим хобби и увлечениям... Основной сюжетной идеей было бы слишком большое наличие ни на что не годных людей, которые некогда из хобби и развлечений имели лишь алкоголь и подобное». Увы, не познакомилась с эпическими полотнами О. Степлдона («Последние и первые люди», «Создатель звезд») и слушательница, сообщившая: «Я бы написала рассказ о герое, глазами которого читатель может наблюдать за изменением окружающего мира, начиная с сотворения Вселенной [и] до полного ее уничтожения».

Практически повторяет идею новеллы «Загробная жизнь» С. Кинга – не говоря уже о бесконечном количестве иных написанных до сегодняшнего дня фантастических историй о перерождении и переселении душ – автор вот такого предполагаемого сюжета. «Рассказ. Попадает мужик в рай. Он может получить ответ только на один свой вопрос. Он спрашивает: “А в чем смысл всего этого?” После адской бумажной волокиты в сотне райских бюрократических инстанций ему указывают на дверь. Он входит... Его достают чьи-то руки, вокруг люди в белых халатах и масках. Он возмущен тем, что не получил удовлетворительного ответа, но резкий шлепок по пятой точке заставляет его пронзительно плакать. Когда он очнулся, он уже мирно попивал материнское молоко и уже не помнил ни своего вопроса, ни того, что задавал этот вопрос каждую свою реинкарнацию».

Однако неполнота собственных знаний о фантастике отнюдь не мешает слушателям грезить о писательской славе. И не в последнюю очередь – о коммерческом успехе собственных творений. Радея о том и другом, некоторые студенты заранее облачают свой замысел в форму издательской аннотации к книге, которую рано или поздно непременно выпустят в свет. «Действие разворачивается... в 1945 году... доброволец на фронте, переодетая в мужчину молодая девушка, внезапно попадает в ад... Она становится “менеджером сатаны” и самым приближенным его советником во всех вопросах, включая личные. Какие планы у развратной грешницы, зачем ей допуск к самым великим тайнам ада?» «Что бы произошло с человечеством, будь у каждого из нас сверхспособности?.. Ужасные события и катастрофы стали неотъемлемой частью существования землян... И лишь Избранный может изменить уже устоявшийся порядок вещей».

И все же, несмотря на банальность и вторичность некоторых предлагаемых сюжетов, в целом ответы слушателей МФК на вопрос о том, какое фантастическое произведение им хотелось бы когда-нибудь написать, производят хорошее (а временами и трогательное) впечатление. Ибо ответы говорят о богатстве фантазии и творческом потенциале большинства студентов, – потенциале, который, хочется верить, они смогут в будущем реализовать в рамках избранных ими специально-

стей. Ответы свидетельствуют и о том, что студенты в основном верно понимают задачи фантастического текста и художественные функции, которые призвана исполнять фантастика. «В общем, главная идея произведения – обескуражить читающего тем, насколько близко к нашей жизни может быть необычайное, и, если получится, даже немножко побудить его усомниться в своей реальности». «Любопытство, стремление к неизведанному, разум, воля и Фантазия – вот что двигает всех нас вперед».

В заключение обзора, как и ранее, приведем наиболее философичный, но вместе с тем исключительно трезвый и резонный ответ. «Признаться честно, трудно сказать, о чем бы было мое произведение. Наверное, это зависело бы от множества факторов, которые могли повлиять на мое настроение в тот день, когда я “сел за перо”. Был бы это короткий рассказ о любви в магическом Средневековье, повесть, полная философских мыслей и терзаний создания, пресытившегося... жизнью 19 века, или роман (а может, даже и целый цикл романов) о прекрасном в своем одиночестве и великолепном в своем искусстве охотнике за “нежитью” современного мира – я не знаю... И кто знает, о чем я буду писать, когда этот день настанет: об ужасных жилищных условиях русалок или об одиночестве в хрустальном шаре?»

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Настало время подводить итоги – и не только данной, но и всем нашим публикациям, освещающим восприятие и трактовку фантастических произведений слушателями межфакультетских курсов МГУ имени М.В. Ломоносова.

Суммирование наших наблюдений можно начать с констатации, что фантастика – и пока все еще в основном в литературном обличье (с которым, однако, все более успешно конкурируют кинематограф и мир компьютерных игр) – действительно представляет собой феномен, привлекательный для молодежи, хотя популярность фантастического чтения, безусловно, не стоит абсолютизировать. Влияние семьи, круга друзей, общение со сверстниками, наконец, школьная программа с большой вероятностью гарантируют каждому ребенку знакомство хотя бы с несколькими фантастическими текстами – как «классическими», прошедшими проверку временем (романы Ж. Верна, Г. Уэллса, А. Конан Дойла, Р. Стивенсона, О. Хаксли, Д. Оруэлла, В. Обручева, А. Беляева, А. Толстого, Е. Замятина), так и новейшими, популярными в подростковой среде (произведения Д. Роулинг, С. Майер, Д. Мартина, С. Лукьяненко и др.). Как правило, по крайней мере одна или несколько книг из данного перечня запоминаются и вызывают желание продолжить чтение фантастики. Станет ли она после этого объектом долговременного интереса, зависит от многих иных факторов: молодежной литературной моды, совокупности прочитанного, личных обстоятельств, житейских и жизненных приоритетов и т. п.

Большой (в количественном аспекте) интерес к фантастической литературе проявляют молодые люди с «естественно-научным» складом мышления. В сфере их преимущественного внимания оказывается рациональная (научная) фантастика, не в последнюю очередь рассматриваемая этими читателями как источник идей и гипотез, имеющих потенциальную исследовательскую перспективу. Отсюда и типичные запросы слушателей: в результате освоения фантастоведческого МФК они хотят «овладеть научным подходом к чтению фантастических произведений», познакомиться с как можно более обширным кругом «серьезных» писателей-фантастов и созданных ими фантастических произведений.

Кроме того, представителями данной группы научная фантастика расценивается как литература более «проблемная и дискуссионная», нежели ее соседка и конкурентка фэнтези. Читатели данного типа в основном обращают внимание на такие аспекты проблематики и поэтики фантастического текста, как верификация фантастической посылки, логическая непротиворечивость вымышленного мира (и его соответствие современному научному знанию), экономическая и политическая обоснованность представляемых автором моделей социума, оценка перспектив биологической и технологической эволюции, пафос научного познания вселенной, а в самом широком плане – на раскрытие писателем общего когнитивного потенциала (как мировоззренческого, так и практического, прикладного) рационалистической интерпретации бытия.

Вдумчивость чтения и серьезность требований, предъявляемых к фантастике молодыми адептами естественных и точных наук, свидетельствует о несомненной устойчивости в сознании поколений именно отечественной традиции фантастического чтения, всегда ориентировавшей аудиторию на восприятие фантастики как обучающей, просвещающей, прогностической словесности – «литературы крылатой мечты», «лоции для потомков» и т. п.

Студенты же с «гуманитарной» ориентацией более восприимчивы к философской и нравственной основе фантастических сюжетов – и в этом плане отдают предпочтение фантастике социальной и психологической (пусть и с рациональным типом посылки), но еще чаще – фэнтези, интуитивно ощущая и приветствуя связь последней с фольклорной и литературной сказкой, мифом, сферой подсознания и коллективного бессознательного. В центре внимания этих читателей оказываются такие компоненты художественной структуры и отличительные особенности фантастического произведения, как система персонажей (комплекс их поведенческих мотиваций, оттенки взаимоотношений), конфликт (его эмоциональная глубина и острота), воссоздание архетипов, романтизация непознанного, «торжество справедливости» в финале, а кроме того – система моральных ценностей вымышленного мира, достоверность и убедительность этических принципов его существования.

Наконец, немногочисленная, но нестандартно мыслящая и близкая нам своими суждениями о фантастике группа слушателей бескорыстно любит и ценит в подобной литературе саму стихию вымысла: богатство метафор и причудливость ассоциаций, зовущих читателя «за грань обыденности», прорыв в неведомое, «прекрасную игру ума», – а потому готова восхищаться любыми воплощающими необычайное художественными текстами, будь то НФ или фэнтези, «мистика» или «хорор», «психоделика» или «постапокалиптика».

В более же общем плане слушателей фантастоведческих МФК можно охарактеризовать как читателей активных, интересующихся законами создания вымышленных миров, стремящихся не просто сопереживать изображаемому, но дополнять и «достраивать» авторскую модель реальности. В фантастике ее почитатели ищут не только и не столько развлечения, сколько ответа на «вечные» вопросы, стоящие перед человеком и человечеством. Отсюда их устойчивый интерес к обобщенным гипотезам о причинах зарождения жизни и разума во вселенной, провиденциальном предназначении интеллекта и духа, о будущем биологического вида *homo sapiens*, его уникальности и исторической судьбе.

По нашим наблюдениям, к моменту прихода на свой первый фантастоведческий курс большинство слушателей обладает ограниченными сведениями о фантастике – и в практическом (корпус освоенных или планируемых к прочтению

текстов), и еще менее в теоретическом плане (представление о фантастоведении как разделе науки о литературе, круг связанных с фантастикой терминов и понятий, классификация фантастических текстов, их содержательная и художественная специфика). Начальные мнения студентов о фантастике, как правило, обусловлены знакомством лишь с одним из ее типов или лишь с книгами ряда популярных фантастов. Чаще всего на круг чтения слушателей влияют ситуационные факторы – например, выход на экраны фантастических блокбастеров или появление новых ролевых и компьютерных игр на основе литературных сюжетов. В начале освоения курса узость фантастоведческого кругозора нередко ведет к разочарованиям по поводу «неподходящей» и «неинтересной» тематики некоторых лекций (теоретических или освещающих «нелюбимые» типы фантастики) у наиболее фанатичных поклонников «только фэнтези» или «только НФ».

Устойчивость данных приоритетов читательского интереса только к любимым авторам и фантастическим новинкам преодолеть бывает нелегко. Вместе с тем ответы на письменные задания, а также устные дискуссии, спонтанно возникающие во время и по окончании лекций, показывают, что подавляющее большинство студентов внутренне ощущает (и приветствует) потенциальное разнообразие типов художественного вымысла и инстинктивно распознает их генетические взаимосвязи. А потому первоначальное неприятие отдельных разновидностей фантастики или преобладание расхожих стереотипов в суждениях о ней («сказка – для детей», «утопия – не фантастика», «Свифт (Булгаков, Чапек) – сатирик, а не фантаст» и т. п.) впоследствии чаще всего сменяется интересом именно к еще не освоенным вариантам «повествования о необычайном», и к концу курса в письменных работах слушателей уже звучит восторг открытия новых для них областей литературы «явного вымысла».

Самостоятельные разборы отдельных произведений, размышления о достоинствах и недостатках созданных фантастами вымышленных миров, а также рефераты по отдельным темам курса, которые слушатели подготовили к зачету, показывают, что фантастический текст в основном рассматривается и оценивается студентами по общелитературным критериям (сюжетная динамика, глубина смысла при относительной легкости чтения, эмоциональное сопереживание героям, продуманность композиции и т. п.), но со специфическими дополнениями, характеризующими именно его фантастическую природу. Поклонники фантастики прежде всего ценят в тексте оригинальность посылки, убедительность вымышленной модели, ее связь с реальностью и личным опытом, как читательским, так и житейским. Не в последнюю очередь оценивается и «формат» текста, т. е. его соответствие жанру, определенной фантастической традиции, а порой и текущим литературным и культурным (точнее, «субкультурным», так как тон задает особое сообщество любителей фантастики – «фэндом») модам и трендам. Высоко ценятся также оригинальность авторской мысли, нестандартность раскрытия привычных для данного типа фантастики образов и тем. В меньшей степени привлекают слушателей стилистические и формальные эксперименты, индивидуально-авторские особенности повествовательной манеры и художественного языка.

К самым же общим впечатлениям, сложившимся у нас в процессе чтения фантастоведческих МФК и затрагивающим уже отнюдь не только сферу фантастики, можно, пожалуй, отнести следующее. Значительная часть слушателей, особенно представляющая естественные, точные, социально-экономические направления подготовки, ощущает в процессе университетского обучения отчетливый дефицит

курсов гуманитарной направленности, прежде всего учебных дисциплин, имеющих культурно-ориентирующий и мировоззренческий характер. В то время как соответствующие – в том числе литературные и даже литературоведческие – запросы данной части аудитории действительно широки и глубоки. Остается лишь верить, что этот недостаток способны восполнить именно межфакультетские курсы, которые с течением времени, возможно, примут на себя роль «мировоззренческой» составляющей университетского образования.

Сведения об авторе:

Елена Николаевна Ковтун,
доктор филол. наук
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

Elena N. Kovtun,
Doctor of Philology
Leading Researcher
Institute of Slavic Studies RAS

kovelen@mail.ru

А.А. Коростелева (Москва, Россия)

Семантика кинемы ‘качать головой’ как единицы коммуникативной системы русского языка

Аннотация: Исследование выполнено методом семантического коммуникативного анализа, который распространяется автором на кинесические средства русского языка (поза, мимика, жест). Названные средства рассматриваются как единицы коммуникативного уровня языка, отражающего соотношение позиции говорящего, позиции слушающего и ситуации. Данная система включает в себя такие элементы, как целеустановка, вариативный ряд структур и средства, формирующие эти структуры. Помимо того что средства коммуникативной системы языка чрезвычайно разнородны (в частности, они объединяют в себе вербальные и кинесические единицы), они характеризуются неосознаваемостью значений и требуют специального подхода для определения их семантики. В работе с помощью научного инструментария школы семантического коммуникативного анализа выявляется инвариантное значение русской кинемы ‘качать головой’. Полученные результаты могут лечь в основу словарного описания данного жеста в словарях нового типа. В статье также освещается вопрос о функционировании жеста ‘качать головой’ в художественном тексте, где он получает эстетическую нагрузку.

Ключевые слова: коммуникативная семантика, инвариантные параметры средств, кинесические средства языка, русский звучащий диалог, русские жесты, звучащий кинодиалог, эстетическая функция коммуникативных средств

A.A. Korosteleva (Moscow, Russia)

Semantics of “Shaking One’s Head” Gesture as a Unit of Russian Communicative System

Abstract: The study was carried out by the method of semantic communicative analysis, which the author expands to Russian kinesic means (pose, mimic, gesture). These means are regarded as units of communicative level which reflects the interconnection between the position of the speaker, the listener and situation. This system includes such elements as the purport, variative sets of constructions as well as the units these constructions are made of. These means are not only heterogeneous (in particular, they include both verbal and kinesic units), they are characterized by extramentality of meanings and require special methods of defining their semantic parameters. In the paper with the help

of scientific instruments of the school of semantic communicative analysis, the invariant parameter of Russian “shaking one’s head” gesture is identified. The obtained results can form the basis of the vocabulary description of this gesture in the dictionaries of a new type. The article also covers the question of the functioning of “shaking one’s head” gesture within the artistic text, where it acquires an aesthetic charge.

Key words: communicative semantics, invariant parameters of the means, kinesic language means, Russian spoken dialogue, Russian gestures, spoken film dialogue, aesthetic function of communicative means

В течение последних десятилетий в русистике активно используются достижения метода семантического коммуникативного анализа, основы которого содержатся в работах М.Г. Безяевой [2002; 2005; 2014; 2017]. При этом в рамках языка выделяются системы коммуникативного и номинативного уровней. Различаются они составом средств, законами их функционирования, но прежде всего – типом значений. Семантика коммуникативной системы связана с соотношением позиции говорящего, позиции слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации. Семантика средств номинативного уровня связана с передачей информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего. Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия целеустановки, вариативного ряда структур, ее выражающих, и инвариантных параметров средств, формирующих эти структуры.

Средства эти чрезвычайно разнородны. Во-первых, это собственно коммуникативные средства (частицы, междометия, наклонения, порядок слов, ряд особых синтаксических приемов, интонация и другие средства звучания, собственно коммуникативные кинемы). Во-вторых, это большая группа средств, которые могут передавать номинативное содержание, но способны также участвовать в формировании значений коммуникативного уровня. Это словоформы полных лексических единиц, части речи и практически все грамматические категории различных частей речи (вид, время, число, падеж и т. д.).

Почти все инварианты русских коммуникативных единиц способны к антонимическому развертыванию. Помимо этого, сами параметры и их реализации могут относиться к позиции говорящего, к позиции слушающего или к ситуации, быть распределены между ними и т. д. Возможно также варьирование по отношению к различным временным планам и по аспекту реальности-ирреальности.

Следующим шагом в развитии метода закономерно должен был стать переход к исследованию кинесического пласта коммуникативных средств (поза – мимика – жест), выявлению их семантики и законов функционирования.

Исследование выполнено на материале звучащего кинодиалога и разговорной речи. При отображении средств звучания мы пользуемся описанием системы русской интонации, предложенным Е.А. Брызгуновой, и применяем разработанную ею усложненную интонационную транскрипцию [Брызгунова 1980; 1982; 1984].

Настоящая работа посвящена выявлению инвариантного семантического параметра русской кинемы¹ *качать головой*. Рассматриваемый жест имеет в русском языке ряд именований – **(по)качать (качнуть) головой / (по)мотать головой / (по)**

¹ Словом *кинема* мы обозначаем наименьшую жестовую единицу, способную передавать языковой смысл. Широко понимаемый термин *жест* (куда включаются и мимические, и пантомимические единицы) может относиться как к отдельным кинемам, так и к разложимым на кинемы кинесическим конструкциям.

крутить головой и подразумевает, что исполнитель жеста несколько раз поворачивает голову вправо-влево, очерчивая подбородком полукруг в горизонтальной плоскости (скорость и длительность исполнения варьируются). Названные способы именования не вполне равноправны. Как показывает анализ материала, *качать головой* оказывается наиболее универсальным именованием единицы, в то время как *мотать головой* и *крутить головой* не охватывают всех реализаций кинемы.

Оборот *качать головой* в русском языке может также относиться к покачиванию головой в параллельной телу плоскости (голова склоняется то к правому, то к левому плечу). Данная единица не является цельной и далее нечленимой кинемой, а представляет собой кинесическую конструкцию – кратное исполнение жеста *склонить голову вбок / склонить голову к плечу* (и корректно говорить о том, что именно единица *склонить голову вбок* обладает в данном случае инвариантным параметром). В настоящей работе упомянутая кинема не рассматривается.

Инвариантный семантический параметр жеста – *наличие / отсутствие разрыва между позициями* (иногда – *осознание или акцентирование имеющегося разрыва*); *отрыв от прежних представлений, объекта и др.* Кроме того, возможна реализация инварианта по параметру нормы, в этом случае образуется значение *‘чья-либо позиция / ситуация оторвана от нормы’*.

Важна именно идея *рывка*, т. е. не просто дистанцирования, но *дистанцирования рывком*, резкого отрыва, резкого разрыва. Интересно, что в случае с жестами мы можем говорить о **физиологической базе языковой семантики**, что не актуально для большинства вербальных единиц. Примордиальной реализацией для данной единицы является отказ младенца, ребенка от еды (непосредственно присутствующей в ситуации коммуникации) – и затем по мере развития языка совершается метафорический переход ко всё более сложным реализациям (и по мере развития индивида – овладение реализациями, всё более удаленными от первоначальной)¹. Это подтверждается и наблюдениями Ч. Дарвина, который в своей работе «О выражении эмоций у человека и животных» (1872) отмечает предположительное происхождение *кивка* от жеста, которым голодный младенец присасывается к материнской груди, а *качания головой* – от жеста, которым ребенок отказывается от молока [Darwin 1913: 272]. При этом реализацию, максимально близкую к первичной, по-прежнему несложно обнаружить в системе русского языка.

Поскольку жест *качать головой* не имеет отчетливой «финальной точки» при исполнении, то в ряде случаев формируется идея *нарастающего* разрыва, *наращивания* разрыва; эта возможность актуализируется, в частности, в интенсивном отказе и в запрещении.

Здесь можно провести сравнение с мимическим жестом *закатить глаза*, чья семантика также связана с идеей дистанцирования, однако это плавное дистанцирование, не подразумевающее нарастания дистанции. Рассмотрим пример из разговорной речи:

¹ Если в пределах номинативной системы языка метафорика заметна и активно изучается исследователями, то наличие *метафорических переходов* между разными употреблениями коммуникативной кинемы не всегда очевидно. Между тем, знания эти могут иметь практическое значение. Так, пациент с расстройством аутистического спектра, испытывающий сложности с пониманием метафор типа *золотые руки* или *ледяное сердце*, предсказуемо будет испытывать те же трудности по отношению к определенным жестам, возможно, представляющимся его педагогам элементарными.

А (закатывая глаза): Опять он начал, / не могу уже про это слышать! /PP/

Кинема *закатить глаза* сообщает о стремлении говорящего дистанцироваться от ситуации (зд.: связанной с действиями третьего лица и оцениваемой как небенефактивная для говорящего), смысл 'я хочу быть как можно дальше от всего этого'. Сам мимический жест *закатить глаза* имеет предсказуемую, физиологически обусловленную финальную точку, отмечающую завершение жеста при исполнении. Значение кинемы подчиняется специфике исполнения: говорящий сразу вводит идею максимальной (пусть даже бесконечной) дистанции между собой и неблагоприятной ситуацией, эта дистанция единожды обозначена и далее не изменяется.

В отличие от этого, *качание головой*, например, в запрещении ярко реализует семантику *нарастания разрыва*:

А (качая головой при налаженном визуальном контакте): Даже / не думай об этом! // *Даже / не думай!* /PP/

Здесь образуется смысл 'говорящий *наращивает* разрыв между задуманным адресатом действием и воплощением этого действия в реальность', и чем дольше во времени будет исполнение жеста, тем больших размеров пропасть будет разверзаться между запрещаемым действием и его претворением в жизнь. При этом предсказуемая финальная точка, дойдя до которой, жест воспринимался бы как однозначно завершённый, отсутствует.

Перейдем к рассмотрению наиболее типичных для русского языка реализаций инвариантного семантического параметра жеста *качать головой*.

1. Обозначение (создание или осознание) разрыва (в том числе – нарастающего разрыва) между говорящим как физическим лицом и объектом

Отказ

Грибоедов играет на фортепиано. Бегичев подходит с двумя бокалами вина. Грибоедов мотает головой.

(«Смерть Вазир-Мухтара»)

'Исполнитель жеста дистанцируется от предложенного ему напитка, маркирует разрыв между ним и собой, как бы символически «отодвигаясь» от объекта'.

Идея *физического отрыва*, буквальной *оторванности исполнителя жеста от некоего объекта*, реализуемая **за пределами целеустановки отказа**, – это следующий шаг, более высокая «ступень сложности» по сравнению с наиболее элементарной, базовой реализацией параметра (обозначением разрыва в отказе от непосредственно предлагаемых человеку пищи либо питья). Объект при этом может как присутствовать в ситуации, так и становиться известным из вербального или внеязыкового контекста.

Утверждение

Молодого человека задерживают в клубе и при обыске обнаруживают у него наркотики.

Илья: Это... (пожимает плечами, качает головой) н-н-не знаю, что это. //
(*Пожимает плечами*) Я не знаю... вообще. (*Еще несколько раз молча пожимает плечами*).

(«Текст»)

Пожимать плечами – дисбаланс в представлениях об уровнях компетентности ('вы считаете, что я осведомлен, а я не осведомлен'). *Качать головой* – 'говорящий маркирует колоссальный разрыв между собой (своей позицией) и наркотиками'.

Предложение (в составе коммуникативного блока упрашивания)

Разговор Калиостро с Алексеем в гостинице (взгляд Алексея устремлен на собеседника, отсутствие визуального контакта со стороны Калиостро).

Алексей (мотаает головой): Возьмите все,² что у меня есть – / дом,² / имение.²
(«Формула любви»)

'Говорящий маркирует процесс отрыва от себя названных объектов (дома, имени), отчуждения их в пользу собеседника'.

Сообщение о факте

На кладбище.

Старик: Э-э... понимаете,² / у меня тут сын,^{3 2} / и я бы хотел⁶ / поставить надгробие.¹

Охранник Коля (качает головой): Нельзя.² // Администрация не разрешает.²

Старик: У них такие цены...^{2 3} // (Качает головой) У меня...⁶ / столько нет.² // А сын...⁶

Коля: Нет.² // Меня уволят... если я разрешу.²
(«Парень с нашего кладбища»)

Второй, выделенный жест *качать головой* передает значение осознаваемого говорящим разрыва между его возможностями и требуемой суммой денег. Подчеркнем, что перед нами не отказ платить, не протест против условий, поставленных администрацией кладбища (т. е. не указание на *разрыв между позициями* участников ситуации), а именно смиренная констатация неподъемности такой суммы для говорящего, оторванности от недоступного, недостижимого объекта.

Мы видим, что говорящий может не только сам инициировать и наращивать разрыв, но и вовсе не желать его, а лишь фиксировать объективное существование разрыва между собой и объектом. То же осознание нежелательного разрыва – и в примере ниже.

Отчаяние

Велюров (прикрывает глаза рукой и качает головой): Нет Све^{1 2} ты. // (С размаху хлопает себя ладонью по лбу и качает головой) Нет Светы...¹
(«Покровские ворота»)

Реже такой разрыв с объектом может относиться не к позиции говорящего, а к позиции слушающего или третьих лиц.

Опасение

Костя видит, что Велюров, который должен быть свидетелем на свадьбе, совершенно пьян.

Костя: Мне кажется, что счастье молодых⁶ / (качая головой) под угрозой.²

Жест *качать головой* здесь, с одной стороны, формирует осуждение Велюрова (констатация разрыва между поведением слушающего и нормой, к которой при-

мыкает и сам говорящий, – см. ниже об этой модификации параметра), с другой же стороны, он отображает нарастающий разрыв между молодыми и их благополучием: от них буквально «уплывает» перспектива присутствия на свадьбе свидетеля в лице Велюрова.

2. Наличие разрыва между позициями говорящего и слушающего (между позицией исполнителя жеста и позицией адресата)

Выражение мнения

Корзинкина: В ⁶таком состоянии (*вскидывает указательный палец*) / вас отпустить одного (*качает головой*) ¹нельзя. // (*Кивает*) ²Пойдемте.
(«Приключения Корзинкиной»)

‘Указание на разрыв между позициями говорящего и слушающего: оценка ими ситуации резко расходится’.

В названной реализации кинема *качать головой* типично выступает, в частности, в отказе более высокого порядка (когда наблюдается разрыв не между физическим лицом и объектом, но между позициями участников коммуникации), в возмущении, выражении несогласия, запрещении, возмущении.

Отказ

1. *Полковник приглашает хороших спортсменов из школы в летное училище. Андрюха Ларионов демонстрирует прекрасную спортивную форму.*

Полковник (хлопнув Андрюху по плечу): ²Хороший парень.

Андрюха (прижимает руку к сердцу, со смешком): Да не хочу ²я в лётное. // (*Качает головой*). ²Высоко падать.

Полковник: Па²рень, как тебя уговорить-то?

Андрюха (качает головой): ²Не-не-не.

Полковник: ³Может, подумаешь?

Андрюха покачивает туда-сюда ладонью (жест отказа).
(«Четвертая планета»)

Первый жест *качать головой* обозначает здесь осознание говорящим имеющегося разрыва между своей позицией и позицией собеседника, осмысление им этого разрыва. Значение второго жеста *качать (мотать) головой* – ‘говорящий указывает на неустрашимый разрыв между своей позицией и позицией собеседника’.

2. *Трилецкий:* ⁴← Ну? // (*Указывает кивком на шахматную доску*) Вы ходить-то ³будете, / ³а?

Анна Петровна (качает головой): ⁷М-м. // ¹²Довольно, / ¹²надоело. // ¹После доиграем.

(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

То же – ‘указание на разрыв между позициями говорящего и адресата’.

Запрещение

1. Один из нанятых олигархом рабочих заглядывается на его дочь, отдыхающую в шезлонге у бассейна, и олигарх замечает этот взгляд.

Олигарх (качая головой): Эй! // Туда вообще не смотрим.
(«Саранча»)

‘Указание на имеющийся разрыв между позициями говорящего и слушающего по вопросу о том, что может себе позволять наемный рабочий’.

2. На кладбище.

Старик: Э-э... понимаете, / у меня тут сын, / и я бы хотел / поставить надгробие.

Охранник Коля (качает головой): Нельзя. // Администрация не разрешает.
(«Парень с нашего кладбища»)

Значение жеста качать головой – ‘присутствует разрыв между позицией говорящего (совпадающей в данном случае с позицией третьих лиц – администрации) и позицией адресата’.

Запрещение с оттенком отчаяния

Мать мальчика с аппендицитом не согласна на операцию и не дает врачам осмотреть его.

Мать ребёнка (мотаёт головой): Не пущу! // Не дам! // Мой ребёнок!

Доктор Зубцов (потрясая руками): Пойми, Татьяна: / погубишь ты его!
(«Здравствуйте, доктор»)

‘Отмечается принципиальный разрыв между позициями говорящего и слушающего (исполнитель жеста не считает нужным и возможным проводить операцию)’.

Позиция говорящего может быть также слита воедино с позицией социума.

Сообщение о намерении

Директор школы пытается замять школьный конфликт и образумить взбунтовавшийся десятый класс.

Вера Семёновна: Мы этого... / (качает головой) не допустим // Поэтому сейчас (стучит выпрямленным указательным пальцем по парте) / прекращаем всякие разгово-ры... / и немедленно приступаем к занятиям.
(«Публикация»)

Кинема качать головой передает значение разрыва между общей позицией говорящего и социума, с одной стороны, и позицией слушающих – с другой.

3. Наличие разрыва между позицией говорящего (исполнителя жеста) и позицией третьего лица / социума / мини-социума

Обещание

Деточкин: Слушай, / друг! // Не сажай меня до премьеры, / прошу тебя.

Подберезовиков: Я тебя (мотаёт головой) вообще сажать не буду. // (Хлопает Деточкина по плечу и приобнимает). Живи / свободно!
(«Берегись автомобиля»)

‘Я далек от этой мысли, разрыв между моей позицией и идеей тебя посадить (т. е. позицией социума) – это серьезный разрыв’.

Утверждение мнения

Лео Ауфман, ученый-изобретатель, поклявшийся построить машину счастья, расспрашивает свою жену Лину о том, что такое счастье.

Лина: А почему ты не спрашиваешь, что такое брак? // Кто это знает? // (Качает головой, с улыбкой) Ни-кто. («Вино из одуванчиков»)

‘Обозначен разрыв между позицией говорящего и позицией социума (считается, что всякому известно, что такое брак)’.

Отказ

Рихман: Вы поручены / моему... / наблюдению / и должны понять, / чего ждет Академия от вас / как от учёного – // (потрясает поднятым указательным пальцем) п[о]слушания.

Ломоносов: ↓ Послушания? (Расширяет глаза; разрывает визуальный контакт, качает головой). ↓ Нет уж. // Тогда уж / пусть уж (жест «спокойно») не ждёт. // Тогда на Камчатку!

(«Михайло Ломоносов», 1955)

‘Имеется огромный разрыв между тем, чего от меня ждут (позицией третьих лиц), и тем, что я сделаю’.

Заметим, что в каждой из трех приведенных реализаций нам встречались примеры использования единицы *качать головой* в целеустановке отказа. Различные способы развертывания параметра (разрыв между говорящим и объектом, между позициями говорящего и слушающего, между позициями говорящего и социума) оказываются востребованы при выражении одной и той же целеустановки, причем **во всех трех случаях** жест *покачать головой* может работать изолированно (т. е. значение его не обязательно суммируется с параметрами других коммуникативных средств, входящих в конструкцию отказа).

4. Разрыв между прежним представлением говорящего и новым / между прежним представлением говорящего и реализованной ситуацией

Свидетель убийства пытается вместе с художником составить фоторобот преступника.

Старший следователь: Ну что у вас? // Получается?

Антон (мотаает головой): М-м. // (Мотаает головой) Не могу вспомнить. // У него такое лицо, / понимаете... // Там ещё он... / в бейсболке был, / темно... (Мотаает головой) Не вспомнить.

Старший следователь (серия легких кивков): Понятно. // Оставь визитку.

Следователь: ³Вспомните что – / ¹позвоните. // В любое [\]вре^{1 2}мя. // Когда шок про-
⁶ходит, / ¹всплывают детали.

(«Домовой»)

Кратное использование кинемы *качать (мотать) головой* связано с наличием разрыва между первоначальным представлением говорящего (зд.: о том, что он сумеет вспомнить достаточно деталей для составления фоторобота) и реализованной ситуацией.

Осознание

Изобретатель понимает, что построенная им машина счастья была не нужна, что человеческое сердце – это самая совершенная машина счастья.

Лео Ауфман: Ой, как я много ²передумал! // (Жмурится) За этот ¹час. // (Жмурится, качает головой). (Пожимает плечами). Я ^{2 3}понял! (Пожимает плечами) Ты ж ^{2 3}слепой! // Лео Ауфман, / ты ^{6 2}слепой!

(«Вино из одуванчиков»)

Появление кинемы *качать головой* связано с тем, что говорящий осознает и маркирует громадный разрыв между своим прежним представлением о том, как можно дать людям счастье, и новым, только что сформированным. Идея этого разрыва между прежним непониманием и теперешним пониманием выразительно поддержана вербальными средствами.

Значение ‘разрыв между прежними представлениями говорящего и новыми, сформированными под влиянием реализованной ситуации’ обеспечивает активнейшее участие жеста *качать головой* в формировании **целеустановок, относящихся к коммуникативному типу выражения эмоций** (восхищения, восторга, выражения удовольствия, удивления, разочарования, сожаления, надежды и др.), а также иронии и насмешки.

Восхищение (умиление)

Уборщица принимает нового молодого учителя за двоечника, пришедшего исправлять отметку, и норовит поддеть его шваброй.

Нестор Северов: Между ⁶прочим, / я ваш новый ²педагог. // Учитель ²истории.

Уборщица (начинает улыбаться, качает головой): Ой. // (Смеется. Нестор улыбается в ответ). Ой, / ²шо ж ты ²стойшь-то? // На ²грязном-то? (Подстикает ему ⁴под ноги тряпку). Вот. // ⁴Проходи. // Но²[γ]и вытри.

(«Большая перемена»)

Качание головой маркирует резкий разрыв между имевшимися у говорящего представлениями и новыми.

Нередко встречается молчаливое восхищение, например:

Царь удачно прихлопнул комара. Вся свита аплодирует ему, один из стрельцов с улыбкой и округленными глазами качает головой.

(«Конек-горбунок», 2021)

Значение кинемы в этом примере – указание на колоссальный разрыв между имевшимися ранее у исполнителя жеста представлениями о подлинной доблести и героизме и тем, что было реализовано царем.

Возможно также выражение ослабленного, **фатического восхищения**:

Адамыч: Событ^биев у людей, / (прикрыв глаза, качает головой) событ^биев!
(«Старый Новый год»)

‘Говорящий якобы видит разрыв между своими прежними представлениями о том, насколько бурной и насыщенной бывает у людей жизнь, и реализующейся ситуацией’.

Ироническое восхищение

Трилецкий: Свистит-то, / свистит, / [γ]о²[с:]поди! // Точно мужик, / а? // (Дважды качнув головой) Удивительная / женщ¹ина.

(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

Ироническое восхищение (равно как и этикетное) базируется на этой же реализации – ‘говорящий отмечает значительный разрыв между сложившимся у него представлением о поведении женщин и новым, сформированным под влиянием реализованной ситуации (зд.: под влиянием поведения, демонстрируемого собеседницей)’.

Восторг

1. *Одна подруга демонстрирует другой новый наряд.*

Валентина: Праск²овья! // Глян²ь-ка: // мин¹²и.

Паша (прикладывает руку к сердцу): (на вдохе) О^б-ой! // (Мотает головой) Ой, Ва^{^^б}ля!.. // Замеч⁷ательно.

(«Начало»)

Мотать головой обозначает здесь разрыв между прежними представлениями говорящего и теперешними (значение ‘не представляла, что может быть так красиво’).

2. *Лина с восторгом смотрит на Париж на киноэкране.*

Она мотает головой с улыбкой, зажмуривается, затем смотрит расширив глаза, подняв брови и закусив нижнюю губу.

Лина: ↑ Пар¹иж! // (С улыбкой мотает головой) Это Пар²иж! // Пар²иж!.. // Пар²иж! (Зажмуривается. Вновь открывает глаза, смотрит с раскрытым ртом и закрывает лицо руками). (На вдохе) Ах! // Ах!

(«Вино из одуванчиков»)

То же.

3. *Серж смотрит на молодую жену.*

Серж: Госп²оди! // (Качает головой) Как я счаст²лив! // В[о]^бльтер, / ты... / и (легкий кивок) маман. // (С легкой улыбкой качает головой) Больше мне нич¹его в

жизни не нужно. // (*Издает смешок, качает головой, вскидывает указательный палец*) Впрочем, ещё Глинка. // («*Отметающий*» жест) Ничего больше.
(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

Жест указывает на обнаружившийся вдруг разрыв между прежними представлениями говорящего (о том, что человеку для счастья нужно многое) и новыми представлениями (о том, что для счастья требуется совсем мало), сформированными под влиянием ситуации.

Сообщение о факте с оттенком восхищения

Соседка, скущаящая одинокая дама, флиртует с Феликсом.

Соседка: Вот... / вы... / (*качает головой*) вы (*микрокивки*) абсолютно мой тип мужчины.

(«Какая чудная игра»)

То же значение, формирующее оттенок восхищения: подчеркивание огромного разрыва между имевшимися у говорящей представлениями о том, что нельзя вот так просто встретить в жизни мужчину своей мечты, и реализовавшейся ситуацией.

Самоодобрение

Крашенинников читает с листа свеженаписанное стихотворение Ломоносова. Ломоносов с легкой улыбкой кивает (микрокивки).

Крашенинников: Открылась / бездна, / звезд полна...

Крашенинников и Ломоносов (хором): Звездам числа нет, / (*Ломоносов поднимает указательный палец*) бездне – / (*Ломоносов поднимает руку с раскрытой ладонью выше головы*) дна. (*Ломоносов качает головой*).

(«Михайло Ломоносов», 1955)

Качнуть головой – ‘разрыв между моим прежним представлением (опасением) и теперешним впечатлением’ (смысл ‘я опасался, вдруг стихи так себе, а как хорошо вышло!’).

Выражение удовольствия

Петрин: Мой отец к этому дому подойти ¹ боялся. // А я вот здесь ³ сижу в креслах, / с её ³ превосходительством... о ¹ погодах ¹ беседую. // (*Качает головой*) Хорошо!

(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

‘Говорящий отмечает наличие большого разрыва между собственными прежними представлениями о том, чего можно добиться в жизни, и реализованной ситуацией’.

Рассмотрим далее работу единицы *качать головой* в конструкциях удивления. Идея наличия глубокого разрыва между прежними представлениями говорящего о возможном и невозможном и реализовавшейся ситуацией становится базой для выражения этой эмоции.

Удивление

1. Мама Вадима приезжает с дачи и застаёт его дома с девушкой. Выясняется, что девушку зовут Ритой, хотя до этого Вадим упоминал в качестве своей пассии исключительно Анну. Вадим с Ритой уходят в комнату, мама смотрит им вслед.

Мама (качает головой, разводит руками): Рита.⁴⁶
(«Декорации убийства», 4-я серия)

Отмечается разрыв между предшествующими представлениями говорящего (подругу сына зовут Анной, и о Рите он никогда не упоминал) и реализовавшейся ситуацией.

2. Повзрослевший сын победил отца в шуточной борьбе.

Отец (качает головой): [hъ-hъ-hъ]!²
(«Диалог с продолжением»)

Жест качать головой в сочетании с деланным смехом формирует выражение удивления; смысл жеста – ‘говорящий обнаруживает большой разрыв между своими прежними представлениями о возможностях сына и реализовавшимся вариантом’.

Заметим, что семантика жеста может охватывать не только представления слушающего, но и объединённые представления говорящего и адресата (либо даже говорящего, адресата и третьих лиц), рисуя разрыв между ними и реализованной (реализующейся, назначенной к реализации) ситуацией, но это, разумеется, выводит нас за пределы целеустановки удивления. Рассмотрим пример:

Софья: Я всё придумала!³² // (Сжав руки, с улыбкой закатывает глаза)
Мы начнём... / новую жизнь, // (закатывает глаза)³² чистую, как родник, //
(закрывает глаза, качает головой)³² Светлую, как солнце! (...) (С улыбкой) Ты ... /
(выдвигает голову вперед, одновременно склоняя ее набок)⁴ будешь учить детей, /
(с улыбкой кивает)¹ я буду тебе помогать.
(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

В этом монологе, где героиня излагает свои мечты, кинема качать головой маркирует наличие колоссального разрыва между представлениями самих собеседников и социума о возможном и той ситуацией, которая будет реализована, поскольку она многократно превзойдет эти представления.

Кинема качать головой может участвовать в формировании оттенка удивления при совмещении разных целеустановок.

Удивление-одобрение

Подпасок Данилка, отданный в ученики к опытному резчику по камню, в первый же вечер раскритиковал его работу по малахиту.

Прокопъич (качает головой): Вот тебе и Недокормыш!^{1 ^ ^} // Ещё ничем ничего, / а
старому мастеру... / указал.¹ // Ну и глазок!² // Толк, видать, будет.¹²
(«Каменный цветок»)

Жест качать головой обозначает огромный разрыв между прежним представлением говорящего о способностях потенциальных учеников и реализовавшимся в случае Данилки вариантом.

Удивление-недоверие

Слуга Анны Петровны, Захар, изображает, будто играет на механическом пианино.

Щербук (приоткрывает рот; жмурится, вновь открывает глаза, качает головой): Не может этого быть!

(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

Маркирован разрыв между имевшимися у говорящего представлениями о возможном и реализующейся на его глазах ситуацией.

Удивление-недоумение

Зинаида: Стой, / Клизя, стой\! // Дешёвой водки нет / и не будет.

Клизя: А мне, / Зин, / дешёвая водка / и не нужна.

Зинаида (качнув головой): Хм! // Тогда вот. (Разводит руками, демонстрируя ряд бутылок с дорогим алкоголем на прилавке).

(«Граффити»)

Маркируется большой разрыв между давно сформированными представлениями говорящего о норме поведения слушающего и его поведением, реализующимся в данной ситуации.

Удивление-разочарование

Андрей, который думал попасть к началу роскошной вечеринки, попадает в странное, пустующее и неприглядное место, где ему вдобавок сообщают, что заведение закрывается.

Андрей (уходит, с улыбкой качая головой): Надо же.

(«Вакантна жизнь шеф-повара»)

Значение жеста качать головой – указание на разрыв между представлениями говорящего и реализовавшейся ситуацией.

Восхищение-удивление

1. *Коля рассказывает другу Фёде, что уезжает на Дальний Восток, где ему предлагают хорошую работу по снабжению. Это исключительное событие для маленького городка, где они живут.*

Фёдя (с широкой улыбкой качает головой): Ну ты даёшь! // (Встаёт). Ну молодец. // (Протягивает руку. Коля тоже встаёт) Я тебя поздравляю. //

(С улыбкой жмут друг другу руки) Я тебя просто... / просто поздравляю.

(«Облако-рай»)

2. *Серёжа Сыроежкин наблюдает, как Электроник гладит брюки ладонью вместо утюга.*

Серёжа (качает головой): Ну ты даёшь!

(«Приключения Электроника»)

В обоих случаях сформировано значение ‘говорящий обнаруживает колоссальный разрыв между своими представлениями о возможном и реализованной / реализующейся в данный момент) ситуацией’.

Удивление-восхищение

Софья: Платоновка? // П⁶остойте, / по¹стойте. // Я же с помещиком её была знакома, / я знаю Платоновку. // Да-а. // Теперь он, наверно, уже не Миша. / а Михаил э...⁶

Платонов: Ва-силь-е-вич.^{6 2}

Софья: Михаил Васильич, / (кивает) верно...^{2 2³}

Платонов (со скрещенными на груди руками делает легкий поклон): Да.²

Софья: ...Михаил Васильич,¹

Войницев (переглядывается с Платоновым, подавляет смех): < Каково, / а? // (Улыбаясь и качая головой) Ну Мишель! // Ну Мишель! // (Разводит руками) Нигде не бывает, / но всех знает.^{3 1}

(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

Пример сходен с двумя предыдущими: ‘обнаружился резкий разрыв между сложившимся у говорящего представлением о Платонове как о домоседе и реализовавшейся ситуацией (Платонов оказывается хорошо знаком с дамой, которой его только собирались представить)’.

Утверждение знания с оттенком отчаяния

Платонов: Ой, [γ]осподи! // Теперь я знаю наверное: // достаточно один раз... предать, / один раз солгать тому, во что верил, что любил, / уже (качает головой) не выбраться из цепи предательств.^{1 1}

(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

‘Говорящий констатирует наличие разрыва между его прежними представлениями и реализованной ситуацией’ (представление о том, что единичное проявление слабости простительно, разрушено жестокой действительностью).

Насмешка с оттенком сожаления

После ухода гончара Гриди, у которого князь украл невесту.

Князь: Горячий. // (качает головой) Искренний.^{2 3²}

Прислужник: Да-а...⁶

Князь (с улыбкой качает головой): Эх... // Простота, простота.^{6 \ 1}
(«Ледяная внучка»)

Говорящий насмешливо маркирует разрыв между своими представлениями о том, насколько вообще человеку свойственна искренность и простота, и обнаружившимся простодушием обманутого им Гриди.

Иронический вопрос с оттенком надежды

Платонов (качает головой): А озера ³ тоже не помните? // ← И собаку под ⁶ скамейкой, / и гимназиста с... ⁶ удочкой?

(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

Кинема указывает на значительный разрыв между представлениями говорящего (обычно люди помнят свою юношескую любовь) и реализованной ситуацией; параллельно с этим жест маркирует разрыв между позицией говорящего и позицией собеседницы ('я-то всё помню').

Сообщение о факте

Антон (качает головой): Эти таблетки, эти лекарства – уже ничего не ¹ помогало...

(«Домовой»)

Здесь кинема качать головой указывает на возникновение в прошлом разрыва между представлением говорящего о том, что лекарства должны помогать, и реализовавшейся в то время ситуацией.

Если контекст допускает две различные трактовки кинесической реплики, отнесение ее к различным (несовместимым) целеустановкам, можно говорить о двух параллельных реализациях семантического параметра, из которых зритель волен выбрать любую:

Художник пишет настенное панно в сельском клубе. Местные жители, узнав про картину, несут и несут ему фото своих родных, погибших на войне, с просьбой изобразить их тоже, чтобы о них сохранилась память. Он уже несколько раз перedelывал работу и менял композицию, чтобы всех уместить.

Посетитель: Мы вот тут своих по[⁶у]ибших принесли...

Художник: Каких ² ещё своих?

Посетитель: Ну вот, / у Дмитрича внук в Чечне ⁶ погиб, / у Анны Сергеевны / в ⁶ Афгане сын... // Ну, это... // чтоб в картину вставить. // (Художник качает головой ² при наличии визуального контакта с собеседником). На память.

(«Граффити»)

Перед нами sdвоенная реализация: жест можно трактовать и как отказ, адресованный собеседнику, и как эмоцию раздражения ('нет, я не могу в это поверить, неужели опять?'). В первом случае инвариантный параметр реализуется как указание на принципиальный разрыв между позициями исполнителя жеста и адресата, во втором – как обозначение разрыва между прежним представлением говорящего (о том, что поток фотографий и просьб от местных жителей уже иссяк) и новым представлением, порожденным реализованной ситуацией. Причем эмоциональное реагирование в данном случае исключает отказ, совмещение этих двух целеустановок невозможно. (Сильное раздражение связано как раз с тем, что художник уже внутренне готов в очередной раз перedelать картину и понимает, что не найдёт в себе сил отказать.)

Еще одним чрезвычайно типичным употреблением является функционирование кинемы *качать головой* в вопросе, где вербально выражено отрицание (отсутствие объекта, события, признака и т.п.); при этом условия русская кинема *качать головой* способна передавать значение разрыва, отрыва, дистанцирования говорящего от называемого им же варианта развития событий.

Вопрос с оттенком надежды

Дочь пациентки (сводит брови): ³Есть хотя бы маленький шанс, что это...
(*качает головой*) не злокачественная опухоль?
(«Врач»)

‘Говорящий стремится резко оторваться, дистанцироваться от того варианта развития ситуации, при котором опухоль у матери окажется злокачественной’.

Вопрос с оттенком подозрения

Груша (качает головой): ²Вить //, ³не случилось чего в дороге-то?
(«Позови меня в даль светлую»)
‘Говорящему хотелось бы оставаться в отрыве от названного варианта развития ситуации («что-то случилось в дороге»)’.

5а. Говорящий фиксирует наличие разрыва между представлениями, имевшимися / имеющимися у слушающего, и реализованной ситуацией

Запрещение с оттенком вызова

Сидорин: ²Дорогой мой! // Как вы смее²те!
Якубов (наладив визуальный контакт с Сидориным): ²Смею. // ¹²Смею. // ⁶И вам
я... / (*качает головой с легкой улыбкой*) ¹не «дорогой».
(«Гараж»)

‘Есть серьезный разрыв между твоим представлением о том, что ты можешь себе позволить в разговоре со мной, и реализованной ситуацией’. (В данном случае целеустановка запрещения сформирована вербальными средствами, кинесические же формируют именно оттенок вызова.)

Возражение

Степан, пообещав свозить Ирину в интересное место, привозит ее в дом к местной татарке.

Ирина (кивает): ¹Я поняла. // ¹²Она колдунья.
Степан (качнув головой): ¹Не совсем. // ¹Она избавительница. // ¹Помогает людям
⁶избавиться от того... // ¹что мешает им жить.
(«Полное дыхание»)

‘Говорящий маркирует наличие разрыва между представлением, сложившимся у слушающего, и реализованной ситуацией’.

Вопрос с оттенком недоверия

Миша убежден, что Светлана обманула его и сбежала, а Женя точно знает к этому времени, что Светлана мертва.

Миша: Рот закрой свой! // Она кинула меня.

Женя (начинает улыбаться): ← Ты чего, / правда еще не понял? // (С улыбкой качает головой) Ты реально не догоняешь?

Миша: Чего не догоняю?

Женя: ↓ То, что Светку убили! // ↓ Никого она не кидала, / она мёртвая, / мёртвая!

Миша (дает ей пощечину): Ты что несёшь-то, алё!
(т/с «Обычная женщина», 7 серия)

То же: 'маркируется наличие принципиального разрыва между имеющимся у адресата представлением и реализованной ситуацией'.

Предостережение

Директор школы пытается замять школьный конфликт и образумить взбунтовавшийся десятый класс.

Вера Семеновна: Мы этого... / (качает головой) не допустим // Поэтому сейчас (стучит выпрямленным указательным пальцем по парте) / прекращаем всякие разгово-ры... / и немедленно приступаем к занятиям. // (Стучит выпрямленным указательным пальцем по парте) И учтите: // (продолжает стучать указательным пальцем по столу) если я узнаю, / что кто-либо / пытался сорвать урок, / я приму (качает головой) очень серьезные меры.
(«Публикация»)

Выделенный жест качать головой обозначает здесь разрыв, который возникнет в будущем (в момент принятия упомянутых мер) между представлениями слушающих о том, насколько серьезными бывают наказания за срыв уроков, и ситуацией, которой предстоит реализоваться'.

Ироническое недоверие

Анна Петровна: Ну-у, / так женщина – / лучший человек, Порфирий Семёныч?

Глагольев: Лучший.

Анна Петровна: О-о, / вы большой женолюбец, Порфирий Семёныч.

Глагольев: Да. // Я люблю женщин. // Я им поклоняюсь. // (Слабая улыбка)
Достаточно мне знать только одну вас, / чтобы поклоняться (кивает) всем женщинам.

Анна Петровна (качает головой): Бу-бу-бу-бу-бу. (Смеются).
(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

'Говорящий фиксирует наличие разрыва между представлениями слушающего и реализованной в действительности ситуацией'.

Увещевание

Умершему на том свете предлагают заполнить и подписать анкету, но он никак не может смириться с тем, что умер.

Умерший: А если я не подпишу?⁴

Чиновник Небесной канцелярии (качает головой): У вас нет выбора.³
(«Счастье – это»)

‘Говорящий отмечает значительный разрыв между представлением собеседника о его правах и возможностях и реальным положением дел’.

Выражение мнения

Следователь беседует с писателем – автором книг про неуловимого наемного убийцу.

Следователь: Ты думаешь, ты книжки пишешь, / да? // (Качает головой) Не-ет.^{1 2 h} // Ты вот этим вот... / из преступника делаешь героя, / легенду!⁶
(«Домовой»)^{2 \ 2 \}

‘Говорящий отмечает значительный разрыв между представлениями слушающего о его писательской деятельности и реализованной ситуацией’.

Позиция слушающего может сливаться с позицией социума; в таком случае говорящий фиксирует наличие разрыва между представлениями, едиными для социума и адресата, и ситуацией, наблюдаемой в действительности.

Констатация факта

Костя: Аркадий Варламыч! // (Брови «домиком») А не хлопнуть ли нам...²
(мелкий кивок) по рюмашке? (Начинает улыбаться).³

Велюров: Заметьте, // (поднимает брови, качает головой) не я это предложил. // Идёмте.^{2 \}
(«Покровские ворота»)⁴

Качать головой – ‘указание на существование резкого разрыва между представлениями социума и собеседника о норме поведения говорящего и реализованной ситуацией’.

Может показаться, что жест *качать головой* при данной модификации параметра обязательно сопрягается с присутствующим в высказывании отрицанием (я вам не «дорогой», у вас нет выбора, не я это предложил и т. п.), однако это не так. Во-первых, значение ‘имеется разрыв между представлениями слушающего и реализованной в действительности ситуацией’ может быть сформировано этой кинемой изолированно, без участия вербальных средств языка. Во-вторых, кинема может быть синхронизирована с вербальным высказыванием, в котором отсутствует отрицание. Например:

Подтверждение

Врач «скорой помощи», приехав по вызову, обнаруживает пожилую пациентку – симулянтку, которой просто не хватает внимания.

Врач: Знаете что? // У меня для вас... / есть одна шикарная таблетка. // Из Германии. // По новейшей технологии-то. // Про нанотехнологию слышали?

Пациентка: Ну, чё-то такое... слышала, / да.

Врач: Вот. // Они там изобрели такое / от всех болезней. // Я для себя, конечно, привёз, ну... для бабушки своей, / но в виде исключения, / я-то вижу, вам совсем плохо...

Пациентка (качнув головой): < ↓ Очень!

Врач: Вот. // Сосать две недели. // Через две недели / будете бегать. («Аритмия»)

‘Существует огромный разрыв между вашим представлением о том, насколько плохо может быть человеку, и тем, как плохо я себя в действительности чувствую (мне гораздо хуже, чем вы можете себе представить)’.

Насмешка

Сын, приехавший в Москву к отцу, не смог поступить в Литинститут.

Отец: Вот ты не поступил. // Снова приедешь опять не поступишь, / что дальше?

Сын (слегка пожимают плечами, при этом поднимает и опускает брови – мимический аналог пожатия плечами): Приеду ещё раз.

Отец: Если в третий?

Сын: Приеду в четвёртый... // в пятый. // Я их измором возьму.

Отец (качает головой): Хм, [hъ-hъ]! // «Измором возьму». (Потрясает указательным пальцем – рука и палец в горизонтальном положении): Вот попомни мои слова: / (еще раз встряхивает пальцем) не будет этого! («Диалог с продолжением»)

‘Говорящий указывает на то, что разрыв между наивными представлениями слушающего о жизни и действительностью чрезвычайно велик’.

Позиция слушающего не должна быть непременно эксплицирована в диалоге, она может гипотетически достраиваться говорящим.

Наставление

Обсуждается необходимость дополнительных занятий по английскому. Дронов сообщает, что Коля уже занимается английским дополнительно.

Коля (дважды мелко кивает): Да, / я... / я занимаюсь. // Ну, точнее, занимался.

Жена Дронова (с улыбкой): А почему бросили? // (Улыбаясь и качая головой) Сейчас без английского никуда. // (С улыбкой пожимая плечами) Ни в один приличный институт не поступишь. («Хороший мальчик»)

‘Имеется разрыв между твоей гипотетической позицией (убеждением, что английский можно бросить и не заниматься им) и реализованной ситуацией’.

Рассматриваемая модификация инварианта может быть основой для формирования восхищения, комплимента. В этом случае маркируется разрыв между представлением слушающего о том, насколько бенефактивно относится к нему говорящий, насколько он предан адресату и т. п., и реализованной в действительности ситуацией:

Восхищение

Федя (с улыбкой): Эх, Колян! // (Качает головой) Если б / ты знал... / как я рад за тебя!

(«Облако-рай»)

‘Говорящий отмечает наличие разрыва между представлением слушающего (зд.: о степени дружеских чувств, испытываемых говорящим) и реализованной ситуацией’.

В ответных репликах-реакциях подтверждения и отрицания жест *качать головой* выступает именно в рассматриваемой реализации.

Отрицание

Груша (качает головой): Вить //, не случилось чего в дороге-то?

Витька качает головой.

(«Позови меня в даль светлую»)

‘Имеется разрыв между твоими представлениями о том, что что-то могло случиться, и реализованной ситуацией (твое предположение оторвано от действительности)’.

Подтверждение

Грэм дает умирающему капитану Гезу глотнуть спиртного из фляги.

Дези: И что, / ему больше нечем помочь?

Грэм качает головой.

(«Бегущая по волнам», 2007)

Говорящий фиксирует наличие разрыва между представлением собеседницы, согласно которому умирающему можно оказать какую-нибудь помощь помимо глотка спиртного, и реализованной ситуацией.

56. Говорящий инициирует (и наращивает) разрыв между задуманным адресатом действием и его воплощением в реальность

Данная реализация типична для функционирования единицы *качать головой* в целеустановке запрещения (в том числе и в молчаливом запрещении). Для формирования запрещения необходимо также наличие визуального контакта или перманентного стремления установить такой контакт со стороны говорящего.

Ребенок собирается незаметно улизнуть из помещения во время группового занятия, где присутствуют также и родители.

Мама ребенка (качает головой): Са-ша! // Саша! /PP/

Это означает, что кинема *качать головой* может входить в конструкцию запрещения при различных модификациях параметра, а именно: ‘говорящий подчерки-

вает разрыв между своей позицией и позицией адресата' (в этом случае необходимо подключение вербальной составляющей; см. примеры выше) или 'говорящий инициирует и наращивает разрыв между намерением адресата совершить определенное действие и воплощением задуманного в реальность' (в последнем случае кинема может функционировать и часто функционирует изолированно).

6. Разрыв между представлениями, общими для говорящего и слушающего, и реализованной ситуацией

Сообщение о факте

Бортпроводник с помощниками в полете пытаются открыть аварийный люк, чтобы спасти людей. Бортпроводник докладывает пилоту, что люк не открывается.

Андрей: Не открывается.² (После того как пилот к нему оборачивается, молча качает головой).

(«Экипаж»)

'Исполнитель жеста маркирует принципиальный разрыв между представлением о том, что можно открыть люк, общим для него и для слушающего, и реализованной ситуацией'. Заметим, что в приведенном примере в силу общности знания собеседников кинема качать головой при наличии визуального контакта могла бы «сработать» и передать нужный смысл даже без вербального сопровождения ('то, на что мы оба рассчитывали, не вышло').

7. Позиция слушающего / третьего лица оторвана от нормы (от представлений говорящего о норме)

Идея значительного разрыва между нормами поведения тех или иных лиц (часто – в определенных обстоятельствах, в социуме) и реализованным вариантом поведения тех, кому адресовано осуждение, является семантической основой для употребления кинемы качать головой в осуждении (чрезвычайно часто), упреке, предостережении и др. Заметим, что целеустановку осуждения качание головой способно передавать и в отсутствие вербального сопровождения, а также в отсутствие других кинесических средств, в том числе и визуального контакта.

Осуждение

1. Бабушка (поднимает брови): Ты где рукав разорвал?²

Димка: А это мы с Толей... / дружили.¹

Бабушка (качает головой): Видно, хорошо подружились.⁷
(«Сильная личность из 2-го "А"»)

'Имеется большой разрыв между представлениями говорящего о том, как должен в норме вести себя внук (и как выглядит дружба), и реализованной ситуацией'.

2. Кирилл: А-а... / вы присаживайтесь.³

Мария (качая головой): [ъ]! // На[х:]²альные же какие!
(«Родня»)

'Маркируется огромный разрыв между представлениями говорящего о том, как должен в норме держать себя молодой человек в разговоре со старшими, и поведением данного представителя современной молодежи'.

3. Костя: Ну,⁶ / что там происходит?⁴

Тетя Кости: Наши играют французскую жизнь.¹ (Костя кивает).

Костя: Ха-ха.⁷ // Да.² // Искусство / (качая головой)⁶ в большом долгу.²
(«Покровские ворота»)

Какая головой, говорящий отмечает тем самым разрыв между собственными представлениями об искусстве и ситуацией, реализованной в кинематографе (одновременно это разрыв между реализованной ситуацией и нормой, так как говорящий в своей позиции примыкает к норме социума).

4. Платонов (со вздохом): Ой[ç], / что ж такое...² (качает головой)⁶ господа, / (разводит руками)⁶ или не праздник нынче, / я не понимаю, / или не лето?⁶
(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

Перед нами – указание на разрыв между представлениями говорящего о том, как в норме люди веселятся в праздники, и реализованной ситуацией (поведением слушающих).

5. Следователь говорит с писателем – автором книг о киллере по кличке Домовой.

Следователь (качает головой): Странная у вас муза.⁶ // Перестаньте раздувать миф про Домового.¹

‘Говорящий отмечает разрыв между своими представлениями о том, чем в норме должен заниматься писатель, и стремлением данного автора максимально правдиво описывать жизнь киллера’.

6. Мать невесты (покачивая головой): Ерунду какую-то придумали с этой [j:о]лкой,³
честное слово.

(«Страна чудес»)

‘Говорящий отмечает наличие большого разрыва между своими представлениями о нормах поведения в ресторане и поведением родственников (притащивших в ресторан собственную новогоднюю елку из дома)’.

7. Жена Гуськова осуждает женщину – директора рынка, устроившую на собрании кооператива целое представление.

Жена Гуськова (качая головой): Какая бесстыжая / баба.⁶
(«Гараж»)¹

‘Отмечается колоссальный разрыв между нормами поведения человека в социуме и поведением осуждаемой особы’.

Осуждение-недоумение

Следователь узнает, что писатель оказался замешан в дело потому, что тесно общался с киллером, надеясь собрать хороший материал для романа.

Следователь: А ты, значит, / книжку писал?⁶ // О господи.² // (Качает головой).²
(...) Из-за твоей писанины, между прочим, люди погибли.^{2 ^ ^}
(«Домовой»)

‘Говорящий указывает на наличие разрыва между своими представлениями о том, на что способен писатель ради сочинения книги, и реализованным вариантом, который продемонстрировал собеседник’.

Требование-предостережение

Иван Грозный (сдвинув брови): ↑ Как челобитную царю подаешь? (Смотрит расширенными глазами. Рвет список украденных вещей).

Шпак: Позвольте.¹ // (Качает головой): Вы не хули[у]аньте!^{2 ^ ^}
(«Иван Васильевич меняет профессию»)

‘Говорящий фиксирует резкий разрыв между своим представлением о норме и поведением, которое было продемонстрировано слушающим’.

8. Исполнитель жеста констатирует разрыв между реализованной ситуацией и нормой

Осознание

Пятиклассник, играющий шпиона Гадюкина (на каждом слове стучит зонтом об пол): Я / вас / в пятый раз / прошу:^{6 6 6 2} // покажите / мне / план...^{6 6 6} (грозит кулаком девочке, которая должна была по ходу пьесы изобразить телефонный звонок. Девочка хлопает себя с размаху по щекам, качает головой, говорит шепотом «Ой» и убегает. Зрители смеются). План... / Аэрофлота...^{6 1} // э-э... аэродрома.¹
(«Где это видано, где это слыхано»)

‘Исполнитель жеста осознает резкий разрыв между реализованной ситуацией и нормой’.

9. Антонимическое развертывание инвариантного параметра: подчеркнутое отсутствие разрыва между позициями говорящего / слушающего / третьего лица

Способность большинства русских коммуникативных средств к антонимическому развертыванию параметра, доказанная М.Г. Безяевой для вербальных единиц (см. об этом: [Безяева 2002]) и предположительно являющаяся типологической особенностью устройства русской коммуникативной системы, фиксируется также и в области кинесики [Коростелева 2020].

В случае с жестом *качать головой* антонимическая реализация параметра связана с уничтожением, аннулированием разрыва (с нацеленностью говорящего на сближение позиций), с подчеркнутым отсутствием разрыва между позициями собеседников либо указанием на изначальное его отсутствие.

Просьба

1. *Пожилая посетительница пытается сдать в ломбард дешевую бижутерию. Приемщица грубо отказывает.*

Посетительница: Доченька!^{1 2} // (Сводит брови) Может быть, можно / (качает⁶ головой – очень быстрое движение)² хоть сто рублей? // Пенсию задержали.^{1 2}
(«Не делайте бисквиты в плохом настроении»)

Прежде всего, здесь возникает указание на разрыв между представлением слушающего и реализованной ситуацией (смысл ‘если ты думаешь, что мне нужна большая сумма, то это не так’). Но одновременно в этом и подобных употреблениях можно предположить присутствие антонимической реализации параметра – ‘пойди на сближение, на сокращение или уничтожение разрыва между нашими позициями’.

2. *Мастер*: Хорошо, / я готов принять на веру // . Хороши ваши стихи, / скажите сами?

Иван Бездомный: Чудовищны.

Мастер (качает головой): Не пишите больше.

Иван: Обещаю. // И клянусь. (*Мастер протягивает Ивану руку. Пожимают друг другу руки*).

(«Мастер и Маргарита», 1994)

Здесь присутствует реализация по позиции слушающего, а именно ‘оторвись от своих прежних представлений, создай разрыв между своей прежней жизнью и новой’. При этом она сосуществует со второй, антонимической реализацией параметра – ‘говорящий инициирует уничтожение разрыва между позициями собеседников (встань на мою позицию)’.

Эмоциональное утверждение

Лектор рассказал о способе выстраивания взаимоотношений между персонажами фильма и затем обращается к слушателям.

– А вы разве... / (качает головой) не так же поступаете? // А что, / (качает головой) вы / как-то иначе это делаете? /PP/

‘Разрыв между нашими позициями и позициями третьих лиц отсутствует’; возникает смысл ‘мы вовсе не дистанцированы ни от упомянутых киногероев, ни друг от друга, мы предельно сближаемся в нашем поведении, когда речь идет о человеческих взаимоотношениях’.

Возражение с оттенком недоумения

– Ну так а он / (качает головой) разве что-то другое планировал? /PP/ ‘Разрыв между нашей позицией и позицией третьего лица изначально отсутствовал’.

Согласие

1. *Писатель и киллер в ресторане выбирают «жертву», которую писателю предстоит выследить и условно «убить», чтобы вжиться в роль киллера для новой книги. Наконец писатель выбирает солидного бизнесмена с охраной.*

Писатель: О! // Вот этот.

Киллер (качает головой): Давай этот.
(«Домовой»)

2. А.: Так, может, сейчас прямо и сходим?³

Б. (*качает головой*): Пошли.⁴ // Никаких проблем.⁴ /РР/

В последних двух примерах жест *качать головой* передает подчеркнутое отсутствие разрыва между позициями говорящего и слушающего.

Заметим, что во всех высказываниях, где кинема *качать головой* акцентирует принципиальное отсутствие разрыва между позициями говорящего / слушающего / третьих лиц, это неизменно происходит *на фоне учета позиции потенциального оппонента*. Так, в согласии возникает фоновый смысл 'между моей позицией и твоей нет разрыва, кто бы что ни думал об этом' или 'может, кто-нибудь и стал бы возражать против этого, но только не я'. Незримое присутствие гипотетического оппонента обусловлено изначально заложенной в семантику жеста идеей разрыва; этот разрыв можно демонстративно уничтожить, свести к нулю, но нельзя сделать вид, что его не было, т. е. прямая реализация параметра оставляет своеобразный «семантический след» в антонимическом употреблении.

О соотношении единиц *кивать* и *качать головой* в русской коммуникативной системе

Необходимо уделить внимание интересным и непростым взаимоотношениям русских кинем *кивнуть* и *покачать головой*. Инвариантный семантический параметр *кивка* – **солидаризация, слияние позиций** (либо **подчеркнутое отсутствие солидаризации и принципиальное неслияние** в случаях антонимического развертывания параметра). Сама способность русской единицы *качать головой* функционировать в целеустановке согласия, равно как и способность русского *кивка* типично работать в интенсивном возражении и отказе, нуждаются в особых демонстрациях и комментариях, так как для рядового носителя русского языка эти их свойства не очевидны. (*Кивок* прочно связывается в сознании носителей языка с передачей согласия, подтверждения, *качание головой* – с возражением, отрицанием, несогласием, отказом, что является следствием неполной и поверхностной инвентаризации целеустановок, формируемых ими при самостоятельном функционировании, вне вербально-кинестических конструкций). В действительности единица *качать головой*, как мы видели выше, благополучно встраивается в структуры согласия, демонстрируя там антонимическое развертывание своего инвариантного параметра – **отсутствие разрыва между позициями собеседников**). Типичный пример из разговорной речи:

А.: Согласен?³

Б. (*качая головой*): Полностью.²

Что касается *кивка* в эмоциональном возражении или отказе, то он появляется там, передавая значение **повторной / дополнительной солидаризации говорящего с его же собственной уже заявленной позицией (с ранее выраженным знанием, мнением, представлением)**.

Возражение

Отец уверяет сына, что тот никогда не сможет поступить в Литинститут.

Отец (потрясает указательным пальцем): Вот попомни мои слова: / (*еще раз*⁶
встряхивает пальцем)² не будет этого!

Сын: Будет²!

Отец (кивает): Нет².

Сын: А я говорю – / будет⁶.

Отец (кивает): А я говорю – / нет¹².

(«Диалог с продолжением»)

Кивок обозначает здесь солидаризацию говорящего с его собственной высказанной перед этим позицией (с целью усилить ее), «приплюсовывание к самому себе».

В той же реализации *кивок* функционирует, например, в настаивании или в повторном отказе. И вновь – сам факт рутинного функционирования *кивка* в целеустановке отказа, на первый взгляд, вступает в противоречие с интуитивной оценкой возможностей данного средства, хотя предъявленные конструкции типа *кивок* + *Ни за что не пойду!*², *кивок* + *Всё равно не хочу!*², *кивок* + *Тем более не буду!*² и т. п. вызывают у носителей языка немедленное и безусловное узнавание.

«Классика» традиционных представлений об антагоничности *кивка* и *качания головой*, об их принадлежности к противоположным полюсам может быть проиллюстрирована классическим же примером из кинематографа:

Милиционер: Квартиру Шпака вы брали³?

Иван Грозный: Шпака?^{3/}

Милиционер: Да!²

Иван Грозный (сдвинув брови): Казань... / брал, / Астрахань брал, / (милиционер кивает) Ревель... / брал... // (несколько раз кивает) Шпака... (качнув головой) не брал.¹

(«Иван Васильевич меняет профессию»)

Кивки Ивана Грозного возникают в **подтверждении**, при этом реализуется значение «приплюсовывания» говорящего к своей же собственной позиции (‘я все верно говорю’), солидаризация с самим собой с целью упрочить ранее высказанную позицию.

Жест *качать головой* возникает сразу вслед за этим в **отрицании** (поскольку квартиры Шпака говорящий все-таки не брал) и передает смысл ‘говорящий отмечает наличие разрыва между позицией слушающего (его предположением) и реализованной ситуацией’. Переключение с *кивка* на *качание головой* очень резкое: говорящий, поощряемый фатическими кивками милиционера, активно кивает и затем спохватывается, понимая, что необходимо срочно перейти к выражению отрицания, в том числе и кинесическому.

Между тем мы можем говорить про своеобразную взаимозаменяемость *кивка* и *качания головой* в одних и тех же контекстах, в их способности вливаться в одни и те же конструкции, обеспечивающие уместность семантики обеих единиц. Так, в фильме режиссера Киры Муратовой «Вечное возвращение» различные актерские ансамбли, сменяясь, разыгрывают одну и ту же сцену, и, разумеется, каждая пара актеров при идентичном номинативном наполнении реплик производит различный отбор средств на коммуникативном уровне. Два разных исполнителя роли

Сергеева, изображая возмущение, задействуют целый ряд ярких коммуникативных средств (и интонационных, и сегментных, и кинесических). Для нас в данном случае интересно то, что один из них «делает ставку» на кивок, второй же – на жест качать головой.

Сергеев не может сделать выбор между женой и любовницей и просит совета у старой знакомой.

Хозяйка дома: Ну... // Люби их обеих, раз ты так чувствуешь.

Сергеев (с кивком): Что? // Это ты (с интенсивным кивком) мне советуешь? // (Потрясает рукой, поднятой выше головы) Заедать век двум женщинам, (разводит руками и потрясает обеими руками) делать их несчастными, / ну... ну... ну это безнравственно, / ну, не ожидал от тебя!

Кивок – ‘антисолидаризация, принципиальное, подчеркнутое отсутствие всякой солидаризации между говорящим и слушающим’. Перед нами – типичный случай антонимического развертывания русского кивка.

Другая версия той же сцены:

Хозяйка дома (сдвинув брови): Ну люби («объяснительный» жест) обеих. // Раз ты... / так чувствуешь.

Сергеев (микрожест указания на собеседницу): Ты это мне советуешь? // (микрокивок) Заедать век двум (качнув головой) женщинам? // (Слегка качнув головой) Делать их несчастными? // (Качнув головой) Это безнравственно.

Хозяйка дома: Ну разведись тогда.

Сергеев (слегка качнув головой): Не ²ожидал от тебя. // (Качает головой) Не ²ожидал.

Качать головой – ‘говорящий указывает на резкий разрыв между позициями говорящего и слушающего: их представления о нормах принципиально расходятся’.

Мы убеждаемся, что обе единицы успешно участвуют в формировании возмущения, функционируя в одном и том же контексте и даже появляясь в высказывании «вперемешку» (микрокивок, затем сразу же – качнуть головой). Резкий разрыв между позициями и принципиальное отсутствие солидаризации предельно близки семантически. Рассмотрим следующий пример.

Вопрос с оттенком испуга

Коля объявляет старым друзьям и соседям о том, что смертельно болен и жить ему осталось от силы месяц.

Валя: Ты чего, / (с легким кивком) правда?

Коля: Правдее некуда.

Федя: Ты чего, / в самом деле? // (Качнув головой) Не врешь?

Коля: ↑ Я врал когда-нибудь?

Валя: ↑ Чего ты говоришь? // Кто ж такое врать-то будет, / ой, Коля...
(«Коля – перекасти-поле»)

Кивок Вали передает значение *отсутствия солидаризации, принципиальной невозможности для говорящего слияния его собственной позиции с позицией, высказанной слушающим*. При этом в реплике Феди в максимально похожем контексте появляется жест *качнуть головой*, который маркирует *разрыв между позициями говорящего и слушающего*.

Безусловно, жесты *кивнуть* и *качать головой* могут встречаться в одном высказывании не только тогда, когда кивок обозначает подчеркнутое отсутствие солидаризации. Так, в примере ниже кивок обозначает «приплюсовывание говорящего к собственной позиции», а *качание головой* фиксирует наличие большого разрыва между позициями говорящего и третьего лица (Кости), а также между позициями говорящего и собеседницы, которая слишком спокойно и легкомысленно, с точки зрения говорящего, относится к похождениям племянника.

Выражение мнения с оттенком осуждения

Тетя Кости (с улыбкой): Когда, ты вернёшься?

Костя (с улыбкой): Не знаю, мой ангел. // (Видит Велюрова). О! // (Разводит руками – задействована только правая рука). Ночи, как правило, чреватые сюрпризами, / (приподнимает кепку за козырек) не правда ли? (Уходит).

Велюров (качая головой): Пре-ду-преждаю: (поджимает нижнюю губу) // (сузив глаза, несколько раз кивает) однажды ваш Костик / (качая головой): вас удивит.

(«Покровские ворота»)

Сходный, но еще более яркий пример:

Осуждение

В семье Веры финансовый кризис, ей нечем заплатить домработнице Ларисе, а та требует свою зарплату.

Мать Веры (сузив глаза и сдвинув брови): Анька говорила, Верочка, что у тебя... в доме вещи пропадают? // Лара! // Как ты можешь это прокомментировать?

Лариса: Никак.

Мать Веры: Тебя ж наняли за домом следить!

Лариса (уперев руки в бока и вздохнув): Вы меня что, / в воровстве обвиняете, / да? / (Мелко кивает).

Вера: Ларочка...

Лариса: Как вам не стыдно! // (потрясает рукой, пальцы «чашечкой» → пальцы сжаты в кулак) Как же вам не стыдно! // (Сжимает зубы, брови «домиком»). Я семь лет здесь работаю. // Я рубля лишнего не взяла.

Вера: Никто тебя ни в чем не обвиняет, Ларис.

Лариса (прищелкнув языком, качает головой, брови «домиком»): Почему ты со мной так разговариваешь, / а? // (Потрясает опущенной вниз рукой) Почему ты со мной разговариваешь таким тоном, / как будто бы я... как будто... / (Набирает в грудь воздуха) как будто я – / твоя служанка? (т/с «Садовое кольцо»)

В приведенном примере кивок привносит в конструкцию оттенок осуждения в вопросе, реализуя значение ‘я якобы солидаризуюсь с тобой, якобы способна встать на твою позицию, но в действительности это псевдосолидаризация, так как солидаризоваться с таким несправедливым и оскорбительным обвинением невозможно’. В то же время кинема качать головой, встречаясь немного далее, также формирует оттенок осуждения в вопросе за счет значения ‘моя позиция находится в резком отрыве от твоей (здесь: разговаривать со мной таким тоном нельзя)’.

При подтверждении нередки случаи, когда кивок и качание головой способны замещать друг друга в одном контексте, но, разумеется, привнося в высказывание различные коммуникативные параметры. Рассмотрим пример:

Остап Бендер: Вы инженер Щукин? // (Инженер Щукин рыдает и кивает). И вы не можете... в квартиру попасть? // (Щукин рыдает и качает головой). Ну-у, / это же так просто! // Хе-хе. («Двенадцать стульев», 1971)

Так, кивок инженера после вопроса Остапа «И вы не можете... в квартиру попасть?» передал бы здесь значение солидаризации, слияния позиций (‘как вы думаете, так и есть’), в то время как качание головой вносит смысл ‘исполнитель жеста подтверждает наличие непреодолимого разрыва между ним и территорией квартиры’.

В утверждении с оттенком восторга в примере ниже герой первый раз вводит фразу «я знал» с кивком, второй раз – качая головой.

Мария помогает Клавдии Вавиловой при родах. Ефим, хозяин дома, ждет во дворе.

Мария: Ефим! // (Расширив глаза): У нас родился мальчик. (Ефим снимает шапку).

Ефим (брови «домиком», начинает улыбаться, потом крепко зажмуривает глаза, поднимает и опускает брови): Ой[с]. // (Прикрывает глаза рукой. Тычет себя в грудь). Убей меня Бог, // я (кивает) знал, что будет мальчик. // (С улыбкой качает головой, брови «домиком», «отбрасывающий» жест): Я знал. («Комиссар»)

Кивок дает значение упрочения собственной позиции путем «приплюсовывания к самому себе», а качание головой обозначает огромную дистанцию между всем, что герой думал и знал, и невероятным счастьем благополучного рождения человека.

Итак, две обсуждаемые кинемы за время бытования их в коммуникативной системе языка развили ряд сложных и многообразных реализаций своих инвариантных параметров. Каждая из них тесно связана с огромным спектром целеустановок, относящихся ко всем существующим коммуникативным типам высказывания. Обе они могут функционировать в согласии и несогласии, в подтверждении, возражении, запрещении, отказе и др. При объективном подходе они не дают повода для резкого противопоставления их друг другу. Более того, в русском языке имеется распространенная кинесическая конструкция *качнуть головой + кивок* (исполнитель жеста слегка качает головой с опущенным подбородком), в которой одновременно реализуются семантические параметры *качания головой* и *кивка*.

Подтверждение

А.: Так там же зарплата выше?³

Б. (*качает головой с одновременным кивком*): Однозначно выше. /PP/⁴

Кивок передает значение солидаризации, слияния позиций говорящего и слушающего, а параметр жеста *качать головой* получает антонимическое развертывание: подчеркнутое отсутствие разрыва между позициями собеседников.

Те же реализации мы видим и в следующем диалоге, но здесь использование структуры *кивок + качать головой* осложняется комической составляющей:

Ввод информации в ответной реплике-реакции

Студенты получают от коменданта общежития нагоняй за шум в ночное время.

Комендант: Так.² // (*Потрясает вытянутым указательным пальцем*) Четвёртую комнату / ↓ < я предупреждал : // < ещё/ одно / нарушение режима – / и я выселяю всех! // Я предупреждал вас? // А Р-раевский... (*указывает пальцем на Раевского*) / у нас... / вообще проживает... н-не...з-законно. // У тебя ж тётка есть... понимаешь. // Родная. // А? // И не в к-коммуналке, / а в... отдельной. // Так что вот (*рубит ладонью воздух*) завтра же, / то есть уже (*потрясает вытянутым указательным пальцем*) у... утром, / (*отмашка*) вещи все / з-забирай, / и вот... (*Потрясает поднятым указательным пальцем*): А-а... о вас... / р-рапорты ректору...на всех. (*По очереди тычет в каждого пальцем*). (...)

Один из друзей (*поднимая бровь*): Раевский не виноват.¹

Комендант: А-а орал-то кто? // Я же его г-голос-то... знаю.³

Второй друг: Это мы.^{1 2} // А Феликс здесь / совершенно ни при чём.¹

Третий друг: Я... / под-твер-ждаю.²

Комендант: Ну чего,^{1 2} / ну чего прикажете – / вас всех... в-выгнать, / а этого оставить?³

Первый друг (слегка пожимает плечами): По крайней мере, / так будет справедливее.¹²

Комендант (разводит руками): А где жить-то будете?^{3 2}

Второй друг (качает головой с одновременным кивком): У его тётки.⁴ (Все начинают хохотать).

(«Какая чудная игра»)

В данном случае *кивок* означает солидаризацию с ранее высказанной позицией коменданта (жить выселенному нарушителю режима следует у некой тетки), а кинема *качать головой* говорит о полном отсутствии разрыва между позициями говорящего и собеседника (шутливо изображается бездумное подчинение и туповато-буквальное следование рекомендации начальства).

Об эстетической функции кинемы качать головой в звучащем художественном тексте (на примере к/ф «Гадкие лебеди»)

Продemonстрируем, как семантические возможности единицы *качать головой* делают ее значимой частью коммуникативной композиции фильма, как актеры используют это средство для решения эстетических задач, иными словами – посмотрим на ее функционирование в художественном коммуникативном тексте. *Коммуникативный текст* – это **совокупность последовательно вводимых коммуникативных единиц, отражающих определенную логику соотношения позиции говорящего, позиции слушающего и ситуации** [Безяева 2017: 26]. В коммуникативном тексте всегда бывает задан наиболее нужный, наиболее актуальный для его создателей крупный коммуникативный параметр, который «отражает базовую “потребность” текста, его главную идею, необходимость передать тип взаимоотношений собеседников, квалификации ситуации, тип характера говорящего» [Безяева 2017: 27]. Различные коммуникативные единицы, семантически связанные с этим параметром и способные выразить необходимый смысл, начинают словно бы «сами собой» стекаться в этот текст, в действительности подчиняясь железной логике языка и законам формирования коммуникативной семантики.

Базовой идеей для фильма «Гадкие лебеди» (Россия, 2006), снятого по мотивам повести А. и Б. Стругацких, является идея раскола, расщепления человечества: в центре сюжета – судьба интерната в городе Ташлинске, где обучается новое поколение странных детей с пугающими необычными способностями, причем воспитывают их некие «мокрецы», сами являющиеся либо мутантами, либо пришельцами. Небольшая часть человечества совершает резкий эволюционный скачок, в то время как большинство остается на прежней ступени. Философская проблематика картины строится вокруг отношения думающих людей к перспективам дальнейшего существования ташлинского интерната, вербовки детей «мокрецами», расширения возникшей из-за этого «аномальной зоны» и т. д. Таким образом, обычный человеческий социум также разделен, и пропасть между противниками «мокрецов» и их сторонниками всё ширится. В условиях военной операции в Ташлинске перед героями возникает ряд практических вопросов, которые разделяют людей, прежде в основном друг с другом согласных, относят их к непримиримым лагерям, делают из них противников с разными образами будущего. Вполне естественно, что единица, предназначенная для передачи идеи *резкого нарастающего разрыва, отрыва от чего-либо, с чем прежде объект составлял*

единое целое, т. е. кинема качать головой занимает немаловажное место в коммуникативной композиции картины.

Писатель Виктор Банев встречается с бывшей женой Людмилой по пути в Ташлинск из Европы. Между позициями героев давно произошел непримиримый раскол. С точки зрения взглядов на многие аспекты существования они, безусловно, дистанцированы друг от друга (кроме того, наблюдается разрыв между уровнями их осведомленности), и указания на множественные разрывы как коммуникативный фон их беседы свидетельствуют о том, что они друг другу – чужие люди.

Людмила: Сейчас я тебе дам ключ... / от ташлинской квартиры. // Вот. // И я тут написала адрес... / на всякий случай, если ты забыл.

Банев (качнув головой): Н-не забыл. (...)

Жест Банева, формально раскрывающийся как мелкое, проходное указание на разрыв между позициями говорящего и адресата ('ты думаешь, что я забыл, но я помню'), в эстетически нагруженном тексте порождает более глубокие смыслы. Банев не просто помнит обо всем, что касается Ташлинска и дочери Иры, и не мог бы забыть; он иначе оценивает то, что помнит. Виктор Банев едет спасти дочь, вывезти ее из оцепленной зоны эксперимента, в то время как интересы Людмилы исчерпывающе выражены в словах: «Пожалуйста, зайди туда, посмотри, как там, проверь. Нельзя без присмотра, квартира все-таки, могло, там, залить водой, могло стекла ветром выбить, воры могли забраться...».

Людмила (качает головой, прикрыв глаза): Во-первых: // ты не имеешь ни малейшего права меня осуждать, / ни малейшего. // По-моему, ты просто решил, что я избавилась от дочери, сбыв её (смешок, легкий кивок) с рук в какую-то богадельню. // (Банев качает головой с прикрытыми глазами). Вот, ты знаешь, ты так говорил, / ты так говорил! // (Банев вздыхает и еще раз качает головой, прикрыв глаза).

Банев: Что ты.

Людмила: Да ну.

Банев: И в мыслях не было.

Людмила: Так я тебе хочу сказать: (интенсивно качает головой) это не просто интернат. // Это (поднимает и опускает брови) интернат (поднимает и опускает брови) для гениальных детей. // (Качает головой) И ты даже не представляешь, сколько я порогов обила, / сколько денег приплатила, / чтобы Ирочку туда взяли! // (Качнув головой) И ты знаешь, не зря старалась.

Жест многократно появляется в значении 'говорящий фиксирует наличие разрыва между позицией слушающего и реализованной ситуацией' (и у Людмилы, и у Банева), но номинативно разговор переходит в сферу эмоциональных состояний и оценок. На поле эмоций оба собеседника могут только констатировать

наличие всё более и более заметного разрыва. Причем Банев использует жест примирительно, формально он вкладывает в него смысл ‘есть разрыв между твоим убеждением во враждебности моей позиции и действительностью’, но и он не пытается наладить визуальный контакт. Людмила же решительно углубляет разрыв, превышая среднюю длительность исполнения жеста и выходя за рамки сухого сообщения ‘есть разрыв между твоими представлениями по определенному вопросу и действительностью’. Как это было показано М.Г. Безяевой [Безяева 2014], специфика функционирования эстетически нагруженных единиц коммуникативного текста в том, что отдельное средство может терять жесткую «привязку» к месту, к номинативному содержанию конструкции, в которую входило, и начинает «бросать отсвет» на текст в целом, позволяя трактовать привносимый им коммуникативный параметр более глобально (например, такое средство начинает характеризовать центральный конфликт персонажей в целом). Жест *качать головой* у Людмилы отмечает не столько конкретные расхождения позиции Виктора с действительностью в мелочно перечисляемых пунктах, сколько глобальную оторванность извечной позиции Виктора от действительности, в которой существует Людмила.

Качание головой у обоих героев все время сопрягается с разлаженным визуальным контактом. Ни один из них не пытается восстановить взаимопонимание, склеить края разрыва. Их цели вообще лежат в разных плоскостях.

Людмила: В общем, я это всё сказала... / чтобы не было между нами никаких⁶ неясностей, (*качает головой с зажмуренными глазами*)¹ вот... / (*краткий жест*⁶ «спокойно»)¹ только и всего.

На этот раз *качание головой* вносит смысл ‘говорящий инициирует разрыв между собой и любой негативной позицией слушающего, которую тот захотел бы высказать (заблаговременно отгораживается от любой критики, любых претензий)’.

После прибытия Виктора Банева в Ташлинск возникает сквозная тема загадочности происходящего в городке, некой тайны, известной всем местным, но ускользающей от Банева, который никак не может понять чего-то самого главного, не может уговорить никого поделиться с ним этим знанием. И этот ментальный разрыв между приезжим писателем и давно работающими на месте специалистами или просто исконными жителями города тоже с порога обозначается *качанием головой*.

В гостинице в Ташлинске.

Големба: Это наш новый сотрудник,^{1 2} / он будет... жить в архиве.^{1 2}

Портъе (приветствует Банева поднятием козырька фуражки): В архиве?⁶ // Это ж в старом здании.² // Зачем?² // У нас и в новом здании⁴ / (*слегка качает головой*)⁴ хорошие номера есть.

Големба: Нет,² / вы не поняли,² / он (*кивок*)[\] будет (*кивок*)[\] жить в архиве / и (*кивок*)² там же будет работать / как член комиссии.²

Портъе: ²Хм! (Слегка пожимает плечами). Как скажете, шеф. // Ка к скажете. // Вот вам ключи, / ⁶сами разберитесь, / ⁶там... / ¹все замки перепутаны. (...) (В качестве прощания прикладывает правую ладонь к фуражке, кивает).

Големба: Пойдёмте, Вик. // Я провожу вас.

Портъе (качает головой). ²Хм!

Ничего особенного не происходит, но жест *качать головой* продолжает работать на уровне коммуникативного текста в целом (в данном случае – на уровне коммуникативной дорожки фильма). Дело не просто в том, что портъе осуждает Голембу за размещение гостя в архиве вместо удобных номеров, обозначает разрыв между позицией Голембы и некой нормой в собственном представлении. Жест намекает зрителям на таинственный местный расклад сил, сигнализирует о разрыве между понимающими, знающими нечто жителями Ташлинска и гостем извне, не посвященным пока в происходящее, – и далее этот смысл постоянно будет мерцать в любой сцене, во всех разговорах.

В эпизоде, который можно отнести к ключевым, у Банева происходит неприятный разговор с членом комиссии Сумаком, полагающим, что «мокрецы» не люди, их надо захватить и изучать как мутантов, интернат для одаренных детей необходимо уничтожить силами военных и так далее. Наличие принципиального разрыва между позицией Сумака и позицией Банева, писателя и гуманиста, не требует комментариев.

Сумак: ²Виктор. // Ну, вы как-нибудь (*мотнув головой в сторону*) ^{1 2}определяйтесь, / ну, (*вскидывает подбородок*) ^{2 3}с кем вы – / ⁶с ними или с нами. // ²С кем вы, / ²мастер культуры?

Банев: А (*кивок*) ³это (*кивок*) ³важно?

Сумак: А (*кивок*) ^{1 2}это (*кивок*) ⁶важно. // ⁶Потому что... / ⁶если вы с ними, / ⁶то... (*хмурит брови, слегка качает головой*) ⁶в-вы меня простите за такой пафос, / ⁶но получается, что вы как бы... / ⁶предатель / ¹человечества.

Банев (*наклоняет голову*): ²М. // (*Серия мелких кивков*). ¹Ни много ни мало.

Сумак (*кивает с улыбкой*): ^{1 1}М-г. // ⁶А ¹человечество, / оно... (*сдвинув брови, с улыбкой качает головой*) ¹предателей... не любит.

Первый из выделенных жестов *качать головой* демонстрирует **развертывание по аспекту ирреальности** и дает здесь значение *нарастающего разрыва между позициями говорящего и собеседника* ('если вы на их стороне, то между нами возникает резкий разрыв, и далее этот разрыв начинает нарастать'). Заметим, что введенный таким образом и начинающий работать в высказывании смысл уже в следующей реплике ожидаемо приводит к угрозе. Второй жест *качать головой* в составе конструкции угрозы указывает на оторванность гипотетических представлений адресата от действительности ('если ты считаешь, что с предателями

поступят мягко, то твое представление находится в резком отрыве от реализованной в действительности ситуации»).

Интересно здесь также использование *кивков*: два *кивка* в вопросе Банева вносят значение подчеркнутого отсутствия солидаризации говорящего со слушающим, в то время как два симметричных *кивка* Сумака в ответе передают идею укрепления говорящим своих позиций путем солидаризации с самим собой («приплюсовывание к самому себе» с целью прочнее утвердиться в своих взглядах).

Банев пытается выпросить у Голембы хоть что-нибудь о природе «мокрецов» и сути изменений, происходящих в детях в интернате.

Банев: Айк. // (слабый кивок) Скажите мне, (слабый кивок) пожалуйста, / (слегка качает головой) только / честно: / вы что, / что-то скрываете от меня, / да?

Големба (поднимает брови): То есть?

Банев: Это (кивает) генетическая болезнь или (качает головой) что-то другое? (Смотрит сузив глаза).

Големба (склонив голову вбок, с усмешкой): Хм.

Банев: Ну, или... (с мелкими кивками на каждом слове) могу, например, / я... заразиться?

Големба (с усмешкой): И да, и нет.

Банев: Айк, вы что, / издеваетесь?

Големба (качает головой, говорит сдвинув брови): Нет, Виктор. // Постарайтесь понять. // Тут принцип другой. // Не хочешь – не заболеешь.

Первый жест *качать головой* у Банева демонстрирует двойное развертывание параметра. Во-первых, говорящий инициирует разрыв между позицией слушающего, который может захотеть солгать или отделаться обтекаемыми фразами, и воплощением этой его тенденции в реальность («не вздумай лгать»). Во-вторых, присутствует антонимическое развертывание (говорящий нацелен на уничтожение разрыва, на сближение позиций собеседников). Именно поэтому кинема *качать головой* сочетается здесь с целым рядом *кивков* в значении *стимулируемого говорящим слияния позиций*. Герою жизненно важно преодолеть разницу в понимании ситуации, перескочить через эту пропасть. Второй жест Банева указывает на возможный разрыв введенного говорящим представления («это генетическая болезнь») с действительностью; т. е. Банев не собирается настаивать на своей точке зрения, он будет рад любому объяснению, лишь бы ему хоть что-нибудь растолковали.

Качание головой у Голембы, с одной стороны, несет простой поверхностный смысл «нет, я не издеваюсь» (он базируется на идее *разрыва имеющегося у слушающего представления и реализованной ситуации*). С другой стороны, общий смысл сцены расширяет значение кинемы до утверждения *полной оторванности представлений Банева от ташинской действительности*: Голембе предстоит

начать объяснение, он обдумывает его и не знает даже, с какой стороны подступиться к теме.

Монолог Банева в кульминационной сцене, обращенный к наставнику детей – «мокрецу», также включает в себя обсуждаемый жест, к которому Банев приходит в финале.

Банев: ²Зиновий! // Чего вы ждёте? ²// Вы думаете, что операцию отменят – /
(²качает кистью правой руки с согнутым указательным пальцем) её не отменят,
²Зиновий. // Я это точно знаю. // И что ²тогда будет, / ³а? // (²Жест ускорения –
²вращательное движение в запястье) Я вижу, что вы приняли решение /
²погибнуть, / ²да, / это (²вскидывает указательный палец, чиркает им по дуге) ²ваше
дело, / ²но дети, / (²«объяснительный» жест) ²зачем, / (²«объяснительный» жест)
при ²чём тут дети, / ³а? // (²Кивок, «объяснительный» жест) ^{2 3}Дети ведь погибнут, /
²вы... вы же умный, / ²гениальный, / ⁶вы / ²свечки ²духа, / ¹а таких простых вещей
не понимаете. // (²«Объяснительный» жест) ²Зачем детям... / ²погибать надо, / ²за
что, / ²а?

^{1 2}Зиновий: Это их выбор.

Банев: ²Нет! // (²Дважды покачивает указательным пальцем) И вы прекрасно
это знаете. // Достаточно (⁶взмах указательным пальцем) одного вашего слова – /
и они (²несколько раз тычет пальцем вниз) пойдут в убежище. // И тогда сохранят
свои жизни. // Они верят вам, / и только вам. // Ну что же вам еще надо (²разводит
руками), / ²что вам надо, / (³касается груди концами пальцев обеих рук) ³жертва...
нужна? // ³Жертва... // (⁶Разводит руками) Я тогда... / (³Касается груди концами
пальцев обеих рук) Возьмите мою ²жизнь. // (³Разводит руками) Я останусь здесь,
/ ³с вами. // Но ⁶дети / ^{1 2}должны спастись. (²Зиновий делает несколько мелких кивков).

Банев (⁶потрясает указательным пальцем): ²Дети / ²должны жить. // (²Интенсивно
качает головой и потрясает указательным пальцем) ²Дети должны жить!

Учитывая, что перед нами коммуникативная единица, обладающая эстетической функцией, приведем сразу трактовку, которую она получает в контексте сюжета: Банев в это мгновение стремится создать непреодолимый разрыв между «неправильным миром», в котором погибают дети, и «правильным», в котором они должны спастись. Разумеется, это значение базируется на реализации 'говорящий инициирует и наращивает разрыв между своей позицией и позицией собеседника'. Однако есть в позиции Банева и самоотречение, для которого ему необходимо было создать разрыв внутренний, разрыв между собственным желанием жить и вариантом, предлагаемым им Зиновию (стать жертвой, если таковая нужна). Чтобы принять этот вариант, герой должен был инициировать разрыв,

который, собственно, содержится в семантике слова *самоотречение* (отказ от своего физического тела, отрыв от него и отчуждение его в пользу благих целей). Таким образом, здесь совмещаются две модификации параметра, благодаря чему жест аккумулирует то, что творится во внутреннем мире героя на пике его существования.

Семантика русской коммуникативной кинемы *качать головой* позволяет отнести ее к коммуникативному полю **соотношения позиций**. Под *коммуникативным полем* мы, вслед за М.Г. Безяевой, понимаем совокупность коммуникативных средств, объединенных единым параметром при вариативности других [Безяева 2017: 25]. Как показывает анализ, жест *качать головой* – одна из центральных единиц, образующих семантическую основу русских эмоций. Входя в коммуникативное поле соотношения позиций при большинстве модификаций своего семантического параметра, кинема *качать головой* участвует в формировании огромного числа целеустановок, распределяющихся по всем коммуникативным типам высказывания (выражение знания, мнения, представления; волеизъявление; оценка; выражение эмоций; зависимые реплики-реакции; выражение этикетных отношений; фатическая речь). Способность рассматриваемой единицы выполнять эстетическую функцию в коммуникативных текстах разного типа (диалогических и монологических), ее значимость при решении сложных эстетических задач должна помещать данное средство в центр внимания исследователей звучащего художественного текста с визуальной составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика звучащего художественного текста // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 751.

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика как объект филологического исследования // Филология вечная и молодая. М., 2012. С. 63–78.

Безяева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XV. М., 2014. С. 101–118.

Безяева М.Г. Коммуникативное поле нормы в звучащем тексте // Русский язык за рубежом. 2017. № 3. С. 24–30.

Безяева М.Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 2. С. 19–36.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. 752 с.

Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005. С. 105–129.

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика: В 2 т. М., 1980–1982.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. 116 с.

Коростелева А.А. Кинема *подать руку* в составе рукопожатия и ее семантика в русском языке // Stephanos. 2017a. № 1(21). С. 71–109.

Коростелева А.А. О понятии кинесической композиции в кинодиалоге // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XIX. М., 2018a. С. 105–125.

Коростелева А.А. О специфике семантического описания жестов (на примере русских кинесических средств) // Русский язык: история, диалекты, современность: Сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений конференции. Вып. XVI. М., 2017б. С. 167–176.

Коростелева А.А. Об антонимическом разворачивании инвариантных параметров русских коммуникативных кинем // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2020. № 3. С. 15–33.

Коростелева А.А. Об учете кинесической составляющей диалога в преподавании русского языка как иностранного // Русский язык: история, диалекты, современность: Сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений конференции. Вып. XVII. М., 2018б. С. 167–174.

Коростелева А.А. Семантика жеста махнуть рукой в русском языке // Stephanos. 2016. № 4(18). С. 23–58.

REFERENCES

Bezyaeva M.G. Communicative Semantics of Spoken literary text. In: The Fourth International Congress “Russian Language: Its Historical Destiny and Present State”. Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology. March 20–23, 2010. Moscow. Lomonosov Moscow State University Press. 2010, p. 751.

Bezyaeva M.G. Communicative Semantics as an Object of Philological Research. Philology: Everlasting and Young: Collected Articles for Prof. Marina L. Remnyova’s Anniversary. Moscow. Lomonosov Moscow State University Press. 2012, pp. 63–78.

Bezyaeva M.G. Communicative Field as a Unit of Language and Text. In: Word. Grammar. Speech. Vol. XV. Moscow. 2014, pp. 101–118.

Bezyaeva M.G. (2017) Communicative Field of the Norm in Spoken Text. *Russian Language Abroad*. 2017. No 3, pp. 101–118.

Bezyaeva M.G. On the Specifics of the Communicative Interpretation of the Text (on a material of correlation of the written and sounding versions). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2013. No 2, pp. 19–36.

Bezyaeva M.G. (2002) Semantics of Communicative Level of Sounding Language. Moscow. 752 p.

Bezyaeva M.G. The Semantic Organization of Communicative Level of Language (theoretical and methodological foundations of the investigation). In: Word. Grammar. Speech. Vol. VII. Moscow. 2005, pp. 105–129.

Bryzgunova E.A. Intonation. In: Russian Grammar: In 2 vols. Moscow. 1980–1982.

Bryzgunova E.A. (1984) Emotional and Stylistic Differences of Russian Sounding Speech. Moscow. 116 p.

Korosteleva A.A. Russian Kineme “offering a hand” and Its Role in the Construction of a Handshake in Russian language. *Stephanos*. 2017a. No 1(21), pp. 71–109.

Korosteleva A.A. On the Concept of Kinesic Composition in Movie Dialogue. In: Word. Grammar. Speech. Vol. XIX. Moscow. 2018a, pp. 105–125.

Korosteleva A.A. On the Specifics of the Semantic Description of Gestures (on the example of Russian kinesic means). In: Russian Language: History, Dialects, The Present. Collection of scientific articles based on the conference papers and reports. Vol. XVI. Moscow. 2017b, pp. 167–176.

Korosteleva A.A. On the Antonymic Development of Russian Communicative Kinemas’ Invariant Semantic Parameters. *Professors Magazine. Series: Russian Language and Literature*. 2020. No 3, pp. 15–33.

Korosteleva A.A. On Taking into Account a Kinesic Component of Dialogue in the Teaching of the Russian as a Foreign Language. In: Russian Language: History, Dialects, The Present. Collection of scientific articles based on the conference papers and reports. Vol. XVII. Moscow. 2018b, pp. 167–174.

Korosteleva A.A. The Semantics of a ‘hand stroke’ Gesture in Russian Language. *Stephanos*. 2016. No 4(18), pp. 23–58.

Сведения об авторе

Анна Александровна Коростелева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anna A. Korosteleva,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
korosteleva.a@gmail.com

Материалы и сообщения

Communications and Materials

А.Б. Сергеева (Москва, Россия)

Словообразование в период пандемии 2020–2021 гг.: приоритеты и особенности (на материале французского языка)

Аннотация: Языковая креативность резко возрастает в периоды больших социальных перемен и потрясений. Период острого «санитарного кризиса» 2020–2021 гг. продемонстрировал как удивительную способность французского языка к быстрому обогащению, так и возможность сопротивляться иностранному влиянию. В статье описываются приоритетные модели и способы словообразования, оказавшиеся наиболее востребованными в данный временной период, а именно: префиксация, словосложение и телескопия. Констатируется, что в области префиксации взлет активности того или иного префикса связан с определенным этапом развития пандемии. В словосложении доминирует крайне продуктивная в современном языке именная беспредложная модель Nom+Nom. Словарная номенклатура пополняется и за счет «научных» композитов, построенных по новым приоритетным моделям. Как реакция на тяжелые времена пандемии и изоляции рождаются многочисленные людические телескопные неологизмы.

Ключевые слова: языковая креативность, префиксация, словосложение, именная беспредложная модель, «научные композиты», англицизмы; телескопия

A.B. Sergeeva (Moscow, Russia)

Word Formation during the Pandemic 2020–2021: Priorities and Features (based on the material of the French language)

Abstract: Language creativity increases dramatically during periods of great social changes and upheavals. The period of acute “health crisis” 2020–2021 demonstrated both the amazing ability of the French language to quick enrichment and the ability to resist foreign influence. The article describes the priority models and methods of word formation, which turned out to be the most popular in a given time period, namely, prefixation, stem composition and telescoping. It is stated that in the field of prefix, the take-off of the activity of a particular prefix is associated with a certain stage of the development of the pandemic. Stem composition in the modern language is dominated by the highly productive non prepositional model “Nom+Nom”. Dictionary corpus is also supplemented by “scientific” composites built according to new priority models. As a reaction to the severe times of pandemic and isolation, numerous telescope neologisms are born.

Key words: language creativity, prefixation, stem composition, Nominative non prepositional model, “scientific composites”, anglicism; telescoping

Известно, что языковая креативность резко возрастает, получает новый импульс к развитию в периоды больших социальных перемен и потрясений. Конечно же, период острого «санитарного кризиса» (калька с французского «*crise sanitaire*») 2020–2021 гг. не мог не отразиться на языке, более того, он продемонстрировал как удивительную способность французского языка к быстрому обогащению, так и возможность сопротивляться иностранному, а именно английскому влиянию. За достаточно короткий период времени активизировались все словообразовательные возможности языка, в первую очередь такие, как аффиксация и словосложение.

Поражает стремительность появления инноваций **в области префиксации**. Язык реагировал моментально на всякое изменение ситуации, (например, на новую стадию режима самоизоляции), порождая серии новых обозначений, образованных, к примеру, от «ключевого» слова пандемии, существительного **le confinement**: *le déconfinement – le postconfinement – le reconfinement – le redéconfinement*. Французский исследователь Бернар Серкиглини [1] говорит о «настоящем префиксальном празднике» языка, отмечая, что именно французский создает целые семьи слов исходя из «своего родного» обозначения *confinement*, тогда как большинство европейских языков, и даже родственные романские, стали использовать английский термин *lockdown*. Однако французский язык для обозначения «строгой изоляции» выбирает основу, **продуктивную** для дальнейшего словопроизводства. Что можно сделать, исходя из английской основы *lockdown*, продолжает Серкиглини, – ничего! Тогда как французская основа *confinement* с легкостью готова к производству новых обозначений с самыми разнообразными префиксами.

Взлет востребованности того или иного префикса связан с определенным этапом развития пандемии. Так, на начальном этапе, во время так называемой «первой волны», когда люди столкнулись с необычными новыми «формами существования» в новой реальности, сверхчастотными становятся префиксальные элементы **visi-** (*une visioconférence de presse; visualisez l'évolution de l'épidémie de Covid 19*) и **télé-**. Так, *télé-*, будучи, скорее, техническим префиксом, ранее не слишком широко использовавшимся в ежедневном общении, получил новый жизненный импульс в таких именных и глагольных дериватах, как *téléconsultation, télétravail (tout le monde en télétravail...)*, а значит, и *télétravailler, télésaluer* и *se télésaluer, faire des télépauses, se télédécontacter*. Последующие «волны» отступления и взлета пандемии, соответственно, увеличивают частотность префиксов **dé-, re-, post-** и **sous-** (*remobiliser les citoyens, le reconfinement, le redéconfinement, des études de post-administration sur les personnes vaccinées, le travail post-Covid, l'immunité post-vaccinale, ville sous-vaccinée contre le Covid-19*) и особенно **anti-** (*un antimasque, un antivaccin* (протестующий против масочного режима, против вакцинации), а в дальнейшем и *anti-passe sanitaire* (протестующий против введения обязательного сертификата о вакцинации): *manifestations anti-passe sanitaire*. С наступлением пятой волны пандемии, связанной со стремительным распространением вируса Омикрон и с ужесточением режима обязательной вакцинации в конце 2021 г., на смену *anti-* приходит номинация с префиксальным элементом **non-**: **les non vaccinés**, встречающаяся как в отдельном написании (*la majorité des patients en réanimation sont bien non vaccinés*), так и в написании через дефис (*les non-vaccinés*). Наши наблюдения показывают, что одним из первых, кто употребил этот композит, был Президент Франции Эмманюэль Макрон, произнесший ставшую известной и вызвавшую бурные протесты части французского населения фразу «*Les non-vaccinés, j'ai très envie de les emmerder (...)*» [2, 5.01.22].

В исследуемый период активно реализуется словопроизводство по продуктивным моделям. Именно так, по аналогии с *virus aéroporté*, появляется неологизм *virus manu-porté* – по модели известного существительного *logiciel*, послужившего в свое время базой для таких существительных, как *courriel* и *pourriel*, *didacticiel*, и пр., появились сейчас повсеместно используемые существительные и прилагательные с суффиксом **-iel**: **distanciel** и **présentiel** (*travailler en distanciel, en présentiel*; *Du présentiel au distanciel, la révolution silencieuse du travail* – заголовок статьи в *Le Monde* [2, 01.09.21]).

Но настоящий расцвет словопроизводства в период пандемии проявился в **слово-восложении**. Здесь доминирует столь порицаемая пуристами, но крайне продуктивная в современном языке беспредложная модель *Nom+Nom*. Эта английская «синтетическая» модель оказывается крайне эффективной для языковой креативности. Мы полагаем, что именно подобная облегченность номинации служит источником динамичного пополнения словаря, что и проявилось в период пандемии в связи с возросшей потребностью в новых обозначениях. В СМИ мы встречаем букет новых композитов, строящихся по синтетической модели: *respecter les gestes-barrières* (т. е. основные меры предосторожности в период пандемии, такие как соблюдение социальной дистанции, мытье рук, ношение масок и пр.), **mesures-phares**, **patient-zéro**, **public cible**, **candidats-vaccins** (*Combien y a-t-il de candidats-vaccins?* – заголовок статьи *Le Monde*), **le collectif antirestrictions** sanitaires, (*déterminer le rapport*) **bénéfices-risques** (des vaccins) и пр. Очевидно, что сжатость формы, ее неполная по сравнению с аналитической предложной конструкцией ясность и однозначность стимулируют быстрое и легкое порождение новых соположений, столь востребованных в наше время в медийном пространстве: *Une personne ayant des symptômes ou étant cas contact, pourra s'inscrire sur le site de l'Assurance-maladie* [2]. В качестве первого компонента новых сложных слов начинает выступать элемент **corona-**, вычленившийся из композита *coronavirus*: *on prend un coron(a)(-)apér(o), on suit un corona-cours à distance*.

Новые проблемы, связанные с пандемией, мгновенно порождают и новые обозначения по модели *Nom+Nom*: **La dette Covid est-elle insurmontable?** – задается вопросом автор статьи (речь идет о государственных долгах стран-членов Европейского Сообщества): *Une annulation de la «dette Covid» offrirait aux Etats les marges de manœuvre nécessaire*. Смысл некоторых новых именных композитов, часто появляющихся в прессе в сопровождении кавычек, раскрывается в тексте далее. К примеру, в связи с кризисом в туристическом бизнесе, поразившим, в частности, зимние виды спорта, появилось новое обозначение: «*stations-villages*» (горные деревеньки, превратившиеся в лыжные станции), встречающееся в броских заголовках статей: *En montagne, la revanche des «stations-villages»*. Латентный характер связи двух компонентов композита раскрывается позже: *Les stations de ski intégrées souffrent de la fermeture des remontées mécaniques, tandis que les villages de montagnes qui ont diversifié leurs activités espèrent attirer une clientèle urbaine et d'habités*. Смысл композита «**le bénéfice-risque**» также проясняется только после обращения к контексту, раскрывающему эксплицитно не выраженные отношения между частями конструкции: *Une personne à risques aura plus de bénéfice à se faire vacciner qu'un jeune en bonne santé(...)* *Dans un premier temps, il est possible que le vaccin soit réservé aux soignants et aux personnes à risques*. [2, 01.09.21]. Грянувший в период пандемии энергетический кризис в Европе мгновенно породил и новые номинации (*chèque énergie, indemnité classe moyen* и пр.), разъяснению смысла которых посвящены подчас обширные комментарии в прес-

се, как, к примеру, в случае именного композита **indemnité classe moyen** (единовременная выплата в 100 евро каждому французу, чей чистый ежемесячный доход не превышает 2000 евро) [2, 23.10.21].

Словарная номенклатура пополняется и за счет так называемых «научных композитов», что вполне объяснимо, принимая во внимание «медицинскую» специфику сегодняшнего момента: *les primo-vaccinés, la primo-vaccination, la primo-injection, la pharmacovigilance, la pharmaco-épidémiologique* (написание элемента *pharmaco-* может быть отдельным и через дефис), а также *les vaccinophiles* и *les vaccinophobes*. По примеру классических образцов производства «научных» сложных слов появляется и новая модель, использующая в качестве словообразовательного форманта усеченную форму исконно французского слова, апокопу, чаще всего оканчивающуюся на -o-: *des établissements médico-sociaux, pharmaco-vigilance, vaccino(-)bus* (*vaccination+bus*), **vaccinodrome**: *Deux jeunes vacataires du vaccinodrome ont été placés en garde en vue lundi 2 août pour avoir vendu de faux certificats de vaccination* [2, 8.08.2].

Многочисленными становятся и примеры людической креативности, демонстрирующие, что наряду с потребностью в терминах для обозначения новых реалий, связанных с санитарным кризисом, которые мы описывали ранее, ярко проявилась и совсем другая потребность – смягчить, дедраматизировать тяготы переживаемого периода. И вот как реакция на тяжелые времена пандемии и изоляции, особенно в период первой волны эпидемии, наряду с шуточными высказываниями типа: «*Tu peux me **droner** le sel?*» (*donner/drone*) или «*Arrêtez d'éternuer dans votre coude, le virus anglais traverse la manche!*» (*la manche/La Manche*), расцвели многочисленные **людические телескопные** неологизмы со значением «виртуального аперитива», типа *apéro-skype, apéro-zoom, confinapéro, coronapéro, skypeéro, WhatsAppéro...* Для обозначения охваченного ужасом человека, скупающего в несметных количествах продукты и предметы первой необходимости, появляются формы *covidiot* и *covidote*. Этот неологизм используется и с другим значением: *il désigne celui ou celle qui n'a pas encore saisi la gravité de la pandémie de Covid-19 et le prouve par sa simplicité d'esprit: «Cette covidote fait la bise à tout le monde»* [4]. В блистательном использовании игровых возможностей телескопии проявилось мастерское владение языковыми средствами родного языка, расцветшее в период пандемии, когда каждый день – это *lundimanche*, когда люди, целыми днями слушающие информацию о распространении вируса, становятся *victimes d'une infodémie* (*informations + épidémie*), или начинают неудержимо завидовать соседу, которому удалось закупить много гелевых санитайзеров (*gel*), т.е. *gelouser son voisin* (*gel/jalousie*), когда они страдают от *immobésité* (*immobilité+obèse*) и стараются в изоляции поддерживать друг друга, проявляя *solidaritude* (*solidarité+solitude*). Наиболее частотными ядерными компонентами многочисленных людических телескопных образований становятся основы *apéro-, corona-* (*coronanniversaire* – «празднование дня рождения в период самоизоляции»), *covid-* (*covidivorce* – «развод, произошедший в результате долгого сосуществования супругов, находящихся в вынужденных условиях совместной изоляции»).

А как обстоит дело с заимствованиями, которые, по мнению пуристов, являются главной угрозой и опасностью, поражающей французский язык и подрывающей его основы? Ведь в период пандемии, охватившей все страны, можно было опасаться нашествия английской терминологии... Этого, однако, не произошло. Нам встретились лишь немногочисленные примеры: *cloud rave* (клауд-рейв, онлайн-рейв, онлайн-вечеринка с диджеем) и *clapping* – в значении «аплодисменты врачам», появившееся во время первой волны пандемии. Зато обнаружилась несколько иная тенденция: летом 2020 г. во французском появляется английское обозначение «очага

заражения», «скопления инфицированных ковидом» – cluster (кластер). Однако заимствованная единица получила распространение преимущественно в медицинской сфере, в языке врачей, а в общем языке не прижилась, достаточно быстро уступив место французским обозначениям le foyer épidémique, le foyer de contamination или le foyer d'infection: *Covid-19 dans le monde: les Jeux olympiques de Tokyo face à la crainte d'un foyer épidémique; Les Jeux de Tokyo sont confrontés dimanche à la gestion d'un premier foyer de contamination* [2, 22.07.21]. *On nous avait promis que le variant Delta créerait des foyers à l'école, on ne les a pas vus.* [2, 01.11.21].

Подобное произошло и с английским tracking (техника отслеживания заболевания и заболевших), которое всего через несколько месяцев получило французские более понятные и прозрачные наименования – *dépistage*, *traçage* и *traçabilité*, пополнившие словообразовательные гнезда французской лексической системы: *Le ministre de la santé a estimé qu'avec la vaccination et un traçage serré, «on peut(...) échapper à une recrudescence de l'épidémie»* [2, 15.07.21]. Мы видим, что в период пандемии, всеобщего напряжения и тревоги, в языковой «борьбе» побеждает более ясная, понятная всем французская форма. Тут уже не до демонстрации своей языковой компетенции в знании английского!

Интересен еще один случай «сопротивления» английскому вмешательству, на сей раз пришедшему во французский в виде кальки «*distanciation sociale*», которая очень быстро была заменена на «*distanciation physique*». Как предполагает Бернар Серкиглини [1], здесь сыграло роль отличное от английского вторичное значение прилагательного *sociale*, присутствующее в сознании носителей французского языка, отсылающее к таким понятиям, как *lutte des classes*, *révendications sociales*, *politique sociale*, т. е. содержащие общую идею «*opposition*», противостояния, неуместную и неприемлемую для состояния умов в период пандемии. Итак, победило *distanciation physique* (чего не произошло в русском в случае с «социальной дистанцией»). Подобное сопротивление мы наблюдали и в случае с заимствованным и модным сейчас сочетанием «*safe space*». Появившись в названии статьи (в сопровождении кавычек) в своем английском варианте, термин тут же заменяется на французскую кальку «*espace sûr*». Более того, в статье содержится и дальнейшее «отстранение» от введенного английского термина путем подробной расшифровки его значения: *Concrètement, qu'est-ce que c'est qu'un «safe space»? Le concept tel que nous l'avons découvert (...) désigne des espaces où les individus, souvent issus de minorités ethniques ou sexuelles, peuvent évoluer sans avoir à craindre des jugements ou des comportements considérés comme offensants. Aujourd'hui, le terme est devenu plus englobant, il permet de désigner tout discours, pratique ou comportement réconfortant ou sécurisant* [2].

Вполне возможно, что подобное стремление к «понятности», «прозрачности» наименований, появляющихся в кризисный период, объясняет практически полное отсутствие новых усеченных единиц. В начальный период пандемии французский язык отказывается от усечения даже таких сверхчастотных слов, как *vac* или *confinement*, и такие, к примеру, формы, как *вах* или *conf* (к примеру, «*en plein conf*») не появляются. Однако с течением времени тенденция к языковой экономии все же побеждает, подкрепляемая бурным расцветом привативной префиксации с элементом *anti-*, и рождается аббревиатура *des antivax*, получившая широкое распространение в речи и в прессе и сменившая более раннюю форму *des antivaccins* (для обозначения отказывающихся от вакцинации людей): *Sur Internet, les antivax à la recherche de faux passes sanitaires* [2, 22.07.21].

В заключение приведем несколько комментариев к единицам, относящимся к ключевым понятиям этого периода – существительным *quarantaine* и *covid*.

История слова *la quarantaine* интересна: от количественного обозначения *une quarantaine de personnes* к временному значению *40 jours (avant Pâques)* и в дальнейшем к обозначению 40-дневной изоляции во время опасной болезни. Позднее эта известная форма претерпевает изменения семантики: как и в русском языке, слово «карантин», теряя связь с исходной основой, начинает обозначать любой другой временной период изоляции по болезни: *Une quarantaine de 2 semaines pouvait suffire!* Но в описываемый нами период пандемии по уже известной модели создаются новые обозначения – широко используемые неологизмы «*la quatorzaine*» и «*la septaine*» в значении *une quarantaine de 14 et de 7 jours*: *La dégradation sanitaire avec quatorzaine obligatoire* [2].

Закончим наш анализ словом, лежащим в основе исследуемого периода, – существительным *le Covid* – акронимом от английского обозначения *corona virus disease*. Несмотря на настоятельные предписания Французской академии связывать род этого акронима со словом *la maladie* и употреблять его в женском роде – **la Covid 19**, в современном узусе повсеместно закрепился мужской род этого существительного, поскольку названию **болезни**, вследствие метонимического переноса, был присвоен мужской род патогенного **вируса (le virus)**, который ее вызывает, – *Le Covid 19*. (Хотя надо отметить, что часто Covid-19 используется и без артикля: *Pékin confrontée à une deuxième vague de Covid-19* [2, 15.06.21].)

La Covid нам встретилось всего два раза: в песне известной группы Les Goguettes «*C'est la Covid qui redémarre*» и в шуточном предписании на этикетке бутылки вина:

1. *Servir le vin* – налить вино;
2. *Sentir le vin* – понюхать вино;
3. *Goûter le vin* – попробовать вино.

Si vous trouvez du goût et de l'odeur, vous n'avez pas la Covid! – если вы чувствуете вкус и запах, то у вас нет ковида!

Вывод из предпринятого краткого анализа кажется нам очевидным и свидетельствует о том, что возросшая креативность французского языка в переживаемый трудный период демонстрирует его живучесть, гибкость и способность к динамичному развитию.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Cerquiglini Bernard. Des mots contre les maux: comment la langue française affronte la pandémie: www.youtube.com
2. <https://www.lemonde.fr>
3. Le covid 19 ou La covid 19 Académie française: <http://www.academie-francaise.fr/le-covid-19-ou-la-covid-19>
4. Urban Dictionary Le néologisme «covidiot» dit bien ce qu'il veut dire: <https://www.letemps.ch>

Сведения об авторе:

Александра Борисовна Сергеева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandra B. Sergeeva,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ab-sergeeva@mail.ru

Е.В. Соловьева (Москва, Россия)

Научно-методический вклад Ролана Барта в изучение мировой литературы¹

Аннотация: Ролан Барт, французский философ и лингвист, оказал влияние на всю мировую филологию. Основу всех его научных трудов составляет разработка методики изучения литературного произведения, важной задачей которой является установление структуры произведения. Формулируемые теоретические положения Барт дополняет примерами анализа конкретных произведений, являющихся для исследователей литературы образцами структурного анализа. Научно-методическое наследие Барта определяют три основных понятия: структурализм, семиотика и языковой символизм, являющиеся единственными понятиями, тесно связанными между собой. По мнению Барта, структурализм, порожденный моделью языка, предстает как тип творческой практики, состоящей из расчленения действительности, а затем из ее воссоздания на основе аналогии функций обнаруживаемых единиц. Произведение Булгакова «Мастер и Маргарита» никогда не было подвергнуто структурному анализу по примеру Барта, способному раскрыть его семиотическое и символическое значение. Статья посвящена структурному освящению жанровой принадлежности произведения как личного «дневника» писателя и интенционального взаимодействия двух крупных единиц повествования, образующих интертекст. Семиотический структурализм Барта помогает увидеть уникальное новаторство писателя в повествовательной структуре произведения, глубокий символизм, порожденный биографической и исторической социологией.

Ключевые слова: структурализм, семиотика, символизм, жанр, дневник, интертекст, «Мастер и Маргарита», повествование

E. V. Solovieva (Moscow, Russia)

Roland Barthes's Scientific and Methodological Contribution to the Study of World Literature

Abstract: Roland Barthes, a French philosopher and linguist, influenced the entire world philology. The basis of all his scientific works is the development of a methodology for studying a literary work, an important task of which is to establish the structure of the work. Barthes's complements the formulated theoretical propositions with examples

¹ В основе статьи доклад, представленный на XI Международной научной конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности».

of the analysis of specific works, which are examples of structural analysis for literary researchers. Barthes's scientific and methodological heritage is defined by three main concepts: structuralism, semiotics and linguistic symbolism, which are consubstantial concepts, closely related to each other. According to Barthes, structuralism, generated by the language model, appears as a type of creative practice consisting of the dismemberment of reality, and then of its reconstruction based on the analogy of the functions of the detectable units. Bulgakov's work "The Master and Margarita" has never been subjected to structural analysis following the example of Barthes able to reveal its semiotic and symbolic meaning. The article is devoted to the structural consecration of the genre belonging of the work as a personal "diary" of the writer and the intentional interaction of two large narrative units that make up the intertext. Barthes's semiotic structuralism helps to see the writer's unique innovation in the narrative structure of the work, deep symbolism generated by biographical and historical sociology.

Key words: structuralism, semiotics, symbolism, genre, diary, intertext, "The Master and Margarita", narrative

С самого начала своей педагогической и научной деятельности Р. Барт заинтересовался методикой анализа художественного воображения. На его творчество самое большое влияние оказали работы М. Бахтина и Б. Брехта, но в свою очередь французский философ и лингвист оказал влияние на всю мировую филологию. Очень часто изучение литературного текста сводится к пересказу содержания произведения и строится в основном на выяснении того, что хотел сказать автор, в результате чего из исследования выпадает функционально значимый характер структурных особенностей повествования. Попытка установить структуру литературных произведений является важной задачей литературоведа, считает Барт [Барт 1989: 341].

Итак, научно-методическое наследие Барта объединяют три основных понятия: структурализм, семиотика и языковой символизм, – являющиеся единственными понятиями, тесно связанными между собой. В статье «От науки к литературе» под словом «структурализм» в методическом плане Барт понимает «определенный способ анализа явлений культуры, исходящий из методов современной лингвистики» [Барт 1989: 377]. «На всех своих уровнях – на уровне сюжета, дискурса и слова – литературное произведение предстает для структуралиста как структура, всецело подобная структуре языка», так как литература есть продукт языка, а структурализм порожден одной из его моделей языка [Барт 1989: 378, 379].

С точки зрения ученого литература несет в самой себе черты методологии ее изучения, поскольку «литература, подобно науке, методична: в ней есть программы изысканий, меняющиеся в зависимости от школы и эпохи... правила исследования, порой даже претензии на экспериментальность», пишет Барт в статье «Критика и истина» [Барт 1989: 376].

Поскольку Барт является структуралистом-семиотиком, в его трактовке литературное произведение есть прежде всего знак, а в тексте значимо всё, считает ученый. В связи с этим в основе разрабатываемой Бартом методики лежит мысль о том, что литература должна быть включена в некую общую теорию знаковых систем [Барт 1989: 341]. Для этого, полагает Барт, следует выйти за пределы литературы и обратиться к культурной антропологии, необходимо знать, что такое логика, история, психоанализ, нужно принимать во внимание внелитературные

факторы, такие как история и глубины психики. В настоящее время наблюдается выход за пределы повествовательного и информационного литературоведения. В качестве примера можно упомянуть междисциплинарный структурно-методологический подход польского литературоведа Анны Мажьярчик в ее книге о романе как игре и людической эстетике Р. Кёно [Maziarczyk 2007], а также в ее книге о романной реструктуризации издательства Минюи [Maziarczyk 2017]. Структурно-философский подход прослеживается в статье Жужи Хетени из Венгрии «Антропоним как нарративный прием проблематизации идентичности автора и героя (Набоков и Шкловский в Берлине)», рассматриваемый в социо-историческом контексте [Хетени 2021], или в статье «Антропологический и семиотический аспекты трансгрессии в творчестве Л. Улицкой» другого венгерского исследователя, Тюдде Сабо, которая опирается в своем семиотическом анализе на трансгрессию, философско-антропологическую категорию постмодернизма [Сабо 2021].

Необходимость широкого теоретического принципа изучения литературы Барт объясняет тем, что мир литературного произведения всеобъемлющ и охватывает все виды знания: социальное, психологическое, историческое. Барт очерчивает два различных методологических подхода исследователя, который, с одной стороны, может нацелиться разом на все смыслы произведения, т. е. на какой-то полный смысл, служащий всем им опорой, а с другой – лишь на какой-нибудь один из этих смыслов, что мы и наблюдаем в приводимых выше примерах.

Важное значение для понимания структурализма Барта имеет его работа «Структурализм как деятельность» [Барт 1989], представляющая суть его теоретических размышлений на тему методики анализа литературного произведения. Структурализм как деятельность представляет собой особый тип творческой человеческой практики – как упорядоченная последовательность мыслительных операций, включающая два главных действия: сначала расчленение действительности, а затем ее воссоздание, моделирование или монтаж, происходящее на основе подражания (мимесиса), на аналогии функций обнаруживаемых единиц. Барт предлагает учитывать связь единиц между собой в виде отношения интеграции, подобного тому, какое существует между фонемами и словами, между словами и предложениями, образующими при этом самостоятельные уровни описания. Смысл такого анализа заключается, как его поясняет Барт, в точности описания логики порождения любых смыслов, а не какого-либо одного из смыслов. Барт включает в структурный анализ произведения также описание рассказываемых историй, их составные части и единицы, способы их соединения. Помимо этого структурализм принимает во внимание рубрики, разряды, распределение единиц, т. е. их таксономию. Структурный анализ, по его мнению, отбрасывает таким образом ложную стилистическую идею выразительности.

Одной из важных семиотических особенностей литературы, по мысли Барта, является то, что она представляет собой вид дискурса. Это особый тип сообщения, или знака, предметом которого служит его собственная форма, а не содержание, т. е., иначе говоря, язык произведения, являющийся метаязыком или вторичным языком. Литературное сообщение обладает множественностью смыслов, так как символический язык, на котором пишутся произведения, по самой своей структуре являются языком множественным, т. е. языком, объясняет Барт, код которого построен таким образом, что любая порождаемая им речь (произведение) обладает множеством смыслов [Барт 1989: 353].

Язык, по выражению Барта, составляет самую плоть литературы, объясняя подобное явление тем, что неопределенность и множественность свойственна уже самому языку, а произведение, согласно Барту, изъято из какой бы то ни было ситуации. По его мнению, слова в произведении полностью утрачивают свою референциальную ценность, так как они, по нашему мнению, приобретают символическую значимость. Таким образом, язык произведения становится еще и инструментом перевода действительности из одной семиотической системы в другую, т. е. из мира реальности в мир художественного вымысла. Семиотика художественного текста ставит проблему обнаружения единиц текста, которые не совпадают с имеющимися в резерве лингвистики единицами, такими как межфразовое единство, предложение и т. д., но отвечают смыслу семиотической системы литературного произведения в целом. Семиотическая составляющая структурного анализа Барта выражается в том, что он различает существование двух больших областей исследования в соответствии с характером знаков, представляющих, по выражению Барта, крупные и мелкие единицы дискурса. «Первая включает в себя знаки, подначальные фразе, такие, например, как риторические фигуры, явления коннотации, «семантические аномалии» и т. п., иначе говоря, все специфические единицы литературного языка в целом; вторая займется знаками, превышающими по размерам предложение; такими частями дискурса, которые позволяют объяснить структуру повествовательного произведения, поэтического сообщения, дискурсивного текста и т. п. [Барт 1989: 359].

Книга Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», которую мы хотим подвергнуть структурно-семиотическому анализу в духе Барта, критически изучалась сразу же после ее опубликования, 20 лет спустя после ее создания. Однако критика не могла далеко уйти от позиций социалистического реализма. Произведение, отмеченное необычайным творческим новаторством как на фоне всей литературы эпохи написания, так и современной литературы, воспринимается и сегодня как уникальное мировое явление, не случайно недавно переведенное во Франции в третий раз.

Поскольку любое литературное произведение является знаком, важна связь этого знака с другими литературными произведениями в их общей семиотической системе. Логика символов по Барту определяется также и жанровой принадлежностью произведения. В этом контексте вопрос жанра произведения Булгакова оказывается дискуссионным: подвергается сомнению его определение как романа. Эссе Барта «Критика и истина» подсказывает нам, что «Мастер и Маргарита» относится, скорее, к жанру «интимного дневника», который, в его представлении, есть способ запечатления известного числа социальных, семейных, профессиональных и тому подобных обстоятельств, как «мучительный способ отсрочить неминуемое одиночество» [Барт 1989: 349, 350]. Важно напомнить, что Булгаков писал произведение, не рассчитывая на публикацию, и, следовательно, он писал его как дневник. В этом случае он обращался либо к самому себе, либо к некоему воображаемому сверхчитателю, по терминологии Бахтина [Бахтин 1979]. Писатель не имел в связи с этими обстоятельствами общего, заранее продуманного плана произведения, имеющего значительный объем. Автор сознавал, будучи сам врачом, что он смертельно болен, и написание произведения растянулось на 12 лет, пока у него были силы писать до самой смерти, а публикация в урезанном виде состоялась 20 лет спустя после смерти автора. Эти обстоятельства имеют большое значение для восприятия произведения, его семиотического и институционального значения, поскольку, со слов Барта, роль смерти состоит в том, что она ирреализует подпись автора и превращает

произведение в мир. Отныне оно, заключает философ, является уже не историческим, а антропологическим явлением [Барт 1989: 350]. Смерть автора освобождает произведение от давления авторской интенции: «Стирая авторскую подпись, смерть устанавливает истину произведения, которая есть не что иное, как таинство», пишет философ [Барт 1989: 358]. Таким образом, разновидность жанра произведения является частью множественности его смыслов.

Важным фактором, способствующим образованию множества смыслов, является величина измерения образованных автором знаков в структуре произведения. В структуре текста, по замечанию Барта, вырисовываются две группы знаков. Одна состоит из знаков фразы, а другая превышает по размеру предложение. И мелкие, и крупные единицы дискурса связаны между собой отношением интеграции, подобным тому, что существует между фонемами и словами, между словами и предложениями, при этом, однако, они образуют самостоятельные уровни описания [Барт 1989: 359]. Самыми крупными единицами структуры текста являются, с нашей точки зрения, единицы интертекста, которые представлены в «Мастере и Маргарите» двумя так называемыми историями, античной и московской. Такую структуру произведения во французской культурологии называют «mise en abyme», когда один текст помещен в другой, но при этом обе означающие системы идентичны. Оба текста на первый взгляд и на протяжении всего произведения выглядят как совершенно разные означающие системы: один принадлежит античности, а другой – современен. Античный текст является трагедией, а московский комедией. Только к концу прочтения оба текста приобретают идентичный символический смысл. Они взаимно подтверждают свои смыслы, состоящие в том, что их главные герои обречены на гибель. Так Иешуа, сакральный канонический персонаж, превращается в слабого, униженного, избитого человека, который перед лицом власти в образе главы синедриона и Понтия Пилата, обречен на погибель. Одинаковая прагматическая функция двух историй, обеспечивающая связность всего произведения в целом, предназначена читателю произведения для формирования его эмоционального состояния, совпадающего с психологическим состоянием писателя, осознающего свою неминуемую смерть. Пример соединения двух различных семиотических систем в семиотической системе одного произведения, в одной из которых главным персонажем является образ Христа, изменившего 2000 лет тому назад идеологию развития человечества, свидетельствует о необыкновенном и смелом новаторстве Булгакова, так как он совершил покушение на сакральный персонаж, хотя примеров подобного рода довольно много. Так, например, Жак Оффенбах послал в своей оперетте богов в ад, а примером адекватного отношения к свободе вымысла в произведении является поведение царского двора, любившего оперетту.

Если все произведение есть в целом знак, то одним из его сознаний выступает символизм, который, по мысли Барта, предполагает образ глубины. С одной стороны, находится мир, лежащий на поверхности, а с другой – зияет многоликая и бездонная пучина [Барт 1989: 251]. При этом Барт подчеркивает, что отношение между формой и содержанием непрерывно обновляется благодаря течению времени. Булгаков предсказывает гибель двух систем, доказывая это одинаковыми социо-политическими причинами. Если политический конфликт в античной – это идеологический конфликт во властных структурах, то во второй, современной писателю, – это конфликт интересов в обществе, вызванный управлением властей, похожих по поведению на власти античной истории. Подтверждается указание Барта

о том, что при обнаружении единиц текста надо опираться на аналогию их функций. Кроме того, мы можем добавить, что Булгаков спрятал московский режим в античный текст в качестве меры его личной безопасности при возможном обыске или аресте, как это происходило с Мастером или обитателями известной квартиры.

В статье «Две критики» Барт выступает против зеркального отражения в трактовке литературного произведения биографических фактов автора, так как «явления отрицания реально пережитого никак не менее, если не более, важны, чем явления его адекватного отражения» [Барт 1989: 265]. Значимость жизненных фактов зависит «от их места в общем строе произведения», от функционального смысла, как «звенья функциональной сети фигур, которая в своей связности может быть понята лишь через внутреннее устройство произведения и его окружение, а не через его корни», указывает Барт [Барт 1989: 266]. Годы создания «Мастера и Маргариты» – это годы бедственного материального и профессионального положения автора, усугубленного смертельной болезнью. В процессе создания произведения Булгаков все время думал о своей жизни, об обществе, о Боге, о его роли в жизни и о своем неминуемом конце. Эти мысли питают его глубинное символическое воображение как озадаченное знаков, лежащее в основе творения в жанре дневника, они обуславливают функциональное соотношение единиц текста всех уровней, формируя его биографическую и историческую социологию.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Бахтин М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Сабо Т.* Антропологический и семиотический аспекты трансгрессии в творчестве Л. Улицкой // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральноевропейских культурах. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 275–294.
- Хетени Ж.* Антропоним как нарративный прием проблематизации идентичности автора и героя (Набоков и Шкловский в Берлине) // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральноевропейских культурах. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 65–91.
- Maziarczyk A. Le roman comme jeu. L'esthétique ludique de Raymond Queneau. Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. 205 p.
- Maziarczyk A. Reconfigurations romanesques de Minuit. Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2017. 322 p.

REFERENCES

- Barthes R. (1989) Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow. Progress Publ. 616 p.
- Bakhtin M. (1979) Aesthetics of Verbal Creativity / Compil. by S.G. Bocharov. Moscow. Iskustvo Publ. 423 p.
- Szabó Tünde. Anthropological and Semiotic Aspects of Transgression in Works by L. Ulitskaya. In: At the Crossroads of the East and the West: The Problem of Borderzone in Russian and Central European Cultures. Moscow. Institute of Slavic Studies RAS Press. 2021, pp. 275–294.
- Hetényi Zsuzsa. Patterns of Literary Name-giving Strategy and the Uncertainties of Identity. In: At the Crossroads of the East and the West: The Problem of Borderzone in Russian and Central European Cultures. Moscow. Institute of Slavic Studies RAS Press. 2021, pp. 65–91.
- Maziarczyk A. (2007) Le roman comme jeu. L'esthétique ludique de Raymond Queneau. Lublin. Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 205 p.

Maziarczyk A. (2017) Reconfigurations romanesques de Minuit. Lublin. Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 322 p.

Сведения об авторе:

Елена Васильевна Соловьева,
канд. филол. наук
доцент
Московский государственный
лингвистический университет

Elena V. Solovieva,
PhD
Associate Professor
Moscow State Linguistic University

soloviova-elena@rambler.ru

В.А. Махортова (Москва, Россия)

**Образ морской раковины (ракушки)
в поэзии Софии де Мелло Брейнер Андресен¹**

Аннотация: Статья посвящена анализу сквозного образа морской раковины (ракушки) в творческом наследии Софии де Мелло Брейнер Андресен, признанного классика португальской литературы XX в. Исследование проведено с применением методов контекстуального, стилистического и семантического анализа. Результаты исследования указывают на то, что образ морской раковины (ракушки) занимает значимое место в творчестве Софии де Мелло благодаря широкому кругу ассоциативно связанных с ним смыслов. В поэзии и метапоэтической прозе писательницы ракушка представлена не только как деталь морского пейзажа, но также как символ гармонии, поэзии, души и проявления совершенного (божественного) в реальном мире.

Ключевые слова: португальская поэзия, София де Мелло Брейнер Андресен, маринистическая поэзия, образ морской раковины

V.A. Makhortova (Moscow, Russia)

The Image of Sea-shell in the Poetry of Sophia de Mello Breiner Andresen

Abstract: The article analyses the image of a seashell as a part of poetry and prose of Sofia de Mello Breyner Andresen, one of the key-figures of the 20th century Portuguese literature. The research was carried out using the methods of contextual, stylistic and semantic analysis. The results of the study indicate that the image of a seashell occupies a significant place in the work of Sophia de Mello due to a wide range of meanings associated with it. In poetry and prose of the writer, the shell is presented not only as a detail of the seascape, but also as a symbol of harmony, poetry, soul and the manifestation of the divine in the real world.

Key words: Portuguese poetry, Sophia de Mello Breyner Andresen, maritime poetry, the image of a seashell

¹ Доклад был представлен на XI Международной научной конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности».

ВВЕДЕНИЕ

Одной из постоянных составляющих творчества португальской поэтессы Софии де Мелло Брейнер Андресен является обращение к морской тематике, которая в силу природных, географических и культурных причин занимает особое место в португальской литературной традиции. Сам португальский язык для его носителей ассоциативно связан с морем, о чем свидетельствует известная цитата Вержилио Феррейры: «Da minha língua vê-se o mar» [Instituto Camões URL] («В моем языке отражено море»)¹. В поэзии и прозе Софии де Мелло образ моря занимает центральное место. Как отмечает бразильский филолог А. Бонафин-Фелизардо, море для Софии де Мелло – «то же самое, что яблоки в живописи Сезанна или подсолнухи на картинах Ван Гога» [Bonafim-Felizardo 2012: 226]. Во многих стихотворениях, опубликованных с 1940 по 1997 г.², поэтесса создает образы бескрайних морских далей и океанских глубин (см., например: «Mar» («Море», 1944 и 1981), «No alto mar» («В открытом море»), «Fundo do mar» («На дне морском»), «Mar sonoro» («Море шумное»), «Ondas» («Волны») и др.). Она обращается к традиционной для португальской литературы теме странствий и открытий, в частности в сборнике «Плавания» («Navegações», 1989), интертекстуально связанном с «Лузиадами» Л.В. де Камозенса и «Посланием» Ф. Пессоа, а также изображает элементы морской природы, одним из которых является морская раковина (ракушка). Цель нашей статьи состоит в том, чтобы проанализировать образ морской раковины (ракушки) в поэзии и метапоэтической прозе Софии де Мелло, выявить основные линии развития этого образа, а также определить его место в творчестве португальской писательницы. К основным методам исследования относятся методы контекстуального, стилистического, семантического анализа. Материалом исследования служит корпус стихотворений Софии де Мелло, входящих в «Полное собрание сочинений» («Obra poética», 2015), и эссе писательницы, посвященные творчеству Л.В. де Камозенса и Ф. Гёльдерлина и отражающие авторское видение поэзии в целом.

В поэзии Софии де Мелло морская раковина представлена, прежде всего, лексемами: «concha» – собственно раковина, ракушка, и «búzio» – раковина одностворчатого моллюска, как правило, закрученной, спиралевидной формы. Эти лексемы зафиксированы в 9 и 10 поэтических контекстах соответственно, а также используются в метафорах, включенных в метапоэтические эссе. Анализ данных контекстов и метафор позволяет выявить три основных линии развития рассматриваемого нами образа, а именно: морская раковина (ракушка) как деталь пейзажа; как символ мировой гармонии и поэзии; как ассоциат божественного или души.

МОРСКАЯ РАКОВИНА КАК ДЕТАЛЬ ПЕЙЗАЖА

Как деталь пейзажа морская раковина фигурирует в стихотворениях, изображающих подводное пространство, как в светлой, игровой тональности, что в следующем контексте подчеркнуто олицетворением и метафорой смеха:

¹ Здесь и далее перевод мой, если не указано иное. – В.М.

² 1940 – год первой публикации стихотворений Софии де Мелло в журнале «Поэтические тетради» («Cadernos de Poesia»). 1997 – год публикации последнего прижизненного сборника поэтессы «Ракушка с остова Кос и другие стихи» («O Búzio de Cós e Outros poemas»).

Fundo do mar

(...)

Abrem-se rindo conchas redondas,
Baloíça o cavalo marinho.
Um polvo avança
No desalinho
Dos seus mil braços,
Uma flor dança,
Sem ruído vibram os espaços

(...)

[Andresen 2015: 96]

На дне морском

(...)

Тут губы своих круглых раковин,
Будто смеясь, раскрывают моллюски,
Как на качелях, раскачивается
Морской конек,
Путаясь в щупальцах, ползает осьминог,
Под невесомую музыку
Плавно танцует цветок

(...)

Пер. Е. Хованович [Андресен 2019: 40]

Так и в более мрачных контекстах, например при описании кораблекрушения. В данном случае морские раковины, наряду с водорослями и медузами, ассоциируются с тематикой смерти.

Navio naufragado

É um esqueleto branco o capitão,
Branco como as areias,
Tem duas conchas na mão
Tem algas em vez de veias
E uma medusa em vez de coração.

[Andresen 2015: 158]

Затонувший корабль

Вот белый скелет капитана,
Белый, как пески,
В руках у него – две морские раковины,
Водоросли заменяют ему вены,
А медуза – сердце.

Помимо поэтических описаний морских глубин, образ ракушки появляется в одном из стихотворений из цикла «Плавания», которое стилизовано под доклад мореплавателя, сообщающего обо всем увиденном за время странствий по океану и заморским странам. Здесь ракушка стоит в одном ряду с прежде неизвестными и невиданными природными объектами и драгоценностями, поразившими первооткрывателя.

VIII

Vi as águas os cabos vi as ilhas
E o longo baloiçar dos coqueirais
Vi lagunas azuis como safiras
(...)

E o diverso fulgor de outros metais
Vi pérolas e conchas e corais

[Andresen 2015: 740]

VIII

Я видел волны, мысы, ширь небес,
И острова, и пальм большие листья,
Лагуны, где разлит сапфиров блеск,
(..)

Сиянье драгоценное металлов,
Жемчужины, ракушки и кораллы.

[Андресен 2019: 214]

Кроме того, поэтесса упоминает ракушки, воссоздавая образы повседневных пространств, в которых замечает нечто новое и прекрасное. Так, в стихотворении в прозе «Caminho da manhã» («Утренняя дорога») София де Мелло изображает путь по алгарвийскому городку Лагуш, а также городской рынок, на котором представлено все изобилие фруктов, овощей, трав, даров моря, многообразие красок и ароматов, передающее идею полноты жизни. Ракушка органично вписывается в этот поэтический натюрморт: «Depois verás peixes pretos e vermelhos e cor-de-rosa e cor de prata. E verás os polvos cor de pedra e as conchas, os búzios e as espadas do mar» – «Потом ты увидишь черных рыб, и красных, и розовых, и серебристых. И осьминогов цвета камня, и ракушки, и моллюсков, и рыбу-меч» (пер. Е. Хованович).

Общей чертой всех рассмотренных выше примеров является включенность слова «concha» в смысловой ряд существительных морской тематики: «conchas, cavalo marinho, polvo, flor» (Fundo do mar); «conchas, algas, medusa» (Navio naufragado); «pérolas e conchas e corais» (Navegações, VIII); «peixes, polvos, conchas, búzios» (Caminho da manhã), что позволяет рассматривать ракушку как часть целостного пейзажа или пространства. При этом в центре внимания Софии де Мелло оказываются, главным образом, визуальные характеристики морской раковины.

Ракушка спиралевидной формы (búzio) также становится объектом зрительного восприятия лирического героя, однако более существенна в поэзии Софии де Мелло ее звуковая характеристика. В ряде стихотворений шум морской раковины является частью фона, на котором разворачивается действие. Так, в стихотворении «Ítaca» («Итака») едва различимый звук ракушки подчеркивает умиротворение окружающего пейзажа: «Sem nenhum vento sem nenhuma brisa só um sussurrar de búzio no silêncio» – «Ни ветра, ни бриза, только шепот ракушки в тишине». В стихотворении «Poema inspirado nos painéis que Garcia Resende desenhou para o monumento que devia ser construído em Sagres» («Стихотворение, вдохновленное панно Гарсии Резенды, созданными для памятника, который должны были воздвигнуть в Сагреше») торжественный гул морской раковины сопровождает корабли, уходящие в далекое плавание: «Nenhuma ausência em ti cais da partida / Movimento ritual, surdo rumor de búzios / Alegria de ir vero êxtase do mar» – «На этом причале, откуда уходят корабли, не ощущается никакой потери, / Только движение, подобное ритуалу, глухой шум морских раковин, / Радость и восторг встречи с морем». А в стихотворении «Náufrago acordado» («Очнувшийся после кораблекрушения») шуму морской раковины уподобляется первый звук, который слышит моряк, спасшийся после кораблекрушения и очнувшийся на берегу: «Com vagos olhos contemplava o dia. / Em seus ouvidos / Como um longínquo búzio mar zunia» – «День плыл у него перед глазами / У него в ушах, / Подобно далекой ракушке, шумело море». Вместе с тем образ морской раковины в поэзии Софии де Мелло не сводится к детали пейзажа, но усложняется за счет ассоциативно-символических смыслов.

МОРСКАЯ РАКОВИНА – СИМВОЛ ГАРМОНИИ И ПОЭЗИИ

Наделенная совершенством формы морская раковина (concha) в стихах Софии де Мелло становится одним из символов мировой гармонии, вера в которую свойственна поэтессе. В эссе «Обнаженная натура в Классической античности» она пишет: «Когда на побережье мы находим ракушку, подбираем ее и держим на ладони, больше всего нас завораживает то, что ее форма совершенна и не может быть иной. Будто бы в ней отражен замысел создания вселенной» [Andresen 1978: 6]. Совершенство формы морской раковины, не случайное, но необходимое, поэтесса подчеркивает и в стихотворении «Desde a orla do mar» («От берега моря»): «Onde ameí com êxtase a cor o peso e a forma necessária das conchas» – «Где я восторгалась цветом, весом и необходимой формой морских раковин». Подобно цветку (эталоны Прекрасного в эстетике Канта; цит. по [Эко 2007: 294]), морская раковина оказывает сильное эстетическое впечатление на лирическое «я», поскольку как нельзя лучше отражает гармоничное устройство природного мира.

Как символ гармонии морская раковина в поэзии Софии де Мелло имеет устойчивую связь не только с образом цветка, но и с образом человеческого тела. К триаде «цветок – ракушка – гармоничное тело человека» поэтесса обращается

в стихотворении «Os dias de Verão» («Летние дни»), строфы которого заканчиваются следующими строками, объединенными стилистическим повтором: «Irmão do lírio e da concha é o nosso corpo / (...) Irmão do universo é nosso corpo (...) / Justa é a forma do nosso corpo» – «Сродни лилии и ракушке наше тело (...) / В родстве с вселенной наше тело (...) / Правильной формой обладает наше тело». А также в одном из программных стихотворений «A forma justa» («Правильная форма»): «Na concha na flor no homem no fruto / Se nada adoecer a própria forma é justa» – «Раковина, цветок, человек, растение, / Если они не болеют, всегда совершенной формы» (пер. Е. Хованович). Эта же триада образов представлена в эссе, посвященном выдающемуся немецкому поэту Ф. Гёльдерлину: «Красота, проявляющая себя в форме цветка, красота, проявляющая себя в формах человеческого тела, красота морской раковины, которую мы подбираем на побережье, – подтверждают совершенство сотворенного мира. Миссия поэта в том, чтобы разгадать, раскрыть, обнаружить и воспроизвести этот порядок» (цит. по: [Silva 2007: 142]). В данном контексте морская раковина осмыслена не только как символ гармонии, но и как воплощение совершенства, запечатлеть которое призван поэт, и как свидетельство проявления божественного в земном. Оба направления ассоциативных связей: «морская раковина – поэтическое искусство» и «морская раковина – божественное» характерны для поэзии Софии де Мелло. Размышляя о творческом наследии Л.В. де Камозенса, поэтесса сравнивает его стихи с гармоничным шумом морской раковины: «Музыкальность поэзии Камозенса – ее звучность, подобная “пению” морской раковины – обнаруживает себя в сонетах («Печали полный радостный рассвет»¹) и пронизывает текст “Лузиад”» (цит. по: [Андресен 2019: 262]). Таким образом, символизируя поэтическое искусство, морская раковина соотносится и с его содержательно-образной стороной (поэзия как отражение гармонии мира), и с его формальной стороной (поэзия как гармонично звучащая речь).

МОРСКАЯ РАКОВИНА – АССОЦИАТ ДУХОВНОГО МИРА

В свою очередь, ассоциативно-метафорическая связь морской раковины с сакральной тематикой конкретизируется в ее соотношении с божественным началом или с душой лирического «я». В христианской лирике Софии де Мелло морская раковина становится символом божественного творения мира. В лаконичных строках трехстишия «Como o rumor» («Подобно шуму») мир представлен как реализация божественного замысла, уподобляемого мелодичному шуму морской раковины:

Como o rumor do mar dentro de um búzio	Подобно шуму морской раковины,
O divino sussurra no universo	Божественное звучит во вселенной,
Algo emerge: primordial projecto.	Восходит нечто: исконный проект.

[Andresen 2015: 659]

Христианские мотивы в творчестве поэтессы сочетаются с осмыслением дохристианской античной традиции. Древняя Греция в ее стихах предстает как идеал единства человека и природы, небесного и земного: «Aos deuses supúnhamos uma existência cintilante / Consustancial ao mar à nuvem ao arvoredo à luz (...) / Isto nos tornou atentos a todas as formas que a luz do sol conhece» (Os Gregos) – «Мы верили в блистательное существование богов, / неотделимое от моря, облаков, леса и света (...) / И это сделало нас внимательными ко всем формам, которые видны в солнечных лучах» (Греки). В современном мире это единство нарушается², одна-

¹ Перевод В. Резниченко.

² См., например: «Crepúsculo dos deuses» («Сумерки богов»).

ко память о нем хранят в себе совершенные произведения античного искусства, а также природа греческих островов, которой посвящены многочисленные стихотворения поэтессы, в том числе «O Búzio de Cós» («Ракушка с острова Кос»)¹. Образ ракушки в этом стихотворении одновременно отсылает к двум важнейшим локусам «сакральной географии» [Маслова 2011] Софии де Мелло – Греции и Атлантике.

O Búzio de Cós

Este búzio não o encotrei eu própria numa praia
Mas na mediterrânica noite azul e preta
Comprei-o em Cós numa venda junto ao cais
Rente aos mastros baloiçantes dos navios
E comigo trouxe o ressoar dos temporais
Porém nele não oiço
Nem o marulho de Cós nem o de Egina
Mas sim o cântico da longa vasta praia
Atlântica e sagrada
Onde para sempre a minha alma foi criada.
[Andresen 2015: 862]

Ракушка с острова Кос

Эту ракушку я не нашла на песке у моря,
Ночью средиземноморской иссиня-черной
Я купила ее на Косе, в лавке рядом с причалом,
Близ которого мачты слегка качались от ветра,
Так я с собой забрала эхо морского прибоя.
Только слышу я в нем
Не волны шумливые Коса или Эгины,
А безграничной Атлантики голос,
Звучащий свято
Там, где моя душа родилась когда-то.
[Андресен 2019: 238]

Название стихотворения и первая строфа передают связь ракушки с греческим географическим пространством, включая в себя соответствующие топонимы: «de Cós», «mediterrânica noite», а также предельно конкретные пространственные координаты: «...em Cós numa venda junto ao cais / Rente aos mastros baloiçantes dos navios», позволяющие зрительно представить место ее покупки. В свою очередь вторая строфа отрицает принадлежность морской раковины исключительно средиземноморской природе. В ее шуме лирическое «я» угадывает не звучание волн, омывающих Кос или Эгину, но противопоставленную ему торжественную песнь («cântico») Атлантики и, несмотря на очарование средиземноморским пейзажем, идентифицирует себя с атлантическим побережьем.

Характерное для поэзии Софии де Мелло представление об Атлантике как родине души, а также не менее типичный для нее мотив возвращения к истокам представлены и в стихотворении «Inicial» («Начало»). Возвращаясь на берег океана, лирическое «я» вновь обретает себя и, подобно богине Афродите, (воз)рождается из морской пены, которая, наряду с пропитанным солью воздухом и ракушкой, становится символом возобновления жизни.

Inicial

O mar azul e branco e as luzidias
Pedras – o arfado espaço
Onde o que está lavado se relava
Para o rito do espanto e do começo
Onde sou a mim mesma devolvida
Em sal espuma e concha regressada
À praia inicial da minha vida.
[Andresen 2015: 615]

Начало

Синеет море, гребни волн белеют,
Блестят омытые прибоем камни,
И все имеет облик первозданный.
Саму себя я снова обретаю,
Когда я прихожу туда, где скалы,
Соленый воздух, пена и ракушки,
Туда, где жизнь брала свое начало.
[Андресен 2019: 181]

¹ О значимости этого стихотворения в контексте творчества Софии де Мелло свидетельствует использование его названия в заглавии последнего прижизненного сборника поэтессы «O búzio de Cós e outros poemas» («Ракушка с острова Кос и другие стихи»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что образ морской раковины (ракушки) в поэзии Софии де Мелло является не просто художественной деталью, но многозначным символом. Помимо одного из постоянных элементов морских пейзажей, представленных как в поэзии, так и в прозе португальской писательницы, морская раковина символизирует мировую гармонию, совершенство природных форм, поэтическое искусство, а также изображена как свидетельство проявления божественного в природном мире. Как перечисленные линии развития образа морской раковины, так и его ассоциативная связь с душой поэта и идеей обновления жизни обуславливают его значимость в контексте творчества Софии де Мелло. Отсылая к важнейшим для поэтессы категориям (гармония, поэзия, сакральное, душа), морская раковина воплощает совершенство, искомое поэтом в реальной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Андресен 2019 – *Андресен С. де М.Б.* Единое начало всех вещей – избранные стихотворения. М.: Центр книги Рудомино, 2019. 288 с.

Маслова 2011 – *Маслова Ж.Н.* Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: Дис. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2011. 421 с.

Эко 2007 – *Эко У.* История красоты. М.: СЛОВО/SLOVO, 2007. 437 с.

Andresen 1978 – *Andresen Sophia de Mello Breyner.* O nu na Antiguidade Clássica. Lisboa: Portugalia, 1978. 85 p.

Andresen 2015 – *Andresen Sophia de Mello Breyner.* Obra poética. Porto: Assírio & Alvim, 2015. 992 p.

Bonafim Felizardo 2012 – *Bonafim Felizardo A.* O Lugar do Ser: espaço e lirismo em Sophia de Mello Breyner Andresen: tese de doutoramento. São Paulo. 2012. 267 p.

Silva 2007 – *Silva Sofia Maria de Sousa.* Reparar brechas: a relação entre artes poéticas de Sophia de Mello Breyner Andresen e Adília Lopes e a tradição moderna: tese de doutoramento. Rio de Janeiro. 2007. 160 p.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Instituto Camões. URL: <http://cvc.instituto-camoes.pt/oceanoculturas/22.html> (дата обращения: 08.12.2021).

REFERENCES

Andresen 1978 – *Andresen Sophia de Mello Breyner.* (1978) O nu na Antiguidade Clássica. Lisboa. Portugalia. 85 p.

Andresen 2015 – *Andresen Sophia de Mello Breyner.* (2015) Obra poética. Porto: Assírio & Alvim. 992 p.

Andresen 2019 – *Andresen Sophia de Mello Breyner.* (2019) The Beginning of All the Things: Selected Poems. Moscow. Centre for the Book Rudomino Press. 288 p.

Bonafim Felizardo 2012 – *Bonafim Felizardo A.* (2012) O Lugar do Ser: espaço e lirismo em Sophia de Mello Breyner Andresen: tese de doutoramento. São Paulo. 267 p.

Eco 2007 – *Eco U.* (2007) The History of Beauty. Moscow. SLOVO Publ. 437 p.

Maslova 2011 – *Maslova Zh.N.* (2011) The Poetic Picture of the World and Its Representation in the Language: Doctoral Thesis in Philology. Tambov. 421 p.

Silva 2007 – Silva 2007 – Silva Sofia Maria de Sousa. Reparar brechas: a relação entre artes poéticas de Sophia de Mello Breyner Andresen e Adília Lopes e a tradição moderna: tese de doutoramento. Rio de Janeiro. 2007. 160 p.

ELECTRONIC RESOURCE

Instituto Camões. URL: <http://cvc.instituto-camoes.pt/oceanoculturas/22.html> (date accessed: 08.12.2021).

Сведения об авторе:

Барвара Александровна Махортова,
магистр Лиссабонского университета

аспирант и преподаватель
переводческий факультет
МГЛУ

Varvara A. Makhortova,
Master of Philology from the University
of Lisbon

Postgraduate student and lecturer
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

varvara2504@mail.ru

Инь Сюй (Пекин, Китай)

Лингводидактический потенциал диахронных данных в преподавании русского языка как иностранного в китайских вузах¹

Аннотация: Статья посвящена изучению перспектив внедрения знаний по истории русского языка при преподавании русского языка как иностранного в Китае. В статье представлены основные результаты проведенного опроса преподавателей и учащихся и тестирования по морфологии русского языка, специально составленного для настоящего исследования. Особое внимание уделяется анализу механизмов порождения грамматических ошибок и способам их предотвращения.

Ключевые слова: лингводидактика, русский язык как иностранный, история русского языка

Yin Xu (Beijing, China)

Linguodidactic Potential of Diachronic Data in Teaching Russian as a Foreign Language in Chinese Universities

Abstract: The article is devoted to the study of the prospect of introducing knowledge of the history of the Russian language in the teaching of Russian as a foreign language in China. This article reports the main results of a survey of teachers and students and testing in Russian morphology, specially compiled for the current study. Particular attention is paid to the analysis of the mechanism of error origin and ways to overcome them.

Key words: teaching of Russian as a foreign language, history of Russian language, violation of morphological norms, historical commentary

1. При изучении русского языка на начальном этапе китайские учащиеся допускают многочисленные морфологические ошибки, вызванные, главным образом, отсутствием как в китайском, так и в английском языке, который учащиеся знают еще со школы, многих грамматических категорий, присущих русскому языку. Если смысловые связи в русском языке выражаются прежде всего окончаниями и вспомогательными элементами, то в китайском они зависят исключительно от порядка слов.

Уже на самом начальном этапе изучения русского языка китайские студенты начинают знакомиться со своеобразием его сложной словоизменительной систе-

¹ Исследование выполнено при поддержке Пекинского университета.

мы. Учащимся трудно понять, почему похожие существительные «брат», «город», «сын», «театр» имеют разные формы именительного падежа множественного числа, почему в косвенных падежах таких слов, как «сон», «отец» и т. д., они сталкиваются с так называемыми беглыми гласными и др. Однако многие преподаватели, не имея зачастую достаточной лингвистической подготовки, на эти и подобные вопросы любопытных студентов дают стандартный ответ: «В русском языке исключений больше, чем правил», – и следуют в своей практике общепризнанному принципу традиционной методики, предписывающему заучивать наизусть все исключения посредством многократного повторения.

Данный принцип мог бы оставаться эффективным, если бы в настоящее время не были сформированы новые субъектно-объектные отношения между преподавателями и учащимися. В последние годы студенты становятся все более активными и инициативными и открыто заявляют о своей потребности узнать, какие именно факторы повлияли на становление столь сложной грамматической системы русского языка, не свойственной ни китайскому, ни английскому языкам. Эту проблему решает только история русского языка.

Разумеется, применение диахронных данных в процессе обучения языку как родному редко подвергается сомнению, ведь как в России, так и в Китае преподавание родного языка всегда предполагает знакомство с его историей: уже в начальной школе российские школьники получают фрагментарные представления об исторически обусловленных правилах русской грамматики и орфографии и знакомятся с этимологией отдельных слов, а китайские ребята читают на уроках оригинальные древнекитайские стихотворения. Но насколько целесообразно введение диахронного материала при преподавании иностранного языка? На этот вопрос дали положительный ответ многие лингводидакты, в работах которых подчеркивается важная роль изучения истории языка для осмысленного овладения современным русским языком, для понимания взаимосвязи языковых единиц разных уровней, для развития языкового чутья, для формирования базы будущих научных исследований. Вместе с тем ученые отмечают трудности при овладении теоретическим историко-лингвистическим материалом, с которыми сталкиваются иностранные учащиеся, чей родной язык не входит в группу славянских языков, т. е. не имеет общий праязык с русским [Лебедева 2009; Зуева 2012; Николенко 2015; Кузьминова 2018]. В то же время высказывалось и противоположное мнение, базирующееся на том, что в государственных стандартах владения русским языком как иностранным блок по истории языка не предусмотрен, а коммуникативная практика на занятиях историко-лингвистической направленности отсутствует (см.: [Саркисова 2017: 67–68]). Из этого следует, что ключевые проблемы реализации лингводидактического потенциала диахронных данных в области РКИ связаны именно с поиском оптимального баланса и меры при их внедрении в учебный процесс.

2. Однако следует обратить внимание на тот факт, что все вышеизложенные плюсы введения историко-лингвистического материала на занятиях по РКИ были выявлены исключительно на основе практики в русскоговорящих странах, где готовят высококвалифицированных специалистов в соответствующей области, а за их пределами, как, например, в Китае, знание истории русского языка уже оказывается большой редкостью, что, на наш взгляд, и составляет в настоящее время самую большую проблему.

Начало изучения истории русского языка в Китае было положено советскими учеными, приехавшими в 1950-е гг. в молодую социалистическую страну, чтобы

помочь построить систему подготовки кадров области русистики. Как вспоминает Ли Сиинь, создавший первый и единственный перевод на китайский язык «Слова о полку Игореве», «с приездом русских филологов в основных китайских вузах начинали вести занятия по исторической грамматике, в учебный процесс были вовлечены оригинальные учебники на русском языке и составленные на их основе конспекты» [Ли Сиинь 1998: 53]. Цель подобных курсов тогдашние педагоги видели в «историческом объяснении вопросов орфографии, фонетики и грамматики современного русского языка» [Программа 1956: 13].

Но включенный в программу подготовки русистов предмет «Историческая грамматика русского языка» сразу же пострадал из-за дефицита специалистов, вызванного ухудшением китайско-советских отношений, затем была разрушена и целостная система преподавания русского языка и его истории. Ее восстановление произошло лишь в последней четверти XX в. при поддержке политики реформ и открытости. Однако следствием многолетнего отсутствия историко-лингвистической подготовки и сокращения числа специалистов в этой области стало господство традиции, в которой игнорируется, а иногда и критикуется использование историко-лингвистических данных на занятиях по РКИ в силу их «бесполезности» для языковой практики.

За последние десятилетия в Китае вышли две работы [Ван Сонтин 1993; Лю Мяо 2015], в которых наследники первого поколения китайских историков русского языка рассматривают методические принципы использования в учебном процессе диахронных данных, но их полезные рекомендации, к сожалению, до сих пор еще остались невостребованными. Многие китайские преподаватели, освоившие цикл историко-лингвистических дисциплин в российских вузах, не имеют возможности адекватно применить полученные знания в рамках нынешней учебной программы, а историю русского языка как отдельный факультативный предмет преподают только в Пекинском университете в магистратуре и аспирантуре. Таким образом, нашу основную задачу мы видим в том, чтобы обосновать и субъективное желание учащихся понять пути формирования фонетической и грамматической системы русского языка и объективную необходимость внедрения диахронных данных при преподавании РКИ и найти способы реализации их лингводидактического потенциала в учебном процессе.

3. В целях выхода из сложившейся ситуации нами был проведен опрос учащихся и преподавателей из разных китайских вузов относительно их желания включить в программу материалы по истории русского языка. Результаты опроса приведем в следующих таблицах.

Таблица 1. Результаты опроса учащихся

Хотите ли Вы познакомиться с историей русского языка на занятиях? Если да, то какая форма Вам кажется предпочтительной?		
Да, в форме спецкурса.	115	46.4 %
Да, в форме комментария на практических занятиях.	58	23.4 %
Да, в форме серийных онлайн-курсов.	43	17.3 %
Да, в форме учебного пособия.	13	5.2 %
Нет, не хочу.	19	7.7 %
Общее количество опрошенных учащихся	248	100 %

Таблица 2. Результаты опроса преподавателей

Считаете ли Вы необходимым введение диахронных данных в преподавание РКИ в Китае? Если да, то какая форма Вам кажется предпочтительной?		
Да, в форме спецкурса.	34	19.9 %
Да, в форме комментария на практических занятиях.	31	18.1 %
Да, в форме серийных онлайн-курсов.	81	47.4 %
Да, в форме учебного пособия.	17	9.9 %
Нет, не хочу.	8	4.7 %
Общее количество опрошенных преподавателей	171	100 %

Результаты опроса показали, что нашу позицию поддерживают 93.6% опрошенных, в том числе 229 из 248 учащихся (92.3%) и 163 из 171 преподавателя (95.3%). При этом важно отметить, что студенты (46.4% из опрошенных) предпочитают знакомиться с историей русского языка на спецкурсах, где можно задавать интересующие их вопросы при реальном общении с преподавателями, а преподаватели (47.4% из опрошенных), осознающие тяжелую ситуацию с дефицитом специалистов, приветствуют серийные онлайн-курсы в форме видеозаписей, которые будут доступны не только студентам, но и преподавателям, ищущим возможности повышения квалификации в соответствующей сфере.

Для выявления типичных ошибок у учащихся начального уровня, механизма их порождения и способов их предотвращения был составлен специальный тест по морфологии русского языка, включающий пять блоков форм, образование которых вызывает у студентов максимальные трудности: 1) личные формы глагола; 2) формы прошедшего времени; 3) формы именительного падежа множественного числа существительных; 4) формы родительного падежа множественного числа существительных; 5) формы предложного падежа единственного числа существительных. С целью усиления влияния аналогии тестовые задания, включающие слова из учебника первокурсников, были организованы в таком порядке, при котором соседние слова либо имеют фонетическое сходство, но изменяются по-разному² (например, снять – понять, но сниму – пойму), либо сходны по способу словоизменения, но имеют разные² звуковые оболочки (например, рисую – танцую, но рисовать – танцевать; полный перечень см. в приложении).

В данном тестировании принял участие 271 студент из шести ведущих китайских университетов в области преподавания русского языка: Пекинского университета (1, здесь и далее указано место в рейтинге китайских вузов «Руанкэ-2021» по специальности³), Пекинского университета иностранных языков (3), Хэлонцзянского университета (6), Даляньского университета иностранных языков (10), Университета имени Сунь Ятсена (13), Сианьского университета иностранных языков (19).

Частота появления ошибок, допущенных при образовании указанных выше форм, представлена в следующей таблице.

Таблица 3. Частота появления ошибок

личные формы глагола	31 %
формы прошедшего времени глагола	22 %

² С наивной точки зрения учащихся начального уровня.

³ URL: <https://www.shanghairanking.cn/rankings/bcmr/2021/050202> (дата обращения: 19.12.2021).

формы именительного падежа множественного числа существительных	31 %
формы родительного падежа множественного числа существительных	41 %
формы предложного падежа единственного числа существительных	20 %

Результаты тестирования продемонстрировали, что чаще трудности возникают при образовании форм родительного падежа и именительного падежа множественного числа существительных и личных форм глагола, относительно легче студентам даются формы прошедшего времени глагола и формы предложного падежа единственного числа существительных.

4. Итак, прокомментируем наиболее трудные задания теста, перечисленные в таблице ниже.

*Таблица 4. Наиболее трудные задания
(по частоте появления ошибок)*

1	сын – сыновей (в значении «лицо мужского пола по отношению к своим родителям»)	60.9 %
2	Мария – Марий	58.7 %
3	сестра – сестёр	55.7 %
4	снять – сниму, снимешь, снимут	54.6 %
5	имя – имена	54.6 %
6	китаец – китайцев	54.2 %
7	перевести – перевёл, перевела, перевели	53.5 %
8	муж – мужей	48.3 %
9	брат – братьев	47.2 %
9	сон – во сне	47.2 %
9	искать – ищу, ищешь, ищут	47.2 %

Приведенные данные свидетельствуют, что сложности при овладении морфологической системой русского языка китайскими учащимися начального уровня связаны со следующими факторами.

1) Незнание механизмов исторических чередований, обусловленных:

- а) йотацией и палатализацией: учащимся трудно установить связь между чередующимися согласными, засвидетельствованы такие ошибки, как искать – *ишу, искать – *истишь, искать – *ижу, а также появляются случаи, где вообще отсутствует чередование, например, искать – *искаю, искать – *иску;
- б) утратой носового гласного: гласная буква «я» не ассоциируется с сочетанием гласного с согласного «им», «ен», в результате возникают такие формы, как имя – *ими, снять – *сняю;
- в) падением редуцированных: студенты могут не знать, в каких позициях возникают беглые гласные «о» и «е», что приводит к порождению форм китаец – *китацев, сон – *в соне.

2) Неадекватный выбор окончания: студенты могут смешивать разные окончания, допуская ошибки типа муж – *мужов/мужев, китаец – *китайцов, имя – *имене;

3) Отождествление окончания с «последней буквой словоформы»: при склонении слов на *-ия* вместо окончания [а] студенты могут просто устранить последнюю букву «я»: Мария – *Мари.

Анализ гнезд ошибочных форм свидетельствует о том, что при порождении неправильных форм могут быть задействованы почти все сходные элементы. Все ответы на заданиф «китаец – китайцев» и «перевести – перевёл, перевела, перевели» обобщены в таблицах 5 и 6.

*Таблица 5 Ответы на задание «китаец – китайцев»
(ответов всего: 271, в том числе недописанных – 20)*

№	ответ	кол.	№	ответ	кол.	№	ответ	кол.
1	[правильный]	124	7	китайцов	6	13	китайцей	3
2	китаецев	38	8	китацей	4	14	китаецов	3
3	китаецов	22	9	китацов	4	15	китаца	2
4	китацев	15	10	китайцы	4	16	китайц	1
5	китаецей	10	11	китаеца	4	17	китац	1
6	китаицев	6	12	китайца	3	18	китац	1

В 86.6% неправильных ответов (110 из 127) зафиксирована проблема с беглым гласным, где тестируемые либо, забывая о чередовании, дали ответы с основой «китаец-» (№ 2, 3, 5, 11, 14), либо, смешивая фонетику и орфографию, удалили из основы букву «е» (№ 4, 8, 9, 15, 17, 18). В отдельных случаях (№ 6) студенты не смогли различить согласный «й» и гласный «и», что может быть вызвано отсутствием в китайском языке закрытого слога с конечным «й». Также засвидетельствовано смешение флексий различного происхождения, в особенности заметно сильное влияние со стороны других окончаний родительного падежа множественного числа *-ов* (№ 3, 7, 9, 14) и *-ей* (№ 5, 8, 13).

*Таблица 6 Ответы на задание «перевести – перевёл, перевела, перевели»
(ответов всего: 271, в том числе недописанных – 15)*

№	ответ	кол.	№	ответ	кол.	№	ответ	кол.
1	[правильный]	126	7	перевес	5	13	перевсла	1
2	перевёс	81	8	перенёс	2	14	перевест	1
3	перевестил	8	9	перевла	2	15	перевезёл	1
4	перевёз	8	10	перевесл	2	16	переведил	1
5	Перевешел	7	11	перевесёл	2	17	переведёл	1
6	перевесла	6	12	перевёла	2			

80.8% неправильных форм возникли под влиянием похожих по фонетическому облику слов «нести – нёс, несла, несли» и «везти – вёз, везла, везли» (№ 2, 4, 6, 7, 8, 10, 13). В восьми ответах формообразующий суффикс *-л-* добавлен непосредственно к инфинитиву (№ 3). В отдельных случаях (№ 5, 11, 15, 17) возникает странный формант «ел», который, вероятно, может быть связан с моделью «идти – иду – шёл», то наиболее наглядно представлено в ответе № 5 перевести – переведу – *перевешел. Также зафиксированы варианты с устранением «е» в основе (№ 9, 13).

5. Эти и другие ошибки свидетельствуют о необходимости внедрения знаний по истории языка в процесс преподавания РКИ для формирования у китайских

студентов правильного алгоритма словоизменения. С нашей точки зрения, это исключительно важно на начальном этапе, поскольку по мере появления каждого «нового» словоизменительного образца студенты без исторического комментария не могут отличить одну модель от другой. Также целесообразно включить в программу минимальную базу знаний по фонетике и орфографии для формирования у учащихся лингвистической компетенции.

Продemonстрируем ряд приемов, подтверждающих лингводидактический потенциал диахронных данных в преподавании РКИ, которые мы используем на практических занятиях по русскому языку со студентами первого курса в Пекинском университете. Учитывая уровень первокурсников, которые знакомы с русским языком только два-три месяца, все примеры и задания мы приводим именно в самой легкой и доступной форме, которая может быть применена даже на уроках со студентами-нефилологами. Тогда как более сложный теоретический материал (типы склонения, история перераспределения окончаний форм родительного падежа множественного числа и особый статус в этом процессе «ж», «ч», «ш», «щ», «ј», «ц» и т. п.) целесообразно давать на отдельном курсе для студентов-филологов на более продвинутом этапе.

В любом случае в учебном процессе следует руководствоваться рядом принципами, которые могут обеспечить активность учащихся на занятиях: 1) баланс теоретического материала и практических заданий; 2) регулярное повторение пройденного материала для верной интерпретации нового; 3) построение комментария от фактов современного русского языка к диахронным данным, а не наоборот. Итак, рассмотрим следующие ситуации.

1) Чередование согласных: для учащихся начального этапа нами была построена схема исторических чередований заднеязычных согласных с шипящими или свистящими, обусловленных палатализацией. В этом отношении существенной опорой служит китайский «пиньинь», то есть фонетическая транскрипция китайского языка, которой любой китаец владеет с детства. Слева представлены символы кириллицы, а справа – их корреляты в китайском пиньине, см.:

Г	Ж	З	g	zh	z
К	Ч	Ц	k	ch	c
Х	Ш	С	h	sh	s

С помощи данной схемы студенты могут легко установить механизм чередования звуков на горизонтальном уровне, запомнить формы словоизменения или словообразования, ср. мочь – могу, носить – ношу, друг – друзья – дружба, и т. п.

2) Беглые гласные: презентуем на доске или на экране фрагмент парадигмы слова «сон» с ударением в сопоставлении с древним вариантом «сънь»:

сón	с'нь
сна́	сьна
сну	сьну
...	...

По нашим наблюдениям, учащиеся могут сами сделать вывод о том, что гласный, обозначенный буквой «ъ» в древнерусском языке, превратился в гласный

«о» под ударением и исчез в абсолютном конце слова или в предударной позиции. Потом можно начать краткий рассказ об истории падения редуцированных «ь» и «ъ» и привести примеры знакомых слов с сильными и слабыми позициями. По мере усвоения новых слов с беглым гласным следует постоянно возвращаться к пройденному и давать студентам типичные суффиксы, например *-ец-*, *-ок-*, в которых могут пропадать «о» и «е».

3) Образование форм прошедшего времени глаголов вести / нести / везти: просим учащихся проспрягать все три глагола и сопоставить записанные парадигмы с соответствующими формами прошедшего времени. Выполнив это задание, студенты могут понять, что сохранившиеся в личных формах «с» и «з» «нести – несу» и «везти – везу» также присутствуют в формах прошедшего времени, а исчезнувший при спряжении «с» «вести – веду» отсутствует и в формах прошедшего времени. На основании полученного алгоритма можно начать дальнейший рассказ об утрате первого элемента в сочетаниях согласных *tl, *dl, о диссимиляции в сочетаниях *tt, *dt, об истории упрощения групп согласных вследствие падения редуцированных.

Итак, все изложенные выше факты позволяют прийти к заключению, что традиционная форма преподавания русского языка в Китае должна быть подвергнута трансформации за счет введения диахронных данных, лингводидактический потенциал которых уже доказан на основе нашей практики в Пекинском университете. В связи с недостаточным количеством специалистов по истории русского языка в Китае работу в этом направлении в настоящий момент следует начать, как указали в опросе многие преподаватели, с создания онлайн-видеокурсов, которые будут доступны широкому кругу пользователей.

ЛИТЕРАТУРА

Ван Сонтин 1993 – *Ван Сонтин*. О введении знаний по исторической грамматике в преподавание русского языка // Вестник Института иностранных языков НОАК. 1993. №4. С. 60–63.

Зуева 2012 – *Зуева О.* Курс истории русского языка для иностранной неславянской аудитории: опыт преподавания // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного / Под ред. И. Попадейкиной и Р. Чахора. Вроцлав: Русско-польский институт, 2012. С. 10–22.

Кузьминова 2018 – *Кузьминова Е.А.* Цикл историко-лингвистических дисциплин в общей системе подготовки зарубежных специалистов по русскому языку как иностранному // Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного. Т. 19. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 58–73.

Лебедева 2009 – *Лебедева О.А.* Методические принципы формирования чувства языка у иностранных студентов-филологов при изучении дисциплин историко-лингвистического цикла // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 322. С. 204–206.

Ли Сиинь 1998 – *Ли Сиинь*. Рецензия на «Очерки по древнерусскому языку» // Русский язык в Китае. 1998. №3. С. 53–54.

Лю Мяо 2015 – *Лю Мяо*. Знания по исторической грамматике и преподавание современного русского языка // Вестник Цицикарского университета. 2015. №1. С. 173–175.

Николенко 2015 – *Николенко О.Ю.* История русского языка и история русской культуры для студентов-инофонов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №27(382). С. 140–146.

Программа 1956 – Программа по основам исторической грамматики русского языка для институтов русского языка и факультетов русского языка университета КНР. Пекин: Изд-во «Ши Дай», 1956. 21 с.

Саркисова 2017 – Саркисова А.Ю. О месте историко-лингвистического комментария в обучении русскому языку как иностранному // Вестник ТГПУ. 2017. № 2. С. 67–71.

REFERENCES

Wang Songting. Qian tan li shi yu fa zhi shi zai e yu jiao xue zhong de ying yong. *Jie fang jun wai guo yu xue yuan xue bao*. 1993. No 4, pp. 60–63.

Zueva O. The Course of the History of the Russian Language for a Foreign Non-Slavic Audience: Teaching Experience. In: Theory and Practice of Teaching Russian as a Foreign Language / Eds.: I. Popadeykina, Rafał Czachor; Instytut Polsko-Rosyjski. Wrocław. 2012, pp. 10–22.

Kuzminova E.A. The cycle of historical and linguistic disciplines in the general system of training foreign specialists in Russian as a foreign language. In: Word. Grammar. Speech: A collection of scientific and methodological articles on the teaching of Russian as a foreign language. Vol. 19. Moscow. MAKSPress Publ. 2018, pp. 58–73.

Lebedeva O.A. Methodological Principles of the Formation of a Sense of Language among Foreign Students of Philology in the Study of Disciplines of the Historical and Linguistic Cycle. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2009. No 322, pp. 204–206.

Li Xiin. Xi du “E yu gu wen du ben”. *Zhong guo e yu jiao xue*. 1998. No 3, pp. 53–54.

Liu Miao. Lun e yu li shi yu fa zhi shi yu xian dai e yu jiao xue. *Qi qi ha er da xue xue bao*. 2015. No 1, pp. 173–175.

Nikolenko O.Y. The History of the Russian Language and the History of Russian Culture in a Foreign Audience. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015. No 27(382), pp. 140–146.

E yu li shi yu fa ji chu jiao xue da gang. Beijing: Shi dai chu ban she. 1956. 21 p.

Sarkisova A.Yu. The Role of Historical Linguistic Commentary in Teaching Russian as a Foreign Language. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017. No 2, pp. 67–71.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ЗАДАНИЙ В ТЕСТЕ ПО МОРФОЛОГИИ

1. Проспрягайте следующие глаголы:

взять	видеть
дать	искать
прийти	пойти
рисовать	танцевать
снять	понять
открыть	петь
хотеть	лететь
нравиться	купить
просить	мочь
звать	сказать

2. Напишите формы прошедшего времени следующих глаголов:

принести	перевести
привезти	идти
фотографировать	мочь

3. Напишите форму именительного падежа множественного числа следующих слов:

друг	город	дерево	яблоко	дом	имя
день	берег	дочь	сосед	брат	поезд

4. Напишите форму родительного падежа множественного числа следующих слов:

окно	отец	муж	сын	брат	дети
китаец	сестра	Мария	герой	письмо	песня

5. Напишите форму предложного падежа единственного числа следующих слов со значением места:

сон	сад	парк	рынок	мост	дом
дворец	аудитория	занятие	поле	музей	

Сведение об авторе:

Инь Сюй
доцент
факультет русского языка и литературы
Института иностранных языков
Пекинского университета

Yin Xu
Associate Professor
Faculty of Russian Language and Literature,
School of Foreign Languages
Peking University

yinxuxy@pku.edu.cn

П.Б. Дроздова (Санкт-Петербург, Россия)

О некоторых стилистических особенностях итальянской средневековой женской мистики

Аннотация: Средневековая женская мистика – особый вид литературы европейского Средневековья; среди его представительниц немало уроженок Италии. Желание авторов максимально точно описать свой мистический опыт ставит перед ними задачу «выразить невыразимое», что приводит к использованию особых лингвистических средств – как стилистических, так и лексических. На примере сочинений Анджелы из Фолиньо, Екатерины Сиенской и Екатерины Генуэзской рассматриваются некоторые характерные особенности итальянской средневековой женской мистики: использование намеренных тавтологий, подобий, парабол, метафор, литот (стилистические особенности); использование куртуазной и любовной лексики, а также лексики, связанной с темами материнства, божественного кормления, крови, питания и очищения.

Ключевые слова: итальянская женская мистическая литература, средневековые тексты, стилистика, лексика

P.B. Drozdova (St. Petersburg, Russia)

On Some Stylistic Peculiarities in Medieval Mystic of Italian Female Writers

Abstract: Medieval women's mysticism is characteristic to the European Middle Ages literature where there is a certain number of Italians. The authors' desire to describe her own mystical experience as correctly as possible raise the problem of "expressing the inexpressible", which results in using of characteristic linguistic means, stylistic as lexical. On the example of the texts of Angela da Foligno, Catherine of Siena and Catherine of Genoa, the article presents some of linguistic peculiarities of Italian medieval women's mysticism: stylistical (the use of intentional tautologies, similarities, parabolas, metaphors, lithotes), and lexical (the use of courtesy and love lexis, as well as lexis related to the themes of motherhood, divine nursing, blood, nutrition and purification).

Key words: italian female mystic literature, medieval texts, stylistics, lexis

Исследователями христианской мистики – Средневековья и более поздних эпох – неоднократно замечалось, что слово, сказанное или написанное, является неотъемлемой частью мистических переживаний – инструментом, необходимым

для максимально точной передачи собственного опыта единения с Богом. В частности, Жан Леклерк посвятил этому феномену отдельную книгу «*L'amour des lettres et le désir de Dieu*» («Любовь к литературе и жажда Бога»), где говорится о бенедиктинских монахах-мистиках, для которых «риторика стала частью их самих», так как в их сочинениях «стремление к вершинам искусства невозможно отделить от стремления к Богу, так же как риторику невозможно отделить от жажды преодоления, свойственной их призванию, а грамматику – от эсхатологического желания» (цит. по: [4: 238]; перевод мой. – П.Д.). Слово как способ передачи мистического опыта – как в его чувственной, так и в созерцательной форме – становится новым способом «вербализации Бога», попыткой «выразить невыразимое».

В ряду произведений писателей-мистиков Средневековья особое место занимают сочинения, написанные женщинами; эти «*mulieres sanctae*» могут быть монахинями или состоять в близких по духу к монашеству религиозных общинах, в их мистических видениях значительную роль играет чувственный опыт, когда присутствие Бога ощущается всеми органами чувств, Бог осязаем и зрим и соединяется с ними в мистическом союзе. Любовь, «потребность в вечной Любви» пронизывает сочинения многих мистических писательниц: и Хильдегарды Бингенской, и Беатрис из Назарета, и бегинок Маргариты Порете, Мехтильды Магдебургской и Хадевейх Антверпенской, и англичанки Джулианы Норвичской, – женская мистика раньше появляется на Севере Европы (Франция, Бельгия, Англия) и постепенно «спускается» на Юг.

Итальянская женская мистика также полна этой возвышенной любви, принимающей разные формы под пером (вернее, в устах) разных авторов: мы говорим о «безумной любви» жившей во второй половине XIII в. Анджелы из Фолиньо или о «совершенной любви» святой Екатерины Сиенской – Учителя Церкви, – оставившей богатое эпистолярное наследие в последней трети XIV в.; в сочинениях же Екатерины Генуэзской конца XV в. мы читаем о «чистой любви», к которой человек приходит, следуя по пути очищения. Для выражения этой любви каждая из писательниц пользуется характерным языком: глубину и богатство своих переживаний они передают посредством риторических фигур, прибегая к характерной лексике и опираясь на «литературный багаж» современной им и предшествующих эпох. Джованни Поцци, священник и литературный критик, пишет о важности слова для мистика: в мистическом единении с Богом сам мистик выступает в роли лишь ретранслятора «слова полученного и переданного», его собственное «я» исчезает, сливаясь с собеседником [12: 520–521]. Как говорит в своих «Откровениях» Анджела из Фолиньо:

И хотя могу я чувствовать мирские печали и радости, в душе моей есть комната, в которую не входит ни радость, ни печаль, ни наслаждение какой-либо добродетелью, но входит в нее то всеобильное благо. <...> И в нем я разумею и имею всю истину, которая на небе и на земле, и в аду, и во всякой твари, с такою достоверностью, что, если бы весь мир говорил противоположное, я не могла бы верить в другое, а, напротив, усмехалась бы [2: 439].

Исследователь мистической литературы Альберт Деблэр определял мистический опыт как «непосредственное и пассивное переживание Божественного присутствия» (цит. по: [12: 527]; здесь и далее перевод мой. – П.Д.): именно описание этого опыта требует особого языка, полного символов, метафор и сравнений; по словам Мишеля де Серло, «святой, становящийся мистиком, приобретает и писательский дар» (цит. по: [4: 239]). Эти слова мы можем отнести не только к

образованным авторам (таким, как Екатерина Генуэзская, которая происходила из благородного семейства Фиески, получила хорошее образование и была знакома как с классической литературой, так и с недавними современниками, Данте и Петраркой), но даже к незнакомой с грамотой Анджеэле из Фолиньо. Мистический опыт нераздельно связан с писательским мастерством, поскольку «мистика и поэзия равным образом представляет собой систему устройства реального бытия, выраженную литературным языком» [4: 240]. Для языка мистических сочинений характерны искренность и непосредственность устной речи: подавляющее большинство авторов не записывают, но диктуют собственные сочинения на своем родном наречии. Откровения блаженной Анджеэле записывает ее духовник о. Арнальдо, сразу переводя их с умбрийского диалекта на латынь, а сочинения Екатерины Сиенской и Екатерины Генуэзской записываются учениками обеих так, как диктуются – на итальянском *вольгаре*.

В их речи мы часто сталкиваемся с намеренными повторами или тавтологиями, об использовании которых Т.Б. Алисова в «Истории формирования литературного итальянского языка в XIII–XV вв.» пишет: «...то, что современному писателю представляется пустой тавтологией, служит, по мнению средневековых писателей, средством проникновения в сущность называемой вещи». В подкрепление своих слов Т.Б. Алисова приводит слова Данте, напоминающего, что «Аристотель предписывал этимологическое исследование слова для определения сути предмета» [1: 11].

Язык мистических писательниц как бы пробует, нащупывает нужную форму, силась «выразить невыразимое», как, например, у Анджеэле из Фолиньо:

И вижу себя одну с Богом всю чистую, всю освященную, всю истинную, всю правую, всю удостоверенную, всю небесную в Нем [2: 440],

Ибо ушами Моими услышал Я многое, приносившее величайшее горе, а именно: ложные обвинения, поношения, издевательства, проклятия, насмешки, глумления, богохульства, несправедливый приговор [2: 455].

Стараясь как можно более точно передать свои видения, Анджеэле прибегает к *подобиям*, пусть и не до конца соизмеримым:

...показалась мне эта Любовь в чем-то похожей на серп. Не следует понимать это так, что было какое-то количественно измеримое подобие, но была Любовь подобна серпу, так как сначала Любовь явилась, а потом увлеклась обратно, как только дала она уразуметь себя [2: 431].

Как замечает исследователь Франческо Асти, эти «подобия» представлены одновременно и оборотами речи, и символами: в них предметы повседневного быта, хорошо знакомые как Анджеэле и Арнальдо, так и их читателям, например обычный серп, обретают другой, символический смысл, выходя за пределы земных измерений (см. [3: 240]).

Кроме подобий, часто встречаются в откровениях Анджеэле и *примеры* или *параболы*: «Тогда дан мне был пример и несколько раз было велено записать его. Пример же был о школьнике, которого отец посылает в лучшие школы и т. д.» [2: 477]. В этих примерах сказывается влияние жанра *exemplum*, но сами герои: школьник, отец, сельская женщина и др. – отсылают к близким и понятным читателям персонажам, так же как подобия отсылают их к знакомым предметам. Такие примеры и назидательные рассказы типичны для средневековой литературы, так же как типично для нее и поэтическое описание куртуазной любви.

Удостой меня, Боже несотворенный, познать глубину любви Твоей и пучину пламенной Твоей любви. Удостой меня уразуметь невыразимую любовь, которую сообщил Ты нам <...>. О, дивная любовь и радующая, ибо в тебе обаяние всяческой сладости и всяческое услаждение [2: 480].

Французская исследовательница Жоржетт Эпинэ-Бюргар, говоря о средневековых мистических писательницах, красноречиво называла их «Femmes troubadours de Dieu» – «женщины-трубадуры Господа». Возвышенная любовь к Богу, переданная возвышенными словами, объединяет между собой немецких монахинь, французских бегинок и итальянских терциарок (к францисканским терциариям принадлежали Анджела и Екатерина Фиески, к доминиканским терциариям или mantellate – Екатерина Сиенская).

Мистическая любовь, видения мистического единения с Богом – характерные черты женской мистики, однако в основе ее лежит нечто гораздо более глубокое, чем свойственная женщинам «чувственность»; все же ряд исследователей (в частности, Марко Ваннини) видят в этом лишь «женскую психологию», склонность женщины «воображать любовный союз с субъектом мужского пола», особенно обвиняя в этом итальянок. Эта точка зрения, в свою очередь, подвергается сокрушительной критике со стороны Джованни Поцци: согласно его исследованиям, «брачная тема вовсе не является преобладающей в корпусе произведений итальянской женской мистики и присутствует там не в большей степени, чем в сочинениях других мистиков» [7: 343] (перевод мой. – П.Д.).

Для выражения мистической любви писательницы используют не только любовную лексику, восходящую еще к соломоновой Песни Песней, но и образы материнства; это может быть как младенец Иисус на руках у Анджелы из Фолиньо:

...и вдруг Младенец оказался в руках моих совсем нагим, и открыл Он и поднял глаза, и посмотрел; и при взгляде очей Его тотчас же почувствовала я и возымела такую любовь, что совсем она меня одолела [2: 466],

так и нередко встречающиеся образы кормления грудью, например в одном из писем Екатерины Сиенской:

Нам <...> надлежит быть подобно младенцу, который, возжелав молока, приникает устам к сосцу матери, дабы посредством плоти насытиться молоком; так же и нам следует поступать, если мы хотим напитать нашу душу, ибо должно нам припасть к груди распятого Христа, как к матери милосердия, и посредством плоти его извлечь благодатное питательное молоко [9: Письмо LXXXVI] (здесь и далее перевод мой. – П.Д.).

Тема божественного кормления – не только молоком, но и кровью – часто встречается у Екатерины Сиенской; в ее письмах мы находим множество метафор, связанных с кровью как с божественной пищей и спасением человека:

Пишу вам в его драгоценной крови; в страстном желании видеть вас омытым и погруженным в кровь Сына Господня [9: Письмо LV].

О славная и драгоценная кровь, ты служишь для нас омовением и целебным бальзамом, налагаемым поверх ран наших [9: Письмо LXXIII].

Принимайтесь за трапезу распятия и, упиваясь все кровью, вкушайте духовную пищу [9: Письмо CCCXXIX].

Сегодня «кровавые» образы, рождающиеся у нас при чтении Екатерины Сиенской, кажутся жестокими, но именно кровь, по ее убеждению, приведет нас к спа-

сению, так же как отказ человека от своей воли и сыновняя покорность приводят его к состоянию совершенной любви к Богу.

Вообще, говоря о темах кормления и духовной пищи у святой Екатерины, интересно обратиться к анализу Риты Либранди, исследовавшей лексику ее писем: Екатерина часто употребляет слова, связанные с питанием и кормлением (например, глаголы: *mangiare* – есть, *devorare* – пожирать, *gustare* – наслаждаться вкусом, *saziare* – насыщаться; или существительные: *bocca* – рот, *cibo* – пища и т. д.), конечно подразумевая духовную пищу, или же таинство Евхаристии. Ряд современных агиографов усматривает в обилии подобной лексики связь с длительными суровыми постами, налагаемыми на себя Екатериной, однако, считает Либранди, это лишь подчеркивает ее представление о любви: это принятие в себя, слияние с возлюбленным предметом. «Понятия “поститься” и “принимать пищу”, – пишет Либранди, – становятся метафорами жизни именно потому, что воздержание и принятие духовной пищи или Евхаристии представляют собой способ непрерывного слияния с Богом, благодаря которому телесные уста могут превратиться в уста души» [6: 28–29] (перевод мой. – П.Д.).

Жившая чуть более века спустя после Екатерины Сиенской Екатерина Генуэзская также использует метафору еды, но приводит ее в свете другой идеи – очищения, ставшей основной идеей ее доктрины (отметим в скобках любопытное совпадение: наиболее распространенным толкованием имени Екатерина считается его происхождение от греческого имени Αικατερίνη, что значит «вечно чистая»):

когда мы едим хлеб, часть его удерживается в теле для насыщения, а другая извергается наружу. Так же и душа, с помощью Господа, отбрасывает все излишнее, все обретенные во грехе дурные привычки, оставляя для себя очищенное тело, где действуют очищенные чувства (цит. в: [10: 296]; перевод мой. – П.Д.).

Любовь Екатерины Генуэзской – это «чистая любовь», любовь души, очищенной от самолюбия. Ее «Трактат о чистилище», благодаря которому она удостоилась титула «доктор чистилища», изобилует такими прилагательными как *riogo* – чистый, *nudo* – нагой, *netto* – очищенный от всего лишнего, *diritto* – честный. Стремление избавиться от самолюбия приводит у Екатерины Генуэзской к полному уничтожению собственной личности: по ее учению, только отказ от себя, от своих чувств может дать совершенное единение с Богом.

Джованни Поцци, будучи специалистом по женской мистике, говорит о собственной подавляющему большинству писательниц диалектике «все – ничего», воспринятой от средневековой доктрины отказа от собственного «я»: стремление к уничтожению своего «я» для полного соединения с Христом является, по его мнению, не менее – или даже более – характерным для мистических писательниц, чем темы мистического союза или материнской любви.

Наряду со многими страницами, полными неистовой страсти, контрастом выступают другие, почти целиком посвященные отказу от всего, что мешает соединению с Богом; и на этих страницах нет места сентиментальности. Мы встречаем такой отказ на каждом шагу, пусть и не абсолютно у всех, но то у одной, то у другой писательницы то на одной, то на другой странице. Его я обнаруживаю у Анджелы из Фолиньо, утверждающей, что она превратилась в «не-любовь» вследствие соединения с Богом, совершившегося в некоем мраке, а не в свете. Его я обнаруживаю у Екатерины Генуэзской, которая говорит о зрении без глаз, об осознании без разума, об ощущении без намерения, вплоть до радикального отказа от самой идеи совершенствования, чистоты и даже от идеи соединения с Богом, так как это понятие подразумевает их одновременное присутствие [7: 343] (перевод мой. – П.Д.).

Это отрицание, отказ от собственного «я» и от собственных чувств ведет к частому появлению таких стилистических фигур, как литоты, например у Екатерины Генуэзской: «Язык не может выразить и сердце не может понять», «Слова мои – ничто» [8: 26–27] (перевод мой. – П.Д.), а у Анджелы из Фолиньо характеризуется парадоксами или оксюморонами: «оскорбила Творца моего, коего не хотела бы оскорбить и оскорблять ради всех благ и зол, которые только можно назвать» [2: 413]; «Вся я делаюсь гневом, вся гордыней, вся печалью, вся делаюсь горчайшею и надменною и приемлю иную величайшую горечь от благ, которые даровал мне Бог» [2: 416]: «увидела я Его в некоем мраке; а потому во мраке, что Он – наибольшее благо» [2: 433].

Своеобразие языка итальянских мистических писательниц Средневековья пленяет ум и трогает душу; размышления и переживания каждой из них одновременно и выражают свою эпоху и опережают ее; образ жизни, выбранный этими женщинами, может считаться своего рода эмансипацией, позволяя им большую, по сравнению с современницами, свободу мысли и действия. Можно сказать, что именно в Средневековье женщины обретают собственный голос, – голос отчетливый и громкий, который и сегодня ясно слышен нам из глубины веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисова Т.Б. История формирования литературного итальянского языка в XIII–XV вв. // Алисова Т.Б., Чельшева И.И. История итальянского языка. М., 2009. 144 с.
2. Анджела из Фолиньо. Откровения блаженной Анджелы / Пер. Л.П. Карсавина // История субъективности: Средневековая Европа; сост. Ю.П. Зарецкий. М.: Академический проект, 2009. С. 389–486.
3. Asti F. Dire Dio. Linguaggio sponsale e materno nella mistica medioevale. Città del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana, 2006. 364 p.
4. Carugati G. Dante «Mistico»? // QUADERNI d'italianistica. 1989. Vol. XX. №1–2. P. 237–250.
5. Epiney-Burgard G., Zum Brunn E. Le poetesse di Dio. L'esperienza mistica femminile nel Medioevo. Milano: Mursia, 1997. 200 p.
6. Librandi R. Dal lessico delle «Lettere» di Caterina da Siena: la concretezza della fusione // Dire l'ineffabile. Caterina da Siena e il linguaggio della mistica. Atti del Convegno (Siena, 13–14 novembre 2003). Firenze: Edizioni del Galluzzo per la Fondazione Ezio Franceschini, 2006. P. 19–40.
7. Pozzi G. Grammatica e retorica dei santi. Milano: Vita e pensiero, 1997. XII, 432 p.
8. S. Caterina da Genova. Trattato del Purgatorio e altri scritti. Milano: Gribaudi, 2017. 144 p.
9. S. Caterina da Siena. Le Lettere, ridotte a miglior lezione e in ordine nuovo disposte con proemio e note, a cura di Tommaseo. Firenze: Barbera editore, 1860. URL: <https://www.ilpalio.siena.it/SantaCaterina/lettere> (date accessed: 20.11.2021).
10. Tagliafico A. Itinerario teologico-spirituale di S. Caterina da Genova: nel fuoco dell'amore puro // Alpha Omega. 2017. Vol. 20. №2. P. 283–304.
11. Vedova M. Esperienza e dottrina. Il Memoriale di Angela da Foligno / Istituto Storico dei Cappuccini. Roma, 2009. 395 p.
12. Visani O. Scrittura mistica e spiritualità femminile // Il Medioevo. Castelli, mercanti, poeti / A cura di U. Eco Milano, 2011. P. 508–553.

REFERENCES

1. Alisova T.B. The History of the Formation of the Literary Italian Language in the XIII–XV cs. In: Alisova T.B., Chelysheva I.I. History of the Italian Language. Moscow. 2009. 144 p.
2. Angela of Foligno. Revelations of Blessed Angela / Transl. by L.P. Karsavin. In: A History of Subjectivity: Medieval Europe; Compil. by Yu.P. Zarecky. Moscow. Akademicheskyy Proekt Publ. 2009, pp. 389–486.
3. Asti F. (2006) Dire Dio. Linguaggio sponsale e materno nella mistica medioevale. Città del Vaticano. Libreria Editrice Vaticana. 364 p.
4. Carugati G. Dante «Mistico»? *QUADERNI d'italianistica*. 1989. Vol. XX. No 1–2, pp. 237–250.
5. Epiney-Burgard G., Zum Brunn E. (1997) Le poetesse di Dio. L'esperienza mistica femminile nel Medioevo. Milano. Mursia. 200 p.
6. Librandi R. Dal lessico delle “Lettere” di Caterina da Siena: la concretezza della fusione. In: Dire l'ineffabile. Caterina da Siena e il linguaggio della mistica. Atti del Convegno (Siena, 13–14 novembre 2003). Firenze. Edizioni del Galluzzo per la Fondazione Ezio Franceschini. 2006, pp. 19–40.
7. Pozzi G. (1997) Grammatica e retorica dei santi. Milano. Vita e pensiero. XII, 432 p.
8. S. Caterina da Genova. (2017) Trattato del Purgatorio e altri scritti. Milano. Gribaudi. 144 p.
9. S. Caterina da Siena. (1860) Le Lettere, ridotte a miglior lezione e in ordine nuovo disposte con proemio e note, a cura di Tommaseo. Firenze. Barbera editore. URL: <https://www.ilpalio.siena.it/SantaCaterina/lettere> (date accessed: 20.11.2021).
10. Tagliafico A. Itinerario teologico-spirituale di S. Caterina da Genova: nel fuoco dell'amore puro. *Alpha Omega*. 2017. Vol. 20. № 2, pp. 283–304.
11. Vedova M. (2009) Esperienza e dottrina. Il Memoriale di Angela da Foligno / Istituto Storico dei Cappuccini. Roma. 395 p.
12. Visani O. Scrittura mistica e spiritualità femminile. In: Il Medioevo. Castelli, mercanti, poeti / A cura di U. Eco Milano. 2011, pp. 508–553.

Сведения об авторе:

Полина Борисовна Дроздова,
аспирант
филологический факультет

Санкт-Петербургский
государственный университет

Polina B. Drozdova,
Ph.D. Candidate (Linguistics)
Faculty of Philology

Saint Petersburg State University

paulina.drozdova@gmail.com

Программы

Programs

Д.Д. Черепанов (Москва, Россия)

Программа учебной дисциплины «Библия и культура»

Для направления подготовки 45.03.01 «Зарубежная филология»,
профиль «Современные западноевропейские языки и литературы».
Квалификация выпускника: бакалавр

D.D. Cherepanov (Moscow, Russia)

The Program of the Academic Discipline “Bible and Culture”

For the Direction 45.03.01 “Foreign Philology”,
Profile “Contemporary Western European Languages and Literatures”.
Qualification (Degree) “Bachelor”

1. Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины являются знакомство студентов-филологов с текстом Библии, сыгравшим важнейшую роль в истории западноевропейской и русской культуры и, в частности, литературы, и формирование первоначальных навыков понимания текста, отражающего сознание иной эпохи и культуры.

2. Место дисциплины в структуре образовательной программы

Дисциплина относится к вариативной части образовательной программы, изучается на 1 курсе, в 1-м и 2-м семестрах.

Дисциплина содержательно связана с курсами «История античной литературы» (1-й курс, 1-й семестр), «Философия» (1-й курс, 1-й и 2-й семестры), «История зарубежной литературы Средних Веков» (1-й курс, 2-й семестр) и «История Средневекового искусства» (1-й курс, 2-й семестр), а также является необходимым основанием для освоения дисциплин «История зарубежной литературы Возрождения» (2-й курс, 3-й семестр), «История зарубежной литературы XVII–XVIII веков» (2-й курс, 4-й семестр), «История зарубежной литературы XIX века. Часть 1» (3-й курс, 5-й семестр), «История зарубежной литературы XIX века. Часть 2» (3-й курс, 6-й семестр), «История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века» (4-й курс, 7-й семестр), «История зарубежной литературы XX века (1 часть)» (4-й курс, 8-й семестр) и «История зарубежной литературы XX века (2 часть)» (5-й курс, 9-й семестр), а также для курсов «Искусство Возрождения» (2-й курс, 1-й семестр), «История западноевропейского искусства XVII–XVIII веков» (2-й курс, 2-й), «Западноевропейское и американское искусство XIX века» (4 курс, 7-й семестр), «Западноевропейское и американское искусство конца XIX – XX века» (4 курс, 8-й семестр). Дисциплина

также содержательно связана с дисциплинами «История русской литературы XI – XVIII веков» (2-й курс, 3-й семестр) и «История русской литературы XIX века» (2-й курс, 3-й и 4-й семестры).

3. Перечень планируемых результатов обучения по дисциплине, соотнесенных с планируемыми результатами освоения образовательной программы

В результате освоения дисциплины (модуля) обучающийся должен продемонстрировать следующие результаты.

Коды компетенций	Результаты освоения ОП (Содержание компетенций)	Перечень планируемых результатов обучения по дисциплине
ИК-1	способность демонстрировать в речевом общении личную и профессиональную культуру, духовно-нравственные убеждения; умение ставить и решать коммуникативные задачи во всех сферах общения	<p><i>Знания</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. знать основные черты библейской картины мира; 2. знать главные сюжеты Ветхого Завета; 3. знать этические требования Ветхого Завета; 4. знать основные сюжеты Евангелия; 5. знать этические требования Нового Завета; <p><i>Умения</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. распознавать цитаты из книг Ветхого и Нового Завета, а также аллюзии на них; 2. уметь интерпретировать содержание книг Ветхого и Нового Завета и формулировать их этические и аксиологические положения; <p><i>Навыки</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. навык анализа чужой позиции (в данном случае, зафиксированной в библейских текстах) с точки зрения мировоззренческих, этических и аксиологических положений; 2. навык изложения вопросов мировоззрения, этики и аксиологии с привлечением соответствующих текстов и формулирования собственной позиции.

Коды компетенций	Результаты освоения ОП (Содержание компетенций)	Перечень планируемых результатов обучения по дисциплине
ОПК-3	знание основных этапов истории и закономерностей развития зарубежной литературы; умение проводить сопоставительный анализ литератур в контексте мировой литературы и общего развития литературного процесса; владение приемами филологической критики текста (текстологии), филологической герменевтики и филологического источниковедения	<p><i>Знания</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. знание основных этапов формирования книг Ветхого Завета и соответствующего исторического и культурного контекста; 2. знание основных этапов формирования канона Нового Завета; 3. знание основных проблем и гипотез текстологии Нового Завета, датировки и атрибуции отдельных книг; 4. знание жанров книг Ветхого и Нового Завета и основных особенностей их поэтики. <p><i>Умения</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. уметь интерпретировать содержание книг Ветхого Завета с учетом их жанровой принадлежности и исторического контекста; 2. уметь сравнивать картины мира, отраженной в книгах Ветхого Завета, с другими древними литературами (Древнего Египта, Двуречья, Греции); <p><i>Навыки</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. навык понимания текстов отдаленной эпохи и иной культуры (на материале книг Ветхого и Нового Завета).
СПК-5	способность продемонстрировать знание и понимание основных закономерностей и этапов развития художественной литературы страны основного иностранного языка на фоне региональных и общеевропейских культурных и литературных процессов, с учетом исторического и социального контекста;	<p><i>Знания</i></p> <p>знание основных переводов библейских книг на основной изучаемый иностранный язык, этапов их возникновения, исторического контекста и особенностей их бытования в национальной культуре.</p> <p><i>Умения</i></p> <p>уметь распознавать цитаты из книг Ветхого и Нового Завета, а также аллюзии на них, в произведениях художественной литературы и комментировать способ их использования.</p> <p><i>Навыки</i></p> <p>навык комментирования литературных текстов с учетом исторического, социального и культурного контекста.</p>

4. Объем дисциплины в зачетных единицах с указанием количества академических часов, выделенных на контактную работу обучающихся с преподавателем (по видам учебных занятий) и на самостоятельную работу обучающихся

Общая трудоемкость (объем) дисциплины составляет 3 зачетных единицы, 108 академических часов.

На учебные занятия лекционного типа отводится 70 часов,
на занятия практического (семинарского) типа – 0 часов,
на индивидуальные занятия – 0 часов.

Самостоятельная работа составляет 38 часов.

5. Содержание дисциплины, структурированное по темам (разделам) с указанием отведенного на них количества академических часов и видов учебных занятий

№	Наименование и содержание тем (разделов) дисциплины	Код формируемой компетенции по темам (разделам)	Часов на учебную работу				
			Всего (включая СРС):	На контактную работу по видам учебных занятий:			На СРС:
				Л	ПЗ	ИЗ	
I	<i>Ветхий Завет (Раздел 1)</i>	ИК-1, ОПК-3	54 ч.	36 ч.	—	—	18 ч.
1.	Книги Ветхого Завета и этапы их формирования	— // —	6 ч.	4 ч.	—	—	2 ч.
2.	Книга Бытия (космогония, учение о добре и зле, сопоставление с другими литературными традициями; история Авраама)	— // —	9 ч.	6 ч.	—	—	3 ч.
3.	Книга Исход и основные положения ветхозаветного Закона	— // —	9 ч.	6 ч.	—	—	3 ч.
4.	История Северного и Южного царств и формирование исторических книг ВЗ	— // —	9 ч.	6 ч.	—	—	3 ч.
5.	Пророческие книги	— // —	9 ч.	6 ч.	—	—	3 ч.
6.	Учительные книги: Иов, Экклезиаст. Поэтика Псалтири	— // —	6 ч.	4 ч.	—	—	2 ч.
7.	Септуагинта. Иудея в эпоху эллинизма. Восстание Маккавеев	— // —	3 ч.	2 ч.	—	—	1 ч.
8.	Мессианские ожидания и апокалиптика межзаветной эпохи	— // —	3 ч.	2 ч.	—	—	1 ч.
II	<i>Новый Завет (Раздел 2)</i>	ИК-1, ОПК-3	54 ч.	34 ч.	—	—	20 ч.
1.	Книги Нового Завета и время их возникновения. Формирование новозаветного канона	— // —	6 ч.	4 ч.	—	—	2 ч.

№	Наименование и содержание тем (разделов) дисциплины	Код формируемой компетенции по темам (разделам)	Часов на учебную работу				На СРС:
			Всего (включая СРС):	На контактную работу по видам учебных занятий:			
				Л	ПЗ	ИЗ	
4.	Апокалипсис	– // –	4 ч.	2 ч.	–	–	2 ч.
5.	Основные переводы Библии на древние и новые языки в историческом контексте	СПК-5	10 ч.	6 ч.	–	–	4 ч.

6. Перечень учебно-методического обеспечения самостоятельной работы обучающихся по дисциплине

Подготовка конспекта по прочитанным книгам (факультативно), подготовка синхронистической таблицы (факультативно), выполнение письменного задания (комментария), тест.

7. Фонд оценочных средств для проведения промежуточной аттестации обучающихся по дисциплине

Промежуточная аттестация проводится в конце 1-го семестра (зачет в форме коллоквиума) и в конце 2-го семестра (зачет в устной форме по билетам). Условием допуска в обоих случаях является успешная сдача теста по материалу соответствующего раздела дисциплины.

1.1. ПЕРЕЧЕНЬ КОМПЕТЕНЦИЙ С УКАЗАНИЕМ ЭТАПОВ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

При освоении дисциплины (модуля) формируются следующие компетенции:

ИК-1

ОПК-3

СПК-5

Указанные компетенции формируются на первоначальном уровне. Формирование компетенций по разделам и темам.

ИК-1	3-1 (ИК-1)	Раздел 1, тема 2
	3-2 (ИК-1)	Раздел 1, темы 2–8
	3-3 (ИК-1)	Раздел 1, тема 3
	3-4, 3-5 (ИК-1)	Раздел 2, тема 2
	У-1 (ИК-1)	Раздел 1, темы 3–8; Раздел 2, темы 2–4, письменные задания 1 и 2
	У-2 (ИК-1)	Раздел 1, темы 1–8, Раздел 2, темы 1–5, письменные задания 1 и 2
	Н-1 (ИК-1)	Письменные задания 1 и 2. Устный зачет
	Н-2 (ИК-1)	Устный зачет

ОПК-3	3-1 (ОПК-3)	Раздел 1, темы 1, 3, 4, 7
	3-2 (ОПК-3)	Раздел 2, тема 1
	3-3 (ОПК-3)	Раздел 2, темы 1–4
	3-4 (ОПК-3)	Раздел 1, тема 1–8; Раздел 2, тема 1–4
	У-1 (ОПК-3)	Раздел 1 (полностью), Письменное задание 1
	У-2 (ОПК-3)	Раздел 1, тема 2, Письменное задание 1
	Н-1 (ОПК-3)	Раздел 1 (полностью), Раздел 2 (полностью)
СПК-5	3-1 (СПК-5)	Раздел 2, тема 5
	У-1 (СПК-5)	Раздел 1 (полностью), Раздел 2 (полностью)
	Н-1 (СПК-5)	Устные зачеты

1.2. ОПИСАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И КРИТЕРИЕВ ОЦЕНИВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ, ОПИСАНИЕ ШКАЛ ОЦЕНИВАНИЯ

Сформированность каждой компетенции в рамках освоения данной дисциплины оценивается по двухуровневой шкале: сформирована или не сформирована.

Код компетенции	Шкала оценивания компетенций	
	Сформирована	Не сформирована
ИК-1	Показатели – способность после письменной подготовки дать развернутый, связный и не содержащий грубых фактических ошибок устный ответ на 2 вопроса по тексту Ветхого или, соответственно, Нового Завета, отразив основное содержание изучаемых книг и отрывков или основные отраженные в нем этические нормы и мировоззренческие положения.	Показатели – неспособность продемонстрировать в ходе подготовленного устного ответа знание ключевых текстов (см. методические рекомендации), неспособность распознать среди предложенных текстов цитаты из ключевых библейских текстов или аллюзии на них.
ОПК-3	Показатель – способность в ходе подготовленного устного ответа продемонстрировать знание основных этапов формирования библейских книг, основных проблем и подходов текстологии Нового завета, датировки и атрибуции отдельных книг, понимание жанровых особенностей книг и поэтики.	Показатель – неспособность продемонстрировать в ходе подготовленного устного ответа знание основных этапов формирования библейских книг или понимание их жанровой специфики.
СПК-5	Показатель – способность продемонстрировать в ходе устного ответа знание основных переводов библейских книг на основной изучаемый иностранный язык, распознать цитаты из библейских книг или аллюзии на них в приведенном отрывке из литературного произведения и прокомментировать образ использования библейского текста в данном случае.	Показатель – незнание основных переводов библейских книг на основной иностранный язык, неспособность распознать цитаты из библейских книг или аллюзии на них в приведенном отрывке из литературного произведения.

1.3. ТИПОВЫЕ КОНТРОЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ ИЛИ ИНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ОЦЕНИВАНИЯ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ, НАВЫКОВ И (ИЛИ) ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

РАЗДЕЛ 1 (ВЕТХИЙ ЗАВЕТ)

1. Общие сведения: что означает слово «Библия»? Когда оно появилось? Что такое Септуагинта? Язык и время возникновения Септуагинты. Что такое Масоретский текст?

2. Понятие «канон». Состав книг Ветхого завета. Различия между греческой и масоретской традициями. Понятия «каноническая», «неканоническая», «второканоническая книга», «апокриф».

3. Как группируются книги Ветхого завета (в «школьной» европейской традиции, в иудейской традиции?) Что означает слово «Танах»? Жанры библейских книг.

4. Пятикнижие: состав. Датировка и авторство книг: основные подходы и гипотезы. Теория слоев (JEPD).

5. Основное содержание книги Бытия: общая характеристика.

6. Два рассказа о сотворении мира: что их отличает, что у них общего?

7. Грехопадение и понимание зла в Ветхом завете.

8. Особенности библейского рассказа о потопе.

9. История Авраама: композиция, способы характеристики Авраама. Место Авраама в ветхозаветной истории.

11. Понятие «традиции», «предания» в истории Авраама, Исаака и Иакова.

12. История Иосифа и ее место в книге Бытия.

13. Книга Исход. Жанр, основное содержание, гипотетические датировки событий.

14. Установление Пасхи: предшествующие события, ритуал, его символическое истолкование.

15. Синайское законодательство: Декалог («Десять заповедей»). Путь к свободе в понимании Ветхого завета. Тема Богоявлений в Ветхом завете. Огненный или облачный столп, ковчег, скиния, пир на Синае. Цель и итог Синайского завета.

16. Путь в пустыне, Золотой телец, отказ войти в Землю обетованную. Тема борьбы избранного народа с Богом в книге Исход и смысл имени «Израиль» (Быт. 32:28).

17. Исторические книги: характеристика жанра, обстоятельств и времени возникновения. Эпоха судей. Период Единого царства. 1-я и 2-я книги Царств. Общее содержание.

18. Дописьменные пророки: Самуил, Илия. Ветхозаветное понимание пророчества.

19. История Саула и Давида и оценка их действий в кнн. Царств. Царствование Соломона и строительство храма.

20. Пророческие книги: исторический контекст. Разделение Северное (Израиль) и Южное царство (Иудея). Плен.

21. Кн. пророка Исайи. Вопросы датировки и авторства. Главные темы и образы Первой и Второй Исайи.

22. Кн. пророка Иеремии: центральные темы и образы.

23. Кн. пророка Иезекииля. Наиболее яркие образы.

24. Учительные книги: эпоха Второго храма (после плена). Книга Иова: поэтика, основные проблемы.

25. Книга пророка Ионы, ее жанр и интерпретация.

26. Книга Экклезиаста. Эпоха появления. Основные темы. Особенности композиции и поэтики.

27. Послепленная эпоха. Эллинизм. Освободительное движение.

28. Книги Маккавейские.

29. Мессианские ожидания в межзаветную эпоху.

30. Найдите в приведенном отрывке из литературного произведения цитаты или аллюзии на текст Ветхого Завета, определите их источник (книгу) и прокомментируйте способ использования библейского текста.

СПИСОК ВОЗМОЖНЫХ ОТРЫВКОВ:

Аврелий Августин. «Исповедь» (отрывки).

Данте. «Божественная комедия» (отрывки).

Дж. Мильтон. «Потерянный рай» (отрывки).

Дж. Донн. «Шторм».

А. Грифиус. Vanitas.

Д. Дефо. «Робинзон Крузо» (фрагменты).

И.В. фон Гёте. «Фауст» (Пролог на небесах).

И.В. фон Гёте. «Итальянское путешествие» (фрагмент).

Ч. Диккенс. «Домби и сын» (Глава 1).

Т. Манн. «Закон» (фрагменты).

Т. Манн. «Иосиф и его братья» (фрагменты).

Дж. Барнс. «История мира в 10 ½ главах». Глава 1. Глава 9.

РАЗДЕЛ 2 (НОВЫЙ ЗАВЕТ)

1. Состав Нового завета.

2. Время возникновения книг Нового завета.

3. Формирование новозаветного канона: хронологические рамки, критерии отбора.

4. Синоптическая проблема и пути ее решения.

5. Отличительные особенности Евангелия от Марка: язык, стиль, содержание.

6. Композиция Евангелия от Марка.

7. Мессианские ожидания в межзаветную эпоху и проповедь Христа.

8. Отличительные особенности Евангелия от Матфея: язык, стиль, содержание.

9. Композиция Евангелия от Матфея.

10. Притчи и речения о церкви в Евангелии от Матфея.

11. Притчи о Царстве: главные образы (по синоптическим Евангелиям).

12. Заповеди и этические нормы в синоптических Евангелиях.

13. Основные притчи Евангелия от Луки.

14. Нагорная проповедь: структура и содержание.

15. Основное содержание книги Деяний.

16. Соотношение книги Деяний и Евангелия от Луки.

17. Особенности Евангелия от Иоанна: язык, стиль, содержание.

18. Эсхатология в синоптических Евангелиях: Мк. 13, Мф. 24, Лк. 21:5–36.

19. Откровение Иоанна Богослова: главные темы и образы.

21. Основные переводы Нового завета.

22. Найдите в приведенном отрывке из литературного произведения цитаты или аллюзии на текст Нового Завета, определите их источник (книгу) и прокомментируйте способ использования библейского текста.

СПИСОК ВОЗМОЖНЫХ ОТРЫВКОВ:

Данте. «Человеческая комедия» (фрагменты).

Дж. Мильтон. «Потерянный рай» (фрагменты).

В. фон Эшенбах. «Парцифаль» (фрагменты).

А. Грифиус. «Слезы отечества».

Дж. Милтон. «Потерянный рай» (фрагменты).

Мольер. «Тартюф» (речь Клеанта).

Клопшток. «Мессиада» (фрагменты).

Вольтер. «Кандид, или Оптимизм» (фрагменты).

Й.В. фон Гёте. «Фауст». Первая часть (фрагмент о переводе).

Ф. фон Шиллер. «Разбойники» (фрагменты).

1.4. МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕДУРЫ ОЦЕНИВАНИЯ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ, НАВЫКОВ И (ИЛИ) ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ

Форма промежуточной аттестации	Шкала оценивания		Критерии оценивания
	в оценках или баллах	% правильных ответов	
Зачет	«зачет»	60 %	Основанием для допуска к зачету является успешно сданный (60% правильных ответов) тест. Для получения зачета необходимо дать ответ на оба вопроса из билета или на один вопрос билета и дополнительный вопрос.

1. ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНОЙ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, НЕОБХОДИМОЙ ДЛЯ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

А) ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

РАЗДЕЛ 1 (ВЕТХИЙ ЗАВЕТ)

1. Библия: Синодальный перевод¹.

2. Библия // Православная энциклопедия. Т. 5. С. 89–97.

3. Введение в Ветхий Завет / Под ред. Э. Ценгера. М.: ББИ, 2008.

4. *Мень А., прот.* Исагогика (любое издание).

5. *Мень А., прот.* Как читать Библию? (любое издание).

6. *Юнгеров П.А.* Введение в Ветхий Завет (любое издание).

7. *Ценгер Э.* Введение в Ветхий Завет. М., 2008.

¹ Любое издание Московской Патриархии, издательства «Жизнь с Богом» (Брюссель) или РБО без пометки «Канонические книги».

8. Толковая Библия / Под ред. А.П. Лопухина (любое издание).

РАЗДЕЛ 2 (НОВЫЙ ЗАВЕТ)

1. Библия: Синодальный перевод¹.

2. *Ианнуарий (Ивлиев), архим.* «И увидел я новое небо и новую землю»: Комментарий к Апокалипсису. М., 2016.

3. *Кассиан (Безобразов), еп.* Христос и первое христианское поколение. М.: ПСТГУ, 2006.

4. *Мецгер Б.М.* Новый Завет: Контекст, формирование, содержание. М.: ББИ, 2006.

5. *Ролофф Ю.* Введение в Новый Завет. М.: ББИ, 2011.

6. Толковая Библия / Под ред. А.П. Лопухина (любое издание).

Б) ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

РАЗДЕЛ 1 (ВЕТХИЙ ЗАВЕТ)

ПЕРЕВОДЫ

1. Книга Бытия / Пер., авт. вст. ст., коммент. М.Г. Селезнев. М.: РГГУ, 1999.

2. Книга Исхода / Пер., коммент. М.Г. Селезнев, С.В. Тищенко; ред. А.Э. Графов. М.: РГГУ, 2000.

3. Книга Второзакония / Пер., авт. коммент. С.В. Тищенко, М.Г. Селезнев. М.: Российское библейское общество, 2005.

4. Книга Иисуса Навина. Книга Судей / Пер., авт. примеч. М.Г. Селезнев. М.: Российское библейское общество, 2003.

5. Книга Иезекииля / Пер., авт. вст. ст., авт. коммент. Л.В. Маневич. М.: Российское библейское общество, 2006.

6. Книга Даниила. Книга Эсфири / Пер., авт. предисл., авт. примеч. Е.Б. Смагина; ред. А.Э. Графов; авт. примеч., ред. серии М.Г. Селезнев. М.: Российское библейское общество, 2004.

7. Книга Иова / Пер., авт. коммент. А.С. Десницкий. М., 1999.

8. Книга Притчей Соломоновых (в помощь изучающим Священное Писание) / Пер., авт. предисл., коммент. Е.Б. Рашковский. М., 1999.

9. Притчи. Книга Экклезиаста. Книга Иова / Авт. вст. ст. М.Г. Селезнев. М.: РГГУ, 2000.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Finkelstein I. Silberman N.A.* The Bible Unearthed: Archeology's New Vision of Ancient Israel and the Origin of Its Sacred Texts. N.Y. et al.: Touchstone, 2002.

2. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков: Ветхий Завет. Т. 1–10, 14. Тверь: Герменевтика, 2004–2010.

3. *Брюггеман У.* Введение в Ветхий Завет. М.: ББИ, 2009.

4. *Бикерман Э.Дж.* Евреи в эпоху эллинизма / Элиас Дж. Бикерман; пер. с англ. Т.Б. Менская; ред.: А.Б. Ковельман, А. Кулик. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2017.

5. История всемирной литературы: В 8 т. Т. 1 / Редкол.: И.С. Брагинский (отв. ред.), Н.И. Балашов, М.Л. Гаспаров, П.А. Гринцер. М., 1983. 584 с.

6. *Синило Г.В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). Минск, 1998.

7. *Тантлевский И.Р.* Царь Давид и его эпоха в Библии и истории. СПб.: Изд-во РХГА, 2016.

РАЗДЕЛ 2 (НОВЫЙ ЗАВЕТ)

ПЕРЕВОДЫ

1. Новый Завет / Под ред., пер. с греч. под ред. еп. Кассиана (Безобразова) (любое издание).

2. *Аверинцев С.С.* Переводы: Евангелие от Матфея. Евангелие от Марка. Евангелие от Луки. Книга Иова. Псалмы Давидовы // Аверинцев С.С. Собр. соч. Киев: Дух і літера, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков: Новый Завет: В 12 т. Тверь: Герменевтика, 2001–2016.

2. *Кассиан (Безобразов), еп.* Лекции по Новому Завету (4 тома). Paris: Presses Saint-Serge, 2003–2004.

3. *Лотман Ю.М.* Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция // Труды по знаковым системам. Т. 24. Культура: Текст: Нарратив. Тарту, 1992. С. 58–71.

4. *Лортыц Й.* История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей: В 2 т. М.: 1999–2000.

8. Перечень ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», необходимых для освоения дисциплины:

Электронная версия проекта «Православная энциклопедия». URL: <http://www.pravenc.ru/> (дата обращения: 25.11.2021).

Статья «Библия» // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/209479.html> (дата обращения: 25.11.2021).

Электронный текст Библии (с параллельными местами). URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/> (дата обращения: 25.11.2021).

9. Методические указания для обучающихся по освоению дисциплины

Самостоятельная работа обучающихся предполагает чтение текстов Ветхого и Нового Завета; крайне желательно, чтобы темп чтения совпадал с материалом лекций. Для освоения первого раздела дисциплины (Ветхий Завет), необходимо знание следующих ключевых отрывков:

1. Бытие 1:1–11:9. Творение. Грехопадение. Каин и Авель. Ной. Потоп. Вавилонская башня.

2. Бытие 11:27–22:24. История Авраама.

3. Бытие 24:1–33:20, 35:1–29. История Исаака и Иакова.

4. Бытие 37:1–50:26. Иосиф.

5. Исход 1:1–20:21, 24:1–15. Моисей. Исход из Египта.

6. Исход. Гл. 21–23. Образец заповедей Закона.

7. Исход 25:1–27:19. Ковчег и скиния Завета.
8. Исход 29. Установление священства из рода Аарона.
9. Исход 32. Золотой телец.
10. Исход 33:12–34:9; 34:29–35. Богоявление Моисею.
11. Книга Чисел 13:–14:44. Отказ от входа в Землю обетованную.
12. Книга Судей. Гл. 4. Девора. Гл. 13–16. Легенда о Самсоне.
13. 1 Царств. Гл. 1; 3:1–4:18; 7:15–31:13. Пророк Самуил. Царь Саул. Давид.
14. 2 Царств. 5:1–7:17. Установление единого государства. Обетование Давиду. 11:1–12:25. Давид и Вирсавия.
15. 3 Царств. 1:1–2:12. Начало правления Соломона. 3:1–6:37. Мудрость Соломона. Строительство Храма. 12:1–31. Распад на Северное (Израиль) и Южное царство (Иудею).
16. 3 Царств 16:29–19:21. 20:35–22:40. 4 Царств. 1:1–2:25. Царь Ахав. Пророк Илия. Призвание пророка Елисея.
17. 4 Царств. 16:1–20:1. 22:1–23:30. Из истории двух царств. Гибель Северного царства. Религиозные реформы царя Езекии (Южное царство).
18. 4 Царств. 24:1–25:26. Осада Иерусалима в 597 г. Разрушение Иерусалима и Южного царства в 587 г.
19. Книга пророка Исайи. Гл. 6; 1–5; 7–11; 13–14; 25–26; 28; 32; 35; 36–38. Второисайя: 53. 65.
20. Книга пророка Иеремии. Гл. 1, 13:1–11; 16:1–13; 21–22:8; 23:9–40; 24; 26; 27–28; 31:31–40 («Новый завет»); 36; 37–39.
21. Книга пророка Иезекииля. Гл. 1–5. 10, 11:22–25. 37 (Пророчество о сухих костях).
22. Псалтирь. Пс. 1, 8, 50, 90, 103.
23. Книга Иова. Гл. 1–14, 27–31.
24. Книга Екклесиаста полностью
25. Книга пророка Ионы полностью.
26. Книга пророка Даниила. Гл. 1–7.

Освоение второго раздела дисциплины (Новый Завет) предполагает чтение трех синоптических Евангелий (от Матфея, от Марка и от Луки), первой главы Евангелия от Иоанна, книги Деяний, а также книги Откровения.

Знание текстов соответствующего раздела необходимо для успешного прохождения теста в конце каждого семестра.

Кроме того, в каждом семестре предусмотрено выполнение одного письменного задания. Примеры типовых заданий.

Раздел 1 (Ветхий Завет) — выполняется после освоения темы 4

Какова, на Ваш взгляд, иерархия ценностей, зафиксированная в Десяти заповедях (книг Исход, 20 глава)? Какие сферы человеческой жизни здесь регулируются?

Сравните следующие положения законодательства Моисея и законов Хаммурапи. В чем их сходство, в чем отличие? (Фрагменты обоих текстов прилагаются.)

Прокомментируйте выделенные жирным шрифтом выражения из первой книги «Потерянного рая» Дж. Мильтона (1667). Какие места из книг Ветхого Завета подразумеваются в них? (Фрагмент произведения прилагается.)

Какие персонажи 1-й книги Царств могут подразумеваться в стихотворении Байрона «Душа моя мрачна» (1814) из цикла «Еврейские мелодии»? (Произведение прилагается.)

Раздел 2 (Новый Завет) – выполняется после освоения темы 3

Сравните текст Евангелия от Матфея, глава 5, стихи 39–48 и события книги Деяний, глава 16, стихи 16–38. Какими нормами руководствуется апостол Павел в этом изложении? Можно ли считать рассказ автора Деяний комментарием к евангельской заповеди?

Известно, что Средние века IV эклога Вергилия связывалась с рождением Христа. Как Вы полагаете, какими стихами эклоги была вызвана такая интерпретация? С какими библейскими отрывками связывались эти стихи? (Произведение прилагается.)

Прокомментируйте выделенные жирным шрифтом реплики героев романа «Страдания молодого Вертера» И.В. фон Гёте. Как здесь используется и интерпретируется текст Евангелия? (Фрагмент романа прилагается.)

10. Перечень информационных технологий, используемых при осуществлении образовательного процесса по дисциплине, включая перечень программного обеспечения и информационных справочных систем (при необходимости)

Для демонстрации схем, карт и иллюстративного материала используются программы из комплекта Microsoft Office (PowerPoint) или LibreOffice (LibreOffice Impress).

11. Описание материально-технической базы, необходимой для осуществления образовательного процесса по дисциплине

Для проведения занятий необходима аудитория, оснащенная подключенным к персональному компьютеру проектором и экраном.

Сведения об авторе:

Даниил Дмитриевич Черепанов,
канд. филол. наук
ст. преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Daniil D. Cherepanov,
PhD
Senior Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ddcherep@gmail.com

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

100-летие Блаже Конеского

А.Г. Шешкен (Москва, Россия)

**Выдающийся представитель македонской культуры
Блаже Конеский (1921–1993): К столетию со дня рождения**

Аннотация: Празднование столетнего юбилея македонского поэта, ученого и общественного деятеля Блаже Конеского (1921–1993) является поводом оценить его выдающийся вклад в македонскую литературу. Суть его лирики составляет глубинная связь с народной традицией и опытом мирового искусства слова, в чем важная роль принадлежит русской классике – Пушкину, Есенину, Маяковскому, Блоку и др.

Ключевые слова: Блаже Конеский, македонская литература, фольклор, А. Пушкин, С. Есенин, В. Маяковский

A.G. Sheshken (Moscow, Russia)

**Blaze Koneski (1921–1993) the Great Macedonian Culture Person:
On the Centenary of His Birth**

Аннотация: The celebration of the centenary of the Macedonian poet, scientist and public figure Blaže Koneski (1921–1993) is a reason to appreciate his large contribution to Macedonian literature. The essence of his lyrics is a deep connection with the folk and world art traditions, and the Russian one among them is the most important (Pushkin, Yesenin, Mayakovsky, Blok, etc.).

Key words: Blaže Koneski, Macedonian literature, folklore, Aleksandr Pushkin, Sergey Esenin, Vladimir Mayakovsky

Весь 2021 г. прошел в Северной Македонии под знаком празднования столетия выдающегося поэта Блаже Конеского, который за последние тридцать лет стал символом национальной культуры. Авторитетный македонский ученый Г. Старделов называет его человеком-эпохой, о чем красноречиво свидетельствует его фундаментальный труд «Эпоха Блаже Конеского» (2018)¹. Это личность ренессансного типа, оставившая яркий след в разных областях: в литературе как поэт, прозаик и переводчик, в науке как ученый-лингвист, а также как крупный общественный деятель и организатор науки. Б. Конеский избирался ректором Универ-

¹ Старделов Г. Эпоха Блаже Конески. Скопје, 2018.

ситета имени свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (1958–1960) и был основателем филологического факультета университета имени свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (1946; теперь носит его имя), как и национальной Македонской академии наук и искусств (МАНИ; президент в 1967–1975). В память о своем основателе Академия учредила медаль «Блаже Конеский», которая присуждается за выдающийся вклад в изучение и популяризацию македонского языка, литературы и культуры. Конеский был также первым председателем Союза писателей Македонии, что было после войны качественно новой формой организации культурной жизни, как и создание творческих союзов федерального и республиканского значения. Союз писателей Югославии был основан в 1946 г., а Союз писателей Македонии – в 1947 г. Его печатным органом стал первый литературный журнал на македонском языке «Новый день» («Нов ден», 1945–1950), в редколлегии которого тоже состоял Блаже Конеский и несколько лет был его главным редактором.

Плоть от плоти своего народа, Б. Конеский родился в крестьянской семье 19 декабря 1921 г. в селе Небрегово, расположенном в окрестностях г. Прилеп и впитал в себя все богатство народной культуры, воспринял роскошь устной поэтической традиции, развил выразительные возможности родного языка и отразил в лирике и поэмах ледендарное историческое прошлое своего народа. Именно в этих местах жил в XIV в. и правил Марко Королевич из династии Мрнявчевичей, воспетый в фольклоре как главный защитник южных славян от турок. В детстве Блаже Конеский слушал эпические песни о подвигах Марко Крале и легенды, связанные с его именем, от своей тетки, знавшей множество народных песен и сказаний. Его односельчане любили рассказывать о местах, связанных с памятью о богатыре: Марковы башни, отпечаток ноги Марко и др. Народная песня оставалась прочной основой для лирики самого Конеского в течение всего творческого пути. Второй важной чертой стало всестороннее освоение им опыта мировой литературы.

Еще во время учебы в гимназии в г. Крагуевац (закончил в 1939 г.) Б. Конеский начал систематически знакомиться с литературой, в том числе с русской классикой – произведениями Достоевского и Толстого, Гоголя и Есенина, Горького, Маяковского, Блока. Эти авторы входили в число самых любимых и популярных у македонского читателя предвоенного и послевоенного времени. Именно русская поэзия вдохновляла Конеского, когда его дарование только начало пробуждаться. В рукописном варианте, датированном 1939 г., сохранилось одно из первых стихотворений Б. Конеского, написанных на македонском языке, – «Письмо матери», которое, по его собственному признанию, было инспирировано известным стихотворением Сергея Есенина под таким же названием («Письмо матери»: «Ты жива еще, моя старушка...»)¹. Молодой поэт, однако, подчеркнул, что он обращался именно к македонской женщине, отразил ее облик и ту обстановку, в которой она жила. Македонский литературовед Милан Гюрчинов вспоминал, что во время войны Конеский не только продолжил писать стихи, но и переводил с русского («Песня о Буревестнике» Максима Горького). Собственная поэзия Конеского этих лет была опубликована в начале 1950-гг. под названием «Из старой записной книжки» («Од стариот нотес»).

Во время учебы в Белградском (1940/41) и Софийском университетах Б. Конеский получил блестящее образование, приобщился к двум серьезным научным славистическим школам, что оказалось важным для будущей его деятельности

¹ *Конески Б.* Целокупни дела на Блаже Конески / Приредил Милан Ѓурчинов: Во 3 т. Т. 1. Скопје: МАНУ, 2011. С. 325.

по кодификации македонского литературного языка. Тогда же обнаружился его интерес к классике славянской поэзии, произведениям Пушкина и Мицкевича. Македонский поэт увлекся Пушкиным еще в студенчестве, о чем неоднократно вспоминал (всем надоедал постоянным чтением отрывков из «Евгения Онегина»)¹. Потом была попытка перевода стихотворения «Узник» (1946) и ощущение постоянной потребности в общении с классиком русской литературы. Оно было опубликовано в журнале «Нов ден» с пометкой: «Прев. Б.К.». Это стихотворение не было переиздано ни в периодике, ни в избранных сочинениях Конеского при жизни. Стихотворение отвечало основному пафосу эпохи в целом и творчеству самого Конеского. Перевод пушкинского стиха является одной из первых попыток ввести в македонскую поэзию ямб, который не является для македонского языка органичным размером. В последнем сборнике Б. Конеского «Црн овен» (1993) находим свидетельство неостывающего интереса к Пушкину. Это стихотворение состоит из двух строк «По А.С. Пушкину» («Според А.С. Пушкин») и представляет собой вольную интерпретацию нескольких начальных строк стихотворения «Не дай мне Бог сойти с ума...».

С именем Блаже Конеского связано становление современной литературы Македонии. Его лирика составляет классический фонд македонской поэзии, она опирается на традиции фольклора и европейской литературы одновременно, сочетает простоту стиля и философскую глубину. Ей свойственна музыкальность звучания и богатство жанров, ритмики и строфики. Сборник поэзии «Вышивальщица» («Везилка», 1955: 2-е изд.: 1961) стал этапным для всей македонской литературы. Вышитый красной и черной нитями узор из одноименного стихотворения становится символом судьбы народа и его языка. Воплощением трагической национальной истории стали образы простых крестьянок, созданных позднее в поэтическом цикле «Проложные жития» («Проложни житија»): «Житие Боны» («Житие на Бона»), «Житие Тасы Бояноской» («Житие на Таса Бојаноска»), «Успение тети Менки» («Успение на тетка Менка»).

Мотив сохранения родного слова, постижение его глубины и мудрости присутствовал у Конеского на протяжении всего творческого пути. В предсмертном сборнике поэта в стихотворении «Протест» («Отпор») читаем: «Ради сильного слова, пусть на непризнанном языке / я все перебираю звуки македонской лиры / она – это мой щит, равный вашей силе / вы, силачи!» Родной язык и национальные традиции были для Б. Конеского постоянной опорой в поисках ответов на вечные вопросы, он искал их «в творчестве своего народа, которое для поэта стало не только связующим звеном с краем, где он родился и вырос, и его традицией и принадлежностью к коллективу, связь с которым воплощается в новаторстве и оригинальных поэтических идеях», замечает македонский исследователь А. Мартиноска². Новаторство в использовании фольклорной традиции обнаруживается в поэзии Конеского, посвященной философским раздумьям о судьбе человека, поиске ответа о смысле человеческого существования, о любви и смерти, о подвиге и поражении. Интересный пример – такие разные по содержанию стихотворения, как «Больной Дойчин» о подвиге обессиленного героя и «Вий». Последнее, безусловно, имеет ассоциацию с гоголевским сюжетом (упоминание церкви, куда в полночь должен явиться Вий, страшные заклинания, очерченный круг-оберег),

¹ Андреевски Ц. Разговори со Конески. Скопје, 2020. С. 75.

² Мартиноска А. Конески и фолклорот. Скопје, 2012. С. 221.

отражая интерес поэта к народной демонологии, притом что основной пафос другой – неодолимое и неутолимое (демоническое, дьявольское) любовное влечение.

Любовные мотивы у Конеского нередко передают настроение одиночества, непонимания как со стороны женщины, так и со стороны окружающих. Эти настроения звучат и в стихотворениях о судьбе художника. В один из последних поэтических сборников «Златоврв» (1989) Б. Конеский поместил стихотворение «Маяковский», в котором размышляет о трагической гибели этого яркого человека-творца: «Он вдруг остался совсем один... / Он понял / в этой пустоте, / что спасения нет / и что уже быт вдребезги разбил / любовную лодку». Бросается в глаза вольная цитата из стихотворения русского поэта «Неоконченное»: «любовная лодка разбилась о быт». Находкой Конеского можно считать образ любовной лодки, разлетевшейся вдребезги («раскостил»), усиливший в переводе основную мысль стихотворения. Размышления о судьбе яркого и сильного «горлана, главаря», но внутренне тонкого и ранимого, заставляет задуматься об уязвимости души поэта и отчаянной потребности в любви.

Важным отличием поэзии Конеский является то, что он всегда становится на народную точку зрения, которая помогает ему избежать настроения безнадежности и ощущения бессмысленности бытия. Народная точка зрения на смысл человеческого существования не приемлет понимания жизни как абсурда, при всех тяготах, жертвах и трагедиях. Жизнь народа созидательна, и его отношение к родной земле уважительное и бережное. Надежда на благополучие семьи и плодородие закреплена в обрядах и обычаях, должных обеспечить здоровье, рождение детей, хороший урожай. Этот мотив присутствует и в одном из последних стихотворений поэта «Обновление» из последнего его сборника «Черный баран» («Црн овен», 1993).

Блаже Конески скоропостижно скончался 7 декабря 1993 г. в Скопье, оставив богатое творческое наследие.

ЛИТЕРАТУРА

Старделов Г. Эпоха Блаже Конески. Скопје, 2018. 271 с.

Ѓурчинов М. Кон поетиката на Блаже Конески (Размислувања врз матријалот од неговата последна фаза) // Ѓурчинов М. Облик и смисла. Критики и огледи (1990–2000). Скопје, 2000. С. 15.

Ќулавкова К. Беседа за Блаже Конески (по повод 5-те тома од неговите Собрани дела) // МАНУ скрипт. 2019. № 1–2. С. 22.

Конески Б. Целокупни дела на Блаже Конески / Приредил Милан Ѓурчинов: Во 3 тома. Скопје. 2011.

Шешкен А.Г. Поэзия Блаже Конеского (к вопросу об особенностях становления и развития современной македонской литературы) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2007. №2. С. 49–61.

REFERENCES

Stardelov G. (2018) The Epoch of Blaže Koneski. Skopje. 271 p.

Gurchinov M. On the Poetics of Blaže Koneski (reflections on his late works). In: Gurchinov M. A Form and Meaning. Critique and Reviews (1990–2000). Skopje, 2000. P. 15.

Kulavkova K. Word about Blaže Koneski (to the release of the five-volume collection of his works). *MANU Script*. 2019. No 1–2, p. 22.

The Complete Works of Blaže Koneski / Prep. by M. Gurchinov: In 3 vols. Skopje, 2011.

Sheshken A.G. Poetry of Blaže Koneski (on the formation and development of contemporary Macedonian literature). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2007. No 2, pp. 49–61.

Сведения об авторе:

Алла Геннадьевна Шешкен,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla Sheshken,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
asheshken@yandex.ru

В. Мојсова-Четишевска (Скопје, Северна Македонија)

Конески и светската славистика¹

Апстракт: Овој текст е мал прилог во одбележувањето на големиот јубилеј – 100 години од раѓањето на Блаже Конески, кој исцртува една мапа со најзначајните контакти што тој ги остварил со светските и особено со руските слависти. Пишуван и допишуван е во неколку наврати, а делови од него се читани во неколку пригоди:

- на отворањето на Првата зимска школа на МСМЈЛК (Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура) при УКИМ шпто се одржа од 25 јануари до 5 февруари 2021 година на далечина (онлајн) на платформата Зум како директорка на оваа институција;

- на излагањето на тркалезната маса на тема: «Конески – мостот што ги поврзува македонските и руските слависти» организирана од РЦ (Рускиот центар) и МСМЈЛК при УКИМ шпто се одржа на 18 март 2021 година на далечина (онлајн) на платформата Зум и

- на свечениот настан по повод 45 години изучување на македонскиот јазик, литература и култура на Филолошкиот факултет на Московскиот државен универзитет «М. В. Ломоносов», како дел од годишната програма на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура (МСМЈЛК) при УКИМ, реализиран во рамките на Програмата на манифестацијата «2021 – Година во чест на Блаже Конески» под покровителство на претседателот на државата, Стево Пендаровски, како и на Министерството за култура во соработка со Министерството за образование и наука.

Клучни зборови: руски слависти, светски слависти, македонскиот јазик како посебен јазик

¹ Текстот е постојано пишуван и допишуван и делови од него се читани во неколку пригоди: (1) на отворањето на Првата зимска школа на МСМЈЛК (Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура) при УКИМ шпто се одржа од 25 јануари до 5 февруари 2021 година на далечина (онлајн) на платформата Зум како директорка на оваа институција; (2) на излагањето на тркалезната маса на тема: «Конески – мостот што ги поврзува македонските и руските слависти» организирана од РЦ (Рускиот центар) и МСМЈЛК при УКИМ шпто се одржа на 18 март 2021 година на далечина (онлајн) на платформата Зум и (3) на свечениот настан по повод 45 години изучување на македонскиот јазик, литература и култура на Филолошкиот факултет на Московскиот државен универзитет «М.В. Ломоносов», како дел од годишната програма на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура (МСМЈЛК) при УКИМ, реализиран во рамките на Програмата на манифестацијата «2021 – Година во чест на Блаже Конески» под покровителство на претседателот на државата, Стево Пендаровски, како и на Министерството за култура во соработка со Министерството за образование и наука, на кој истакнав: «Емил Бенвенист во вториот том од својата “Општа лингвистика” пишува дека човек се раѓа двапати: еднаш од своите родители и еднаш во јазикот (...) а јазикот е култура и културата е – јазик! Во името на македонскиот јазик како култура денес се радуваме на еден исклучителен јубилеј 45 години македонистика на Филолошкиот факултет при МГУ Ломоносов».

Koneski and World Slavic Studies

Abstract: This text is a small contribution to the celebration of the great jubilee – 100 years since the birth of Blaze Koneski, who draws a map with the most important contacts he made with the world and especially with the Russian Slavists. It has been written and corresponded on several occasions, and parts of it have been read on several occasions: – at the opening of the First Winter School of ISMLLC (International Seminar on Macedonian Language, Literature and Culture) at UKIM, which was held from January 25 to February 5, 2021 at a distance (online) on the Zoom platform as director of this institution; – at the presentation of the round table on the topic: “Koneski – the bridge that connects the Macedonian and Russian Slavists” organized by RC (Russian Center) and ISMLLC at UKIM which took place on March 18, 2021 online (online) on the platform Zoom and – at the solemn event on the occasion of 45 years of study of the Macedonian language, literature and culture at the Faculty of Philology of the Moscow State University “M.V. Lomonosov”, as part of the annual program of the International Seminar on Macedonian Language, Literature and Culture (ISMLLC) at UKIM, realized within the Program of the event “2021 – A year in honor of Blaze Koneski” under the auspices of President Stevo Pendarovski, as well as the Ministry of Culture in cooperation with the Ministry of Education and Science.

Key words: Russian Slavists, World Slavists, Macedonian as a separate language

Сите ние што излеговме од капата на великиот Блаже Конески (1921–1993), како некогашни студенти, а сега универзитетски професори на скопскиот Филолошки факултет, денес Филолошки факултет «Блаже Конески», чувствуваме еден вид потреба на некој начин да му се оддолжине, но не еднократно (само по повод големиот јубилеј – 100 години од неговото раѓање), туку да му се оддолжуваме постојано. Впрочем и самиот факултет со гордост го носи и неговото име, а во 2021 ја прослави и 75 годишнината од првиот час на македонски јазик на една високообразовна институција. Како прв човек на МСМЈЛК сакам да му се оддолжам со мојот ангажман преку сето она што го направивме во текот на целата мината годин. Имено, со организирањето на Првата зимска школа во рамките на МСМЈЛК чувствувавме еден вид потреба и на овој начин да му се оддолжине на Конески кој ете имал свој влог и учество во покренувањето и обмислувањето на тогаш т.н. Семинар за македонски јазик во далечната 1967 година. Самиот тој во позната книга «Разговори со Конески» во која се внимателно забележани разговорите што Цане Андреевски ги водел со самиот Конески во период од 5 години (1986–1990) (Скопје: Матица, 2020) вели дека идејата за формирање на еден ваков семинар повеќе ја форсирал Владо Малески, кој во тоа време бил дел од Комисијата за културни работи со странство во тогашната држава. Кон оваа идеја потоа се приклучува и самиот Конески и со своите размисли дава сериозен придонес кон отпочнувањето на тој прв семинар. И во тоа свое сеќавање тој вака поентира: «...времето покажа дека има смисла и таа форма, бидејќи тие семинари дадоа свои резултати» (Конески цитиран според Цане Андреевски, 2020: 169). Така што од таа 1967, на чие чело како директор застанува универзитетскиот професор и колега на Конески, Александар Спасов, во 2021 ја организиравме Првата зимска школа, но и 54. Летна школа (како сериозна подготовка за оној наш јубилеј оваа година, на 55. Летна школа), но ги организиравме и 48. Меѓународна научна конференција и Тркалезната маса на тема:

«Блаже Конески во наставата по македонски јазик, литература и култура на странските универзитети» на која покрај нашите лектори што предаваат македонски јазик во лекторатите, учество земаа и професорите што предаваат македонистика на странските универзитети. А во сите овие активности имаме учесници од повеќе универзитетски центри на Руската Федерација.

Би сакала да ја истакнам особено таа силна врска што Конески ја развил со странските и особено со руските слависти. Уште од далечната 1950 се започнува една поширока акција со која се стапува во контакт со светот и светската славистичка научна мисла. Меѓу првите, како што се сеќава самиот Конески, е професорот од Лондон, Реџиналд Де Бреј кој прв го вклучува македонскиот јазик во својот учебник за словенски јазици. Овој негов учебник потоа станува стандарден учебник по славистика за англоамериканските универзитети. На ова искуство се надоврзуваат и оние на професорот Валентин Кипарски од Хелсинки, и особено на Хораст Лант, професот на Харвардскиот универзитет во Кембриџ (САД). Лант првпат ќе се заинтересира за македонскиот јазик во Прага каде што бил на специјализација и каде што професорот Антонин Фринга, инаку експерт за лужичко-српските јазици, држел еден факултативен курс за македонскиот јазик. Од тој негов интерес ќе произлезе и тоа Лант да ја напише и својата Граматика на македонскиот литературен јазик (инаку и прва граматика на македонскиот литературен јазик наменета за странство), која «содржеше не само граматички опис на нашиот литературен јазик», како што се сеќава Конески, «ами и еден избор на текстови од македонската литература и еден речник од околу осум илјади зборови, македонско-англиски» (Конески цитиран според Цане Андреевски, 2020: 170, означеното е мое). Всушност, токму таа граматика придонесува многу за афирмацијата на нашиот јазик меѓу светските слависти. Со овие неколку потези доаѓа до можноста за воведување на македонскиот јазик или како посебен предмет или во рамките на компаративната словенска граматика на повеќе универзитети во светот. На оваа првична акција се должи и отворањето на лекторатите по македонски јазик на повеќе странски универзитетит ширум светот.

Секако, во овој контекст треба да се истакне дека и пред овој бран на странски слависти, имало слависти и од порано што се интересирале за македонскиот јазик и «коишто биле поблиску запознати со македонската лингвистичка ситуација, или како што се вели сега, социолингвистичка ситуација» (Конески цитиран според Цане Андреевски, 2020: 172, означеното е мое). А еден таков значаен центар бил токму Париз каде во Институтот за словенски студии работеле професорите Андре Мазон и Андре Вајан кои во периодот меѓу двете светски војни имаат објавено некои капитални дела за македонските дијалекти. Имено и двајцата биле на Солунскиот фронт за време на Првата светска војна и таму се запознаваат со говорите во Леринско и во Костурско. Од тука е нивниот интерес за македонистиката и сознанието дека македонските дијалекти треба да се проучуваат и обработуваат како посебна група. «Инаку, Мазон, којшто беше постар», како што вели Конески, «со славистиката се бавел поодамна, уште пред Првата светска војна, како лектор во Русија» (Конески цитиран според Цане Андреевски, 2020: 173, означеното е мое). «...Вајан има и една значајна статија “Проблемот на славомакедонскиот”, излезена пред војната, каде што му е блиску сфаќањето дека има перспектива да се оформи посебен македонски литературен јазик и дека почетоците негови треба да се бараат веќе во 19-от век. И, така стана. Така она што се случи кај нас, дојде како... како

потврда на таа негова теза» (Конески цитиран според Цане Андреевски, 2020: 174, означеното е мое).

На сето оваа мала предисторија почнува да се надоврзува и приказната за она што дошло од тогашниот Советски сојуз. Афанасиј Матвеевич Селишчев, и покрај тоа што има не така јасен поглед на можноста македонскиот да се третира како посебен јазик, за самата македонистика е значаен зашто меѓу своите ученици го разбудил интересот за македонската дијалектологија и за целокупната лингвистичка ситуација во Македонија. Она што во оваа пригода треба посебно да се истакне е дека организирал и еден курс специјално за македонскиот јазик на Универзитетот во Москва, непосредно пред Втората светска војна. И потоа, во советската енциклопедија од 1939-тата, од перото на неговиот ученик Самуил Борисович Бернштејн, излегува статија за македонскиот јазик како за посебен јазик. Инаку, Самуил Бернштејн (1911–1997) е основач на Катедрата за словенска филологија на Универзитетот «М. В. Ломоносов» во Москва, а надворешен член на МАНУ станува од 1969 година. Академик Блаже Ристовски во 2014 година ја објавува статија во Зборникот на Филолошкиот факултет «Блаже Конески» под наслов «Рускиот славист С.Б. Бернштејн во историјата на современиот македонски литературен јазик по повод стогодишнината од неговото раѓање» во која наведува прецизни податоци за самата граматика и истакнува дека ѝ се губи трагата. Сепак, оваа приказна има среќен крај, зашто јапонскиот професор Мотоки Номачи во Градскиот архив на Москва ја пронаоѓа таа мистериозна «Граматика на македонскиот јазик», напишана во 1946–47 година од овој руски професор, која никогаш не била објавена и се сметала за исчезната нешто повеќе од 70 години. Така што ова потврдува само едно, дека и таму, во СССР, како што истакнува Конески, «имало подготовка да се прими новата реалност» (Конески цитиран според Цане Андреевски, 2020: 174, означеното е мое). Инаку јапонскиот славист Мотоки Номачи работи заедно со големиот македонист, Виктор Фридман, на обработка на таа граматика со стручни коментари.

Од друга страна, Конески имал и лично познанство со славниот професор Роман Јакобсон со кога лично се запознал на меѓународниот славистички состанок во Белград во далечната 1954 година. Иако Јакобсон не се интересирал за македонскиот, сепак, бил упатен во сè што се случувало околу македонскиот. Еве го сведоштвото на Конески за таа нивна средба: «Тој ми пристапи со еден многу интересен предлог. Ми рече: Дали би сакале мојот реферат да го преведете на македонски. Јас да го читам на македонски на состанокот. Во разговорот сфатив дека тој бил во дилема на кој јазик да настапи. Дали на англиски или на руски. На англиски да настапи поради тоа што веќе беше професор во Америка. Но, чувствувал незгода да не зборува руски поради тоа што е познат руски интелектуалец. И, во таа дилема, како човек со жива фантазија, дошол на мислата дека излезот е во тоа да му го преведам јас текстот на македонски и тој да го чита и со тоа да направи впечаток, а едновременно да ја избегне оваа ситуација, оваа дилема. Но јас го разuverив. Реков дека тоа сепак ќе се прими прилично чудно и со резерва. И, после, кога дојде редот на неговиот реферат, тој кажа една-две реченици на англиски и продолжи на руски јазик» (Конески цитиран според Цане Андреевски, 2020: 179).

Во оваа плеада на руски слависти блиски на македонистика секако е Рина Павловна Усикова, долгогодишна учесничка и на летните школи и на меѓународните научни коференции одржани во рамките на МСМЈЛК во Охрид. Таа е авторка на повеќе од 100 научни публикации и уметнички преводи од македонски на руски

јазик. Во 1950-тата се запишува на државниот универзитет во Москва «М.В. Ломоносов», на Катедрата за славистика, но на одделението за бугарска филологија. Но, затоа, сиот свој професионален ангажман го насочува кон изучувањето на македонскиот јазик. Така во 1965 година ја брани магистерската теза «Морфологија на именките и глаголите во современиот македонски литературен јазик», под менторство на професорот С.Б. Бернштејн. Во 1993 доаѓа во Македонија како лектор по руски јазик на Катедрата за славистика на Филолошкиот факултет.

Многу скоро и МАНУ ја избира за дописен член, а воедно е прогласена и за почесен професор на Универзитетот «Св. Кирил и Методиј» во Скопје, каде во 2005 година се стекнува со титулата доктор по филолошки науки од областа на македонскиот јазик¹.

Оваа прошетка во која може само да се нотираат најбитните први контакт на македонскиот јазик со светот и светската славистичка научна мисла кои ѝ дадоа смисла и на целокупната активност и на МСМЈЛК, може да се заокружи со искуството од Полска. Имено, во Краков, пред војната во Македонија професорот Мјечислав Малецки работи на терен во Солунско и притоа дава значајни трудови за дијалектите од солунскиот крај. На таа негова работа се надоврзува интересот на Збигњев Голомб којшто има огромни заслуги за изучувањето на македонскиот јазик, посебно во балканолошка перспектива. Секако, треба да се споменат и залагањата на Тадеуш Лер Славински, шеф на славистиката на Јагелонскиот универзитет во Краков, но и на професорот Макс Фасмер од Берлин, еден од најпознатите светски слависти и автор на Рускиот етимолошки речник, кој има и една студија под наслов «Словените во Грција» што е многу важна за нас кога се работи за историјата на македонскиот јазик и кој е цитиран од страна на Конески во неговата «Историја на македонскиот јазик».

Но и покрај тоа што македонистиката имала и има толку многу пријатели и вистински проследувачи и проучувачи на македонскиот јазик во европската и светската славистика, имало и напади. И тоа, како што вели и самиот Конески, само од страна на бугарските слависти. «По мое мислење ние добро се поставувавме, затоа што не бевме агресивни. И со тоа ние добивме поени». Зашто «Ниту некој ќе биде фасциниран од тоа што некој ќе продава од меѓународна трибина висока македонска национална свест. Таму се гледа што кажувааш, дали донесувааш некакви научни резултати. Дали си доволно ишлифуван да комуницираш со луѓето,

¹ Моето обраќање по повод 45 години македонистика на «Ломоносов» имаше и еден интимен тон кој прозвучи вака: «Неколку исклучителни моменти сакам да ги споделам со сите вас а се извлечени од моите средби со Рина Ускова. Имено, уште од далечната 2002/03 на МСМЈЛК започнаа и лекторските часови по македонска литература кои во тоа време ми ги довери проф. д-р Максим Каранфиловски како тогашен директор на Меѓународниот семинар. Со радост, но и со голема возбуда прифатив и се секавам дека тие први години додека летните школи сè уште беа во убавиот хотел ПАЛАС во центарот на Охрид, лекторските часови за напредното ниво ги водевме јас (за македонска литература) и Анета Дучевска (за македонски јазик). Имавме една убава практика, на секој втор ден, вториот дел од наставата да се ротираме, и така Анета Дучевска одеше на настава со моите семинаристи и тие го вежбаа својот македонски, а јас одев кај нејзините семинаристи и тие како тешка артилерија лингвисти се обидуваа да ја читаат и коментираат македонската книжевност. Многу бев под притисок од тоа каква ќе биде реакцијата на Рина Ускова, зашто многу сакав да ѝ се допаднам т.е. сакав да ѝ се допадне мојот пристап на читање и коментирање на македонската поезија. И така решив да ја шармирам со стихови од Конески (знаев дека посебно ѝ е драг поетот Конески). Запалија посебно «Убавите жени» и мразот беше скршен, разговорот започна, часовите беа вистинска возбуда и оттогаш повеќе пати зборувавме за Конески (како и за некои други македонски автори, за Гане Тодоровски или за Петре М. Андрејевски или ...) и на самите часови, но и на здравувањем низ познатите руски здравници за убавите македонски поетски слики на терасата во Конгресниот центар на УКИМ со поглед на Охридското Езеро».

како што се очекува од образован човек. Дали умееш да создаваш пријателство?“, поентира Конески во разговорот со Цане Андреевски.

Мислам дека сите помалку научивме или кажано според Конески се испли-фувавме. Така, од овој аманет што ни го остави, но и во името на тој аманет, се случија сите оние големи и помалку големи настани и симпозиуми во текот на целата 2021 година со цел да продолжиме да чекориме заедно напред во/кон нови научни резултати.

Информации за авторот:

Весна Мојсова-Чепишевска,
доктор по филологија
редовен професор
Филолошки факултет «Блаже Конески»
Универзитет Св. Кирил и Методиј

Vesna Mojsova Chepishevska,
Doctor of Philology
Full Time Professor
Faculty of Philology “Blaze Koneski”
University St. Cyril and Methodius
vesnamojsova@hotmail.com

Е.В. Верижникова (Москва, Россия)

Русские в творчестве Блаже Конеского

Аннотация: Русская культура занимала важное место в круге интересов Блаже Конеского. В ряде произведений запечатлены образы русских эмигрантов, с которыми Блаже Конеский был знаком. Яркие образы дополняют представление о жизни и судьбах русского зарубежья. Статья знакомит с тремя произведениями автора, посвященными Владимиру Владимировичу Бутчику, библиотекарю Института славяноведения в Париже, выдающемуся ученому Владимиру Алексеевичу Мошину и русскому игумену Виталию.

Ключевые слова: Блаже Конеский, русская эмиграция, Владимир Владимирович Бутчик, Владимир Алексеевич Мошин, русское монашество

E. V. Verizhnikova (Moscow, Russia)

Russians in the Work of Blaže Konesky

Abstract: The Russian culture has prominently been a field of interests of Blaže Koneski. A number of works capture the Russian emigrants, with whom Blaže Koneski was acquainted. Their vivid images complement the representation of the Russian diaspora life and fate. The article introduces three works of the writer. Each of them is dedicated to one Russian: a librarian of the Institute of Slavic Studies in Paris Vladimir Vladimirovich Butchik, an outstanding scientist Vladimir Alekseevich Moshin and one Russian hegumen Vitaly.

Key words: Blaže Koneski, Russian emigration, Vladimir Butchik, Vladimir Moshin, Russian monasticism

Российская наука, русская культура были для Блаже Конеского важным источником вдохновения – и научного, и художественного. Глубокое знание русского языка и литературы позволило создать прекрасные поэтические и прозаические переводы (Блока, Брюсова, Маяковского, Багрицкого и др.). Широкий круг знакомых и друзей Блаже Конеского среди российских ученых, писателей, поэтов.

В ряде художественных произведений Блаже Конеского запечатлены образы русских эмигрантов. Лирические записи «Встреча в раю» (1986), «Тихий Дон» (1986) и стихотворение «Успение Владимира Мошина» (1987) посвящены разным людям. С одним из них автора связывала многолетняя дружба, с другим – краткое приятельство, с третьим – случайное знакомство; разными были их судьбы и след,

оставленный в истории, но каждое произведение в отдельности и все они вместе много говорят о доле русского человека, оторванного от родины. Теперь, когда пришло время собирания «в рассеянии сущих», Блаже Конеский силой своего дара возвращает нам образы наших соотечественников, доносит их голоса и речь, которую мы можем услышать сквозь македонский текст.

1. В лирической записи (так сам автор определяет жанр произведения) «Встреча в раю» Блаже Конеский рассказывает о знакомстве с библиотекарем парижского Института славяноведения господином Бутчиком и кратком, не более полугода, общении с ним в 1956–1957 гг. Это действительно всего лишь зарисовка, эпизод из жизни двух людей, жизненные пути которых случайно пересеклись, чтобы вскоре разойтись навсегда. Мы не узнаем почти никаких фактических сведений о библиотекаре: ни биографии, ни возраста, ни даже имени, но его образ, живой и щемяще трогательный, не изгладится из памяти. Это история двух иностранцев, оказавшихся в величественном городе, построенном великим народом, к которому ни один из них не принадлежит. Встреча душ, почувствовавших родство. Господин Бутчик показывает (и это знак приятия и доверия) своему македонскому другу составленную им библиографию переводов русской классики на французский язык, снабженную анализом и критикой. Эту книгу можно отыскать в библиотеке и найти иллюстрацию, возмущившую господина Бутчика, прочесть предисловие [Boutchik 1947]. Но читателю обязательно захочется больше узнать об этом человеке.

Долгая и нелегкая жизнь стоит за сухими фактами:

БУТЧИК Владимир Владимирович (1892 – 1 марта 1980, Париж, пох. на клад. Сент-Женевьев-де-Буа). Подполковник лейб-гвардии Егерского полка, библиограф. Окончил Пажеский корпус. Участник Гражданской войны, воевал в составе Марковского полка. Эвакуировался в Галлиполи. В эмиграции жил во Франции. Член суда чести Объединения лейб-гвардии Егерского полка (1930), председатель полкового объединения. Член Общества друзей русской книги (1930-е). Работал библиотекарем Института славяноведения в Париже. Издал совместно с С.В. Яблоновским русскую хрестоматию для французов, изучающих русский язык. После Второй мировой войны привел библиотеку в порядок. Писал работу о С.Т. Аксакове. Редактор «Вестника гвардейского объединения». Публиковался в журнале «Возрождение». Выпустил библиографию художественных переводов на французский язык, за что был удостоен премии «Академические пальмы». Почетный библиотекарь Института славяноведения [Русское зарубежье 2008].

Биография дает нам еще один ключ: единственное имя, Жорж Дюамель (1884–1966), которое упоминает В.В. Бутчик, появляется отнюдь не случайно. Бутчику важно его мнение, его оценка. Возможно, немаловажно и то, что французский писатель, врач по образованию, тоже был участником Первой мировой войны, его произведения пронизаны состраданием к людям, к раненым и больным солдатам.

В.В. Бутчик был связан деловыми отношениями и перепиской с А.М. Ремизовым, которого консультировал в связи с переводом «Скверного анекдота» Ф.М. Достоевского. Письма Ремизова к Бутчику опубликованы [Lettres 1981]. Из краткой сопроводительной заметки, написанной Бутчиком, мы узнаем, что он «приехал в Париж в конце 1923 г., после ряда случайных занятий только примерно через год начал работать в русском книжном магазине “Москва”, на улице Дюпюитрен, в районе театра Одеон. Здесь и произошло знакомство с А.М. Ремизовым» [Lettres 1981: 295].

О большом авторитете В.В. Бутчика говорит и оценка Ремизова, которую цитирует в «Дневнике моих встреч» Ю.П. Аненков: «Я спрашивал... не появилось ли чего о “Скверном анекдоте”, нет ли каких-либо клочков и заметок, как работал Достоевский? Но и сам Бутчик, а в книжных делах он настоящий, рече Boutchik, сказал мне бестрепетно: “ничего”» [Анненков 1991: 214].

Все эти факты оживают благодаря портрету, который создал Блаже Конеский. Перед переводчиком стоит нелегкая задача: сделать обратный перевод, угадать, как слова Бутчика когда-то прозвучали по-русски. При этом следует иметь в виду, насколько возможно, его языковую личность. В некоторых случаях подсказку может дать сам текст. Так, в характеристике отношения к русской литературе использовано слово «светотатски», отсутствующее в македонском языке. В собрании сочинений научный редактор даже сопровождает его комментарием: «слово приводится в соответствии с текстом оригинала» [Конески 2014: 353]. Видимо, оно сохранилось в памяти автора даже спустя много лет.

2. Самым близким из трех человек, которым посвящены произведения Блаже Конеского, был для автора Владимир Алексеевич Мошин (9 октября 1894, Санкт-Петербург – 3 февраля 1987, Скопье), выдающийся филолог и историк, славист, византист, основатель югославянской палеографической науки [Булатова 1996], академик Македонской академии наук и искусств (с 1974). С русским ученым Конеского связывали научные интересы и многолетние дружеские отношения. На смерть В.А. Мошина поэт написал стихотворение-плач¹ об ушедшем близком человеке.

УСПЕНИЕ НА ВЛАДИМИР МОШИН

Суни
ситната камбана
на Свети Димитрија.
Непризнатата црква
опева еден непризнат светител
на радост на самого Бога.

Тебе те испраќаме,
тебе,
Владимире Мошин,
тебе што дури од Петроград
се прибра најпосле овде,
да бидеш со нас
презирајќи ги фарисеите.

О поручниче,
о професоре,
о ставрофоре!

Дали случајно било
да станеме пријатели
ти и јас,
стари пријатели?
И сега јас,
збунет
да те испраќам?

УСПЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОШИНА

Звонит
невеликий колокол
храма Святого Димитрия.
Церковь, миром не признанная,
отпевает непризнанного святого
на радость Господу Богу.

Ныне,
Владимир Мошин,
мы провожаем тебя,
скитальца из дальнего Петрограда,
нашедшего здесь пристанище.
Ты с нами остался,
презрев фарисеев.

Ооо, поручик!
Учитель!
О, ставрофор!

Судьбой ли было назначено
сдружиться тебе и мне,
старыми стать друзьями?
И как же теперь,
мне навеки
с тобою
проститься?

¹ Стихотворение впервые опубликовано в сборнике «Црква» (1987).

Глубоко эмоциональное поэтическое произведение тем не менее содержит и отсылки к биографии русского ученого. Строфа

О поручниче,
о профессоре,
о ставрофоре!

говорит о трех ипостасях Владимира Мошина, который в 1914 г. добровольцем ушел на фронт, за участие в сражениях был награжден георгиевской медалью [Из воспоминаний... 2000: 182], в 1920 г. присоединился к Добровольческой армии, а в 1921 г. эмигрировал в Югославию, много преподавал в гимназиях и на факультетах университетов в разных городах Югославии, в 1942 г. был рукоположен в диаконы, а вскоре и в священники («ставрофор» ставрофорный протоиерей – священник с правом ношения креста). Научная и церковная деятельность В.А. Мошина подробно и обстоятельно освещается в целом ряде научных трудов [Булатова 1996; Живоинович 1996; Косик 2000; Нивьер 2007]. Отметим здесь лишь то, что непосредственно касается стихотворения, а также значения Мошина для Блаже Конеского и для Македонии в целом.

Ни одно слово в стихотворении не случайно, каждое содержит важную отсылку.

Автор упоминает родной город Владимира Алексеевича, называя его «Петроград». Город сменил имя в августе 1914 г., именно в этом году Мошин его покинул. И здесь поэт точен. В мемуарах русского ученого читаем: «В феврале я жил в Петрограде... захваченный, как и все общество, напряженностью политической атмосферы...» [Из воспоминаний... 2000: 183].

Значение строки «се прибора најпосле овде» можно было бы передать и как «в конце концов нашел себе здесь пристанище», и как «вернулся восвояси». За 65 лет, проведенных в Югославии, Мошин жил и работал в разных городах страны (Копривница, Белград, Панчево, Загреб и др.). Приезжал он и в Скопье: в 1930–1931 гг. преподавал на философском факультете Университета историю Византии и Римского царства [Из воспоминаний... 2000: 196]. В 1939 г. В.А. Мошин вновь был приглашен на кафедру византиноведения, но с началом войны он возвращается в Белград из оккупированной Македонии, отказавшись от предложения перейти на службу в Болгарию. В следующий раз он приезжает в Скопье в 1967 г. и остается здесь до самой смерти. Он с нуля создает центр археографических исследований в Архиве Македонии, обучает молодых исследователей, читает курс палеографии на филологическом факультете (1969–1975) [Македонска енциклопедија 2009: 992], готовит к изданию и описывает средневековые рукописи.

Значение В.А. Мошина, оценка его вклада, восприятие роли ученого в развитии македонской науки отражает и статья в македонской «Википедии»: «Владимир Алексеевич Мошин <...> – *македонски* филолог, университетски професор и член на МАНУ. Тој бил еден од најголемите проучувачи и познавачи на македонското книжевно наследство»¹ (курсив мой. – Е.В.). Для сравнения приведем шапку статьи и из русской «Википедии»: «Влади́мир Алексе́евич Мо́шин – русский историк и филолог, протоиерей, один из наиболее ярких представителей белоэмигрантов в Югославии».

Еще одно важное слово из стихотворения, нуждающееся в комментарии, – «фарисеи». Здесь Конеский подразумевает тех, кто отрицает самобытность македонского народа, отказывая ему в идентичности, праве на самостоятельность.

¹ https://mk.wikipedia.org/wiki/Владимир_Мошин

О взглядах русского ученого в связи с этим вопросом красноречиво свидетельствуют приведенные в статье Р.В. Булатовой слова самого В.А. Мошина в связи с подготовленным им многотомным изданием «Дипломатического корпуса», собрания грамот и документов-памятников истории македонского народа.

«Основная проблема самой возможности существования такого собрания актов государственного значения для истории народа, находившегося на протяжении веков под чужеземной государственной властью, находит свое оправдание в современном понимании исторического процесса человеческих обществ, изучаемого не со средневековой точки зрения владычествующих династий...» Владимир Алексеевич исходит из того, что территория и народ (с его языком) оставались константными, «сохраняя свою исконную историческую самобытность при перменчивости третьего фактора – власти» ([Булатова 1996: 194–195]; цитируются машинописные мемуары В.А. Мошина).

Отстаивание самостоятельности, самобытности языка и нации – то, чему Блаже Конеский посвятил свою жизнь. Единомышленник, коллега дорог ему и как друг, и как ученый, и как человек, так много сделавший для его народа.

3. Третий текст, прозаическая лирическая зарисовка «Тихий Дон», рассказывает о единственной короткой встрече Блаже Конеского весной 1950 года с игуменом Виталием в одном из македонских монастырей.

Очерк открывает читателю еще одну страницу в истории русского зарубежья: судьба церковной эмиграции. Велика роль русского клира, оказавшегося в Македонии после революции 1917 г., в духовной жизни народа. Исследователь истории русского священства и монашества в Македонии игумен Николай (Трайковский) свидетельствует, что во время своих поездок по монастырям он не обнаружил ни одного, где не было бы могил русских иноков. Зачастую это были погребения последних насельников монастыря перед тем, как монашеская жизнь в нем угасла [Трайковски 2011: 9]. По сведениям отца Николая, в македонских обителях в межвоенный период их насчитывалось несколько сотен. Наряду с монахами, изгнанными из родного монастыря у себя на родине, были и те, кто избрал иноческую жизнь уже в Македонии [Трайковский 2012: 13]. В обителях находили кров и самые бедные беженцы из России, нуждавшиеся во временном пристанище. Были среди них и инвалиды-белогвардейцы. Именно таких героев, участников событий на Дону времен Первой мировой и Гражданской войн, встретил во время экспедиции Блаже Конеский.

Эти три портрета вместе представляют разные лики русской эмиграции. Благодаря таланту Блаже Конеского мы видим, какими они были, они возвращаются к нам.

ВСТРЕЧА В РАЮ¹

В конце 1956 года я впервые приехал в Париж, где прожил несколько месяцев, до мая следующего года.

Этот город ошеломил меня, подавил мою волю. Я чувствовал себя растерянно перед этим дивным дивом, которые веками создавал и обустроивал великий народ. Подумалось: может быть, конечная цель любого большого народа – создать великий город с неповторимым обликом, лицом и душой.

И все же мне удалось найти внутреннюю опору. Прибежищем мне стало полутемное помещение Института славяноведения на улице Мишле 9. Вот только меня там встречала мрачная фигура старого библиотекаря, русско-

го эмигранта господина Бутчика. Худой, кожа да кости, лысый, на лице застыла гримаса, как будто он страдает от мучительной боли. Господин Бутчик был далек от тех любезных и приветливых библиотекарей, всегда готовых перекинуться парой слов и даже помочь читателю советом. Нет, он не только не привлекал своих гостей, он скорее их отпугивал. Особенно господин Бутчик был суров к новичкам. Он с головы до ног окидывал вас взглядом, преисполненным подозрения и холодности, от чего пробегали мурашки. Может быть, еще и поэтому в полумрачном зале всегда было немного посетителей.

Но я стойко держался в течение нескольких месяцев и, похоже, успешно прошел карантин. По натуре я очень осмотрителен с недружелюбными людьми, стараюсь не задеть их резким жестом или снисходительной интонацией. Неплохое знание русского языка и литературы помогло мне мало-помалу сблизиться с господином Бутчиком. День ото дня я чувствовал себя все свободнее в его присутствии, но и тогда старался ничем не нарушить крепнущее согласие.

В том, что гармония достигнута, я убедился, когда господин Бутчик сам предложил мне прочесть составленную им библиографию французских переводов русской литературы. Книжка была полна гнева, казалось, желчь сочится с ее страниц. Господин Бутчик по праву негодовал, что французы не только мало переводят с русского, но еще и относятся святотатственно к великим творениям русского духа. В качестве иллюстрации в его работе воспроизводилась облож-

ESSAI SUR LE DESTIN
braires et des éditeurs l'ont feuilletée et la feuilletent toujours avec indifférence.
« Votre catalogue ne nous intéresse pas », disent les libraires.
« Nous avons déjà fait la publicité », déclarent les éditeurs.
Se procurer des renseignements sur les livres parus mais qui ne sont pas encore à la Bibliothèque Nationale est une entreprise ardue, sinon impossible. Je ne parle pas bien entendu de quelques amis éditeurs et traducteurs qui me tiennent au courant de leurs publications. A La Maison du Livre Étranger, librairie russe de Paris, je trouve toujours un accueil amical : un riche étalage m'offre les volumes que j'ai besoin de feuilleter. Ce n'est un devoir bien agréable de remercier tous ceux dont l'empressement facilite ma tâche, de chroniqueur des œuvres littéraires russes traduites en français.
Dix ans ont passé et l'expérience a prouvé l'utilité d'un pareil ouvrage. Il convenait d'en faire une nouvelle édition entièrement remise à jour.
Ce manuel bibliographique sera consacré aux ouvrages publiés en volume et s'en tiendra aux œuvres littéraires, mais pour tout auteur cité, on y trouvera l'illustration complète de celles de ses œuvres traduites, quel qu'en soit le sujet ; tels, par exemple, l'impératrice Catherine, Heron, Léon Tolstoï, Vladimir Soloviev.
Les œuvres publiées en volume sont plus facilement accessibles, la traduction en est en général plus soignée. Ce que les revues et périodiques publient, présente plutôt un intérêt statistique et documentaire dans des revues, sont généralement données en volumes. Parmi les œuvres classiques qui n'ont pas paru en volume, citons cependant : Pouchkine : *Voyage en Espagne*, traduit par M^{me} Pary (Globe hebdomadaire, n° 26, 1916) ; Gogol : *La Soirée du Meurtre*, traduit par Eugène Morcen (La Semaine, nos 28 et 29, 1857) et Lermontov : *Le Bal masqué*.

¹ Тексты даны в переводе автора статьи. Оригинальные тексты этого и следующего произведения Блаже Конески (см. [Конески 2014: 191, 182]) впервые опубликованы в журнале «Разгледы» (1986. № 7–8), позже вошли в цикл «Дневник по многу години» (Дневник, <написанный> по прошествии лет).

ка издания перевода «Анны Карениной», на которой героиня была представлена ни много ни мало как дама из кафешантана. Какое непонимание, какое ужасное опознание! Я понял тогда, как и почему, капля по капле в этом человеке копилась горечь, вытравляя прежнюю веселость, бесследно стирая улыбку с лица.

Когда я возвращал ему книгу, он будто даже с трепетом ожидал моих слов и был очень польщен, когда я сказал, что, по-моему, он преподавал хороший урок французам. «А знаете ли, господин Жорж Дюамель, когда ее прочитал, только одно и произнес? – поделился господин Бутчик. – Он трижды воскликнул: «Je proteste! Je proteste! Je proteste!»

Насколько мы с суровым господином Бутчиком сблизились, я почувствовал, когда настало время уезжать. «Вот так, – сказал он, – встретятся люди, подружатся, и уже пора расставаться». Голос его дрогнул, в светлых глазах стояли слезы.

Двенадцать лет спустя я снова оказался в Париже, на сей раз я должен был прочесть лекцию в том же Институте. Я почти не надеялся, что увижу господина Бутчика, которого я не забыл, но связи с ним не поддерживал. И все же он встретил меня почти у порога. После приветствий и первых же слов он сказал: «Я уже много лет на пенсии и больше сюда не хожу, а уж на лекции и подавно. Я здесь только затем, чтобы повидать вас. Едва ли нам придется еще раз свидеться в этой жизни, и потому хочу сказать вам нечто очень важное. Когда попадете в рай, чтоб не искать меня долго, не тратить времени, помните – я жду вас у входа с правой стороны».

Пишу эти строки, и кажется мне, что господин Бутчик поглядывает на меня сверху из небесного окошка. Хотя это было ему несвойственно, теперь он улыбается и словно говорит: «Место встречи назначено, а время я точно узнаю из ежедневного райского бюллетеня. Я и здесь работаю в библиотеке».

«ТИХИЙ ДОН»

Как-то весной 1950 года мы, двое преподавателей и несколько студентов, отправившись для диалектологических разысканий в район Кратово, заехали в Лесновский монастырь¹ и остались там на ночлег.

Я хорошо помню пробуждение на следующий день. В комнате уже лежал сноп яркого утреннего света. Слух с удивлением различал крики павлинов и звяканье железа по булыжнику. Я выглянул в окно. По двору ходил юродивый Дончо, весь опутанный веригами, волочившимися по земле и издававшими скрежещающие звуки. Он был в крестьянской одежде, лохмотья которой, казалось, поддерживали только цепи. Дончо следовал древней традиции. В монастыре он был единственным из наших мест. Двое других были русскими.

Еще в Злетове² или Пробиштипе мы узнали, что игумен Виталий в России был офицером кавалерии. Накануне мы познакомились с ним и с заведенным им порядком. В годах, поседевший, высокий и прямой, он при ходьбе слегка подволакивал правую ногу – след старого ранения, полученного в боях с красными. Немало русских эмигрантов, подобно ему, нашли прибежище в наших монастырях, доживая здесь свой век. Мне даже доводилось слышать, чему, конечно, верить не стоит, что и страшный Нестор Махно, предводитель анархистских банд на Украине, закончил свои дни, скрываясь под монашеским именем в Черногории.

Виталию прислуживал Павел. Похоже, он еще в России был при нем ординарцем, так он и держался, каждый раз подходя к своему господину с полупоклоном. Павел – человек мирской, носит сапоги и кепку. По установившемуся между ними обычаю,

¹ Монастырь во имя архангелов Михаила и Гавриила в селе Лесново близ г. Пробиштип (восточная Македония).

² Село недалеко от монастыря.

он время от времени подносит командиру стопку ракии и стакан воды, благодаря чему тот постоянно пребывает в приподнятом состоянии духа. Говорит он не монашески-смирненно, а решительно командует. Дончо и Павел – последние остатки его отряда.

Под его управлением, но никак не по его вине, монастырь переживает не лучшие времена. Восточные ворота обвалились, жилые помещения с той стороны начали разрушаться. Даже купол храма порос бурьяном.

В церкви осталось всего несколько книг из тех двадцати кип, которые сто лет назад насчитал в Леснове Йордан Хаджи Константинов-Джинот¹. Впрочем, и они представляют интерес. Меня привлекли монастырская амбарная книга и «Чудеса пресвятой Богородицы» Иоакима Кырчовского².

Я начал переговоры с Виталием, чтобы он уступил их для нашей семинарской библиотеки. Он сначала было немного помялся, но согласился, когда я обещал прислать большую интересную книгу на русском языке.

Весьма кстати у меня дома оказался «Тихий Дон» в одном томе, и сразу по возвращении я послал его Виталию, теперь уже не вспомню, по почте или, скорей всего, с оказией.

К моему удивлению, спустя некоторое время пришла почтовая открытка, написанная по-русски. «Большое спасибо за книгу, – писал Виталий. – Читаю и то смеюсь, то плачу. Все, что там написано, – сущая правда. Ведь я и сам там был!»

Кто знает, подумал я, довелось ли Шолохову услышать такой отзыв от своих читателей, а уж тем более – от своих героев.

Когда через несколько лет я снова оказался в Леснове, Виталия и его спутников уже не было среди живых. Нас встретила ключница. Церковь была отреставрирована, купол покрыт заново, развалины с восточной стороны расчищены. Женщина по секрету сообщила нам, что мастера, выполнявшие работы в церкви, якобы нашли золото, забрали его и были таковы. О монастырях всегда ходят подобные легенды. Не припомню, спросил ли я тогда, где покоится Василий. Должно быть, на сельском кладбище, потому что в монастырском дворе я не видел могилы. Если мне не доведется, пусть кто-нибудь спросит об этом. А если когда-нибудь случайно в Леснове обнаружится том «Тихого Дона», пусть знают, когда и как он попал туда.

ЛИТЕРАТУРА

Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий / Предисл. Е.И. Замятина: В 2 т. Т. 1. Л.: Искусство, 1991. 343 с.

Булатова Р.В. Основатель югославской палеографической науки – В.А. Мошин // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик, 1996. С. 183–199 (inslav.ru/images/stories/pdf/1996_emigracija.pdf).

Живоинович М. Владимир Алексеевич Мошин как историк Афона // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик, 1996. С. 174–181.

Из воспоминаний академика, протоиерея Владимира Мошина // Косик В.И. Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000. С. 205–221 (zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0651.htm).

Конески Б. Проза / Приредила Катица Кулакова. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2014. 364 с. (Целокупни дела на Блаже Конески: критичко издание / Милан Гурчинов; Т. 4): koneski.manu.edu.mk/wp-content/uploads/2021/10/4-tom-KONESKI.pdf

¹ Йордан Хаджиконстантинов-Джинот – просветитель XIX в., деятель национального возрождения.

² Иоаким Кырчовский (ок. 1750 – ок. 1820) – иеромонах, македонский просветитель, проповедник и переводчик.

Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2000. 287 с.

Македонска енциклопедија / [Главен и одговорен редактор Блаже Ристовски]. Т. 2. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2009. С. 812–1671.

Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2007. 576 с.

Русское зарубежье во Франции: 1919–2000: Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010. (Дополнения. 2010. 757 с.; <https://dommuseum.ru/museum/nauka/slovar/slovar/?search=Бутчик&id=200>).

Трајковски Никола, игум. Света Русија: записи од Македонија. Скопје: Темплум, 2011. 168 с.

Трайковский Николай, игум. Русские монахи в Македонии / [Пер. с македон. Елены Верижниковой]. Скопје: Македонска реч, 2012. 77 с.

Boutchik Vladimir. La littérature russe en France. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, [1947] 116 p., 4 leaves of plates.: ill.

Lettres d'Aleksej Remizov à Vladimir Butčik / Publication d'Hélène SINANY-Mac LEOD // Revue des études slaves. 1981. T. 53. Fascicule 2. P. 293–312 (www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1981_num_53_2_5145).

REFERENCES

Annenkov Yu.P. Diary of My Meetings: A Cycle of Tragedies / Foreword by Ye.I. Zamyatin: In 2 vols. Vol. 1. Leningrad. Iskusstvo Publ. 1991. 343 p.

Bulatova R.V. The Founder of the Yugoslav Paleographic Science – V.A. Moshin. In: Russian Emigration in Yugoslavia. Moscow. Indrik Publ. 1996, pp. 183–199 (inslav.ru/images/stories/pdf/1996_emigracija.pdf).

Zhivoinovich M. Vladimir Alekseevich Moshin as a Historian of Athos. In: Russian Emigration in Yugoslavia. Moscow. Indrik Publ. 1996, pp. 174–181.

From the Memoirs of Academician Archpriest Vladimir Moshin. In: Kosik V.I. Russian Church in Yugoslavia (20–40s of the 20th century). Moscow. 2000, pp. 205–221 ([zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0651.htm](http://narod.ru/texts/chss_0651.htm)).

Koneski B. Proze / Ed. by K. Kulavkova. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts Press. 2014. 364 p. (The Complete Works of Blaže Koneski: Critical Edition / Milan Gyurchinov; vol. 4): koneski.manu.edu.mk/wp-content/uploads/2021/10/4-tom-KONESKI.pdf

Kosik V.I. Russian Church in Yugoslavia (20–40s of the 20th century). Moscow. Orthodox St. Tikhon Theological Institute Press. 2000. 287 p.

Macedonian Encyclopedia / [Editor-in-Chief B. Ristovski]. Vol. 2. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts Press. 2009, pp. 812–1671.

Nivière A. (2007) Orthodox Clergymen, Theologians and Church Leaders of the Russian Emigration in Western and Central Europe. 1920–1995: A biographical guide. Moscow. Russky Put Publ.; Paris. YMCA-Press. 576 p.

Russian Diaspora in France: 1919–2000: Biographical Dictionary: In 3 vols. / Under the general editorship: L. Mnukhina, M. Avril, V. Lossky. Moscow. Nauka: House Museum of Marina Tsvetaeva Press. 2008–2010. (Supplement. 2010. 757 p.; <https://dommuseum.ru/museum/nauka/slovar/slovar/?search=Бутчик&id=200>).

Traikovsky Nikola, abbot. (2011) Holy Russia: Records from Macedonia. Skopje. Templum Publ. 2011. 168 p.

Traikovsky Nikola, abbot. (2012) Russian monks in Macedonia / [Transl. from Macedon. by E. Verizhnikova]. Skopje. Makedonska Rech Publ. 77 p.

Boutchik Vladimir. [1947]. La littérature russe en France. Paris. Librairie Ancienne Honoré Champion. 116 p., 4 leaves of plates.: ill.

Lettres d'Aleksej Remizov à Vladimir Butčik / Publication d'Hélène SINANY-Mac LEOD. *Revue des études slaves*. 1981. T. 53. Fascicule 2, pp. 293–312 (https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1981_num_53_2_5145).

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Верижникова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena V. Verizhnikova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
eluska@mail.ru

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

М.В. Михайлова (Москва, Россия)

**Душой дитя, судьбой – палач?
(рецензия на премьерный спектакль «Рассказ о семи»
по повести Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных»)**

Аннотация: Рецензия представляет собой развернутый анализ премьерного спектакля «Рассказ о семи», созданного на основе «Рассказа о семи повешенных» Леонида Андреева режиссером Иваном Комаровым на Другой сцене театра «Современник» в конце 2021 г. Автор рецензии сконцентрировала свое внимание на проблеме «перевода» эпического произведения на язык драмы. Особое внимание уделено «опорным» моментам прозаического текста, которые стали импульсом для режиссера, подвигнув его к образному воплощению слова. Сделано сопоставление композиции андреевской повести с композиционным решением спектакля. Также указано на особый экспрессионизм сценического представления, не совпадающий со стиливой экспрессивностью прозы Андреева, что подтверждает оригинальность и своеобразие подхода режиссера и актеров к поставленной задаче.

Ключевые слова: эпос, драма, инсценировка прозы, Леонид Андреев, «Рассказ о семи повешенных», театр «Современник», Другая сцена, Иван Комаров

M.V. Mikhailova (Moscow, Russia)

**A Child in Soul, an Executioner by Fate?
(review on the premiere performance of “The Story of the Seven”
based on Leonid Andreev’s “The Story of the Seven Who were Hanged”)**

Abstract: The review is a detailed analysis of the premiere performance “The Story of the Seven”, based on the “The Story of the Seven Who were Hanged” by Leonid Andreev directed by Ivan Komarov on the “Other” Stage of the Sovremennik Theater at the end of 2021. The author of the review focused on the problem of “translating” the epic work into the language of drama. Particular attention is paid to the “key” moments of the prose text, which became an impulse for the director, pushing him to the figurative embodiment of the word. A comparison of the composition of Andreev’s story with the compositional solution of the play is made. It also is pointed to a particular expressionism of the stage performance, which does not coincide with the stylistic of Andreev’s expressionism, which shows the freshness and originality of the director’s and actors’ approach.

Key words: epic, drama, staging of prose, Leonid Andreev, “The Story of the Seven Who were Hanged”, Sovremennik Theatre, “Another” Stage, Ivan Komarov

Не помню, о каком спектакле могла бы сказать как о безукоризненном почти во всех отношениях. Но именно так я восприняла спектакль «Рассказ о семи» на Второй сцене театра «Современник» в постановке Ивана Комарова. Я даже опустила свою эмоциональную реакцию (а она была очень сильна – вплоть до готовых выступить слез!), а буду разбирать именно то, что увидела, держа постоянно – как филолог – в голове, что передо мной перевод прозы на язык театра, что источником послужило великолепное произведение Леонида Андреева, что мне надо искать несовпадения и пр. Я прекрасно помнила, что такой перевод почти всегда сопряжен с потерями смысла, важных деталей, авторской интенции...

Но в этом случае, мне кажется, как раз не было потерь, а было наращивание на плоть повествования дополнительных смыслов, даже, не побоюсь этого сказать, расширение горизонта художественных размышлений Леонида Андреева (хотя для меня он уникальный автор начала XX в., посмевавшийся прикоснуться к самому болезненному – переживанию плотью ее смертности и ужаса перед насильственным прекращением жизненных токов...).

Удалось это с помощью сопряжения различных проекций, что придает разыгрываемому перед тобою действию полифоническое звучание. Появление фотографий реальных террористов, ставших прототипами андреевских героев, на верхнем пространстве задника сцены позволяет узнать, как они выглядели на самом деле. Но важнее то, что портреты не являются «немыми» свидетелями. Фотографии «оживают»: лица то затушевываются резкими штрихами, словно бы это делает детская рука, рисуя какую-то каляку-маляку, криво, косо, кое-как (и это намекает на то, что дети являются в какой-то степени судьями этих людей, они не хотят их видеть и знать), то временами сквозь эти фотографии проступает скелет человека. И мы понимаем, что перед нами люди, чья жизнь прервалась насильственно. Они уже трупы, скелеты... Но взгляд на эти фотографии ты бросаешь время от времени, внимание же твое приковано к стеклянному кубу, в котором бьются, ударяются о стекло молодые тела приговоренных.

Кто же они? Это андреевские персонажи: эстонец Янсен, Цыганок, Сергей Головин, Муся, Вернер, Таня Ковальчук, Василий Каширин. Конечно, Андреева волновало в первую очередь соприкосновение с мыслью о смерти людей разных типов: простодушных, психически неуравновешенных, стойких, фанатичных. Андреев демонстрирует в этом рассказе психологический анализ высшей пробы. И это в какой-то момент даже немного утомляет и кажется каким-то повтором, толчением воды в ступе (при всем восхищении изощренностью анализа!), но это и должно в конце концов вызвать протест, возмущение запрограммируемой жестокостью власти. Иными словами, эта цель достигается экспрессионистской концентрацией одной мысли, одной идеи, повторяемой настойчиво и на все лады.

А вот театр преодолевает это будто бы однообразие, с указания на которое и начинается спектакль. Театр ввел Автора-фиксатора, который доводит до сведения зрителя сперва ощущение монотонности, которое возникло при чтении, а потом начинает излагать факты о террористических актах, о количестве жертв и т. п. О роли Клавдии Коршуновой надо бы написать отдельное эссе, – о том, как она из «внешнего» соглядатая происходящего превращается в не просто сопричастного мукам людским человека, но становится страдающей душой каждого из них. Таков диапазон роли. А потому сухость скороговорки поначалу меняется на влажность слов, произносимых как бы навзрыд в конце. И еще у нее важная функция: она покрывает разными записями стеклянные стороны куба, являющегося анало-

гом одиночки-тюрьмы. Сначала идут цифры: убитых, покалеченных, потом беспорядочные слова, в чем-то повторяющие произносимое теми, кто заперт внутри этой стекляшки. Вполне вероятно, что к такому решению режиссера подтолкнула исключенная из окончательного текста самим Андреевым глава, которую он назвал «Я говорю из гроба». Она воспроизводит письмо-протест Вернера против смертной казни, написанный буквально накануне. Но Андреев предварил этот текст характеристикой манеры самого изложения. Вот она: «По-видимому, писавший очень торопился и был взволнован: разгонистый, смелый почерк, в отдельных словах и буквах хранивший еще твердость начертания, часто ломался, становился крайне неразборчивым, и точно падали в одну сторону набегающие буквы. Некоторые слова не были дописаны; другие были выписаны крупно и четко и подчеркнуты резко; довольно большой кусок письма, ближе к концу, оказалось невозможным понять – подчеркивания, вставки, неоконченные слова представляли собою грязный чернильный хаос, лишенный смысла»¹.

Поэтому если вначале мы четко видим фигуры этих то бьющихся в истерику, то сходящих с ума людей, то потом стекло перестает быть прозрачным, оно покрыто беспорядочными надписями, слова которых неразличимы, словно крики, слившиеся в людской вой. И это означает, что мы все равно никогда не поймем, не проникнем в душу человека, который должен завтра встретить свою смерть. Поистине «темна вода во облацех». Никогда не понять до конца чувства человека, чья жизнь должна прерваться по решению не Высшей силы, не Судьбы, а такого же человека, как он... И это подано театром метафорически...

Вообще метафор в спектакле много: это и кадры набегающих на бескрайний песчаный берег волн в завершении (что мною прочитано, как все поглощающее время – и в то же время вечность, которая намывает и намывает песок забвения), и то, что герои расходятся в разные стороны, в то время как у Андреева они вместе идут на казнь – и важно, что Цыганок, вор, рядом с революционеркой Мусей, что они подбадривают и поддерживают друг друга. Режиссер же явно подчеркнул одиночество этих людей, от которого не спасает ни материнская забота о товарищах Тани Ковальчук, ни проснувшаяся в Вернере христианская любовь ко всему человечеству... Важно даже, что, в отличие от Андреева, проводы на казнь даны скороговоркой, а у Андреева этому посвящены две последние длинные главы: «Их везут» и «Их привезли». У Комарова никто никого никуда не везет: общность, подчеркнутая безумным танцем в видении матери Каширина и маниакально ритмическим движением в духе у-шу или ци-гуна, распадается мгновенно. Символично и то, что женщины исполняют мужские роли (Елена Козина играет Цыганка, а Таня Ковальчук – Пелин Гериш – перевоплощается в убиваемого Министра). И это совсем «по-андреевски» говорит о том, что перед смертью стираются все различия, все становятся равны, бесполы и одиноки. Это наглядное воплощение его слов: «Мне не важно, кто “он” – герой моих рассказов: поп, чиновник, добряк или скотина. Мне важно только одно – что он человек и как таковой несет одни и те же тяготы жизни»². Это и есть главный посыл спектакля...

Но сами актеры (играют преотлично все) демонстрируют как раз различие (эта разработка идет от психологизма, продиктованного психофизиологией, как это трактуется Андреевым в рассказе). Совершенно невероятен Игорь Царегородцев

¹ Андреев Л.Н. Я говорю из гроба (глава из черновой редакции «Рассказа о семи повешенных») // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т.3: Рассказы. Пьесы. 1908–1910. М., 1994. С. 613.

² Чуковский К.И. Леонид Андреев // Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. Т.5: Современники; Приложение / Сост., коммент. Е. Чуковской. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. С. 120.

(Янсен). Он так преподносит неразвитое сознание почти первобытного человека, что поневоле начинаешь понимать, что такого нельзя казнить. Ибо он не аморален, а имморален. Он как те животные, как та природа, в которых нет границы между добром и злом, нет греха и вины. И то, что он коряво, с акцентом, говорит по-русски, тоже отделяет его от нас, говорящих правильно и могущих рассуждать о преступлениях и пр. Фанатичная идейная Муся – Анна Андреева – вообще не от мира сего. Она уже там, в каком-то идеальном мире, где тоже невозможно судить за убийство, ибо такого понятия просто нет... Там все правы, и террористы в том числе. Сдержанность и отрешенность Вернера контрастируют с тою ласковостью, которая меняет лицо Евгения Павлова в финале. Намек на это уже содержится в тех слезах, которые выступают у него, когда он исполняет роль отца Сергея Головина, сначала достаточно сурового, а потом растерянного и беспомощного.

Постепенно осознание происходящего и подступающего будущего раскрываются в жестах, поведении, тембре голоса Сергея Головина (Михаил Шамков) и Василия (Анатолий Кормановский). Сцены их встреч с родителями просто страшны. И не по тому, что оттолкнуло в этих описаниях Льва Толстого, высказавшегося с беспощадной прямоотой: «Такие темы, как свидание приговоренного с матерью, <...> прямо набор слов, самый смелый, бессовестный»¹. Их реализация в спектакле как раз опровергает мнение Толстого, рисуя ту пропасть, которая отделяет уже шагнувших в смерть от тех, кто остается здесь, тот абсолютный разрыв между теми, кто смирился, принял правила, и теми, кто эти правила отверг. А кровь, красным цветом врывающаяся в аскетично-серо-черно-белое пространство, становится границей, разделяющей их...

Достоинством работы и художника-постановщика в том числе (а им является все тот же Иван Комаров) является как раз то, что нет перебора с красным цветом, который несет экспрессию, но начинает «работать» именно «точечно»: красная рубаха Цыганка, кровь на стенах куба, кровавые пятна на лицах... Тот же Иван Комаров отлично поработал и над костюмами. Брюки некоторых персонажей чем-то напоминают широкие штанины китайских нарядов, что, по-моему, не случайно, поскольку дополняют движения, в чем-то схожие в массовых сценах с движениями китайских гимнастических практик, замедленных и однообразных. И тут мы угадываем опять-таки ту общность всех людей на земле, которая постоянно занимала Андреева. Поверх всех барьеров и пространств всем ведома тоска неизбежной смерти. И все начинают действовать как роботы, только корчась и извиваясь чуть особо.

Все мною разложенное «по полочкам» в самом спектакле сведено воедино. Действие дополняется комментариям-фразами из рассказа, произносимыми Клавдией Коршуновой, которые расширяют пространство (укажем хотя бы на рассказ о судьбе матери Каширина: ее буквально переворачивает свидание с сыном, и она переносится в фантазмагорическую явь его свадьбы, которой никогда не быть). И это месиво страстей, печалей, выкриков, слез, оцепенений и делает спектакль невероятно экспрессивным. То есть найден визуальный аналог повествования. Из рассказа Андреева «вытянута», извлечена экспрессия, которая в нем растворена и даже переведена в план переживаний, расшифрована и объяснена. Здесь же она стала нитью, скрепившей все части, все монологи, все сцены, стянувшей в клубок мелькающие фото, разрозненные запертые в стеклянном вакууме фигуры и нестерпимую даль бесконечности, которая открывается им со смертью. Это спектакль и об освобождении: герои выходят из своей земной оболочки и уходят

¹ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 227.

в неизвестность. Нет трупов, появляющихся в последних строках рассказа Андреева, а есть воздух, простор и свобода... И хорошо, что это не солнце, восходящее в завершающей фразе андреевского рассказа, слегка отдающей банальностью, а именно беспредельность, распаханность и отдохновение.

Однако критик не может обойтись без придинок. Начало спектакля с сидящей в шубе Министра Пелин Гериш (которая потом станет Таней Ковальчук) с приклеенными усами показалось расхолаживающим, не зацепило. Да, надо было провести параллель между его ожиданием смерти (что напомнило и об андреевском «Губернаторе») и предсмертными чаяниями приговоренных. Но напряжения не возникло. Даже не сразу стало понятно, о чем, собственно, речь... Хорошо, что длилось недолго. И скучнейшая программка... Вот бы рассыпать по ее серой арестантской поверхности цитаты из предсмертных писем террористов. Хотя бы той же Анны Распутиной, оставившей двух дочерей и ушедшей в революцию, а перед казнью написавшей им прощальные слова... А смотревший со мной спектакль историк остался недоволен неточностью приводимых данных о жертвах покушения на Столыпина и тем, что цитируется «Катехизис революционера» Сергея Нечаева, не имевший никакого влияния на террористов начала XX в. Мне же показалось, что «катехизис...» понадобился режиссеру, чтобы указать на идейность и дисциплину, которые обязательны для революционера любой эпохи. На самом же деле театру удалось исследовать (а подзаголовок спектакля так и гласит: «исследование»), помимо прочего, и феномен молодости. Безрассудной, безоглядной, горячий, бескомпромиссной и очень-очень уязвимой, хрупкой и беззащитной.

Значит, молодых надо беречь... Этот урок я вынесла из спектакля тоже...

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Л.Н. Я говорю из гроба (глава из черновой редакции «Рассказа о семи повешенных») // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3: Рассказы. Пьесы. 1908–1910. М., 1994. С. 613–616.

Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. 464 с.

Чуковский К.И. Леонид Андреев // Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 5: Современники; Приложение / Сост., коммент. Е. Чуковской. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. С. 108–132.

REFERENCES

Andreev L.N. I Speak From the Grave (chapter from the draft version of “The Story of the Seven Who were Hanged”). In: Andreev L.N. Collected Works: In 6 vols. Vol. 3: Stories. Plays. 1908–1910. Moscow. 1994, pp. 613–616.

Chukovsky K.I. Leonid Andreev. In: Chukovsky K.I. Collected Works: In 15 vols. Vol. 5: Contemporaries; Addition / Compil., comment. by E. Chukovskaya. 2nd ed., electronic, corrected. Moscow. FTM Agency, Ltd. 2012, pp. 108–132.

Gusev N.N. Two Years with L.N. Tolstoy. Moscow. 1973. 464 p.

Сведения об авторе:

Мария Викторовна Михайлова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhailova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mary1701@mail.ru

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2022-51-1-1-240

STEPHANOS
2022
№ 1 (51)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2022
Январь — January